ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Доклад Комитета против пыток

Тридцать первая сессия
(10-21 ноября 2003 года)
Тридцать вторая сессия
(3-21 мая 2004 года)

Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты
Пятьдесят девятая сессия
Дополнение № 44 (A/59/44)

Генеральная Ассамблея
Официальные отчеты
Пятьдесят девятая сессия
Дополнение № 44 (A/59/44)

Доклад Комитета против пыток

Тридцать первая сессия
(10-21 ноября 2003 года)
Тридцать вторая сессия
(3-21 мая 2004 года)

Организация Объединенных Наций • Нью-Йорк, 2004 год

ПРИМЕЧАНИЕ

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв в сочетании с цифрами. Указание такого условного обозначения означает ссылку на документ Организации Объединенных Наций.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава		*Пункты*	*Стр.*
I.	ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ	1 - 18	1
	A. Государства – участники Конвенции	1 - 3	1
	B. Сессии Комитета	4	1
	C. Выборы, членский состав и участники сессий	5	1
	D. Торжественное заявление вновь избранных членов .	6	2
	E. Выборы должностных лиц	7	2
	F. Повестки дня	8 - 9	2
	G. Предсессионная рабочая группа	10 - 11	3
	H. Перечни вопросов	12 - 14	4
	I. Тематические докладчики	15	5
	J. Участие членов Комитета в работе других совещаний	16	5
	K. Совместное заявление по случаю Международного дня Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток	17 - 18	5
II.	ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ	19 - 22	8
III.	РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ.....	23 - 28	14
	Болгария	29 - 37	15
	Камерун	38 - 51	20
	Чили	52 - 60	27
	Колумбия	61 - 70	34
	Хорватия	71 - 82	40
	Чешская Республика	83 - 88	46
	Германия	89 - 95	50
	Латвия	96 - 105	55
	Литва	106 - 114	59
	Монако	115 - 122	64
	Марокко	123 - 130	67
	Новая Зеландия	131 - 140	72
	Йемен	141 - 150	76

GE.04-42980 (R) 290904 081004

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Глава		*Пункты*	*Стр.*
IV.	ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 20 КОНВЕНЦИИ	151 - 241	81
	A. Общая информация	151 - 155	81
	B. Краткий отчет о результатах расследования, касающегося Сербии и Черногории	156 - 240	82
V.	РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 22 КОНВЕНЦИИ	241 - 272	110
	A. Общая информация	241 - 247	110
	B. Временные меры защиты	248 - 251	111
	C. Ход выполнения работы	252 - 263	113
	D. Последующие меры	264 - 272	116
VI.	БУДУЩИЕ СОВЕЩАНИЯ КОМИТЕТА	273	119
VII.	УТВЕРЖДЕНИЕ ГОДОВОГО ДОКЛАДА КОМИТЕТА О ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	274	120

Приложения

I.	Государства, которые подписали, ратифицировали Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания или присоединились к ней, по состоянию на 21 мая 2004 года	121
II.	Государства-участники, которые при ратификации или присоединении заявили, что они не признают компетенцию Комитета, предусмотренную статьей 20 Конвенции, по состоянию на 21 мая 2004 года	126
III.	Государства-участники, которые сделали заявления, предусмотренные статьями 21 и 22 Конвенции, по состоянию на 21 мая 2004 года	127
IV.	Членский состав Комитета против пыток в 2004 году	130

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

Стр.

V. Докладчики и заместители докладчиков по странам по докладам государств-участников, рассмотренных Комитетом на его тридцать первой и тридцать второй сессиях 131

VI. Методы работы Комитета при рассмотрении докладов в соответствии со статьей 19 Конвенции 132

VII. Решения Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции 138

A. Решения по существу

Сообщение № 135/1999: *С.Г. против Нидерландов* 138
Сообщение № 148/1999: *А.Х. против Австралии* 149
Сообщение № 153/2000: *З.Т. против Австралии* 161
Сообщение № 182/2001: *А.И. против Швейцарии* 170
Сообщение № 183/2001: *Б.С.Ш. против Канады* 178
Сообщение № 186/2001: *К.К. против Швейцарии* 196
Сообщение № 187/2001: *Дау Бельгасем Тхабти против Туниса* 206
Сообщение № 188/2001: *Имед Абделли против Туниса* 231
Сообщение № 189/2001: *Буабдалла ЛТАИЕФ против Туниса* 258
Сообщение № 196/2002: *М.А.М. против Швеции* 284
Сообщение № 199/2002: *Ханан Ахмед Фуад Абд эль-Халек Аттиа против Швеции* 293
Сообщение № 203/2002: *А.Р. против Нидерландов* 312
Сообщение № 209/2002: *М.О. против Дании* 321
Сообщение № 210/2002: *В.Р. против Дании* 329
Сообщение № 213/2002: *Э.Х.В.М. против Швеции* 338
Сообщение № 214/2002: *М.А.К. против Германии* 348
Сообщение № 215/2002: *Х.А.Г.В. против Швеции* 365
Сообщение № 228/2003: *Т.М. против Швеции* 373

B. Решения о неприемлемости

Сообщение № 202/2002: *Хелле Йенсен против Дании* 385
Сообщение № 225/2003: *Р.С. против Дании* 400
Сообщение № 229/2003: *Х.С.В. против Швеции* 405
Сообщение № 236/2003: *А.Т.А. против Швейцарии* 411
Сообщение № 243/2004: *С.А. против Швеции* 413

I. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И ДРУГИЕ ВОПРОСЫ

A. Государства - участники Конвенции

1. По состоянию на 21 мая 2004 года, дату закрытия тридцать второй сессии Комитета против пыток, участниками Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания являлись 136 государств. Конвенция была принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года и вступила в силу 26 июня 1987 года.

2. С момента представления последнего доклада участниками Конвенции стали Конго, Мальдивские Острова и Свазиленд. Помимо этого, Босния и Герцеговина, Украина и Чили сделали заявление, предусмотренное в статьях 21 и 22, а Бурунди и Гватемала сделали заявление по статье 22. Украина сняла свою оговорку к статье 20 Конвенции. Перечень государств, которые подписали, ратифицировали Конвенцию или присоединились к ней, содержится в приложении I к настоящему докладу. В приложении II перечислены государства-участники, которые заявили о том, что они не признают компетенцию Комитета, предусмотренную статьей 20 Конвенции. В приложении III перечислены государства-участники, которые сделали заявления, предусмотренные в статьях 21 и 22 Конвенции.

3. Текст заявлений, оговорок или возражений, сделанных государствами-участниками в отношении Конвенции, имеется на вебсайте Организации Объединенных Наций (www.un.org - Site index - treaties).

B. Сессии Комитета

4. С момента утверждения своего последнего годового доклада Комитет против пыток провел две сессии. Тридцать первая сессия (574–591-е заседания) состоялась в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве 10–21 ноября 2003 года, а тридцать вторая сессия (592–619-е заседания) состоялась 3 апреля – 21 мая 2004 года. Отчет об обсуждениях, проведенных в Комитете в ходе этих двух сессий, содержится в соответствующих кратких отчетах (CAT/C/SR.574–619).

C. Выборы, членский состав и участники сессий

5. В соответствии со статьей 17 Конвенции 26 ноября 2003 года в Отделении Организации Объединенных Наций в Женеве состоялось девятое совещание государств - участников Конвенции. На четырехлетний срок, начинающийся с 1 января 2004 года, были избраны или переизбраны следующие пять членов Комитета: г-н Гибриль Камара (Сенегал), г-жа Фелис Гаер (Соединенные Штаты Америки), г-н Клаудио Гроссман

(Чили), г-н Андреас Мавромматис (Кипр) и г-н Хулио Прадо Вальехо (Эквадор). Список членов Комитета с указанием сроков их полномочий приводится в приложении IV к настоящему докладу.

D. Торжественное заявление вновь избранных членов

6. На 574-м заседании 10 ноября 2003 года г-н Клаудио Гроссман, сменивший в Комитете г-на Алехандро Гонсалеса Поблете, приступив к исполнению своих обязанностей, сделал торжественное заявление в соответствии с правилом 14 правил процедуры. На 592-м заседании 3 мая 2004 года вновь избранный член Комитета г-н Прадо Вальехо также сделал торжественное заявление.

E. Выборы должностных лиц

7. На своем 592-м заседании 3 мая 2004 года Комитет в соответствии с пунктом 1 статьи 18 Конвенции и правилами 15 и 16 правил процедуры избрал на двухгодичный срок следующих должностных лиц:

Председатель:	г-н Фернандо Мариньо
Заместители Председателя:	г-жа Фелис Гаер
	г-н Клаудио Гроссман
	г-н Юй Мэнцзя
Докладчик:	г-н Сайед Эль-Масри

F. Повестки дня

8. На своем 574-м заседании 10 ноября 2003 года Комитет утвердил в качестве повестки дня своей тридцать первой сессии следующие пункты, которые фигурировали в предварительной повестке дня, представленной Генеральным секретарем (CAT/C/76):

1. Открытие сессии представителем Генерального секретаря.

2. Торжественное заявление вновь избранного члена Комитета.

3. Выборы заместителя Председателя Комитета.

4. Утверждение повестки дня.

5. Организационные и другие вопросы.

6. Представление докладов государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции.

7. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции.

8. Рассмотрение информации, полученной в соответствии со статьей 20 Конвенции.

9. Рассмотрение сообщений в соответствии со статьей 22 Конвенции.

9. На своем 592-м заседании 3 мая 2004 года Комитет утвердил в качестве повестки дня своей тридцать второй сессии следующие пункты, которые фигурировали в предварительной повестке дня, представленной Генеральным секретарем (CAT/C/82):

1. Открытие сессии представителем Генерального секретаря.

2. Торжественное заявление вновь избранного члена Комитета.

3. Выборы должностных лиц Комитета.

4. Утверждение повестки дня.

5. Организационные и другие вопросы.

6. Представление докладов государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции.

7. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции.

8. Рассмотрение информации, полученной в соответствии со статьей 20 Конвенции.

9. Рассмотрение сообщений в соответствии со статьей 22 Конвенции.

10. Годовой доклад Комитета о своей работе.

G. Предсессионная рабочая группа

10. В отчетный период в состав рабочей группы входили г-н Эль-Масри, г-н Мариньо, г-н Яковлев и г-н Юй. Группа заседала с 3 по 7 ноября 2003 года перед началом тридцать

первой сессии и с 26 по 30 апреля 2004 года перед началом тридцать второй сессии. Ее повестка дня включала рассмотрение сообщений в соответствии со статьей 22 Конвенции и перечня вопросов, которые было намечено направить тем государствам-участникам, чьи доклады предстояло рассмотреть на обеих сессиях. Группа рассмотрела доведенную до ее сведения информацию и представила свои рекомендации Комитету.

11. На своей тридцать второй сессии Комитет постановил, что в будущем перечни вопросов будут утверждаться Комитетом на основе проекта, представляемого соответствующими докладчиками по странам, и что предсессионная рабочая группа будет заниматься исключительно сообщениями, предусмотренными в статье 22.

H. Перечни вопросов

12. Рабочая группа, которая провела заседания до тридцать первой и тридцать второй сессий, направила Комитету проект перечней вопросов, подлежащих препровождению государствам, периодические доклады которых будут рассматриваться на тридцать второй и тридцать третьей сессиях, а именно Болгарии, Германии, Монако, Новой Зеландии, Хорватии, Чешской Республики и Чили (тридцать вторая сессия) и Аргентине, Греции и Канаде (тридцать третья сессия)[1]. Комитет одобрил эти перечни, которые были впоследствии препровождены соответствующим государствам. На тридцать второй сессии Комитет также постановил направить перечень вопросов Того, положение в котором в отсутствие доклада намечено рассмотреть на тридцать третьей сессии в ноябре 2004 года. Первоначальный доклад Того должен был быть представлен в 1988 году. После принятия на своей тридцать второй сессии решения запланировать рассмотрение четвертого периодического доклада Соединенного Королевства на тридцать третьей сессии Комитет просил докладчиков по стране подготовить перечень вопросов по окончании сессии и направить их соответствующему государству-участнику.

13. С учетом включения перечня вопросов в методы работы Комитет на своей тридцать второй сессии постановил, что диалог с делегациями государств-участников должен строиться следующим образом:

a) диалог начинается с вступительного заявления делегации, в котором она: i) сообщает о новых событиях, которые произошли в стране со времени представления доклада; и ii) отвечает на перечень вопросов. Продолжительность вступительного заявления не должна превышать 90 минут. Хотя этого и не требуется, делегация по своему усмотрению может представить ответы в письменном виде, и в этом случае она должна направить их секретариату за две недели до начала диалога с Комитетом;

b) после завершения вступительной части докладчик, содокладчик и другие члены Комитета выступают со своими замечаниями и задают дополнительные вопросы;

c) на следующий день делегация дает ответы на новые вопросы и/или представляет дополнительную информацию по первоначальному перечню вопросов. Члены Комитета могут задавать другие вопросы и делать заключительные замечания.

14. С учетом значительного увеличения объема информации, представляемой государствами-участниками как в устном, так и письменном виде, Комитет после утверждения, по их просьбе, перечней вопросов на своей тридцать второй сессии просил предоставить ему дополнительные ресурсы в виде секретариатского персонала, переводческого обслуживания и выделения дополнительного времени для проведения заседаний.

I. Тематические докладчики

15. Комитет назначил несколько своих членов в качестве докладчиков по конкретным темам основного или процедурного характера. К числу этих тем относятся:

Последующие меры в связи со статьей 19: г-жа Гаер (заместитель: г-н Эль-Масри)

Последующие меры в связи со статьей 22: г-н Эль-Масри (заместитель: г-жа Гаер)

Последующие меры в связи со статьей 20: г-н Расмуссен

Просроченные доклады: г-н Мариньо, г-н Расмуссен

Новые жалобы и временные меры: г-н Мавромматис

Гендерные вопросы: г-жа Гаер

Вопросы, касающиеся детей: г-н Расмуссен

J. Участие членов Комитета в работе других совещаний

16. За отчетный период г-н Питер Бёрнс принял участие в работе 15-го совещания председателей договорных органов по правам человека, состоявшегося 23-27 июня 2003 года. Г-н Бёрнс и г-н Расмуссен приняли участие в работе второго межкомитетского совещания договорных органов по правам человека, состоявшегося 18-20 июня 2003 года.

K. Совместное заявление по случаю Международного дня Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток

17. Было принято следующее совместное заявление, приуроченное к 26 июня 2004 года, Международному дню в поддержку жертв пыток:

"Комитет против пыток Организации Объединенных Наций, Специальный докладчик Комиссии по правам человека по вопросу о пытках, Председатель двадцать второй сессии Совета попечителей Фонда добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток и Исполняющий обязанности Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека выступают со следующим заявлением по случаю Международного дня Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток.

Мы хотели бы воспользоваться этой возможностью, чтобы выразить нашу серьезную обеспокоенность в связи с постоянными сообщениями о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания, происходящих во многих частях земного шара.

Пытки полностью запрещены нормами международного права в области прав человека и международным гуманитарным правом. Не допускающий отступлений характер этого запрета отражен в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также в ряде других документов. Государства должны принимать эффективные законодательные, административные, судебные или другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией, и никакие исключительные обстоятельства, какими бы они ни были, будь то состояние войны или угроза войны, внутренняя политическая нестабильность или любое другое чрезвычайное положение, не могут служить оправданием пыток.

В соответствии с международным правом государства также обязаны расследовать случаи пыток, когда бы они ни происходили, преследовать виновных в уголовном порядке и назначать жертвам компенсацию и средства реабилитации. Слишком часто государственные власти проявляют недобросовестность при выполнении ими своих обязанностей в этом отношении, допуская и далее безнаказанное применение пыток.

В этот Международный день в поддержку жертв пыток мы воздаем должное всем правительствам, организациям гражданского общества и отдельным лицам, занимающимся деятельностью, направленной на предупреждение пыток, наказание за них и обеспечение того, чтобы все жертвы получали возмещение и имели подкрепляемое правовой санкцией право на справедливую и адекватную компенсацию, включая средства для возможно более полной реабилитации. Мы также выражаем признательность всем донорам Фонда добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток и надеемся, что взносы в этот Фонд будут по-прежнему увеличиваться, с тем чтобы больше жертв пыток и членов их семей могли получить помощь, в которой они нуждаются".

Примечание

[1] С перечнями вопросов можно ознакомиться на вебсайте Управления Верховного комиссара по правам человека по адресу www.unhchr.org.

II. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ

18. В период, охватываемый настоящим докладом, Генеральному секретарю было представлено 12 докладов. Первоначальные доклады были представлены Албанией (CAT/C/28/Add.6), Бахрейном (CAT/C/47/Add.4) и Угандой (CAT/C/5/Add.32). Вторые периодические доклады представили Шри-Ланка (CAT/C/48/Add.2) и Непал (CAT/C/33/Add.6). Третьи периодические доклады были получены от Эквадора (CAT/C/39/Add.6), Австрии (CAT/C/34/Add.18), Франции (CAT/C/34/Add.19) и Грузии (CAT/C/66/Add.1). Четвертые периодические доклады были представлены Соединенным Королевством (CAT/C/67/Add.2), Италией (CAT/C/67/Add.3) и Гватемалой (CAT/C/74/Add.1).

19. Положение с просроченными докладами (в общей сложности 176) по состоянию на 21 мая 2004 года является следующим:

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Первоначальные доклады	
Того	17 декабря 1988 года
Гайана	17 июня 1989 года
Гвинея	8 ноября 1990 года
Сомали	22 февраля 1991 года
Босния и Герцеговина	5 марта 1993 года
Сейшельские Острова	3 июня 1993 года
Кабо-Верде	3 июля 1993 года
Бурунди	19 марта 1994 года
Антигуа и Барбуда	17 августа 1994 года
Эфиопия	12 апреля 1995 года
Чад	7 июля 1996 года
Таджикистан	9 февраля 1996 года
Кот-д'Ивуар	16 января 1997 года
Демократическая Республика Конго	16 апреля 1997 года
Малави	10 июля 1997 года
Гондурас	3 января 1998 года
Кения	22 марта 1998 года
Бангладеш	3 ноября 1999 года
Нигер	3 ноября 1999 года

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Южная Африка	8 января 2000 года
Буркина-Фасо	2 февраля 2000 года
Мали	27 марта 2000 года
Туркменистан	25 июля 2000 года
Япония	29 июля 2000 года
Мозамбик	14 октября 2000 года
Катар	9 февраля 2001 года
Гана	6 октября 2001 года
Ботсвана	7 октября 2001 года
Габон	7 октября 2001 года
Ливан	3 ноября 2001 года
Сьерра-Леоне	24 мая 2002 года
Нигерия	27 июля 2002 года
Сент-Винсент и Гренадины	30 августа 2002 года
Лесото	11 декабря 2002 года
Монголия	22 февраля 2003 года
Ирландия	10 мая 2003 года
Святейший Престол	25 июля 2003 года
Экваториальная Гвинея	6 ноября 2003 года
Тимор-Лешти	15 мая 2004 года

Вторые периодические доклады

Афганистан	25 июня 1992 года
Белиз	25 июня 1992 года
Филиппины	25 июня 1992 года
Уганда	25 июня 1992 года
Того	17 декабря 1992 года
Гайана	17 июня 1993 года
Бразилия	27 октября 1994 года
Гвинея	8 ноября 1994 года
Сомали	22 февраля 1995 года
Румыния	16 января 1996 года
Сербия и Черногория	9 октября 1996 года
Йемен	4 декабря 1996 года
Иордания	12 декабря 1996 года
Босния и Герцеговина	5 марта 1997 года
Бенин	10 апреля 1997 года

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Латвия	13 мая 1997 года
Сейшельские Острова	3 июня 1997 года
Кабо-Верде	3 июля 1997 года
Камбоджа	13 ноября 1997 года
Бурунди	19 марта 1998 года
Словакия	27 мая 1998 года
Антигуа и Барбуда	17 августа 1998 года
Коста-Рика	10 декабря 1998 года
Эфиопия	12 апреля 1999 года
Албания	9 июня 1999 года
Соединенные Штаты Америки	19 ноября 1999 года[a]
Бывшая югославская Республика Македония	11 декабря 1999 года
Намибия	27 декабря 1999 года
Республика Корея	7 февраля 2000 года
Таджикистан	9 февраля 2000 года
Куба	15 июня 2000 года
Чад	8 июля 2000 года
Республика Молдова	27 декабря 2000 года
Кот-д'Ивуар	16 января 2001 года
Демократическая Республика Конго	16 апреля 2001 года
Сальвадор	16 июля 2001 года
Литва	1 марта 2001 года
Кувейт	6 апреля 2001 года
Малави	10 июля 2001 года
Гондурас	3 января 2002 года
Кения	22 марта 2002 года
Кыргызстан	4 сентября 2002 года
Саудовская Аравия	21 октября 2002 года
Бахрейн	4 апреля 2003 года
Казахстан	24 сентября 2003 года
Бангладеш	3 ноября 2003 года
Нигер	3 ноября 2003 года
Замбия	5 ноября 2003 года
Индонезия	26 ноября 2003 года
Южная Африка	8 января 2003 года
Буркина-Фасо	2 февраля 2004 года

[a] По просьбе Комитета подлежал представлению к 19 ноября 2001 года.

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Мали	27 марта 2004 года
Боливия	11 мая 2004 года

Третьи периодические доклады

Афганистан	25 июня 1996 года
Белиз	25 июня 1996 года
Филиппины	25 июня 1996 года
Сенегал	25 июня 1996 года
Уганда	25 июня 1996 года
Уругвай	25 июня 1996 года
Того	17 декабря 1996 года
Гайана	17 июня 1997 года
Турция	31 августа 1997 года
Тунис	22 октября 1997 года[b]
Алжир	11 октября 1998 года
Бразилия	27 октября 1998 года
Гвинея	8 ноября 1998 года
Сомали	22 февраля 1999 года
Мальта	12 октября 1999 года
Лихтенштейн	1 декабря 1999 года
Румыния	16 января 2000 года
Непал	12 июня 2000 года
Сербия и Черногория	9 октября 2000 года
Йемен	4 декабря 2000 года
Иордания	12 декабря 2000 года
Монако	4 января 2001 года
Босния и Герцеговина	5 марта 2001 года
Бенин	10 апреля 2001 года
Латвия	13 мая 2001 года
Сейшельские Острова	3 июня 2001 года
Кабо-Верде	3 июля 2001 года
Камбоджа	13 ноября 2001 года
Маврикий	7 января 2002 года
Бурунди	19 марта 2002 года

[b] По просьбе Комитета подлежал представлению к 30 ноября 1999 года

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Словакия	27 мая 2002 года
Словения	14 августа 2002 года
Антигуа и Барбуда	17 августа 2002 года
Армения	12 октября 2002 года
Коста-Рика	10 декабря 2002 года
Шри-Ланка	1 февраля 2003 года
Эфиопия	12 апреля 2003 года
Албания	9 июня 2003 года
Соединенные Штаты Америки	19 ноября 2003 года
Бывшая югославская Республика Македония	11 декабря 2003 года
Намибия	27 декабря 2003 года
Республика Корея	7 февраля 2004 года
Таджикистан	9 февраля 2004 года

Четвертые периодические доклады

Афганистан	25 июня 2000 года
Беларусь	25 июня 2000 года
Белиз	25 июня 2000 года
Болгария	25 июня 2000 года
Камерун	25 июня 2000 года
Франция	25 июня 2000 года
Венгрия	25 июня 2000 года
Мексика	25 июня 2000 года
Филиппины	25 июня 2000 года
Российская Федерация	25 июня 2000 года
Сенегал	25 июня 2000 года
Уганда	25 июня 2000 года
Уругвай	25 июня 2000 года
Австрия	27 августа 2000 года
Панама	22 сентября 2000 года
Того	17 декабря 2000 года
Колумбия	6 января 2001 года
Эквадор	28 апреля 2001 года
Гайана	17 июня 2001 года
Перу	5 августа 2001 года
Турция	31 августа 2001 года
Тунис	22 октября 2001 года

Государство-участник	Дата, к которой должен был быть представлен доклад
Чили	29 октября 2001 года
Китай	2 ноября 2001 года
Нидерланды	19 января 2002 года
Португалия	10 марта 2002 года
Ливийская Арабская Джамахирия	14 июня 2002 года
Польша	24 августа 2002 года
Австралия	6 сентября 2002 года
Алжир	11 октября 2002 года
Бразилия	27 октября 2002 года
Гвинея	8 ноября 2002 года
Новая Зеландия	8 ноября 2003 года
Сомали	22 февраля 2003 года
Парагвай	10 апреля 2003 года
Мальта	12 октября 2003 года
Германия	20 октября 2003 года
Лихтенштейн	1 декабря 2003 года
Румыния	16 января 2004 года

20. По просьбе Комитета два его члена, г-н Мариньо и г-н Расмуссен, продолжали поддерживать контакты с государствами-участниками, первоначальные доклады которых должны были быть представлены пять или более лет назад, с тем чтобы призвать их представить такие доклады. Ввиду отсутствия ответа правительства Того на запросы этих членов Комитета последний постановил рассмотреть положение в Того применительно к Конвенции без доклада на своей тридцать третьей сессии.

21. На своей тридцать второй сессии Комитет постановил направить письмо правительству Соединенных Штатов Америки, обратив его внимание на тот факт, что его второй периодический доклад, который Комитет просил представить к 19 ноября 2001 года, так и не был представлен. Комитет просил государство-участник представить доклад к 1 октября 2004 года. Комитет обратил внимание государства-участника, в частности, на пункт 1 статьи 2 Конвенции, в соответствии с которым каждое государство-участник предпринимает эффективные законодательные, административные, судебные и другие меры для предупреждения актов пыток на любой территории под его юрисдикцией. И наконец, в письме указывалось, что доклад должен содержать обновленную информацию о ситуации в местах содержания под стражей в Ираке.

III. РАССМОТРЕНИЕ ДОКЛАДОВ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ ГОСУДАРСТВАМИ-УЧАСТНИКАМИ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ

23. На своих тридцать первой и тридцать второй сессиях Комитет рассмотрел доклады, представленные 13 государствами-участниками в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Конвенции. На рассмотрение Комитета на его тридцать первой сессии были переданы следующие доклады:

Камерун: третий периодический доклад	CAT/C/34/Add.17
Колумбия: третий периодический доклад	CAT/C/39/Add.4
Латвия: первоначальный доклад	CAT/C/21/Add.4
Литва: первоначальный доклад	CAT/C/37/Add.5
Марокко: третий периодический доклад	CAT/C/66/Add.1 и Corr.1
Йемен: первоначальный доклад	CAT/C/16/Add.10

23. На рассмотрение Комитета на его тридцать второй сессии были переданы следующие доклады:

Болгария: третий периодический доклад	CAT/C/34/Add.16
Чили: третий периодический доклад	CAT/C/39/Add.5 и Corr.1
Хорватия: третий периодический доклад	CAT/C/54/Add.3
Чешская Республика: третий периодический доклад	CAT/C/60/Add.1
Германия: третий периодический доклад	CAT/C/49/Add.4
Монако: второй периодический доклад	CAT/C/38/Add.2
Новая Зеландия: третий периодический доклад	CAT/C/49/Add.3

24. В соответствии с правилом 66 правил процедуры Комитета представителям всех государств, представивших доклады, было предложено присутствовать на заседаниях Комитета, на которых рассматривались их доклады. Все государства-участники, доклады которых рассматривались Комитетом, направили представителей для участия в рассмотрении их соответствующих докладов.

25. Для каждого из рассмотренных докладов были назначены докладчики и заместители докладчиков по странам. Их список содержится в приложении V к настоящему докладу. Методы работы Комитета, связанные с рассмотрением докладов в соответствии со статьей 19 Конвенции, содержатся в приложении VI.

26. В связи с рассмотрением докладов Комитет также имел в своем распоряжении следующие документы: a) Общие руководящие принципы относительно формы и содержания первоначальных докладов, которые должны представляться государствами-участниками в соответствии с пунктом 1 статьи 19 Конвенции (CAT/C/4/Rev.2);

b) Общие руководящие принципы относительно формы и содержания периодических докладов, которые должны представляться государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции (CAT/C/14/Rev.1).

7. В нижеследующих разделах приводится текст выводов и рекомендаций, принятых Комитетом в связи с вышеупомянутыми докладами государств-участников. Кроме того, на своей тридцать первой сессии Комитет отметил, что от правительства Камбоджи не поступило никакой информации относительно его предварительных выводов и рекомендаций по этой стране[1], и он постановил считать их заключительными.

БОЛГАРИЯ*

28. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Болгарии (CAT/C/34/Add.16) на своих 612-м и 614-м заседаниях (CAT/C/SR.612 и 614) 17 и 18 мая 2004 года и принял следующие выводы и рекомендации.

A. Введение

29. Комитет с удовлетворением отмечает представление третьего периодического доклада Болгарии и возможность продолжить свой диалог с государством-участником.

30. Отмечая, что доклад охватывает период только до мая 2000 года, Комитет выражает признательность за подробные ответы на письменный перечень вопросов и ответы на вопросы, поднятые членами Комитета в ходе диалога, в которых представлена информация о мерах по осуществлению Конвенции, принятых государством-участником с 2000 года.

B. Позитивные аспекты

31. Комитет с удовлетворением отмечает следующие позитивные моменты:

a) предпринимаемые государством-участником усилия по реформированию своего законодательства, касающегося осуществления Конвенции, с целью укрепления защиты прав человека. В частности, Комитет приветствует:

i) вступление в силу 1 января 2004 года Закона об омбудсмене;

---

* Также опубликовано как CAT/C/SR/32/6.

ii) принятие Народным собранием 16 сентября 2003 года Закона о защите от дискриминации и другие практические меры в области защиты от дискриминации, такие, как набор в полицию представителей рома;

iii) вступление в силу 1 декабря 2002 года нового Закона о предоставлении убежища и беженцах, в особенности учреждение Государственного агентства по делам беженцев как единственного центрального органа по вопросам беженцев, который принимает решения о предоставлении убежища, а также введение норм, предусматривающих возможность судебного пересмотра решений, принятых в рамках ускоренной процедуры;

iv) Кодекс поведения сотрудников полиции, принятый и введенный в действие приказом министра внутренних дел в октябре 2003 года;

b) издание распоряжения № I-167 министра внутренних дел от 23 июля 2003 года, устанавливающего процедуры, которыми должны руководствоваться сотрудники полиции при содержании под стражей лиц в структурных подразделениях министерства внутренних дел;

c) создание в августе 2000 года в рамках Национальной службы полиции специальной Комиссии по правам человека, имеющей сеть региональных координаторов;

d) передача в январе 2000 года следственных изоляторов в ведение министерства юстиции;

e) предоставление разрешения неправительственным организациям, таким, как Хельсинкский комитет Болгарии, на регулярное посещение тюрем;

f) информацию, сообщенную представителем государства-участника во время диалога, о том, что в апреле 2004 года были закрыты 13 подземных следственных изоляторов (досудебного содержания под стражей) и что государство-участник в срочном порядке решает вопрос об оставшихся пяти подземных изоляторах;

g) сотрудничество с Европейским комитетом по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания (КПП) и информацию, сообщенную представителем государства-участника, о том, что оно разрешило опубликовать отчет о визите представителей КПП в апреле 2002 года.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

32. Комитет заявляет, что у него вызывают озабоченность следующие вопросы:

a) отсутствие во внутреннем праве всеобъемлющего определения пытки, как оно изложено в статье 1 Конвенции;

b) многочисленные утверждения о случаях жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, особенно во время допросов в полиции, которые могут приравниваться к пыткам и которые в непропорционально большой степени затрагивают рома;

c) отсутствие независимой системы расследования жалоб и тот факт, что утверждения о жестоком обращении не всегда расследуются быстро и беспристрастно, в результате чего возникают очевидные ситуации, когда виновные остаются безнаказанными;

d) поступающие сообщения о том, что лица, содержащиеся под стражей, лишены быстрого и надлежащего доступа к юридической и медицинской помощи, а также возможности встретиться с членами семьи и что доступ к бесплатной юридической помощи является на практике весьма ограниченным и неэффективным. Кроме того, имеющие, как сообщается, место нарушения в предоставлении задержанным требуемых медицинских карт препятствуют подаче ими жалоб и ходатайств о возмещении ущерба;

e) неблагоприятные условия содержания в домах для лиц с психическими заболеваниями и недостаточные меры, принятые до настоящего времени властями для исправления этой ситуации, включая невнесение изменений в законодательство, касающееся принудительного помещения лиц в такие учреждения для целей медицинского обследования и отсутствие процедур судебного обжалования и пересмотра судебных решений;

f) тот факт, что законодательные и другие меры по обеспечению полного соблюдения положений статьи 3 Конвенции по-прежнему являются недостаточно эффективными, и утверждения о том, что решения о высылке иностранцев по соображениям национальной безопасности, особенно по распоряжению национальной службы безопасности, не подлежат пересмотру в судебном порядке;

g) недостаточность данных, касающихся предоставления компенсации или возможностей для реабилитации жертвам пыток или их иждивенцам в соответствии со статьей 14 Конвенции;

h) крайне неблагоприятные материальные условия в центрах содержания под стражей, где лица могут содержаться до двух лет, особенно в следственных изоляторах, некоторые из которых по-прежнему находятся под землей, или в которых отсутствуют базовые условия для занятий какой-либо деятельностью на открытом воздухе, а также отсутствие независимых проверок таких центров;

i) введение особо строгого режима, особенно первые пять лет, для всех лиц, отбывающих пожизненное заключение.

D. Рекомендации

33. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять определение пытки, охватывающее все элементы, содержащиеся в статье 1 Конвенции, и включить в Уголовный кодекс определение преступления пытки, которое четко отражает данное определение. Кроме того, Комитет предлагает государству-участнику рассмотреть вопрос о целесообразности включения в законодательство положений распоряжения № I-167 министерства внутренних дел;

b) укрепить предусмотренные в Уголовно-процессуальном кодексе гарантии неприменения жестокого обращения и пыток, продолжать усилия по сокращению случаев жестокого обращения со стороны сотрудников полиции и других государственных должностных лиц, разработать процедуры сбора дезагрегированных данных по таким случаям и их мониторинга в целях более эффективного решения этого вопроса. Государству-участнику рекомендуется продолжать свои усилия по набору в полицию представителей рома;

c) принять меры для создания эффективной, надежной и независимой системы подачи жалоб в целях возбуждения и проведения быстрых и беспристрастных расследований всех утверждений о случаях жестокого обращения или пыток и наказания виновных лиц. Комитет просит государство-участник представить ему статистические данные по таким случаям, о которых поступила информация, и по результатам проведенных расследований в разбивке, в частности, по полу, этническим группам, географическому региону, типам и расположению мест лишения свободы, где имели место эти случаи;

d) обеспечить, чтобы и по закону, и на практике всех лишенных свободы лиц надлежащим образом регистрировали в местах содержания под стражей, чтобы им были гарантированы права на доступ к адвокату, контакты с ближайшими родственниками и обращение к врачу и чтобы они были информированы об этих правах. В этой связи следует создать независимую систему оказания бесплатной юридической помощи заключенным под стражу лицам. Следует вести и неукоснительно соблюдать строгие правила ведения медицинской документации по всем заключенным под стражу лицам;

e) принять все необходимые меры для улучшения положения в домах и больницах для лиц с психическими заболеваниями и обеспечения того, чтобы их

условия жизни, методы их лечения и реабилитации не противоречили требованиям Конвенции. Комитет также призывает государство-участник обеспечить, чтобы решения о помещении детей в дома социальной опеки регулярно пересматривались. Он настоятельно рекомендует государству-участнику обеспечить контроль и переоценку специалистами поставленных диагнозов, а также предусмотреть надлежащие процедуры апелляции;

f) обеспечить, чтобы ни одно лицо не было выслано, возвращено или выдано другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток, и чтобы в соответствии с пунктом 2 статьи 2 Конвенции никакие исключительные обстоятельства не служили оправданием таких действий и с этой целью рассмотреть вопрос о мерах, позволяющих осуществлять контроль в аэропортах, пограничных пунктах и других местах высылки;

g) активизировать свои усилия для недопущения любых противоречащих Конвенции действий в отношении допуска на территорию страны просителей убежища и укреплять сотрудничество между Государственным агентством по делам беженцев и министерством внутренних дел;

h) обеспечить, чтобы все лица, являющиеся жертвами нарушения их прав по Конвенции, и по закону, и на практике имели доступ к средствам возмещения ущерба, включая обеспеченное правовой санкцией право на справедливую и достаточную компенсацию;

i) принять меры для улучшения условий в центрах содержания под стражей, в частности в следственных изоляторах, имея в виду закрытие оставшихся пяти расположенных под землей центров, и обеспечить, чтобы во всех центрах содержания под стражей у заключенных имелись хотя бы минимальные возможности для физической активности на открытом воздухе;

j) обеспечить пристальное наблюдение за проявлениями насилия в отношениях между заключенными и в иных формах, включая сексуальное насилие, в центрах содержания под стражей и домах социальной опеки, в целях их недопущения. Просьба к государству-участнику представить в следующем периодическом докладе дезагрегированные данные по этой проблеме;

k) пересмотреть режим содержания под стражей лиц, отбывающих пожизненное заключение, включая тех, кто был приговорен к пожизненному заключению без права на досрочное освобождение.

34. Комитет рекомендует государству-участнику предать гласности и распространить в стране доклад государства-участника, представленный Комитету, и настоящие выводы и рекомендации на соответствующих языках через официальные вебсайты, средства массовой информации и неправительственные организации.

35. Комитет просит государство-участник представить ему в течение года информацию в ответ на рекомендации Комитета, содержащиеся в пункте 33 b), c), d), i) и k) выше.

36. Комитет рекомендует государству-участнику представить свой следующий периодический доклад 25 июня 2008 года, когда должен быть представлен пятый периодический доклад. В этом докладе следует объединить четвертый и пятый периодические доклады.

КАМЕРУН*

37. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Камеруна (CAT/C/34/Add.17) на своих 585, 588 и 590-м заседаниях, состоявшихся 18, 19 и 20 ноября 2003 года (CAT/C/SR.585, 588 и 590), и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

Введение

38. Комитет с удовлетворением отмечает представление Камеруном третьего доклада, составленного в соответствии с руководящими принципами Комитета и содержащего информацию об осуществлении ранее высказанных Комитетом рекомендаций. Вместе с тем он отмечает, что в представленном в конце 2002 года докладе охватывается лишь период 1996-2000 годов. Комитет выражает свое удовлетворение в связи с присутствием делегации в составе экспертов высокого уровня, которая ответила на многочисленные поставленные вопросы.

Позитивные аспекты

39. Комитет с удовлетворением отмечает следующие факты:

a) приложенные государством-участником усилия по принятию законодательных мер для применения Конвенции;

b) расформирование в 2001 году, по рекомендации Комитета, расквартированного в Дуале оперативного командования, перед которым была поставлена задача борьбы с разбойными нападениями на дорогах;

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/6.

c) увеличение по рекомендации Комитета численности сотрудников полиции;

d) разработку проекта строительства дополнительных тюрем для решения проблемы переполненности камер, а также объявленную в ноябре 2002 года амнистию, позволившую сразу же освободить 1 757 заключенных;

e) данные делегацией заверения в том, что индивидуальная проверка положения обвиняемых и подсудимых, а также лиц, обжалующих решения, позволит в конечном счете освободить из-под стражи более широкий круг лиц, находящихся в предварительном заключении, в частности детей, женщин и больных;

f) проект реорганизации Национального комитета по правам человека и свободам для наделения его большей степенью независимости от исполнительной власти и обеспечения большей гласности в его деятельности;

g) завершение разработки закона по борьбе с насилием в отношении женщин;

h) создание Специального технического комитета по претворению в жизнь положений Римского статута Международного уголовного суда с целью ратификации указанного Статута;

i) создание девяти новых судебных органов в 2001 году.

Вопросы, вызывающие озабоченность

40. Комитет напоминает, что в 2000 году им было отмечено то обстоятельство, что пытки представляют собой, по-видимому, широко распространенную практику в Камеруне, и выражает озабоченность в связи с информацией, указывающей на сохранение такого положения. У Комитета вызывает беспокойство серьезное расхождение между совпадающими утверждениями о серьезных нарушениях Конвенции и информацией, представленной государством-участником. В частности, Комитет выражает озабоченность в отношении:

a) информации, касающейся систематического применения пыток в полицейских участках и в жандармерии после ареста;

b) сохранения ситуации крайней переполненности тюрем Камеруна, условия содержания и гигиены в которых угрожают здоровью и жизни заключенных и равноценны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению. Медицинские услуги, по сообщениям, оказываются за плату, а раздельное содержание мужчин и женщин не всегда гарантируется на практике. Комитет с беспокойством отмечает, в частности, большое число смертей, произошедших в центральной тюрьме Дуалы с начала года (25 по

утверждению государства-участника, 72 по утверждению неправительственных организаций);

c) информации о пытках, жестоком обращении и произвольных задержаниях, совершаемых по указанию некоторых традиционных вождей, подчас при поддержке сил охраны порядка.

41. Комитет с беспокойством отмечает, что:

a) проект уголовно-процессуального кодекса так и не был принят;

b) продолжительность задержания может продлеваться на 24 часа из расчета на каждые 50 км от места ареста до места заключения под стражу;

c) предельные сроки задержания, по сообщениям, не соблюдаются на практике;

d) применяются слишком продолжительные сроки задержания в соответствии с законом № 90/054 от 19 декабря 1990 года о борьбе с разбойными нападениями на дорогах (15 суток с возможностью продления) и законом № 90/047 от 19 декабря 1990 года о чрезвычайном положении (до 2 месяцев с возможностью продления);

e) систематическое ведение журналов учета налажено еще не во всех местах лишения свободы;

f) отсутствуют правовые нормы, устанавливающие максимальный срок предварительного заключения;

g) система надзора за местами лишения свободы не отличается эффективностью, а контроль за деятельностью администрации пенитенциарных учреждений отнесен к ведению министерства территориальной администрации. Комиссии по надзору за местами лишения свободы лишены возможности регулярно проводить совещания, прокуроры и представители Национального комитета по правам человека и свободам, как сообщается, очень редко посещают места заключения;

h) формулировка "заведомо противозаконный приказ" нуждается в уточнении и рискует ограничить сферу применения пункта 3 статьи 2 Конвенции;

i) апелляции в административный суд с просьбой отменить меры препровождения к границе не обладают приостанавливающим действием, что может привести к нарушению статьи 3 Конвенции.

42. С удовлетворением отмечая предпринятые государством-участником шаги по представлению информации, касающейся судебного преследования государственных должностных лиц, виновных в нарушении прав человека, Комитет испытывает обеспокоенность в связи с информацией о безнаказанности лиц, виновных в применении пыток. Он обеспокоен, в частности:

a) информацией, согласно которой сотрудники жандармерии могут привлекаться к ответственности за нарушения закона при исполнении своих должностных обязанностей только с санкции министерства обороны;

b) информацией, согласно которой лица, виновные в применении пыток, подвергались судебному преследованию только в тех случаях, когда в связи со смертью потерпевшего начинались выступления общественности;

c) тем, что по случаю, известному как "дело бепандской девятки", до сих пор не проведено разбирательства;

d) нежеланием потерпевших или их родственников обращаться с жалобами вследствие незнания процедуры, отсутствия доверия и страха перед преследованиями;

e) информацией о принятии судами к рассмотрению доказательств, полученных под пыткой.

43. Кроме того, у Комитета вызывают обеспокоенность:

a) компетенция, которой были наделены военные трибуналы по вынесению приговоров в отношении гражданских лиц в случаях нарушения законов об использовании боевого оружия и аналогичных нарушений;

b) отсутствие законодательства, запрещающего калечение женских половых органов;

c) тот факт, что Уголовный кодекс освобождает от наказания виновного в изнасиловании в случае, если тот вступает в брак с потерпевшей.

Рекомендации

44. Комитет настоятельно призывает государство-участник принять все необходимые меры, чтобы положить конец практике применения пыток на его территории. Он рекомендует государству-участнику:

a) незамедлительно принять меры для прекращения применения пыток в полицейских участках, жандармерии и тюрьмах. Государству-участнику следует обеспечить эффективный надзор за положением дел в этих местах содержания под стражей, разрешить НПО посещать их и расширить возможности комиссий по надзору за тюрьмами. Национальному комитету по правам человека и свободам и прокурорам следует чаще посещать все места содержания под стражей;

b) немедленно приступить к независимому расследованию смертных случаев в центральной тюрьме Дуалы и привлечь к суду виновных;

c) принять срочные меры для решения проблемы переполненности тюрем. Государству-участнику следует принять закон, устанавливающий максимальный срок предварительного заключения, рассмотреть вопрос о немедленном освобождении правонарушителей или подозреваемых лиц, впервые попавших в тюрьму за совершение мелких правонарушений, особенно если указанные лица не достигли 18 лет, и не применять к ним такую меру пресечения до тех пор, пока не будет решена проблема переполненности тюрем;

d) гарантировать бесплатный характер медицинской помощи в тюрьмах, обеспечить на практике соблюдение права заключенных на достаточное питание и организовать раздельное содержание заключенных-мужчин и заключенных-женщин;

e) немедленно положить конец применению пыток, жестокому обращению и произвольным задержаниям, производимым по указанию традиционных вождей в северных провинциях страны. Принимая к сведению заверения делегации, утверждающей, что в подобных случаях возбуждается уголовное преследование, Комитет рекомендует государству-участнику активизировать его усилия в этом направлении. Население, которого это касается, должно быть надлежащим образом проинформировано о своих правах и пределах властных прерогатив и полномочий указанных традиционных вождей.

45. Кроме того, Комитет рекомендует государству-участнику:

a) в самом срочном порядке обеспечить принятие и эффективное исполнение закона, устанавливающего право всех задержанных на доступ в первые часы задержания к услугам адвоката по их выбору и независимого врача, а также право информировать своих близких о задержании. Комитет напоминает, что любое продление срока задержания должно производиться с санкции судьи;

b) отказаться в проекте своего уголовно-процессуального кодекса от возможности продления сроков задержания в зависимости от расстояния,

отделяющего место ареста от места содержания под стражей, и обеспечить на практике строгое соблюдение сроков задержания;

c) добиться, чтобы задержания, производимые по закону о чрезвычайном положении, соответствовали международным нормам в области прав человека и не превышали максимальных сроков, необходимых в конкретной ситуации. Государству-участнику следует отказаться от возможности задержания административными и военными органами;

d) в кратчайшие сроки систематизировать ведение журналов учета во всех местах лишения свободы;

e) отделить полицию от пенитенциарной администрации, например переподчинив администрацию пенитенциарных учреждений министерству юстиции;

f) уточнить понятие "заведомо противозаконный приказ", чтобы государственные служащие, в частности полицейские, военные, тюремные надзиратели, судьи и адвокаты четко соизмеряли последствия своих действий. В связи с этим необходимо организовать специальную подготовку по данному вопросу;

g) наделить приостанавливающим действием апелляционную жалобу иностранца на решение административного суда, подтверждающее меру в виде препровождения к границе.

46. Комитет рекомендует государству-участнику активизировать свои усилия по борьбе с безнаказанностью лиц, применяющих пытки, приняв, в частности, следующие меры:

a) снять любые ограничения, в частности введенные министерством обороны, на судебное преследование сотрудников жандармерии и наделить суды по уголовным делам компетенцией по рассмотрению нарушений закона, допущенных сотрудниками жандармерии, выступающими в качестве сотрудников уголовной полиции, при исполнении ими своих должностных обязанностей;

b) продолжить расследование для принятия решения по делу "бепандской девятки". Комитет рекомендует также провести тщательное расследование неблаговидных действий расквартированного в Дуале оперативного командования на протяжении всего периода его деятельности, а затем - всех подразделений по борьбе с бандитизмом, еще действующих в настоящий момент;

c) следить за тем, чтобы его компетентные органы безотлагательно проводили беспристрастные расследования во всех случаях, когда имеются разумные основания полагать, что имело место применение пыток. Для этого Комитет рекомендует создать независимый орган, уполномоченный принимать и расследовать любые жалобы на применение пыток или другие случаи жестокого обращения со стороны сотрудников государственных органов по поддержанию порядка;

d) обеспечить защиту потерпевших и свидетелей от любого запугивания или жестокого обращения и информировать население о его правах, в частности о порядке подачи жалоб на действия государственных должностных лиц;

e) принять в кратчайшие сроки закон о неприемлемости признаний, полученных под пыткой, при любых формах разбирательства и обеспечить его применение на практике.

47. Кроме того, Комитет рекомендует камерунским властям:

a) приступить к реформированию Национального комитета по правам человека и свободам с целью улучшения соблюдения Принципов, касающихся статуса и функционирования национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека (Парижских принципов);

b) ограничить компетенцию военных трибуналов рассмотрением исключительно воинских преступлений;

c) издать закон о запрещении калечения женских половых органов;

d) пересмотреть свое законодательство с целью отмены положения закона, освобождающего лицо, виновное в изнасиловании, от наказания в случае, если указанное лицо вступает в брак с потерпевшей;

e) рассмотреть вопрос о ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток.

48. Комитет рекомендует обеспечить широкое распространение на территории всей страны на соответствующих языках текста настоящих выводов и рекомендаций, а также кратких отчетов о заседаниях, на которых рассматривался третий периодический доклад государства-участника.

49. Комитет рекомендует включить в следующий периодический доклад точную информацию о ныне действующих минимальных гарантиях судебного надзора и прав человека лиц, подвергшихся задержанию, и об их применении на практике.

50. Комитет предлагает государству-участнику представить ему в течение одного года информацию о мерах по выполнению вынесенных им рекомендаций, содержащихся в подпунктах b) и c) пункта 45, подпунктах c) и d) пункта 46 и подпункте a) пункта 47 выше. В частности, Комитет желает получить такую информацию о судебном преследовании и мерах наказания, назначенных традиционным вождям, и о выдвинутых против них обвинениях. Ожидается также получить подробный отчет о положении в центральной тюрьме Дуалы.

ЧИЛИ*

51. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Чили (CAT/C/39/Add.5 и Corr.1) на своих 602-м и 605-м заседаниях (CAT/C/SR.602 и 605), состоявшихся 10 и 11 мая 2004 года, и принял следующие выводы и рекомендации.

A. Введение

52. Комитет приветствует третий периодический доклад Чили, который подлежал представлению в 1997 году и который был подготовлен в соответствии с руководящими принципами Комитета. Однако он выражает сожаление по поводу задержки с его представлением.

53. Комитет приветствует дополнительную информацию, препровожденную государством-участником, а также обстоятельные и конструктивные письменные и устные ответы на вопросы, сформулированные Комитетом как до начала, так и во время сессии. Комитет также с удовлетворением отмечает присутствие в ходе рассмотрения доклада представительной и весьма компетентной делегации государства-участника, что способствовало проведению всестороннего и углубленного анализа выполнения обязательств согласно Конвенции.

B. Позитивные аспекты

54. Комитет с удовлетворением отмечает следующие позитивные аспекты:

a) квалифицирование актов пыток во внутреннем уголовном праве в качестве преступления;

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/5.

b) проведение коренной реформы Уголовно-процессуального кодекса, в частности в том, что касается изменений, направленных на обеспечение более надежной защиты лиц, лишенных свободы;

c) создание Управления народного защитника по уголовным делам и прокуратуры;

d) отмену положений о "задержании по подозрению";

e) сокращение продолжительности периода содержания под стражей в полиции максимум до 24 часов;

f) заверение делегации государства-участника в том, что на положения Конвенции можно прямо ссылаться в судах;

g) создание Национальной комиссии по делам политических заключенных и фактам применения пыток для выявления лиц, подвергавшихся лишению свободы и пыткам по политическим мотивам в период военной диктатуры, а также заверения делегации государства-участника о продлении действия мандата этой Комиссии в порядке обеспечения ей возможности полностью завершить свою работу;

h) данные делегацией государства-участника заверения в создании механизмов, призванных гарантировать, что судами не будут приниматься никакие доказательства, полученные под пыткой, а также признание ею факта существования серьезной проблемы, связанной с получением под давлением признаний у женщин, которые обращаются в государственные больницы за срочной медицинской помощью после неудачного подпольного аборта;

i) получение подтверждения того, что представителям неправительственных организаций разрешается периодически посещать центры содержания под стражей;

j) сделанные в соответствии со статьями 21 и 22 Конвенции заявления о признании компетенции Комитета получать и рассматривать жалобы на государство-участника от других государств-участников (статья 21) и физических лиц (статья 22);

k) представление делегацией государства-участника информации относительно начала процесса ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток.

C. Факторы и трудности, препятствующие осуществлению Конвенции

55. Как утверждается в докладе государства-участника, конституционное регулирование, которое явилось частью политического соглашения, обеспечившего условия для перехода от военной диктатуры к демократии, ставит под вопрос

возможность полномасштабного осуществления основных прав человека. Комитет сознает политические последствия указанного регулирования, а также трудности, которые оно влечет за собой, и отмечает, что многие правительства вносили в конгресс соответствующие конституционные поправки. Однако Комитет подчеркивает, что внутриполитические перипетии не могут служить оправданием для несоблюдения государством-участником обязательств, взятых по Конвенции.

D. Вопросы, вызывающие озабоченность

56. У Комитета озабоченность вызывают следующие моменты:

a) поступающие сообщения о сохраняющейся практике жестокого и грубого обращения с людьми, которое подчас равнозначно пыткам, со стороны сотрудников службы карабинеров, сотрудников следственной полиции и персонала жандармерии, и тот факт, что по соответствующим жалобам не проводится полного и беспристрастного расследования;

b) остающиеся в силе некоторые конституционные нормы, препятствующие полному осуществлению основополагающих прав человека, а также декрет-закон об амнистии, который запрещает рассматривать в судебном порядке нарушения прав человека, допущенные в период с 11 сентября 1973 года по 10 марта 1978 года, и который обеспечивает безнаказанность лиц, ответственных за пытки, исчезновения людей и другие серьезные нарушения прав человека, совершенные во времена военной диктатуры. Кроме того, жертвам пыток не предоставляется никакой компенсации;

c) закрепленное в Уголовном кодексе определение пыток не полностью соответствует статье 1 Конвенции и в недостаточной степени отражает цели применения пыток и возможность совершения таких актов с ведома или согласия государственных должностных лиц;

d) тот факт, что корпус карабинеров и силы следственной полиции продолжают оставаться в структуре министерства обороны, вследствие чего, помимо всего прочего, военная юрисдикция по-прежнему имеет слишком широкие полномочия;

e) информация, согласно которой некоторые должностные лица, причастные к совершению актов пыток в период военной диктатуры, были назначены на высокие официальные посты;

f) отсутствие во внутреннем законодательстве норм, недвусмысленно запрещающих высылку, возвращение или выдачу лиц при наличии оснований полагать, что они могут стать жертвами пыток в странах, куда они высылаются, а также отсутствие во внутреннем законодательстве положений, регулирующих применение статей 5, 6, 7 и 8 Конвенции;

g) ограниченность полномочий Национальной комиссии по делам политических заключенных и фактам применения пыток, задачей которой является выявление лиц, оказавшихся жертвами пыток в период правления военной диктатуры, и определение условий для получения компенсации. В частности, Комитет с обеспокоенностью отмечает:

i) установление ограниченных сроков, в течение которых предполагаемые жертвы должны зарегистрироваться в реестре Комиссии, что явилось причиной меньшего количества зарегистрировавшихся по сравнению с предварительными расчетами;

ii) отсутствие ясности относительно того, какого рода акты квалифицируются Комиссией в качестве пыток;

iii) что, согласно полученной информации, заявления не принимаются к рассмотрению, если они не подаются лично, причем даже когда заинтересованное лицо не в состоянии сделать это в связи с болезнью;

iv) отсутствие возможности зарегистрироваться для лиц, уже получивших компенсацию в качестве жертв других видов нарушений прав человека (как, например, насильственное исчезновение или высылка);

v) что "жестко ограниченная и символическая" компенсация не соответствует "справедливой и адекватной" компенсации, как того требует статья 14 Конвенции;

vi) что Комиссия не наделена полномочиями проводить расследования по жалобам о применении пыток в порядке выявления виновных с целью привлечения их к ответственности;

h) серьезная проблема переполненности тюрем и плохие условия содержания в центрах лишения свободы, а также информация о том, что систематические проверки таких мест не проводятся;

i) сохранение в статьях 334 и 335 Кодекса военной юстиции принципа должного повиновения, несмотря на распоряжения, утверждающие право подчиненного на опротестование приказов, предполагающих совершение противоправных действий;

j) тот факт, что, согласно имеющейся информации, оказание медицинской помощи женщинам, жизнь которых подвергается опасности в связи с осложнениями, наступившими по причине незаконных абортов, ставится в зависимость от сообщения ими сведений о лицах, производящих подобные аборты. Эти признания могут быть

использованы в дальнейшем для возбуждения против них самих и третьих лиц уголовных дел, что противоречит положениям Конвенции;

k) то обстоятельство, что введение в действие на территории столичной области нового Уголовно-процессуального кодекса было отложено до конца 2005 года;

l) крайне малое число случаев исчезновения людей, выявленных на основе информации, предоставленной армейскими структурами, несмотря на усилия правительства по налаживанию диалога "за круглым столом";

m) отсутствие дезагрегированных данных по представленным жалобам, результатам расследований и процессуальным действиям, возбужденным в связи с положениями Конвенции;

n) недостаточный объем информации относительно применения Конвенции в вооруженных силах.

E. Рекомендации

57. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять определение понятия "пытка", согласующееся с определением, закрепленным в статье 1 Конвенции, и проследить за тем, чтобы им охватывались все виды пыток в любой форме;

b) внести в Конституцию поправки, призванные гарантировать полную защиту прав человека, включая право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, как того требует Конвенция, и с этой целью отменить действие декрета-закона об амнистии;

c) передать функции надзора за корпусом карабинеров и силами следственной полиции из ведения министерства обороны в ведение министерства внутренних дел и следить за тем, чтобы юрисдикция военных трибуналов распространялась только на преступления военного характера;

d) упразднить закрепленный в Кодексе военной юстиции принцип должного повиновения, что позволит обеспечить защищенность при неисполнении приказов, отданных вышестоящими начальниками, и будет соответствовать положениям пункта 3 статьи 2 Конвенции;

e) принять все необходимые меры для того, чтобы гарантировать оперативное, беспристрастное и полное расследование всех сообщений об актах пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также судебное преследование и наказание виновных, равно как и выплату жертвам справедливой и адекватной компенсации в соответствии с положениями Конвенции;

f) рассмотреть возможность упразднения срока давности или увеличения ныне действующего срока давности в 10 лет, предусмотренного за применение пыток, принимая во внимание тяжесть таких преступлений;

g) ввести нормы, призванные установить запрет на высылку, возвращение или выдачу лиц в те страны, где им может угрожать опасность подвергнуться применению пыток;

h) принять меры правового характера, призванные четко определить статус Конвенции во внутреннем законодательстве, с тем чтобы гарантировать ее применение, или же принять специальный закон, в котором нашли бы отражение ее положения;

i) разработать программы подготовки судей, работников прокуратуры и сотрудников органов юстиции, ответственных за соблюдение законодательства, связанного с применением положений Конвенции. Указанные программы должны включать запрет на применение пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения со стороны военнослужащих, сотрудников полиции и других сил по поддержанию правопорядка, а также со стороны лиц, тем или иным образом причастных к задержанию, проведению допросов или обращению с лицами, могущими быть подвергнутыми пыткам. Государство-участник должно также следить за тем, чтобы медицинские работники получали специальную подготовку по вопросам установления и документального подтверждения случаев применения пыток;

j) улучшить условия содержания в местах лишения свободы в целях доведения их до международных стандартов и принять срочные меры для решения проблемы переполненности тюрем и других мест лишения свободы. Кроме того, государство-участник должно внедрить эффективную систему инспектирования на предмет проверки условий содержания, обращения с заключенными, а также выявления случаев насилия среди заключенных и проявлений сексуального насилия в их среде;

k) продлить мандат и расширить полномочия Национальной комиссии по делам политических заключенных и фактам применения пыток в целях обеспечения

жертвам всех видов пыток, включая жертв сексуального насилия, возможности подавать жалобы. В этих целях Комитет рекомендует государству-участнику:

i) принять меры по более широкому освещению деятельности Комиссии с привлечением всех средств массовой информации и с разъяснением определения понятия "пытка", причем в анкетах, заполняемых жертвами, должен фигурировать не носящий исчерпывающего характера перечень, в котором конкретизируются различные виды пыток, включая сексуальное насилие;

ii) гарантировать конфиденциальный характер регистрации жертв в реестре Комиссии и возможность регистрации лиц, проживающих в сельских районах, или лиц, не имеющих по различным причинам возможности зарегистрироваться лично;

iii) включить в итоговый доклад Комиссии дезагрегированные данные с разбивкой, среди прочего, по полу, возрасту и видам примененных пыток;

iv) рассмотреть возможность расширения правомочий Комиссии, с тем чтобы она могла проводить расследования, которые, когда это оправдано, могут послужить основанием для возбуждения уголовных дел в отношении лиц, которые, согласно сообщениям, виновны в совершении тех или иных деяний;

l) создать систему выплаты адекватной и справедливой компенсации жертвам пыток, предусматривающую меры по реабилитации и возмещению ущерба;

m) упразднить практику применения давления с целью получения признаний, могущих служить основанием для возбуждения уголовных дел, у женщин, обращающихся за неотложной медицинской помощью после неудачного подпольного аборта; провести расследования и пересмотреть приговоры, вынесенные по делам, в которых в качестве доказательств были приняты свидетельские показания, полученные под принуждением, и принять соответствующие меры, в частности аннулировать вынесенные приговоры, не согласующиеся с положениями Конвенции. Согласно директивным указаниям Всемирной организации здравоохранения, государство-участник обязано гарантировать немедленное и безусловное оказание медицинских услуг лицам, обращающимся за неотложной медицинской помощью;

n) проследить за тем, чтобы действие нового Уголовно-процессуального кодекса как можно скорее было распространено на столичную область и чтобы положения имели силу на всей территории страны;

o) в рамках реформы системы уголовного правосудия вести принцип защиты лиц, которые могут подвергнуться дополнительному травматизму в ходе проведения судебного разбирательства, особенно по делам о таких преступлениях, как жестокое обращение с несовершеннолетними и сексуальное насилие;

p) представить Комитету обновленную информацию о положении дел в области расследования совершенных в прошлом преступлений, связанных с актами пыток, в том числе по таким делам, которые известны как "Караван смерти", «Операция "Кондор"» и «Колония "Достоинство"»;

q) представить подробные и дезагрегированные статистические данные с разбивкой по возрасту, полу и географическому распределению поданных жалоб в отношении актов пыток и злоупотреблений, предположительно совершенных сотрудниками сил по поддержанию правопорядка, а также в отношении соответствующих расследований, возбужденных дел и вынесенных приговоров.

58. Комитет обращается к государству-участнику с просьбой не позднее чем через год представить информацию относительно выполнения рекомендаций, сформулированных Комитетом в подпунктах k), m) и q) пункта 57.

59. Комитет, принимая во внимание, что Чили представила информацию относительно осуществления Конвенции за период, охватываемый третьим и четвертым периодическими докладами, рекомендует государству-участнику представить свой пятый доклад не позднее 29 октября 2005 года.

КОЛУМБИЯ*

60. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Колумбии (CAT/C/39/Add.4) на своих 575-м и 578-м заседаниях, состоявшихся 11 и 12 ноября 2003 года (CAT/C/SR.575 и 578), и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

A. Введение

61. Комитет с удовлетворением принимает к сведению третий периодический доклад Колумбии, представленный 17 января 2002 года, но при этом выражает сожаление в связи

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/1.

с тем, что он был представлен с пятилетним опозданием. Комитет отмечает, что в докладе содержится мало информации о практическом осуществлении Конвенции за охваченный им период. Однако Комитет выражает свою признательность за исчерпывающие устные ответы делегации на большинство вопросов, заданных членами Комитета, а также за статистическую информацию, представленную во время рассмотрения доклада.

B. Позитивные аспекты

62. Комитет с удовлетворением отмечает принятие государством-участником различных внутренних законов по вопросам предотвращения и пресечения пыток и жестокого обращения. Особого упоминания, в частности, заслуживают следующие из них:

a) новый Уголовный кодекс (Закон № 599/2000), определяющий составы преступлений пыток, геноцида, насильственного исчезновения и принудительного перемещения. В Кодексе также предусмотрено, что должное повиновение не будет рассматриваться в качестве освобождающего от ответственности основания в случае совершения подобных преступлений;

b) новый Военно-уголовный кодекс (Закон № 522/1999), который предусматривает изъятие из компетенции органов военной юстиции таких преступлений, как пытки, геноцид и насильственное исчезновение, и регламентирует принцип должного повиновения;

c) Закон № 548/1999, запрещающий призыв на военную службу несовершеннолетних в возрасте до 18 лет;

d) новый Уголовно-процессуальный кодекс (Закон № 600/2000), который предусматривает в главе VI недопустимость рассмотрения судами доказательств, полученных незаконным путем.

63. Комитет также с удовлетворением отмечает:

a) Закон № 742/2000 о принятии Римского устава Международного уголовного суда, документ о ратификации которого был сдан на хранение 5 августа 2002 года;

b) Закон № 707/2001, ратифицирующий Межамериканскую конвенцию о насильственном исчезновении лиц.

64. Кроме того, Комитет с удовлетворением отмечает:

a) заявление представителя государства о том, что лица, осужденные за применение пыток, не подлежат и не будут подлежать в государстве-участнике амнистии или помилованию;

b) роль, которую играет Конституционный суд в поддержании правопорядка и законности в государстве-участнике;

c) продолжающееся сотрудничество между представительством Управления Верховного комиссара по правам человека в Колумбии и правительством Колумбии.

C. Факторы и трудности, препятствующие осуществлению Конвенции

65. Комитет отдает себе отчет о трудностях в области соблюдения прав человека и международного гуманитарного права, обусловленных существующей в стране сложной внутренней обстановкой, особенно деятельностью незаконных вооруженных формирований. Вместе с тем Комитет вновь подчеркивает, что в соответствии со статьей 2 Конвенции никакие исключительные обстоятельства не могут служить оправданием применения пыток.

D. Вопросы, вызывающие озабоченность

66. Комитет вновь выражает обеспокоенность по поводу многочисленных актов пыток и жестокого обращения, которые, согласно утверждениям, на широкой и систематической основе совершаются силами и службами безопасности в государстве-участнике как во время военных операций, так и вне связи с ними. Кроме того, он выражает свою озабоченность в связи с большим числом случаев насильственного исчезновения и произвольных казней.

67. Комитет выражает свою обеспокоенность по поводу того, что различные меры, которые принимаются или предусматриваются государством-участником в области борьбы против терроризма и незаконных вооруженных формирований, могут способствовать расширению практики пыток. Ввиду этого Комитет выражает свою особую озабоченность в связи со следующим:

a) использованием на временной основе "солдат-крестьян", которые живут в своих общинах, но привлекаются к вооруженным действиям против повстанцев, в результате чего они и их общины могут подвергаться нападениям со стороны незаконных вооруженных формирований и в том числе пыткам и жестокому обращению;

b) проектом закона № 223/2003 о конституционной реформе, в случае принятия которого вооруженные силы будут наделены полномочиями судебной полиции, а задержания и допросы, продолжительность которых может в принципе составлять до 36 часов, будет разрешено проводить без судебного контроля.

68. Комитет также выражает свою обеспокоенность в связи со следующим:

a) обстановкой безнаказанности за нарушения прав человека, совершенные силами и службами государственной безопасности, и в частности отсутствием оперативных, беспристрастных и исчерпывающих расследований многочисленных актов пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, а также непредоставлением жертвам адекватного возмещения и компенсации;

b) утверждениями о терпимом подходе, поддержке и попустительстве органов государства-участника в отношении деятельности членов военизированных формирований, называемых силами "самообороны", которые виновны в совершении многочисленных актов пыток и жестокого обращения;

c) проектом реформы судебной системы, в случае реализации которого будут, как предполагается, введены конституционные ограничения на обращения с ходатайствами о судебной защите ("ампаро") и ограничены функции Конституционного суда, в частности в области пересмотра решений об объявлении чрезвычайного положения. Комитет также выражает озабоченность в связи с законопроектом, известным под названием "Альтернативы уголовному наказанию", который в случае его принятия будет предусматривать условное освобождение от наказания членов вооруженных формирований, добровольно сдавших оружие, даже если они применяли пытки и совершали другие вопиющие нарушения международного гуманитарного права;

d) утверждениями и информацией о следующем:

i) принуждении к уходу в отставку некоторых судебных прокуроров отдела по правам человека Судебной прокуратуры, а также угрозах, полученных некоторыми сотрудниками этого отдела в связи с проводимыми ими расследованиями нарушений прав человека;

ii) отсутствии надлежащих средств правовой защиты в случаях изнасилования и других форм сексуального насилия, к которым нередко прибегают как к одной из форм пыток и жестокого обращения. Кроме того, Комитет выражает свою озабоченность в связи с тем, что новый Военно-уголовный кодекс конкретно не исключает преступления сексуального характера из компетенции органов военной юстиции;

iii) продолжающейся практике расследования военными судами преступлений, которые полностью исключены из их компетенции, например, пытки, геноцид и насильственные исчезновения, и к которым причастны военнослужащие, несмотря на принятие нового Военно-уголовного кодекса и постановление Конституционного суда 1997 года,

предусматривающее, что преступления против человечности не относятся к юрисдикции военных судов;

iv) многочисленных и жестоких нападениях на правозащитников, которые проводят важную работу по выявлению случаев применения пыток и жестокого обращения и неоднократных нападениях на сотрудников судебных органов, в результате которых возникает угроза их независимости и физической неприкосновенности;

e) многочисленными случаями насильственного перемещения внутри страны групп населения, которые обусловлены вооруженным конфликтом и отсутствием в районах их проживания безопасности ввиду того, что в них нет государственных структур, соблюдающих и обеспечивающих соблюдение закона;

f) переполненностью и неудовлетворительными условиями содержания заключенных в тюрьмах, которые можно приравнять к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению;

g) отсутствием информации о применении статьи 11 Конвенции в отношении существующих в государстве-участнике правил обращения с лицами, подвергнутыми аресту, задержанию или тюремному заключению, а также в связи с полученными Комитетом сообщениями о несоблюдении государством обязательств в этой области;

h) отсутствием удовлетворительной информации о положениях внутреннего законодательства, которые бы гарантировали применение статьи 3 Конвенции в случаях выдворения или высылки иностранцев, которым угрожает применение пыток в стране возвращения.

E. Рекомендации

69. Комитет рекомендует государству-участнику принять все необходимые меры для противодействия актам пыток и жестокого обращения, совершаемым на территории Колумбии, и в частности:

a) принять действенные меры, чтобы покончить с безнаказанностью лиц, предположительно виновных в применении пыток и жестокого обращения, проводить оперативные, беспристрастные и исчерпывающие расследования, привлекать виновных в применении пыток и жестокого обращения к суду и обеспечить предоставление адекватной компенсации потерпевшим. В частности, он рекомендует государству-участнику пересмотреть вопрос о принятии законопроекта "Альтернативы уголовному наказанию" в свете его обязательств согласно Конвенции против пыток;

b) пересмотреть в свете своего обязательства относительно предотвращения пыток и жестокого обращения:

i) вопрос об использовании "солдат-крестьян";

ii) вопрос о принятии мер, в результате которых вооруженные силы будут наделены полномочиями судебной полиции, а допросы и задержания подозреваемых станут довольно продолжительными и будут проводиться без судебного контроля;

iii) пересмотреть проект реформы системы правосудия с целью полной гарантии процедур судебной защиты и обеспечения уважения и расширения функций Конституционного суда в деле защиты законности;

c) гарантировать, чтобы все лица, и в особенности государственные служащие, которые организуют, планируют, поддерживают и финансируют операции незаконных вооруженных групп, называемых "силами самообороны", и виновных в применении пыток, или которые иным образом участвуют в их деятельности, были выявлены, задержаны, освобождены от своих обязанностей и преданы суду;

d) гарантировать, чтобы сотрудники отдела по правам человека Судебной прокуратуры имели возможность выполнять свои функции на независимой и беспристрастной основе и в условиях безопасности и предоставить им необходимые средства для эффективного проведения ими своей деятельности;

e) расследовать, привлекать к судебной ответственности и наказывать лиц, виновных в совершении изнасилований и других видов сексуального насилия, в том числе при осуществлении операций против незаконных вооруженных формирований;

f) в случаях нарушений права на жизнь документировать следы применения пыток и особенно сексуального насилия, которые могут оставаться у потерпевших. Такие данные должны включаться в отчеты судебных медиков для расследования не только случаев смерти, но и применения пыток. Кроме того, Комитет рекомендует государству-участнику обеспечить необходимую профессиональную подготовку медицинского персонала по вопросам обнаружения следов применения пыток и жестокого обращения;

g) соблюдать и эффективно обеспечивать соблюдение положений Военно-уголовного кодекса, предусматривающих изъятие дел о применении пыток из компетенции военных судов;

h) принять эффективные меры для защиты правозащитников от преследований, угроз и других посягательств и сообщать о судебных решениях и любых других, принимаемых в этой связи мерах. Рекомендуется также принять эффективные меры для обеспечения физической неприкосновенности и независимости сотрудников органов судебной власти;

i) принять эффективные меры для улучшения условий содержания в местах лишения свободы и принять меры к снижению остроты существующей проблемы их переполненности;

j) гарантировать обращение с лицами, подвергнутыми любым формам ареста, задержания или тюремного заключения, в соответствии с международными стандартами во избежание любых случаев пыток или жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения;

k) сообщить в следующем периодическом докладе о положениях внутреннего законодательства, гарантирующих невыдачу лиц в другие государства при наличии обоснованных оснований предполагать, что там им будет угрожать опасность применения пыток;

l) сделать заявления, предусмотренные статьями 21 и 22 Конвенции, и ратифицировать Факультативный протокол к ней;

m) обеспечить широкое распространение выводов и рекомендаций Комитета в государстве-участнике;

n) проинформировать через год Комитет о конкретных мерах, принятых с целью выполнения рекомендаций, содержащихся в подпунктах b), d), f) и h) выше.

ХОРВАТИЯ*

70. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Хорватии (CAT/C/54/Add.3) на своих 598-м и 601-м заседаниях (CAT/C/SR.598 и 601) 6 и 7 мая 2004 года и принял следующие выводы и рекомендации.

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/3.

A. Введение

71. Комитет с удовлетворением принимает к сведению представление третьего периодического доклада Хорватии, отмечая при этом, что он не полностью соответствовал руководящим принципом Комитета, касающимся подготовки периодических докладов. Вместе с тем Комитет выражает свое удовлетворение в связи с устной информацией, представленной делегацией государства-участника, и конструктивным диалогом, состоявшемся в ходе рассмотрения доклада.

B. Позитивные аспекты

72. Комитет с удовлетворением отмечает постоянные усилия государства-участника по реформированию своего законодательства в целях обеспечения более эффективной защиты прав человека, включая право не подвергаться пыткам и другому жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению и наказанию, а именно:

a) принятие в июне 2003 года Закона о предоставлении убежища, который должен вступить в силу в июле 2004 года и в котором излагается процедура подачи заявлений на предоставление убежища в государстве-участнике;

b) вступление в силу в феврале 2004 года нового Закона об иностранцах, где содержатся положения, запрещающие депортацию физических лиц, которые могут подвергнуться пыткам в случае возвращения в свою страну;

c) вступление в силу в январе 2001 года Закона о полиции, который регулирует применение мер принуждения, включая применение огнестрельного оружия;

d) вступление в силу в 2001 году Закона об исполнении наказаний в виде тюремного заключения, который регулирует обращение с заключенными и их права.

73. Комитет приветствует:

a) подписание в сентябре 2003 года Факультативного протокола к Конвенции против пыток и заверения представителя государства-участника в том, что предусматривается его ратификация;

b) ратификацию в мае 2001 года Римского статута Международного уголовного суда.

74. Комитет с удовлетворением принимает к сведению заверения представителя государства-участника в том, что Закон об амнистии 1996 года не распространяется на акты пыток.

75. Комитет также с удовлетворением принимает к сведению заверения представителя государства-участника в том, что каждому заключенному предоставляется минимум 4 $м^2$ жилой площади.

76. Комитет выражает удовлетворение тем, что государство-участник направило постоянное приглашение специальным процедурам Комиссии по правам человека посетить страну.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

77. Озабоченность Комитета вызывает следующее:

a) в связи с пытками и жестоким обращением, которые, по сообщениям, имели место во время вооруженного конфликта 1991-1995 годов в бывшей Югославии:

i) непроведение государством-участником, согласно сообщениям, оперативных, беспристрастных и полных расследований в целях преследования в уголовном порядке исполнителей и предоставления справедливой и адекватной компенсации жертвам;

ii) утверждения о том, что на всех этапах судопроизводства при разбирательстве дел, связанных с военными преступлениями, применялись двойные стандарты в ущерб обвиняемым из числа сербов и в пользу обвиняемых из числа хорватов;

iii) преследования, запугивание и угрозы, с которыми сталкивались, по сообщениям, свидетели и жертвы, дающие свидетельские показания в суде, и отсутствие надлежащей защиты со стороны государства-участника;

b) тот факт, что на сегодняшний день не ведется никакого судебного преследования или не выносятся обвинительные приговоры за предполагаемые правонарушения по статье 176 Уголовного кодекса, в которой признаются противозаконными акты пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

c) отсутствие, согласно сообщениям, у лиц, лишенных свободы, оперативного и надлежащего доступа к правовой и медицинской помощи и возможности видеться с членами семьи;

d) в связи с просителями убежища и незаконными иммигрантами:

i) неблагоприятные условия содержания в тюремном центре Ежево для вновь поступивших заключенных из числа иностранцев, включая плохие санитарно-гигиенические условия и ограниченность мероприятий по организации досуга;

ii) предполагаемые случаи насилия в отношении тех, кто содержится в тюремном центре Ежево для вновь поступивших заключенных из числа иностранцев, и непроведение оперативных и беспристрастных расследований в связи с этим;

iii) лишение свободы на длительные сроки;

e) тот факт, что государство-участник предположительно не занимается решением проблем насилия и издевательств среди детей и молодых совершеннолетних, помещенных в учреждения социального попечения;

f) тот факт, что государство-участник предположительно не предотвращает жестокие нападения негосударственных агентов на представителей этнических и других меньшинств и не проводит полные и оперативные расследования в связи с такими случаями;

g) неблагоприятные условия содержания лиц в предварительном заключении, где они проводят до 22 часов в сутки в своих камерах без возможности заняться активной деятельностью.

D. Рекомендации

78. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять эффективные меры для обеспечения беспристрастного, полного и оперативного расследования всех предполагаемых случаев пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения, судебного преследования и наказания исполнителей в надлежащих случаях и независимо от их этнического происхождения и предоставления справедливой и адекватной компенсации жертвам;

b) обеспечить в полной мере сотрудничество с Международным уголовным трибуналом для бывшей Югославии (МУТБЮ), в частности путем обеспечения того, чтобы все, кому предъявлено обвинение, арестовывались и передавались Трибуналу;

c) обеспечить выполнение всех соответствующих законодательных актов, предусматривающих защиту свидетелей и других участников судебного разбирательства, и обеспечить, чтобы на программы эффективной и всесторонней защиты свидетелей выделялось достаточно средств;

d) подробно знакомить судей, прокуроров и адвокатов с международными обязательствами Хорватии в области прав человека, особенно тех, которые предусмотрены в Конвенции;

e) принимать меры для обеспечения на практике права всех лиц, лишенных свободы, иметь оперативный доступ к адвокату и врачу по их выбору, а также давать им возможность видеться с членами семьи;

f) принимать все необходимые меры по улучшению материальных условий в тюремных центрах для вновь прибывших задержанных из числа просителей убежища и иммигрантов и обеспечить физическую и психологическую неприкосновенность всех лиц, содержащихся в таких центрах;

g) воздерживаться от задержания просителей убежища и незаконных иммигрантов на длительный срок;

h) прекратить практику отказа в доступе к процедурам предоставления убежища в силу того, что власти не могут проверить личность просителей убежища из-за отсутствия документов или переводчиков;

i) подготовить на соответствующих языках информационный материал, с тем чтобы знакомить просителей убежища с процедурами предоставления убежища сразу после их задержания или прибытия на территорию государства-участника;

j) открыть сотрудникам Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев (УВКБ) полный доступ к просителям убежища и наоборот. Как правило, УВКБ должно иметь доступ к индивидуальным досье, с тем чтобы оно могло следить за процедурами предоставления убежища и обеспечить соблюдение прав беженцев и просителей убежища;

k) усилить защиту детей и молодых совершеннолетних, помещенных в учреждения социального попечения, обеспечивая, в частности, получение сообщений об актах насилия и их расследование, предоставляя поддержку и лечение детей и молодых совершеннолетних, имеющих проблемы психологического характера, добиваясь, чтобы в этих учреждениях работал подготовленный персонал, например социальные работники, психологи и педагоги;

l) обеспечить защиту этнических и других меньшинств, в частности путем принятия всех эффективных мер в целях судебного преследования и наказания за все акты насилия, совершаемые в отношении этих лиц, разработки программ по повышению информированности, предотвращения этой формы насилия и борьбы с ним, а также путем включения этого вопроса в программу подготовки сотрудников правоохранительных органов и других соответствующих профессиональных групп;

m) совершенствовать режим деятельности для лиц, находящихся в предварительном заключении, в соответствии с международными стандартами;

n) предоставлять информацию Комитету о правовых и других мерах, принимаемых в целях обеспечения систематического рассмотрения правил допроса, инструкций, методов и практики в отношении лиц, лишенных свободы;

o) продолжать работу по укреплению системы образования в области прав человека и профессиональной подготовки по вопросу о запрещении пыток и жестокого обращения для сотрудников правоохранительных органов, медицинского персонала, государственных служащих и других лиц, которые могут участвовать в задержании, допросе или обращении с любым лицом, подвергнутым той или иной форме ареста, задержания или тюремного заключения;

p) предоставлять Комитету статистические данные о случаях пыток и других видов жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, о которых сообщается административным органам, и о результатах расследования, дезагрегированные, в частности, по признаку пола, этническим группам, географическому региону и типу или расположению мест лишения свободы, где такие случаи имеют место. Кроме того, следует предоставлять информацию о жалобах и делах, находящихся на рассмотрении внутренних судов, включая результаты расследований и последствия для жертвы с точки зрения возмещения и компенсации.

79. Комитет также рекомендует государству-участнику обеспечить повсеместное распространение на его территории выводов и рекомендаций Комитета.

80. Комитет просит государство-участник предоставить в течение года информацию о его реакции на рекомендации Комитета, содержащиеся в пункте 78 a), b), f), n) и p) выше.

81. Комитет рекомендует государству-участнику представить свой следующий периодический доклад 7 октября 2008 года, когда должен быть представлен пятый периодический доклад. Этот доклад объединит в себе четвертый и пятый периодические доклады.

ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА*

82. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Чешской Республики (CAT/C/60/Add.1) на своих 594-м и 597-м заседаниях, состоявшихся 4 и 5 мая 2004 года (CAT/C/SR.594 и 597), и принял следующие выводы и рекомендации.

A. Введение

83. Комитет приветствует представление третьего периодического доклада Чешской Республики в соответствии с руководящими принципами Комитета и включение в него самокритичной информации, а также откровенный и открытый диалог с государством-участником.

84. Отмечая, что доклад охватывает период с 1 января 1998 года по 31 декабря 2001 года, Комитет выражает признательность за новую информацию, представленную делегацией Чешской Республики, и подробные ответы на перечень вопросов и на вопросы, заданные членами Комитета в ходе диалога.

B. Позитивные аспекты

85. Комитет приветствует дальнейшие усилия государства-участника по пересмотру своего законодательства в целях обеспечения соблюдения прав человека в целом и конкретно тех прав, которые связаны с осуществлением Конвенции против пыток. Комитет, в частности, приветствует:

a) поправки к Закону о проживании иностранных граждан № 222/2003 Coll., вступившие в силу 1 января 2004 года, которыми учреждается независимый судебный орган второй инстанции для рассмотрения дел о предоставлении убежища;

b) поправки к Закону об отбывании сроков тюремного заключения (Закон № 52/2004 Coll.) и некоторые связанные с ним подзаконные акты, определяющие условия содержания в тюрьмах в соответствии с требуемыми стандартами и обеспечивающие более широкую защиту заключенных;

c) Закон о пробации и посредничестве и создание Службы пробации и посредничества (Закон № 257/2000 Coll.), в результате чего сократилось число заключенных;

d) Закон о специальной защите свидетелей (Закон № 137/2001 Coll.);

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/2.

e) поправки к Уголовному кодексу (№ 265/2001 Coll.), предусматривающие ведение расследования уголовных преступлений, совершенных предположительно сотрудниками полиции, государственной прокуратурой, а не полицейскими следователями, как это было раньше;

f) принятие в 2003 году Национальной стратегии борьбы с незаконной торговлей людьми;

g) намерение ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции в 2005 году и соответствующую поправку к Закону об институте омбудсмена, которая была одобрена Законодательным советом, расширяющую его полномочия в качестве национального превентивного механизма, как это предусмотрено Факультативным протоколом к Конвенции;

h) публикацию докладов Европейского комитета по предотвращению пыток и ответов государства-участника, а также заверения в том, что для выполнения рекомендаций будут приняты соответствующие меры.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

86. Озабоченность Комитета вызывают следующее:

a) продолжающиеся акты насилия в отношении рома и утверждения о нежелание полиции обеспечивать их должную защиту и расследовать такие преступления, несмотря на принимаемые государством-участником меры по борьбе с такими актами насилия;

b) отсутствие четких правовых гарантий прав всех лиц, лишенных свободы, на пользование услугами адвоката и уведомление ближайших родственников с момента их задержания;

c) тот факт, что несовершеннолетние не содержатся отдельно от взрослых во всех случаях задержания;

d) тот факт, что лица, содержащиеся в предварительном заключении, и лица, отбывающие пожизненные сроки заключения не могут работать и проводят время в бездействии, не занимаясь соответствующей деятельностью;

e) случаи насилия среди заключенных и отсутствие статистических данных с разбивкой по соответствующим показателям, которые содействовали бы определению коренных причин и разработке стратегий в целях предотвращения таких случаев и сокращения их числа;

f) медицинские консультации не всегда могут быть конфиденциальными, и решение о введении ограничений не всегда регулируется законодательными актами и не пересматривается на регулярной основе;

g) действующая система, при которой заключенные должны покрывать часть расходов по их содержанию в тюрьме;

h) результаты расследований случаев чрезмерного применения силы сотрудниками полиции в связи с демонстрациями в Праге во время проведения в сентябре 2000 года совещания Международного валютного фонда/Всемирного банка, когда лишь один случай был квалифицирован как уголовное преступление;

i) отсутствие полной информации от государства-участника об исправлении положения и компенсации жертвам актов пыток или их семьям;

j) поправки к закону о праве на убежище, которые дают более широкие основания для отказа в предоставлении убежища и разрешают задерживать лиц в процессе выдворения и помещать их в центры содержания под стражей иностранцев на срок до 180 дней, а также ограничительный характер условий содержания в этих центрах, которые можно сравнить с условиями в тюрьмах;

k) утверждения, касающиеся некоторых случаев недобровольной и без надлежащего информирования стерилизации женщин рома, а также неспособность правительства провести в этой связи расследование в силу отсутствия достаточных данных для установления личности отдельных пострадавших лиц.

D. Рекомендации

87. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) приложить дополнительные усилия для борьбы с расовой нетерпимостью и ксенофобией и обеспечить включение в обсуждаемое всеобъемлющее антидискриминационное законодательство всех соответствующих оснований, предусмотренных Конвенцией;

b) принять меры для создания эффективной, надежной и независимой системы рассмотрения жалоб в целях проведения оперативных и беспристрастных расследований по всем заявлениям о жестоком обращении или пытках со стороны сотрудников полиции и других государственных служащих, включая, в частности, случаи насилия по расовым мотивам со стороны лиц, не являющихся представителями государственных органов, и особенно случаи, которые привели к смерти людей, и наказывать правонарушителей;

c) активизировать прилагаемые усилия по сокращению числа случаев жестокого обращения со стороны сотрудников и других государственных служащих, в том числе по этническим мотивам и, при обеспечении защиты неприкосновенности частной жизни физических лиц, разработать методы сбора данных и отслеживания случаев совершения таких актов в целях более эффективного решения этой проблемы;

d) укреплять гарантии, предусмотренные в Уголовно-процессуальном кодексе в отношении жестокого обращения и пыток, и обеспечить, чтобы в законодательном порядке и на практике все лица, лишенные свободы, имели гарантии и систематически информировались о наличии у них права на доступ к услугам адвоката и уведомление ближайших родственников;

e) обеспечить, чтобы при всех обстоятельствах лица в возрасте до 18 лет содержались отдельно от взрослых;

f) рассмотреть формы обеспечения для всех заключенных дополнительных видов деятельности с целью поощрения их к каким-либо занятиям, сокращая тем самым время, проводимое в бездействии;

g) отслеживать и фиксировать случаи насилия среди заключенных в целях выявления его коренных причин и выработки соответствующей стратегии его предупреждения. Комитет предлагает государству-участнику представить ему такие данные, дезагрегированные по соответствующим показателям, в своем четвертом периодическом докладе;

h) обеспечить конфиденциальность медицинских осмотров и рассмотреть вопрос о возможности передачи системы медицинского обслуживания из ведения министерства юстиции в ведение министерства здравоохранения;

i) пересмотреть порядок, в соответствии с которым заключенные должны покрывать часть расходов на свое содержание, с тем чтобы полностью отменить это требование;

j) обеспечить, чтобы классификация запрещенных по Конвенции актов проводилась беспристрастным органом с целью возбуждения соответствующего судопроизводства и в своем следующем периодическом докладе представить информацию об уголовных расследованиях предположительных актов пыток и других видов жестокого обращения в соответствии со статьей 259 a) Уголовного кодекса;

k) рассмотреть вопрос о независимости и эффективности расследований жалоб на чрезмерное применение силы в связи с демонстрациями в сентябре 2000 года во время совещания Международного валютного фонда/Всемирного банка в целях привлечения виновных к ответственности и обеспечения компенсации жертвам;

l) включить в свой следующий периодический доклад информацию о компенсации, предоставляемой жертвам или их семьям в соответствии со статьей 14 Конвенции;

m) пересмотреть строгий режим содержания незаконных иммигрантов в целях его отмены и обеспечить перевод всех детей из таких центров содержания под стражей вместе с их родителями в приемники для семей;

n) проводить расследования в связи с заявлениями о недобровольных стерилизациях с использованием медицинских карт и записей данных о персонале и настоятельно просить тех, кто подает жалобы, способствовать, насколько это возможно, надлежащему обоснованию соответствующих утверждений;

o) представить в течение одного года информацию о реакции на рекомендации Комитета, содержащиеся выше в подпунктах a), b), i), k) и m);

p) широко распространять доклады, представляемые Чешской Республикой Комитету, и сделанные по ним выводы и рекомендации на соответствующих языках через официальные вебсайты, средства массовой информации и неправительственные организации;

q) представить свой следующий периодический доклад Комитету не позднее 31 декабря 2009 года, когда должен быть представлен пятый периодический доклад. Этот доклад должен содержать сведенные воедино четвертый и пятый периодические доклады.

ГЕРМАНИЯ*

88. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Германии (CAT/C/49/Add.4) на своих 600-м и 603-м заседаниях (CAT/C/SR.600 и 603), состоявшихся 7 и 10 мая 2004 года, и принял следующие выводы и рекомендации.

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/7.

A. Введение

89. Комитет приветствует третий периодический доклад Германии, хотя и сожалеет о трехгодичной задержке с его представлением. Доклад соответствует принятым Комитетом руководящим принципам по составлению докладов; в частности, в нем содержатся ответы государства-участника на предыдущие заключительные замечания Комитета. Комитет выражает удовлетворение в связи с развернутыми письменными ответами, представленными на его перечень вопросов, а также в связи с подробными ответами на все устно заданные вопросы. Наконец, Комитет также приветствует готовность государства-участника поддерживать всесторонний и откровенный диалог с Комитетом по всем связанным с Конвенцией вопросам.

B. Позитивные аспекты

90. Комитет приветствует:

a) укрепление государством-участником организационных мер по защите прав человека, в том числе создание Комитета по правам человека при федеральном парламенте и представление федеральным правительством двухгодичных национальных докладов по правам человека в федеральный парламент;

b) учреждение в марте 2001 года Германского института по правам человека в качестве информационно-координационного центра, в чью компетенцию входит контроль за положением в области внутригосударственных прав человека;

c) подтверждение государством-участником своей приверженности принципу полного запрета пыток, в том числе в рамках принудительного возвращения. В этой связи Комитет принимает к сведению недавнее возбуждение уголовного преследования в отношении старшего сотрудника франкфуртской полиции по обвинениям в угрозе применения пыток. Кроме того, Комитет приветствует подтверждение государством-участником того факта, что запрет на принудительное возвращение, о котором говорится в статье 3 Конвенции, применяется ко всем случаям, включая ситуацию, когда просителю убежища было отказано в статусе беженца по причинам безопасности;

d) согласие государства-участника на внешнюю проверку с целью контроля за соблюдением им положений Конвенции, особенно с учетом его признания компетенции Комитета рассматривать жалобы в соответствии со статьями 21 и 22 Конвенции;

e) значительный прогресс, который был достигнут за отчетный период в отношении i) условий содержания беженцев в пункте временного размещения во франкфуртском аэропорту; ii) применяемых процедур для целей предоставления статуса

беженца; а также iii) методов, используемых для целей принудительного возвращения воздушным транспортом лиц, которым было отказано в предоставлении убежища;

f) применение государством-участником законодательства по осуществлению Римского статута Международного уголовного суда, в котором содержится всеобъемлющая классификация преступлений против международного права, включая пытки в контексте геноцида, военных преступлений или преступлений против человечности;

g) тот факт, что государство-участник учитывает наличие пыток и других противоречащих Конвенции деяний, совершаемых негосударственными субъектами, когда они подпадают под действие Конвенции, в ходе разбирательства на предмет предоставления убежища или высылки, а также тот факт, что в соответствии с федеральной судебной практикой индивидуальные жалобы о жестоком обращении могут возбуждаться даже в том случае, если соответствующее лицо является выходцем из "безопасной" третьей страны;

h) инициативу государства-участника по учреждению мандата Специального докладчика Комиссии Организация Объединенных Наций по правам человека по вопросу о торговле людьми, особенно женщинами и детьми.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

91. Комитет с обеспокоенностью обращает внимание на следующее:

a) чрезмерную продолжительность времени, необходимого для вынесения решений по уголовным делам, касающимся жалоб на жестокое обращение с задержанными со стороны сотрудников правоохранительных органов, включая, в частности, серьезные случаи, приведшие к смерти, например случай с Амиром Аджибом, который скончался в мае 1999 года;

b) ряд утверждений о том, что то или иное уголовное преследование было возбуждено правоохранительными органами в целях наказания или запугивания лиц, выдвинувших против правоохранительных органов обвинения в жестоком обращении;

c) тот факт, что по множеству охватываемых Конвенцией областей государство-участник не смогло представить статистических данных или обеспечить надлежащую разбивку имевшихся у него данных. В ходе состоявшегося диалога это, в частности, имело место при рассмотрении вопросов, касающихся возбуждения уголовных дел, предположительно соумышленных обвинений в жестоком обращении, контробвинений со стороны правоохранительных органов, подробных данных о правонарушителях и потерпевших, а также фактических элементов обвинений в жестоком обращении;

d) тот факт, что в силу понятных трудностей, вытекающих из конституционного разделения полномочий между федеральными властями и властями земель, меры, принимаемые на федеральном уровне с целью более эффективного осуществления Конвенции, не распространяются на соответствующие сферы деятельности земель. Таким образом, широкие федеральные нормы о принудительном возвращении воздушным транспортом, применимые в отношении возвращений, осуществляемых силами федеральной пограничной полиции (Bundesgrenzschutz), не применяются в отношении возвращений, производимых властями земель;

e) правовой контроль за деятельностью частных охранных компаний, используемых для обеспечения безопасности в определенных местах для временного задержания в международном аэропорту Франкфурта-на-Майне, и уровень профессиональной подготовки сотрудников этих компаний.

D. Рекомендации

92. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять все необходимые меры для того, чтобы обвинения в совершении преступлений, выдвигаемые против его правоохранительных органов, рассматривались в безотлагательном порядке, с тем чтобы обеспечить оперативное вынесение решений по таким обвинениям и полностью исключить возможность любых спекуляций по поводу фактора безнаказанности, в ходе которых, согласно утверждениям, выдвигаются контробвинения;

b) создать центральный пункт сбора соответствующих общенациональных статистических данных и сведений по охватываемым Конвенцией областям, запросить такие данные и сведения у властей земель или принять другие надлежащие меры для обеспечения того, чтобы власти государства-участника, а также Комитет, располагали полной и подробной информацией при оценке соблюдения государством-участником его обязательств по Конвенции;

c) принять соответствующие меры в рамках своих полномочий в отношении властей земель, с тем чтобы обеспечить принятие и общее выполнение ими мер, которые показали свою эффективность на федеральном уровне в контексте содействия более строгому соблюдению Конвенции, включая, в частности, федеральные нормы о принудительном возвращении воздушным транспортом;

d) свести в единую категорию свои уголовные нормы, касающиеся пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

e) представить Комитету подробные данные о том, какое число случаев экстрадиции или высылки, подкрепленных получением дипломатических заверений или гарантий, имело место за период после 11 сентября 2001 года, какие минимальные требования предъявляет государство-участник в отношении содержания таких заверений или гарантий и какие меры последующего контроля осуществляются им в подобных случаях;

f) сообщить Комитету: i) распространяются ли на нанимаемых государством-участником сотрудников частных охранных компаний все предусмотренные законом средства для подачи жалоб и получения возмещения (включая признание государством ответственности за действия своих служащих), которыми могут воспользоваться потерпевшие в результате действий представителей государственных правоохранительных органов; и ii) какую подготовку в связи с охватываемой Конвенцией проблематикой проходят сотрудники таких компаний;

g) обеспечить введение в обиход практики медицинских обследований как до проведения любого принудительного перемещения с использованием воздушного транспорта, так и в случае, если таковое не состоялось;

h) изучить вопрос о более активном использовании предусмотренных в Конвенции механизмов экстрадиции в отношении германских граждан, которые обвиняются в том, что они совершали акты пыток или участвовали в совершении таких актов за рубежом или в тех случаях, когда германские граждане являются предполагаемыми жертвами;

i) приложить все усилия к тому, чтобы ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции.

93. Комитет просит государство-участник представить в течение одного года информацию в ответ на рекомендации Комитета, содержащиеся выше в подпунктах a), b), e) и f) пункта 5.

94. С учетом того, что Германия представила информацию, касающуюся осуществления Конвенции за период, охватываемый третьим и четвертым периодическими докладами, Комитет рекомендует государству-участнику представить свой пятый периодический доклад 30 октября 2007 года.

ЛАТВИЯ*

95. Комитет рассмотрел первоначальный доклад Латвии (CAT/C/21/Add.4) на своих 579-м и 582-м заседаниях, состоявшихся 13 и 14 ноября 2003 года (CAT/C/SR.579 и 582), и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

A. Введение

96. Комитет приветствует первоначальный доклад Латвии, который был подготовлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к форме и содержанию первоначальных докладов государств-участников. Он сожалеет, однако, что этот доклад, который подлежал представлению 13 мая 1993 года, был представлен с опозданием на девять лет. Комитет признает в этой связи те трудности политического и экономического характера, с которыми государство-участник столкнулось в течение переходного периода, и надеется, что в будущем оно будет полностью соблюдать свои обязательства по статье 19 Конвенции.

97. Комитет приветствует также дополнительную информацию, представленную государством-участником в письменном виде, и информацию, приведенную высокопоставленной делегацией во вступительных замечаниях и подробных ответах на поставленные вопросы, что свидетельствует о желании государства-участника начать открытый и плодотворный диалог с Комитетом.

B. Позитивные аспекты

98. Комитет с удовлетворением отмечает текущую деятельность государства-участника, направленную на укрепление прав человека в Латвии. В частности, Комитет приветствует следующее:

a) законодательные меры:

i) учреждение Конституционного суда в 1996 году и включение в Конституцию главы VIII, посвященной основным правам человека;

ii) учреждение в 1995 году Национального бюро по правам человека, которое уполномочено, в частности, рассматривать жалобы на нарушения прав человека, а также представлять в Конституционный суд дела, касающиеся правовых положений, которые, по его мнению, противоречат Конституции Латвии;

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/3.

iii) вступление в силу в сентябре 2002 года нового Закона о убежище, направленного на приведение национальной системы предоставления убежища в еще большее соответствие с нормативными актами Европейского союза по вопросу предоставления убежища и соответствующими международными стандартами. В новом Законе об убежище предусматриваются также две формы дополнительной защиты ("альтернативный статус") для просителей убежища;

iv) вступление в силу в мае 2003 года нового Закона об иммиграции, в котором, в частности, предусматривается максимальный срок содержания под стражей иностранцев, арестованных за нарушение данного закона, и право арестованного иностранца подавать жалобу прокурору, связываться с консульством и иметь доступ к правовой помощи;

v) вступление в силу нового Уголовного кодекса, в котором содержится концепция постепенного осуществления санкций и установленных альтернативных санкций, с тем чтобы частично решить проблему переполненности тюрем;

vi) проект нового уголовно-процессуального кодекса, который направлен на упрощение правовых процедур и сократит, в частности, срок, в течение которого подозреваемый должен предстать перед судьей, с 72 до 48 часов;

vii) проект нового Закона об амнистии, предусматривающий либо освобождение, либо сокращение срока тюремного заключения таких подверженных риску групп, как несовершеннолетние лица, беременные женщины, женщины с малолетними детьми, инвалиды и престарелые.

b) Административные меры:

i) принятие в 2002 году Инструкции о правилах внутреннего распорядка следственных тюрем, устанавливающей стандарты для условий содержания под стражей, а также основные права и обязанности находящихся под стражей лиц;

ii) передача с ноября 2003 года всех латвийских тюрем под надзор квалифицированных профессиональных надзирателей;

iii) разработка, в соответствии со статьей 10 Конвенции, программ профессиональной подготовки для персонала правоприменительных и судебных органов.

99. Кроме того, Комитет с удовлетворением отмечает:

a) участие национальных НПО и гражданского общества в подготовке первоначального доклада Латвии;

b) начало осуществления нового проекта, в рамках которого НПО будут участвовать в инспекции мест лишения свободы в Латвии.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

100. Комитет выражает свою озабоченность по поводу следующего:

a) утверждений о жестоком обращении, которое в некоторых случаях может быть приравнено к пытке, со стороны сотрудников полиции, особенно при задержании и допросе подозреваемых;

b) отсутствия независимости и беспристрастности в работе Бюро внутренней безопасности государственной полиции, в компетенцию которого входит рассмотрение жалоб на предполагаемые насильственные действия сотрудников полиции;

c) условий содержания под стражей в местах лишения свободы, особенно в полицейских участках и изоляторах краткосрочного содержания;

d) продолжительности правовых процедур и чрезмерных сроков досудебного задержания, особенно в изоляторах краткосрочного содержания;

e) того факта, что новым Законом об убежище предусматривается, что никакого "альтернативного статуса" просителя убежища не предоставляется лицу, прибывшему в Латвию из страны, в которой оно могло просить защиты и получить ее. Кроме того, Комитет озабочен длительными сроками, в течение которых просители убежища могут находиться под стражей после отказа им в предоставлении убежища;

f) переполненности тюрем и других мест содержания под стражей, учитывая, в частности, потенциальную опасность подобной ситуации с точки зрения распространения инфекционных заболеваний;

g) того факта, что, хотя в проекте нового уголовно-процессуального кодекса были учтены многие из существующих недостатков, в действующем ныне Уголовно-процессуальном кодексе отсутствует положение о праве находящегося под стражей лица на поддержание контактов с членами семьи. Выражается также озабоченность по поводу информации о том, что для получения консультации врача по своему выбору требуется разрешение властей;

h) заявлений о том, что во многих случаях лиц, содержащихся под стражей в полиции, лишают возможности встретиться с адвокатом или затягивают на практике получение такой возможности, даже если она предусматривается законом, и что ответчики должны оплачивать расходы на юридическую помощь, если они проиграли дело;

i) количества лиц, которые утратили свой правовой статус граждан или "неграждан" и стали "незаконными" после временного выезда из страны.

D. Рекомендации

101. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять все необходимые меры для предотвращения актов жестокого обращения со стороны сотрудников полиции и обеспечить, чтобы все утверждения о жестоком обращении расследовались безотлагательно и беспристрастно;

b) улучшить условия в местах лишения свободы, особенно в полицейских участках и изоляторах краткосрочного содержания, и обеспечить их соответствие международным стандартам;

c) гарантировать лицам, находящимся под стражей в полиции, право на поддержание контактов со своими семьями и возможность получения консультации у врача по своему выбору, а также адвоката сразу после того, как эти лица были лишены свободы;

d) принять все необходимые меры для сокращения продолжительности правовых процедур и существующего ныне срока досудебного заключения под стражу;

e) установить юридически обязательные сроки содержания под стражей лиц, которым было отказано в предоставлении убежища и в отношении которых действует постановление о высылке. В этой связи государству-участнику предлагается сообщить статистические данные в разбивке по признаку пола, этнической принадлежности, стране происхождения и возрасту о лицах, ожидающих высылки;

f) продолжать осуществление мер для решения проблемы переполненности тюрем и других мест содержания под стражей;

g) представить в очередном периодическом докладе подробные статистические данные в разбивке по возрасту, полу и стране происхождения,

касающиеся жалоб на пытки и другие случаи жестокого обращения со стороны сотрудников полиции, а также проведенных в этой связи расследованиях, преследованиях виновных и случаях применения уголовных и дисциплинарных наказаний;

h) обеспечить быстрое принятие проекта кодекса поведения сотрудников полиции во время допроса ("Кодекс полицейской этики");

i) принять меры для обеспечения того, чтобы при любых обстоятельствах преступление в виде пытки четко фигурировало среди преступлений, за совершение которых, согласно статье 34, виновный не может ссылаться на приказ начальника;

j) продолжать оказание содействия интеграции и натурализации "неграждан";

k) рассмотреть вопрос о заявлениях согласно статьям 21 и 22 Конвенции;

l) рассмотреть вопрос о ратификации Факультативного протокола к Конвенции.

102. Комитет рекомендует также государству-участнику обеспечить широкое распространение выводов и рекомендаций Комитета на всех соответствующих языках, используя для этого официальные вебсайты, средства массовой информации и неправительственные организации.

103. Комитет просит государство-участник представить в течение года информацию о действиях, предпринятых им в ответ на рекомендации Комитета, которые изложены в подпунктах e), f), g), h) и i) пункта 101 выше.

104. Государству-участнику предлагается представить до 13 мая 2005 года его очередной периодический доклад, который будет рассматриваться в качестве второго доклада.

ЛИТВА*

105. Комитет рассмотрел первоначальный доклад Литвы (CAT/C/37/Add.5) на своих 584-м и 587-м заседаниях, состоявшихся 17 и 19 ноября 2003 года (CAT/C/SR.584 и 587), и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/5.

A. Введение

106. Комитет приветствует первоначальный доклад Литвы и дополнительную информацию, представленную делегацией высокого уровня.

107. Доклад, в котором в основном рассматриваются правовые положения и не содержится подробной информации о практическом выполнении Конвенции, а также статистических данных, не полностью соответствует руководящим принципам в отношении представления докладов.

B. Позитивные аспекты

108. Комитет приветствует предпринимаемые государством-участником усилия по реформированию своей правовой системы и пересмотру законодательства с целью гарантировать основные права человека, включая право не подвергаться пыткам и другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания, в частности:

a) принятие нового Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса, которые запрещают применение насилия, запугивание, унижающее достоинство обращение или обращение, наносящее ущерб здоровью человека, а также Кодекса исполнения наказаний: все они вступили в силу 1 мая 2003 года;

b) обнародование постановления 96 (от 8 июня 2001 года) Генерального прокурора о контроле за обеспечением защиты задержанных и арестованных лиц от пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения и наказания;

c) принятие 21 мая 2002 года Закона о возмещении ущерба, причиненного незаконными действиями органов государственной власти;

d) Закон об учреждении административных судов (1999 год), предусматривающий рассмотрение жалоб на акты, действия или бездействие государственных должностных лиц;

e) передачу на основании Закона № III-1631 от 18 апреля 2000 года ответственности за обеспечение исполнения уголовных наказаний от министерства внутренних дел министерству юстиции;

f) ратификацию ряда договоров по правам человека, в частности Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, и текущее сотрудничество с Комитетом по предупреждению пыток;

g) ратификацию в 2003 году Римского статута Международного уголовного суда;

h) разработку Национального плана действий по защите прав человека, одобренного резолюцией № IX-1185 парламента Литвы от 7 ноября 2002 года;

i) создание организационных структур по правам человека, в частности парламентского омбудсмена, омбудсмена по равным возможностям мужчин и женщин и омбудсмена по правам детей;

j) создание при Полицейском департаменте Службы по защите свидетелей и потерпевших;

k) меры, принятые с целью решения проблемы переполненности пенитенциарных заведений путем, в частности, введения такой категории преступления как мисдиминор, за совершение которого не предусматривается наказания в виде лишения свободы.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

109. Комитет выражает озабоченность по поводу следующего:

a) отсутствия всеобъемлющего определения пытки, подобного тому, которое содержится в статье 1 Конвенции, и отсутствия конкретной ссылки на такое уголовное преступление, как пытка, в Уголовном кодексе (статья 4);

b) практического лишения задержанных лиц возможности получить сразу после их задержания доступ к адвокату, независимому врачу или членам семьи;

c) утверждений о жестоком обращении с содержащимися под стражей лицами, которое может быть приравнено к пытке, в частности во время допросов в полиции;

d) процедур высылки иностранцев, которые в некоторых случаях могут представлять собой нарушение статьи 3; условий в заведениях, в которых содержатся иностранцы в ожидании высылки, и отсутствия данных о возрасте, поле и стране назначения высылаемых иностранцев или лиц без гражданства, особенно тех, которые содержатся в Центре регистрации иностранцев;

e) существенного увеличения количества жалоб на плохое обращение полиции с заключенными (в основном по причине принятия государством позитивных мер с целью повышения конфиденциальности процесса рассмотрения жалоб), и того факта, что, согласно государству-участнику, почти половина таких жалоб была сочтена обоснованной. Кроме того, Комитет озабочен тем, что расследования утверждений, касающихся действий сотрудников полиции, не проводятся независимым от полиции органом;

f) сообщений о том, что назначаемые государством адвокаты не проявляют большого интереса к тому, каким образом обращаются с их подопечными, которые содержатся под стражей;

g) отсутствия информации о компенсации ущерба и реабилитации жертв пыток и/или жестокого обращения;

h) неблагоприятных, как это признает государство-участник, условий содержания под стражей и того, что некоторые заключенные "живут в страхе" перед насилием со стороны других заключенных, как это было отмечено Европейским комитетом по предупреждению пыток;

i) отсутствия информации, касающейся утверждений относительно жестокого обращения с новобранцами в армии.

D. Рекомендации

110. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять определение понятия "пытка", охватывающее все элементы определения, содержащегося в статье 1 Конвенции, и включить в Уголовный кодекс определение понятия "пытка" как уголовного деяния, четко соответствующего упомянутому определению;

b) обеспечить, чтобы все задержанные лица могли незамедлительно получить доступ к врачу и адвокату, а также связаться со своей семьей на всех стадиях содержания под стражей (статья 2);

c) принять все соответствующие меры с целью предупреждения актов пыток и жестокого обращения, в частности путем:

i) обеспечения специальной подготовки медицинских работников, с тем чтобы они могли выявлять признаки физических и психологических пыток;

ii) уделения повышенного внимания выработке у работников тюрем навыков общения между собой и с заключенными в качестве меры, направленной на уменьшение числа случаев запрещенного физического принуждения и насилия в отношениях между заключенными;

iii) принятия других соответствующих мер с целью предупреждения актов жестокого обращения со стороны сотрудников полиции и

создания полностью независимой и беспристрастной следственной системы;

d) обеспечить практический контроль за действиями прокуроров, с тем чтобы любые лица, утверждающие, что они подверглись жестокому обращению или пыткам, или обращающиеся с просьбой о проведении медицинского обследования, получали санкцию прокурора проходить такое обследование по их просьбе, а не только по указанию какого-либо должностного лица;

e) незамедлительно принять эффективные меры по созданию полностью независимого механизма рассмотрения жалоб, обеспечению оперативного, беспристрастного и всестороннего расследования многочисленных заявлений о пытках, которые доводятся до сведения властей и органов судебного преследования, и соответствующему наказанию преступников;

f) обеспечить оперативное расследование военными должностными лицами сообщений о жестоком обращении с новобранцами, которое может быть приравнено к жестокому обращению или пытке, и справедливое и беспристрастное расследование других сообщений о злоупотреблениях, а также привлечение виновных к ответственности;

g) обеспечить строгое соблюдение компетентными органами положений статьи 3 Конвенции и не высылать, не возвращать и не выдавать лицо государству, в котором оно может подвергнуться пыткам. Комитет настоятельно призывает государство-участник предпринять более энергичные усилия для обеспечения того, чтобы заведения, предназначенные для содержания под стражей иностранцев, соответствовали международным стандартам, и просит представить дезагрегированные данные об этом;

h) продолжать усилия по обеспечению эффективного функционирования системы правовой помощи, в частности путем оплаты услуг адвокатов за счет государства, обеспечения им надлежащего вознаграждения и привлечения коллегии адвокатов к процессу координации назначений;

i) предоставить информацию о возможностях возмещения ущерба и реабилитации, имеющихся в распоряжении жертв пыток и других видов жестокого, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания;

j) продолжать принимать меры с целью улучшения условий содержания под стражей как подследственных, так и осужденных;

k) рассмотреть возможность представления заявлений по статьям 21 и 22 Конвенции и ратификации Факультативного протокола к Конвенции;

l) рассмотреть вопрос о проведении консультаций с неправительственными организациями и организациями гражданского общества в процессе подготовки всех частей очередного периодического доклада.

111. Комитет просит государство-участник представить в своем следующем периодическом докладе подробные статистические данные - в разбивке по категориям преступлений, географическим районам, этническому происхождению и признаку пола, - касающиеся жалоб на акты пыток и жестокого обращения, предположительно совершенные сотрудниками правоохранительных органов, а также сведения о видах и результатах рассмотрения правонарушений, связанных с пытками, которые были вменены в вину сотрудникам полиции и других правоохранительных органов, включая дела, по которым иски были отклонены судом, и данные о, возможно, имевших место случаях компенсации и реабилитации потерпевших.

112. Комитет просит государство-участник представить в течение года информацию о действиях, предпринятых им во исполнение рекомендаций Комитета, содержащихся в подпунктах d), e) и f) пункта 110 выше.

113. Комитет просит государство-участник широко распространить выводы и рекомендации Комитета, а также краткие отчеты о рассмотрении первоначального доклада государства-участника в стране, в том числе среди сотрудников правоохранительных органов путем публикации в средствах массовой информации, а также распространения и популяризации соответствующих материалов неправительственными организациями.

МОНАКО*

114. Комитет рассмотрел второй периодический доклад Монако (CAT/C/38/Add.2) на своих 596, 599 и 609-м заседаниях 5, 6 и 13 мая 2004 года (CAT/C/SR.596, 599 и 609 и принял следующие выводы и рекомендации.

A. Введение

115. Комитет с удовлетворением отмечает представление второго периодического доклада Монако, который в целом соответствует принятым Комитетом руководящим

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/1.

принципам. Вместе с тем он выражает сожаление в связи с тем, что доклад был представлен с пятилетним опозданием и содержит мало информации о конкретном осуществлении Конвенции. Комитет выражает удовлетворение в связи с присутствием высокопоставленной делегации, которая дала точные ответы на заданные вопросы и продемонстрировала стремление к откровенному сотрудничеству.

B. Позитивные аспекты

116. Комитет с удовлетворением отмечает:

a) отсутствие сообщений о нарушениях Конвенции государством-участником;

b) текущий процесс вступления в Совет Европы;

c) реформу Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса в целях приведения их в соответствие с европейскими нормами в области прав человека;

d) взносы, направляемые с 1994 года ежегодно в Фонд добровольных взносов Организации Объединенных Наций для жертв пыток.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

117. Комитет выражает озабоченность по поводу следующего:

a) отсутствия в уголовном законодательстве определения пытки, содержащего все элементы, изложенные в статье 1 Конвенции;

b) отсутствия каких-либо положений, конкретно запрещающих ссылаться на исключительные обстоятельства или приказ вышестоящего начальника или государственной власти в оправдание пыток;

c) слабости гарантий, связанных с высылкой и возвращением иностранцев, в той мере, в какой применительно к таким ситуациям в национальном законодательстве, как представляется, отсутствует какое-либо положение о недопущении принудительного возвращения в соответствии с требованиями статьи 3 Конвенции, а обжалование в Верховном трибунале не приостанавливает автоматически процедуру высылки;

d) ограниченной сферы применения статей 228 и 278 Уголовного кодекса, которые не отвечают в полной мере требованиям статьи 4 Конвенции, поскольку они касаются лишь убийств, совершенных с помощью пыток или сопровождаемых проявлениями жестокости, и пыток, совершенных при незаконных арестах или похищениях людей;

e) того факта, что содержащиеся под стражей лица не имеют права на помощь адвоката, ибо эта помощь предусмотрена лишь с момента их первой доставки к следственному судье, и что эти лица могут информировать своих родственников о задержании лишь с разрешения упомянутого судьи;

f) отсутствия положений об обязательном ведении журнала регистрации лиц, содержащихся в полицейских участках, хотя такие журналы и существуют на практике;

g) отсутствия механизма контроля за обращением с иностранцами, осужденными судами Монако к длительным срокам заключения и помещенными в пенитенциарные учреждения Франции, и за фактическими условиями их содержания.

D. Рекомендации

118. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) внести в национальное уголовное право определение пытки, которое полностью соответствует статье 1 Конвенции;

b) включить в национальное законодательство положение, которое запрещает ссылаться на чрезвычайные обстоятельства или приказ вышестоящего начальника или государственной власти в оправдание пыток;

c) уважать принцип, провозглашенный в статье 3 Конвенции, в том числе в случаях высылки и возвращения иностранцев, и принять меры к тому, чтобы обжалование решений о высылке со ссылкой на угрозу применения пыток в стране назначения автоматически приостанавливало процедуру высылки. Отмечая, что соответствующие лица высылаются и возвращаются исключительно во Францию, Комитет напоминает о том, что государство-участник должно обеспечить, чтобы не было произведено ни одной высылки в третью страну, где может возникнуть угроза применения пыток;

d) гарантировать право содержащихся под стражей лиц иметь доступ к адвокату по их выбору и информировать своих родственников в первые часы задержания;

e) регламентировать использование журналов регистрации в полицейских участках согласно соответствующим международным документам, в частности Своду принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме;

f) обеспечить контроль за обращением с заключенными в пенитенциарных учреждениях Франции и условиями их содержания;

g) рассмотреть вопрос о ратификации Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, превентивные цели которого имеют очень важное значение.

119. Комитет рекомендует широко распространить в стране настоящие выводы и рекомендации, а также краткие отчеты о заседаниях, посвященных рассмотрению второго периодического доклада государства-участника.

120. Комитет просит государство-участник представить ему через год информацию о том, какие меры оно приняло для выполнения рекомендаций Комитета, содержащихся выше в подпунктах c), d) и f) пункта 118.

121. Учитывая, что второй периодический доклад Монако охватывает также третий доклад, подлежавший представлению 4 января 2001 года, Комитет просит государство-участник представить свои четвертый и пятый доклады в одном документе 4 января 2009 года.

МАРОККО*

122. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Марокко (CAT/C/66/Add.1 и Corr.1), а также дополнительную устную информацию, представленную делегацией государства-участника, на своих 577, 580 и 598-м заседаниях (CAT/C/SR.577, 580 и 589), состоявшихся 12, 13 и 20 ноября 2003 года, и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

A. Введение

123. Комитет с удовлетворением воспринял представление Марокко третьего периодического доклада, в котором приведена подробная информация о принятых за период после рассмотрения второго периодического доклада в 1999 году мерах по осуществлению Конвенции, а также устно представленную марокканской делегацией полезную информацию о мерах по выполнению Конвенции, которые были приняты после представления 23 марта 2003 года третьего доклада государства-участника. Комитет выражает делегации Марокко признательность за состоявшийся откровенный и конструктивный диалог.

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/2.

124. Третий доклад был представлен с некоторым опозданием, поскольку он был запланирован на 2002 год. Доклад не в полной мере отвечал руководящим принципам, касающимся формы и содержания периодических докладов, поскольку, в частности, в нем отсутствовала часть, посвященная реализации выводов и рекомендаций ранее сформулированных Комитетом.

B. Позитивные аспекты

125. Комитет отмечает следующие новые позитивные тенденции:

a) заявление делегации государства-участника о намерении исполнительной власти самого высокого уровня, а также законодательной власти осуществлять положения Конвенции, которые имеют прямое применение в Марокко, принимать организационно-структурные, нормативные и просветительские меры в консультации с национальными и международными ассоциациями и развивать техническое сотрудничество в области прав человека с Программой развития Организации Объединенных Наций (ПРООН), Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по правам человека (УВКПЧ) и неправительственными организациями (НПО); эта политическая воля нашла также свое выражение в освобождении политических заключенных, в том числе группы заключенных из 56 человек, выпущенных на свободу в ноябре 2002 года, и в выплате компенсации потерпевшим;

b) расширение мандата Консультативного совета по правам человека (КСПЧ), учреждение поста "посредника", диван-аль-мадхалим, на которого возложено рассмотрение сообщенных ему случаев нарушения прав человека и представление компетентным органам власти соответствующих предложений и рекомендаций; создание Фонда Мохаммеда VI по реинтеграции заключенных, который возглавляет сам король; создание Центра документации, информации и просвещения по вопросам прав человека; реформа пенитенциарной системы, в частности осуществление мер в интересах лиц, подвергаемых любым формам задержания или заключения, в том числе в интересах несовершеннолетних, содержащихся в центрах охраны детства, и осуществление мер, гарантирующих медицинское обслуживание и возможности получения образования для задержанных и заключенных;

c) кардинальная реформа соответствующего законодательства, начатая государством-участником, в частности пересмотр таких документов, как Уголовно-процессуальный кодекс и проект пересмотра Уголовного кодекса в консультации с КСПЧ и ассоциациями, работающими в области прав человека, в частности в том, что касается утверждения принципа презумпции невиновности, права на справедливое судебное разбирательство, права на обжалование судебных решений и учета специфических потребностей женщин и несовершеннолетних;

d) значительные усилия по развитию системы подготовки кадров и образования в области прав человека, в частности организация Центром документации, информации и образования в области прав человека учебных курсов для административных сотрудников пенитенциарной системы и специалистов, занимающихся вопросами тюремной и судебной медицины;

e) предоставление представителям национальных независимых неправительственных организаций возможностей посещения задержанных и заключенных;

f) выплата компенсаций по рекомендациям учрежденной при КСПЧ Независимой арбитражной комиссии жертвам насильственных исчезновений и произвольных задержаний, а также их законным представителям в порядке возмещения нанесенного материального и морального ущерба;

g) заверения в том, что государство-участник примет меры в связи с рекомендациями Комитета и выраженной им озабоченностью.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

126. Обеспокоенность Комитета вызывают следующие вопросы:

a) отсутствие информации о всестороннем применении статьи 2 Конвенции, в частности в отношении предусмотренных в подпунктах 2 и 3 случаев, которые касаются исключительных обстоятельств и приказов вышестоящего начальника или государственной власти как основания для освобождения от уголовной ответственности;

b) имевшее место после рассмотрения второго периодического доклада значительное увеличение как в уголовном законодательстве в целом, так и в законе о борьбе с терроризмом максимального срока задержания, т.е. периода, когда опасность применения пыток особенно велика;

c) отсутствие в период задержания гарантий обеспечения задержанным права на безотлагательный и надлежащий доступ к адвокату и врачу, а также к кому-либо из родственников;

d) увеличение, по некоторым сведениям, числа арестов по политическим мотивам за рассматриваемый период, а также рост общего числа задержанных и заключенных, включая политических заключенных, и увеличение числа утверждений о применении пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов наказания и обращения сотрудниками Департамента территориального надзора (ДТН);

e) отсутствие информации о принятых судебными, административными и иными органами власти мерах, касающихся жалоб, расследований, обвинений, разбирательств и приговоров в отношении лиц, виновных в применении пыток, в частности в случаях применения пыток, подтвержденных Независимой арбитражной комиссией, в целях выплаты компенсации материального и морального ущерба, причиненного лицам, ставшим жертвами незаконного исчезновения и задержания, и их родственникам;

f) применение к актам пыток сроков исковой давности, предусмотренных в общем праве, что лишает потерпевших права на не имеющее исковой давности возбуждение судебного расследования;

g) отсутствие в уголовном законодательстве положения о запрещении использования любых полученных вследствие применения пытки показаний в качестве доказательств в рамках судебного разбирательства;

h) общее число лиц, умерших в заключении;

i) переполненность тюрем, наличие сообщений о драках и насилии между заключенными.

D. Рекомендации

127. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) в рамках текущего пересмотра Уголовного кодекса предусмотреть возможность включения в него определения пытки, полностью соответствующего положениям статей 1-4 Конвенции;

b) в рамках текущего пересмотра Уголовного кодекса четко запретить любые акты пыток, даже в исключительных обстоятельствах или по приказу вышестоящего начальника или государственной власти;

c) ограничить до минимума продолжительность срока содержания под стражей в полиции и гарантировать задержанным право на безотлагательный доступ к адвокату, врачу и кому-либо из родственников;

d) включить в Уголовно-процессуальный кодекс положения, дающие любому лицу, ставшему жертвой пыток, не имеющее срока давности право возбудить судебное расследование в отношении любого лица, виновного в применении пытки;

e) принять все необходимые меры с тем, чтобы положить конец безнаказанности государственных служащих, ответственных за применение пыток и жесткого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения;

f) следить за тем, чтобы все утверждения о применении пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения в срочном порядке становились предметом беспристрастных и всесторонних расследований, в частности утверждения о случаях и ситуациях, подтвержденных Независимой арбитражной комиссией, и утверждений, свидетельствующих о причастности сотрудников Департамента территориального надзора (ДТН) к применению пыток; следить за тем, чтобы к виновным применялись надлежащие санкции и жертвам выплачивались справедливые компенсации;

g) проинформировать Комитет о результатах беспристрастных расследований, проведенных в связи со всеми случаями смерти находящихся под стражей лиц, задержанных или заключенных, в частности теми случаями, которые, как утверждается, стали результатом применения пыток;

h) в рамках текущего пересмотра Уголовного кодекса включить в него положение о запрещении использования в качестве доказательств в ходе судебного разбирательства любых показаний, полученных под пыткой, как это предусмотрено в статье 15 Конвенции;

i) снять оговорку к статье 20 и сделать заявления, предусмотренные в статьях 21 и 22 Конвенции;

j) посвятить отдельную часть своего следующего периодического доклада принятым мерам по реализации выводов и рекомендаций, сформулированных Комитетом;

k) включить в свой следующий периодический доклад статистическую информацию, в разбивке, в частности, по видам правонарушений, возрасту и полу жертв и категориям преступников, о жалобах на применение пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания со стороны государственных служащих, а также о всех расследованиях, обвинениях и уголовных и дисциплинарных наказаниях в связи с указанными жалобами. Государству-участнику следует также представить информацию о результатах любых имевших место проверок всех мест содержания под стражей и о принятых органами власти мерах в целях решения проблем переполненности тюрем и в отношении утверждений о фактах насилия между заключенными.

128. Комитет рекомендует широко распространить в стране на соответствующих языках настоящие выводы и рекомендации, а также краткие отчеты о заседаниях, посвященных рассмотрению третьего периодического доклада государства-участника.

129. Комитет просит государство-участник представить ему в течение одного года информацию о принятых им мерах по осуществлению рекомендаций Комитета, изложенных выше в подпунктах c), f) и g) пункта 127.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ*

130. Комитет рассмотрел третий периодический доклад Новой Зеландии (CAT/C/49/Add.3) на своих 604, 607 и 616-м заседаниях, состоявшихся 11, 12 и 19 мая 2004 года (CAT/C/SR.604, 607 и 616), и принял следующие выводы и рекомендации.

A. Введение

131. Комитет приветствует третий периодический доклад Новой Зеландии, который был подготовлен в соответствии с принятыми Комитетом руководящими принципами. Вместе с тем он отмечает, что доклад был представлен с трехлетним опозданием.

132. Комитет дает высокую оценку дополнительно представленной в письменной и устной форме информации, а также приветствует присутствие высокопоставленной делегации, что подтверждает стремление государства-участника поддерживать открытый и плодотворный диалог с Комитетом.

B. Позитивные аспекты

133. Комитет с удовлетворением отмечает:

a) принятие в 1999 году Закона об экстрадиции в соответствии с высказанными ранее Комитетом рекомендациями;

b) сотрудничество с Управлением Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев и стремление выполнять его руководящие принципы и рекомендации;

c) тот факт, что Центр по приему беженцев в Манджере можно считать скорее открытым центром, чем местом содержания под стражей;

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/32/4.

d) процедуру оказания правовой помощи задержанным полицией лицам, которая обеспечивает этим лицам бесплатное получение правовой консультативной помощи;

e) законодательные и административные изменения, которые способствуют более эффективному соблюдению положений Конвенции, в частности Протокол 2000 года, заключенный между Департаментом пенитенциарных учреждений и Управлением омбудсмена, поправку 1998 года к Закону о взаимной помощи в связи с уголовно-процессуальными действиями и Закон 2000 года о международных преступлениях и Международном уголовном суде;

f) меры, принимаемые для повышения эффективности и укрепления независимости Органа по рассмотрению жалоб на действия полиции;

g) усилия, прилагаемые для развития позитивных отношений между полицией и маори;

h) усилия, прилагаемые в целях строительства новых помещений для размещения детей, молодежи и семей;

i) текущую разработку национального плана действий в области прав человека Комиссией по правам человека;

j) объявление о намерении снять оговорки к Конвенции против пыток и к Конвенции о правах ребенка, а также ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции против пыток.

C. Вопросы, вызывающие озабоченность

134. Озабоченность Комитета вызывают следующие моменты:

a) тот факт, что законодательство об иммиграции не закрепляет предусмотренное в статье 3 Конвенции обязательство в отношении недопустимости принудительного возвращения;

b) значительное снижение доли просителей убежища, которые сразу же после прибытия получают неограниченную свободу передвижения, а также содержание в предварительном заключении ряда просителей убежища вместе с другими задержанными лицами;

c) заключения об угрозе безопасности в соответствии с Законом об иммиграции, что может привести к нарушениям статьи 3 Конвенции, поскольку власти могут высылать или депортировать любое лицо, которое, как они считают, угрожает национальной

безопасности, без подробно мотивированных причин, либо к разглашению конфиденциальной информации о соответствующем лице; ограниченность возможностей для эффективного обжалования; и тот факт, что министр иммиграции обязан решать в течение трех рабочих дней вопрос о целесообразности высылки или депортации соответствующего лица;

d) случаи продолжительной недобровольной изоляции в период содержания под стражей (помещение в одиночную камеру), что, при определенных обстоятельствах, может быть равносильно действиям, запрещенным в статье 16 Конвенции;

e) установление низкого возрастного порога для привлечения к уголовной ответственности и тот факт, что иногда несовершеннолетние не содержатся раздельно от взрослых заключенных и их размещают в полицейских камерах вследствие нехватки специальных помещений для детей, молодежи и семей;

f) выводы омбудсмена относительно расследований предполагаемого жестокого обращения тюремных служащих с заключенными, в частности относительно нежелания оперативно рассматривать такие утверждения, а также качество, беспристрастность и объективность расследований.

D. Рекомендации

135. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) закрепить в его законодательстве об иммиграции обязательство о недопущении принудительного возвращения, упомянутое в статье 3 Конвенции против пыток, и изучить вопрос о введении единой процедуры определения статуса беженца, в рамках которой вначале рассматриваются основания для признания этого статуса, определенные в Конвенции 1951 года о статусе беженцев, а затем анализируются любые иные мотивы для обеспечения современных форм защиты, в частности в соответствии со статьей 3 Конвенции против пыток;

b) обеспечить, чтобы при любых обстоятельствах борьба с терроризмом не приводила к нарушениям положений Конвенции и к возникновению неоправданных трудностей для просителей убежища, а также установить предельный срок для содержания под стражей и ограничений, применяемых в отношении просителей убежища;

c) незамедлительно принять меры для пересмотра законодательства, касающегося заключений об угрозе безопасности, с тем чтобы можно было эффективно обжаловать решения о задержании, высылке или депортации

соответствующих лиц, продлить время, предоставляемое министру иммиграции для принятия решений, и обеспечить всестороннее соблюдение статьи 3 Конвенции;

d) сократить продолжительность и улучшить условия недобровольной изоляции (содержания в одиночной камере), которая может быть применена в отношении просителей убежища, заключенных и других задержанных лиц;

e) выполнить рекомендации, высказанные Комитетом по правам ребенка (CRC/C/15/Add.216, пункты 30 и 50);

f) представить информацию о результатах стратегии развития, направленной на обеспечение того, чтобы несовершеннолетние не подвергались произвольным обыскам;

g) провести расследование событий, связанных с решением Высокого суда по делу Тауноа и др.;

h) проинформировать Комитет о результатах мер, принятых в ответ на обеспокоенность, выраженную омбудсменом относительно расследования случаев жестокого обращения тюремного персонала с заключенными.

136. Комитет приветствует намерение государства-участника ратифицировать Конвенцию 1954 года о статусе апатридов и Конвенцию о сокращении безгражданства и рекомендует ему оперативно ратифицировать эти документы.

137. Комитет рекомендует государству-участнику широко распространить выводы и рекомендации Комитета на соответствующих языках с помощью официальных вебсайтов, средств массовой информации и неправительственных организаций.

138. Комитет просит государство-участник представить в течение года информацию о принятии мер по реализации рекомендаций Комитета, содержащихся в пунктах 7 b), c), d) и h) выше.

139. С учетом того, что третий периодический доклад включает также четвертый периодический доклад, подлежавший представлению 8 января 2003 года, Комитет просит государство-участника представить его пятый периодический доклад 8 января 2007 года.

ЙЕМЕН*

140. Комитет рассмотрел первоначальный доклад Йемена (CAT/C/16/Add.10) на своих 583-м и 586-м заседаниях, состоявшихся 17 и 18 ноября 2003 года (CAT/C/SR.583 и 586), и принял нижеследующие выводы и рекомендации.

A. Введение

141. Комитет приветствует первоначальный доклад Йемена и возможность начать диалог с государством-участником. Вместе с тем он сожалеет, что доклад, который должен был быть представлен 4 декабря 1992 года, был представлен почти 10 лет спустя.

142. Доклад, который содержит обширную информацию о правовых положениях, но при этом не затрагивает вопросов практического применения Конвенции или связанных с этим трудностей, не полностью соответствует руководящим принципам Комитета в отношении подготовки периодических докладов. Комитет приветствует готовность делегации вступить в откровенный и открытый диалог.

B. Позитивные аспекты

143. Комитет приветствует предпринимаемые государством-участником усилия по реформированию его правовой системы, пересмотру законодательства и поощрению демократических ценностей, включая:

a) создание министерства по правам человека в 2003 году в целях поощрения и обеспечения соблюдения прав человека, включая рассмотрение индивидуальных жалоб;

b) предоставление многочисленным неправительственным организациям возможности беспрепятственно действовать на территории страны;

c) положения принятых законов о защите прав человека, включая, например, статью 149 Конституции; статью 6 Уголовно-процессуального кодекса № 3 от 1994 года; статью 21 Кодекса о воинских преступлениях и наказаниях 1998 года; статью 9 Закона о службе полиции № 15/2000; статью 35 Уголовного кодекса; и ратификацию посредством Закона № 36 от 1983 года Арабской конвенции о судебном сотрудничестве;

d) провозглашенное государством-участником намерение ратифицировать Римский статут Международного уголовного суда и меры, принятые в этом отношении на национальном уровне;

---

* Также опубликовано как CAT/C/CR/31/4.

e) ратификацию основных договоров по правам человека и включение положений этих международных договоров во внутреннее законодательство;

f) образование и подготовку в области прав человека и готовность государства-участника к международному сотрудничеству, как это отражено в соглашении, заключенном с Управлением Верховного комиссара по правам человека;

g) заверения, полученные от делегации о намерении создать специальные учреждения ("временные приюты") для приема находящихся в уязвимом положении женщин, которые отбыли сроки тюремного заключения;

h) предоставление Международному комитету Красного Креста доступа к лицам, задержанным Департаментом политической безопасности.

C. Факторы и трудности, препятствующие осуществлению Конвенции

144. Комитет, которому известно о трудностях, с которыми сталкивается государство-участник в своей давней борьбе с терроризмом, напоминает, что никакие исключительные обстоятельства не могут использоваться для оправдания пыток. Он, в частности, подчеркивает, что реакция государства-участника на подобные угрозы должна соответствовать положениям пункта 2 статьи 2 Конвенции и не выходить за рамки резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности.

D. Вопросы, вызывающие озабоченность

145. Комитет выражает озабоченность по поводу следующего:

a) отсутствия всеобъемлющего определения пытки в национальном законодательстве согласно статье 1 Конвенции;

b) характера некоторых уголовных наказаний, в частности порки и ампутации конечностей, которые могут нарушать положения Конвенции;

c) сообщений о нередко используемой практике содержания заключенных без связи с внешним миром сотрудниками Департамента политической безопасности, включая случаи массовых арестов и содержания под стражей в течение длительных периодов времени без суда;

d) непредоставления на практике задержанным лицам возможности встретиться с адвокатом, врачом по своему выбору или родственниками с момента задержания;

e) очевидного отсутствия своевременного, беспристрастного и полномасштабного расследования многочисленных утверждений о пытках и нарушениях статьи 16 Конвенции и непринятия мер по судебному преследованию предполагаемых нарушителей;

f) сообщений о случаях депортации иностранцев без предоставления им возможности в законодательном порядке оспорить применение этих мер, что в случае подтверждения данных сообщений может нарушать обязательства, налагаемые статьей 3 Конвенции;

g) непредставления государством-участником подробной информации об условиях компенсации и реабилитации жертв жестокого обращения со стороны государства;

h) положения женщин, которые отбыли свой срок тюремного заключения, но при этом остаются в тюрьме в течение продолжительных периодов времени;

i) Комитет обеспокоен низким минимальным возрастом наступления уголовной ответственности и содержанием несовершеннолетних правонарушителей, начиная с 7-летнего возраста, в специализированных больницах или в учреждениях социальной защиты.

E. Рекомендации

146. Комитет рекомендует государству-участнику:

a) принять определение пытки, которое охватывало бы все элементы этого понятия, содержащиеся в статье 1 Конвенции, и соответствующим образом изменить национальное уголовное законодательство;

b) принять все необходимые меры для обеспечения того, чтобы уголовные наказания полностью соответствовали положениям Конвенции;

c) обеспечить, чтобы все задерживаемые лица незамедлительно получали доступ к врачу и адвокату, а также имели возможность связаться со своими семьями на всех этапах задержания и чтобы лица, задержанные Департаментом политической безопасности, получали незамедлительный доступ к судьям;

d) принять все необходимые меры для ликвидации де-факто системы содержания под стражей без связи с внешним миром;

e) принять незамедлительные меры для обеспечения того, чтобы аресты и задержания проводились под независимым и беспристрастным судебным надзором;

f) обеспечить, чтобы все меры по борьбе в терроризмом принимались в полном соответствии с Конвенцией;

g) обеспечить, чтобы выдворение, принудительное возвращение или экстрадиция того или иного лица в другое государство осуществлялись в соответствии со статьей 3 Конвенции;

h) принять меры для создания эффективной, надежной и независимой системы рассмотрения жалоб для проведения своевременных и беспристрастных расследований утверждений о жестоком обращении или пытках со стороны полиции и других государственных должностных лиц и для наказания виновных;

i) активизировать усилия по уменьшению числа случаев пыток или других видов жестокого обращения со стороны полиции и других государственных должностных лиц и собирать данные для контроля над такими случаями;

j) обеспечить право жертв пыток на справедливую и адекватную компенсацию со стороны государства и создать программы для физической и психологической реабилитации жертв;

k) продолжать и расширять усилия по созданию "временных приютов" для женщин, с тем чтобы ликвидировать практику их нахождения в тюрьме по истечении срока заключения;

l) пересмотреть минимальный возраст наступления уголовной ответственности и обеспечить, чтобы все учреждения по обеспечению защиты и другие места содержания под стражей отвечали международным нормам отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, включая нормы, закрепленные в Конвенции;

m) рассмотреть возможность сделать заявления в соответствии со статьями 21 и 22 Конвенции и ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции;

n) проводить консультации с Управлением Верховного комиссара по правам человека, независимыми правозащитными механизмами и страновыми программами Организации Объединенных Наций для разработки надлежащих программ в области образования и подготовки кадров, в частности по вопросам процессов подготовки докладов органам Организации Объединенных Наций по

правам человека, и программ, направленных на обеспечение соблюдения запрета пыток и жестокого обращения.

147. Комитет рекомендует государству-участнику, чтобы его следующий доклад соответствовал руководящим принципам Комитета в отношении представления докладов и, в частности, включал:

a) подробную информацию о практическом осуществлении его законодательства и рекомендаций Комитета;

b) подробные статистические данные - в разбивке по совершенным преступлениям, географическим районам, этническим группам и признаку пола - о жалобах на акты пыток и жестокого обращения, предположительно совершенные сотрудниками правоохранительных органов, а также о проведенных в этой связи расследованиях, судебном преследовании виновных и применении уголовных и дисциплинарных наказаний.

148. Комитет рекомендует государству-участнику обеспечить широкое распространение представленных Йеменом докладов Комитету и выводов и рекомендаций Комитета на соответствующих языках через официальные вебсайты, средства массовой информации и неправительственные организации.

149. Комитет предлагает делегации представить дополнительную письменную информацию по вопросам, которые были затронуты в ходе диалога и остались без ответа.

150. Комитет просит государство-участник представить в течение года информацию о действиях, предпринятых им в ответ на рекомендации Комитета, которые изложены в подпунктах d) и f) пункта 146 выше.

Примечание

[1] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят восьмая сессия, Дополнение № 48 (A/58/48), пункты 93-100.

IV. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 20 КОНВЕНЦИИ

A. Общая информация

151. В соответствии с пунктом 1 статьи 20 Конвенции, если Комитет получает достоверную информацию, которая, по его мнению, содержит вполне обоснованные данные о систематическом применении пыток на территории какого-либо государства-участника, Комитет предлагает этому государству-участнику сотрудничать в рассмотрении этой информации и с этой целью представить свои замечания в отношении данной информации.

152. Согласно правилу 69 правил процедуры Комитета Генеральный секретарь доводит до сведения Комитета информацию, которая представлена или считается представленной для рассмотрения Комитетом в соответствии с пунктом 1 статьи 20 Конвенции.

153. Комитет не принимает никакую информацию, если она касается государства-участника, которое в соответствии с пунктом 1 статьи 28 Конвенции при ратификации Конвенции или присоединении к ней заявило, что оно не признает компетенцию Комитета, предусмотренную в статье 20, если только это государство-участник впоследствии не сняло свою оговорку в соответствии с пунктом 2 статьи 28 Конвенции.

154. В течение отчетного периода продолжалась работа Комитета по статье 20 Конвенции. В соответствии с положениями статьи 20 и правилами 72 и 73 правил процедуры все документы и материалы Комитета, касающиеся его деятельности по статье 20 Конвенции, носят конфиденциальный характер и все заседания, посвященные его деятельности во исполнение этой статьи, являются закрытыми. Вместе с тем в соответствии с пунктом 5 статьи 20 Конвенции после консультаций с соответствующим государством-участником Комитет может принять решение о включении краткого отчета о результатах этой работы в свой годовой доклад, который представляется государствам-участникам и Генеральной Ассамблее. Ниже приводится такой краткий отчет, касающийся Сербии и Черногории.

155. В рамках последующих мер Комитет на своей тридцать первой сессии назначил одного из своих членов, г-на Расмуссена, осуществить деятельность в целях поощрения государств-участников, в отношении которых проводилось расследование с публикацией его итогов, к принятию мер по выполнению рекомендаций Комитета. Г-н Расмуссен установил контакты с этими государствами для получения информации о принятых ими мерах.

B. Краткий отчет о результатах расследования, касающегося Сербии и Черногории

I. ВВЕДЕНИЕ

156. 19 декабря 1997 года базирующаяся в Белграде неправительственная организация "Центр гуманитарного права" (ЦГП) представила Комитету материалы, содержащие утверждения о систематическом применении пыток на территории Сербии и Черногории, и обратилась к Комитету с просьбой изучить положение дел в соответствии со статьей 20 Конвенции. В мае 1998 года Комитет предложил ЦГП представить дополнительную информацию, подтверждающую относящиеся к делу факты. В ноябре 1998 года полученная от ЦГП информация была передана государству-участнику с просьбой представить свои замечания. Учитывая сложившуюся в стране на тот момент политическую ситуацию, Комитет решил отложить рассмотрение этого вопроса. В мае 2000 года Комитет принял решение вновь обратиться к государству-участнику с просьбой о представлении замечаний в ответ на выдвинутые утверждения. Замечания были в конечном итоге представлены 23 августа 2000 года.

157. В ноябре 2000 года Комитет постановил провести конфиденциальное расследование, принимая во внимание, что информация, которой он располагает, содержит достоверные признаки систематического применения в стране пыток. В то же время Комитет обратился к правительству с просьбой дать разрешение на прибытие членов Комитета, которым было поручено провести расследование. Правительство согласилось на такое посещение, которое состоялось в период с 8 по 19 июля 2002 года.

II. ПОСЕЩЕНИЕ СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ В ПЕРИОД С 8 ПО 19 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

158. В составе группы, посетившей страну, находились Питер Бернс, Андреас Мавромматис и Оле Расмунсен. Члены Комитета посетили Белград, где они встречались с министром иностранных дел, представителями федерального министерства юстиции, заместителем министра юстиции Сербии, министром внутренних дел Сербии и его старшим личным секретарем, государственным прокурором Сербии, директором службы пенитенциарных заведений Сербии, членами Верховного суда Сербии, председателем белградского окружного суда, начальником департамента общественной безопасности (начальник полиции) министерства внутренних дел Сербии, высшим военным прокурором и координатором Комиссии по установлению истины и примирению. Они также встретились с представителями Миссии Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в Сербии и Черногории, Совета Европы и неправительственных организаций (НПО). Члены Комитета также побывали в Нови-Пазаре, где встретились с окружным прокурором и представителями НПО. Кроме того,

они посетили несколько полицейских участков и тюрем в Белграде и других частях Сербии.

159. Помимо этого члены Комитета побывали в Подгорице (Черногория), где имели встречи с исполняющим обязанности министра иностранных дел и заместителем премьер-министра, министром юстиции, заместителем министра внутренних дел и государственным прокурором. Во время пребывания в Черногории они также встретились с представителями НПО и посетили два полицейских участка и тюрьму в Спуже (см. раздел V ниже). Учитывая то, что территория Косово не подконтрольна югославским властям с момента создания там в 1999 году Миссии Организации Объединенных Наций (МООНВАК), Комитет счел, что включение Косово в программу посещения нецелесообразно.

160. Центральные и республиканские власти выступали в поддержку этого посещения и активно сотрудничали с прибывшей группой. Члены Комитета без предварительного предупреждения посещали тюрьмы и места содержания под стражей и проводили частные беседы с заключенными. Сложности встретились только в связи с проведением бесед с лицами, находящимися в предварительном заключении. Согласно закону, санкция на такие беседы должна выдаваться соответствующими следователями, и это правило распространяется на всех, кто желает встретиться с лицами, находящимися в местах предварительного заключения. К сожалению, членам Комитета не сообщили об этом требовании до их прибытия в страну. В конечном итоге необходимая санкция была получена. Однако члены Комитета желали бы, чтобы все необходимые приготовления были предприняты государством-участником заранее, так как это позволило бы избежать сбоев в программе работы.

III. ВЫВОДЫ КОМИТЕТА В ОТНОШЕНИИ СЕРБИИ

161. Факт широкомасштабного применения пыток при режиме президента Слободана Милошевича был во многих случаях документально подтвержден национальными и международными НПО, а также специальными докладчиками - как докладчиками Комиссии по правам человека по вопросу о положении в области прав человека на территории бывшей Югославии, так и ОБСЕ. До и в ходе своей поездки в Сербию члены Комитета заслушали прямые свидетельские показания и получили информацию из правительственных и неправительственных источников, подтверждавшие достоверность сведений, содержавшихся в вышеупомянутых докладах, и вывод о систематическом применении пыток - главным образом по политическим мотивам - при режиме Милошевича. Досье Комитета содержит обширную информацию по этому вопросу, выдержки из которой были переданы государству-участнику.

162. Информация, собранная членами Комитета во время посещения Сербии и Черногории, свидетельствует о том, что с октября 2000 года при новом политическом

режиме произошли огромные перемены с точки зрения характера и частоты применения пыток. Их выводы на этот счет основаны главным образом на свидетельских показаниях находящихся на свободе лиц, которые утверждали, что подвергались пыткам или грубому обращению, заключенных, НПО, тюремных врачей, сотрудников правоохранительных органов, государственных чиновников и судей.

A. Информация, полученная из бесед с предполагаемыми жертвами и при посещении мест лишения свободы

163. Члены Комитета опросили двух находящихся на свободе лиц, утверждавших, что они подвергались пыткам в период нахождения под стражей. Они также в частном порядке провели собеседование с 40 лицами, лишенными свободы. Для бесед выбирались те, кто в числе последних поступил в проинспектированные места содержания под стражей. Некоторые из них были отобраны по результатам изучения записей в имевшихся в посещавшихся заведениях медицинских картах за последние перед посещением месяцы. Десять человек из тех, с кем проводилось собеседование, заявили, что были подвергнуты обращению, которое, по мнению членов Комитета, может подпадать под определение пытки, содержащееся в статье 1 Конвенции.

164. В каждой тюрьме и в каждом полицейском участке, где побывали члены Комитета, они ознакомились с учетными книгами, записи в которых в целом велись неплохо. В полицейских участках они осмотрели комнаты для допросов и камеры, в которых содержатся задержанные лица. Хотя в задачи посещения не входило изучение физических условий содержания заключенных, в чем-то эти условия не могли не поразить членов группы. Так, например, в большинстве полицейских участков в камерах отсутствовало освещение, вентиляция, мебель и приемлемое санитарное оборудование[1]. Что касается условий содержания в тюрьмах, то, как отметили члены Комитета, на ежедневные прогулки лицам, содержащимся в предварительном заключении, выделяется слишком короткое время (около получаса). В остальное время заключенные содержатся в камерах, не имея возможности заниматься какой-либо содержательной деятельностью. Некоторых даже подолгу содержат в одиночных камерах. Кроме того, в стране, по-видимому, не существует системы контроля за условиями содержания под стражей со стороны независимых экспертов. Заключенные, желающие подать жалобу, могут обратиться только в министерство юстиции. От Хельсинкского комитета по правам человека, представителям которого недавно было разрешено посетить некоторые тюрьмы, члены Комитета узнали, что такие жалобы в основном остаются без ответа.

165. В целом у членов Комитета сложилось впечатление, что положение в тюрьмах с октября 2000 года значительно улучшилось и что власти успешно пересматривают правила поведения работников соответствующих заведений, сохраняя в штате только тех из них, кто обязуется вести себя надлежащим образом. Это впечатление было подтверждено свидетельскими показаниями самих заключенных.

1. Тюрьмы

Центральная тюрьма Белграда

166. Один из членов Комитета, обладающий опытом медицинской работы, изучил медицинские карты 70 лиц, содержащихся в предварительном заключении по делам, рассматривавшимся белградским окружным судом. Записи в 55 из изученных карт не содержали каких-либо признаков жестокого обращения или физического насилия со стороны полиции. В остальных 15 картах (21%) были отмечены жалобы заключенных на избиение полицейскими. В шести случаях (примерно 9% от общего числа изученных карт) проводившим осмотр врачом были обнаружены и зафиксированы следы повреждений на теле. Кроме того, как заявил членам Комитета тюремный врач, по поступлении в место предварительного заключения около одной трети заключенных имели телесные повреждения, которые тем не менее не обязательно являлись следствием жестокого обращения со стороны полиции. У тех заключенных (около 10%), кто жаловался на избиение полицейскими, телесные повреждения в основном носили легкий характер (например, кровоподтеки). Во всех случаях жалобы заключенных были отражены в их медицинских картах. Кроме того, врач сообщил, что ему не известны случаи избиения заключенных тюремными надзирателями, хотя в прошлом такое случалось нередко.

167. Помимо этого, члены Комитета провели беседы с 21 лицом, содержавшимся в предварительном заключении; некоторые из них были выбраны по результатам изучения медицинских карт. Всем из них были предъявлены обвинения в общеуголовных преступлениях. Девять из них сообщили, что подверглись избиению или иным видам пыток со стороны полицейских, пытавшихся добиться от них признательных показаний.

Тюрьма в Сремска-Митровице

168. В крупнейшей в стране тюрьме в Сремска Митровице, где содержатся более 1 000 заключенных, члены Комитета были проинформированы о том, что новой администрацией тюрьмы осуществлены обширные нововведения. До конца 2000 года по получившим огласку случаям жестокого обращения меры дисциплинарного воздействия в отношении тех, кто был признан виновным в таких действиях, не принимались. Однако, как заявил директор, все вызывавшие нарекания надзиратели были переведены на другое место работы. С тех пор не было отмечено ни одного конфликта между заключенными и персоналом тюрьмы или случая насилия между заключенными. Тюремный врач подтвердил, что в этой тюрьме не было случаев пыток или жестокого обращения.

169. В этой тюрьме были проведены беседы с пятью заключенными, ни один из которых не сообщил о применении к нему пыток до прибытия в тюрьму или во время заключения. По словам четырех из них, положение полностью изменилось за последние два года после

прибытия нового директора и отстранения некоторых надзирателей. Один из заключенных, содержавшийся в штрафном изоляторе после покушения на побег, не сообщал о каком-либо жестоком обращении со стороны тюремного персонала.

Женское пенитенциарное учреждение в Пожареваце

170. Были проведены индивидуальные беседы с шестью заключенными в закрытой зоне тюрьмы. Никто из этих заключенных не жаловался на пытки или жестокое обращение со стороны полицейских или тюремных надзирателей. В открытой и полузакрытой зонах группа заключенных сообщила, что им известны случаи жестокого обращения в прошлом. Однако нынешнее положение они назвали очень хорошим. Одна из заключенных сообщила об инциденте, когда надзиратель в ярости ударил ее по кисти руки, когда она работала в поле. Как стало известно, этот надзиратель был временно отстранен от работы, и в настоящее время по этому делу ведется дисциплинарное разбирательство. Тюремный врач подтвердила, что ей не известно ни об одном случае пыток или жестокого обращения за последние три года.

Военная тюрьма Белграда

171. В этой тюрьме беседа была проведена с одним заключенным. Он был арестован по обвинению в дезертирстве. Он не сообщал о пытках или жестоком обращении.

Полицейские участки

172. Члены Комитета посетили девять полицейских участков - на улицах Божидура Адзие, Раковицкой, Воздовацкой, Палилулской, 29-го ноября, Стариградской и Милана Ракича в Белграде, главный полицейский участок Смередево и центральный полицейский участок в Нови-Саде. В момент посещения в участке на Воздовацкой улице находились два задержанных, на улице Милана Ракича - один и в смередевском участке - еще один задержанный. Никто из них не жаловался на пытки или жестокое обращение.
В полицейском участке на улице 29-го ноября под стражей содержался лишь один пожилой человек, который также не сообщил о жестоком обращении. Один из членов Комитета разговаривал с двумя лицами (предположительно незаконными иммигрантами), которые ожидали привода в суд в связи с совершенными ими мелкими правонарушениями; они сообщили, что с ними обращаются хорошо.

B. Информация, представленная неправительственными организациями

173. Представителями НПО, с которыми встретились члены Комитета, была представлена информация о случаях применения пыток, о которых им стало известно от предполагаемых жертв. По их мнению, после смены правительства не отмечалось массовых нарушений права на свободу от пыток. Вместе с тем озабоченность продолжает

вызывать распространенность случаев чрезмерного применения силы сотрудниками правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей. По мнению этих представителей, предстоит еще немало сделать для подготовки сотрудников правоохранительных органов в вопросах прав человека и провести дальнейшие кадровые перемены в полиции, с тем чтобы однозначно порвать с практикой, применявшейся прежним режимом, и восстановить среди общественности доверие к правоохранительным органам. Они сообщили, что пытки часто применяются в качестве средства принуждения к даче показаний. Однако во многих случаях применение пыток объясняется менталитетом полицейских, для которых чрезмерное применение силы всегда являлось атрибутом их повседневной работы. Кроме того, как подчеркнули представители НПО, после смены правительства лишь немногие из тех, кто, предположительно, участвовал в применении пыток при прежнем режиме, стали объектом разбирательства или судебного преследования.

174. ЦГП представил информацию о 12 отдельных случаях, имевших место с 1 декабря 2000 года по март 2002 года, в ходе которых в общей сложности пострадал 21 человек. Согласно сообщениям, эти инциденты произошли в Белграде, Смедерево, Бечее (Воеводина), Прешево, Нови-Саде, Смедеревска-Паланке, Србобране (Воеводина), Владичин-Хане, Крагуеваце и Бачка-Паланке. Все жертвы утверждают, что были жестоко избиты; один из пострадавших сообщил, что был подвергнут электрошоку, а другому из них, страдающему астмой, не было позволено воспользоваться ингалятором, когда в полицейском участке с ним случился сильный приступ астмы. Шестеро из предположительных жертв были рома.

175. Югославский комитет юристов в защиту прав человека представил информацию о 16 случаях, все из которых, за исключением четырех, имели место в Сербии после 5 октября 2000 года. В сообщениях говорилось о жестоком избиении дубинками, о нанесении ударов по ступням ног, неоказании медицинской помощи жертвам, находившимся без сознания, сексуальных надругательствах (возможно, даже об изнасиловании) и произведении выстрелов у головы. Согласно сообщениям, все это происходило либо на улице, либо в ходе допроса в полицейских участках. В одном случае жертва, предположительно, была избита тюремными надзирателями, а в другом - солдатами. Инциденты имели место, в частности, в Белграде, Лесковаце, Тутине, Сьенице (оба пункта находятся в Санджаке), Сурдулице, Прокупле и Вране.

176. Согласно информации Центра по правам меньшинств - НПО, которая следит за положением рома, - это меньшинство является особой мишенью для насилия со стороны полиции; Центр проиллюстрировал это на ряде примеров, которые включены в доклад, озаглавленный "Нарушения прав рома в Сербии"[2]. Уже после завершения поездки информация была получена и от других НПО, включая Лесковацкий комитет по правам человека, Санджакский комитет по правам человека и свободам и Буяновацкий комитет

по правам человека. В информации говорилось об инцидентах, имевших место в большинстве районов Сербии.

C. Сведения, полученные от государственных должностных лиц

177. Практически все государственные должностные лица, с которыми контактировали члены Комитета, признавали, что пытки широко практиковались при прежнем режиме. Вместе с тем они утверждали, что при новом правительстве положение коренным образом изменилось - особенно в том, что касается отношения полиции.

178. По словам министра внутренних дел, пытки более не применяются полицией. После октября 2000 года был отмечен ряд случаев чрезмерного применения силы, однако в этой связи были приняты соответствующие меры. К их числу относится проведение дисциплинарного, а при необходимости и уголовного расследования и отстранение подозреваемых от работы на время разбирательства. Министр также сказал, что в министерстве была произведена смена всех сотрудников старшего звена и что процесс обновления персонала почти завершен во всех территориальных общинах. По всей Сербии сменилось почти две трети начальников полицейских участков.

179. Директор по вопросам пенитенциарных учреждений в министерстве юстиции сказал, что с практикой пыток в тюрьмах покончено. Этого удалось достичь главным образом путем замены начальников тюрем и их заместителей. Было уволено немало работников тюрем, а многим из них были предъявлены обвинения в уголовных преступлениях. Однако он не представил статистических данных о том, скольких лиц это коснулось. Случаи чрезмерного применения силы тюремными надзирателями встречаются теперь нечасто и обычно заканчиваются увольнением виновных. По этим делам в министерстве также не нашлось статистических данных. Все заключенные по поступлении в тюрьму проходят медицинский осмотр. Если они утверждают, что были подвергнуты пыткам или жестокому обращению со стороны полиции, эта информация фиксируется в их медицинской карте и открыта для ознакомления с ней следователям. Он признал, что в стране не существует системы контроля за тюрьмами со стороны независимого органа. Поэтому он ранее предложил Хельсинкскому комитету по правам человека инспектировать тюрьмы. Впрочем предпринимаются усилия по созданию системы контроля с участием экспертов, неподведомственных министерству.

D. Правовые гарантии предупреждения пыток и жестокого обращения

180. Новый Уголовно-процессуальный кодекс (УПК), вступивший в силу 28 марта 2002 года, включает значительные усовершенствования, касающиеся порядка действия правоохранительных органов на этапе предварительного заключения, по сравнению с прежним кодексом. Некоторые из этих усовершенствований имеют прямое отношение к предупреждению пыток; речь идет, например, о предельных сроках содержания того или иного лица под стражей в полиции и о праве на помощь адвоката. Однако УПК не распространяется на лиц, задержанных по подозрению в совершении мелких

правонарушений. Согласно закону о мелких правонарушениях, полиция может задержать подозреваемых на срок до 24 часов, до того как они предстанут перед судьей. Во время содержания под стражей в полиции подозреваемые не имеют права обращаться за помощью к адвокату. Члены Комитета отметили, что совершение мелкого правонарушения часто приводится в качестве причины содержания под стражей в полицейских участках. Согласно информации, представленной им министерством внутренних дел, в период с января по июнь 2002 года было задержано 1 918 человек и лишены свободы 1 865 человек. Из них только за нарушения общественного порядка под стражей в полиции содержались 1 104 человека. Судя по этим статистическим данным, представляется, что предусматриваемая новым УПК защита, включая право на обращение за помощью к адвокату, не распространяется на широкий круг лиц, задерживаемых полицией.

181. Общее положение о праве на помощь адвоката зафиксировано в статье 5 УПК, согласно которой лицо, лишенное свободы, должно быть незамедлительно проинформировано о праве на помощь адвоката по своему выбору и праве требовать извещения членов его семьи или других близких ему лиц о своем задержании.

182. В статье 226 УПК предусматривается, что в процессе сбора информации то или иное лицо может быть вызвано в полицию, но не может подвергаться допросу в течение более четырех часов. Получение информации от граждан силой недопустимо. Лицу, давшему показания, должен быть зачитан официальный протокол или запись о представленных сведениях. Это лицо может выдвинуть возражения, и полицейские органы обязаны отметить это в официальном протоколе или записях. В той же статье говорится, что в процессе сбора полицией информации лицо, которое по веским причинам подозревают в совершении уголовного правонарушения, может быть вызвано для дачи показаний в качестве подозреваемого; в повестке должно указываться, что подозреваемый имеет право на помощь адвоката. Если в процессе сбора информации сотрудники полиции убеждаются в том, что вызванное повесткой лицо является подозреваемым, они немедленно информируют его о вменяемом ему в вину уголовном правонарушении и о его праве на помощь адвоката, который должен присутствовать при дальнейшем допросе, а также о том, что оно не обязано отвечать на задаваемые ему вопросы в отсутствие адвоката. В статье 226 также предусматривается, что при проведении допроса подозреваемого сотрудники полиции уведомляют об этом прокурора, который может присутствовать при допросе.

183. В соответствии со статьей 5 УПК лицо, задержанное без судебного ордера, должно быть немедленно направлено к следователю. В пункте 3 статьи 227 говорится о том, что, если лицо, лишенное свободы, содержится под стражей более восьми часов в силу непреодолимых обстоятельств, уполномоченный сотрудник полиции обязан объяснить причины задержки в заявлении, подлежащем представлению следователю. Кроме того, в статье 229 говорится, что лицо, лишенное свободы, не может удерживаться полицией для целей снятия показаний более 48 часов до момента, когда оно предстает перед судьей[3].

184. Информация, полученная членами Комитета, как представляется, свидетельствует о том, что вышеупомянутые принципы в целом соблюдаются в случаях, когда УПК применим. Тем не менее в течение 48-часового периода до момента, когда подозреваемый предстает перед судьей, или до того, как ему предоставляется возможность обратиться к адвокату, пытки, похоже, все еще применяются. Иногда подозреваемый лишается возможности пригласить адвоката или не имеет знакомых адвокатов и в этом случае вынужден согласиться на кандидатуру из списка, предлагаемого полицией. В ряде таких случаев, изученных членами Комитета, предполагаемые жертвы жаловались на то, что роль адвоката сводилась к формальности и что он игнорировал факт жестокого обращения с его подзащитным.

185. Некоторые должностные лица, с которыми встречались члены Комитета, утверждали, что у полиции нет резона добывать признательные показания под угрозой насилия, поскольку такие признания не могут использоваться в качестве доказательства при судебном разбирательстве. По этому вопросу статья 89 УПК гласит, что применять силу с целью добиться от обвиняемого показаний или признания запрещено и что в случае несоблюдения этого положения решение суда не может быть основано на таких показаниях или признаниях. Тем не менее члены Комитета считают, что, даже если обвинительный приговор не может быть основан исключительно на признательных показаниях, полиция все же использует добытые от задержанных лиц сведения для завершения следствия. Кстати, некоторые из сотрудников полиции, опрошенные членами Комитета при посещении полицейских участков, заявили, что не располагают современным оборудованием для ведения уголовного следствия и вынуждены полагаться на весьма рудиментарные средства.

186. В ходе беседы с членами Комитета государственный прокурор обратил внимание на предпринимаемые усилия по изменению менталитета полицейских. Он считает, что такое изменение должно идти рука об руку с перестройкой кадрового состава и предпринимаемой в настоящее время внутренней реорганизацией полицейских сил. Должен быть пересмотрен и подход полиции к сбору доказательств. Полицейские должны осознать, что доказательства преступления могут быть получены только законным путем. Это очень важно для прокуратуры, поскольку в рамках правовой системы Югославии прокуроры не наделены правом руководства полицейским следствием и не могут давать указания полиции о путях сбора доказательств.

187. Необходимость изменения менталитета полицейских была подчеркнута многими собеседниками, а также в опубликованном ОБСЕ в октябре 2001 года докладе под названием "Исследование по вопросу о полицейской деятельности в Союзной Республике Югославии". Как указывается в этом докладе, "причина, по которой так часто применяется сила, оказывается сопротивление и возникают обиды, состоит в том, что полицейские не только не соблюдают профессиональный кодекс поведения, но и не понимают, что соблюдать его - их долг. Представляется, что в отсутствие этического

кодекса или принципов ведения полицейской деятельности это неудовлетворительное положение наблюдается повсюду в Югославии. В силу этого предлагается охватить все полицейские силы Югославии широкой программой обучения сотрудников полиции вопросам прав человека, причем эта программа должна быть жизненной и практически увязанной с оперативной работой полиции"[4].

E. Проведение расследований и наказание виновных в применении пыток

1. Дисциплинарные разбирательства

188. Начальник службы общественной безопасности по Сербии, отвечающий в министерстве внутренних дел за внутренний надзор за деятельностью полиции, пояснил членам Комитета, что в каждом региональном управлении полиции имеется подразделение внутреннего контроля, сотрудники которого отслеживают и контролируют работу каждого полицейского. Если в такое подразделение из любого источника поступает информация о неправомерных действиях полицейских, оно может возбудить расследование и передать дело в соответствующий дисциплинарный трибунал, создаваемый министерством. Меры дисциплинарного воздействия включают снижение месячного оклада до 30% на срок от одного до шести месяцев и перевод на определенное время в более низкооплачиваемую категорию работников. В качестве крайней меры соответствующий полицейский может быть уволен с работы. Дисциплинарное разбирательство может проводиться независимо от возможного уголовного преследования. Позднее министерство проинформировало членов Комитета о том, что в период с января по июнь 2002 года на действия полиции были поданы 392 жалобы, причем в 43 случаях жалобы были сочтены обоснованными и по ним было возбуждено дисциплинарное разбирательство. Однако в этой информации не было указано, в скольких из этих жалоб говорилось о применении пыток или жестоком обращении и были ли возбуждены уголовные дела.

189. Члены Комитета отмечают, что согласно указу о распределении дисциплинарных обязанностей в министерстве внутренних дел[5], который определяет порядок проведения внутреннего дисциплинарного разбирательства, решение о проведении такого разбирательства принимается непосредственным начальником сотрудника, на которого подана жалоба. Начальник определяет, имеются ли основания для подозрений в нарушении правил, и передает дело прокурору дисциплинарного трибунала. Такой порядок дает начальникам возможность заблокировать разбирательство в отношении сотрудников своего подразделения. Кроме того, как стало известно членам Комитета, ни декрет, ни полицейская практика не гарантируют, что пострадавшая сторона будет извещена о ходе и исходе разбирательства.

190. Что касается работы дисциплинарных трибуналов, то, как сообщают НПО, хотя полиция проявляет теперь гораздо большую готовность реагировать на жалобы и

замечания правозащитных организаций, полицейские нередко пытаются отрицать факт применения пыток в том или ином конкретном случае или, если это невозможно в силу наличия убедительных доказательств (например, материалы врачебного осмотра, фотографии и свидетельские показания), общественности говорят, что дело будет расследовано, а виновные привлечены к ответственности. Однако это происходит не всегда. В серьезных случаях применения пыток дисциплинарные трибуналы, вопреки убедительным доказательствам обратного, систематически придают больше веса заявлениям полицейских, чем утверждениям их жертв. Кроме того, как кажется, были случаи, когда обвинения в применении пыток выдвигались против полицейских, входящих в состав дисциплинарных трибуналов.

191. В исследовании ОБСЕ по вопросам полицейской деятельности, о котором упоминалось выше, подчеркивается необходимость удовлетворительного для общественности контроля за качеством работы всех подразделений по внутреннему контролю, а также необходимость создания независимого органа, наделенного широкими полномочиями по контролю и принятию мер, в порядке преодоления проблем, вызывающих озабоченность общественности. В докладе далее говорится о необходимости "введения в будущем внешнего и абсолютно независимого надзора за разбирательством жалоб в полицейских органах, чтобы надлежащим образом привлекать полицейских к ответственности, но при этом отвечающий за это орган должен быть наделен широкими правами требовать представления документов, материалов и досье, имеющих отношение к жалобе, и правом руководить при необходимости дальнейшим расследованием"[6].

2. Уголовные преследования

192. Члены Комитета выявили ряд недостатков в законодательстве, касающемся запрещения пыток, и в работе органов, на которые возложен разбор жалоб.

193. В своих выводах и рекомендациях по итогам рассмотрения первоначального доклада Югославии Комитет выразил озабоченность отсутствием в уголовном законе страны положения, определяющего пытки в качестве самостоятельного преступления в соответствии со статьей 1 Конвенции, и рекомендовал дословно воспроизвести определение пыток как преступления в югославском Уголовном кодексе[7]. Положение в этом плане не изменилось. Как следствие этого виновным в применении пыток могут быть предъявлены лишь обвинения в том или ином уголовном преступлении, например в "принуждении к даче показаний"[8] или в "причинении гражданского вреда"[9]. Однако эти положения носят более ограничительный характер, чем определение, данное в статье 1. Так, например, в этих положениях, по всей видимости, не предусмотрены ситуации, когда пытки совершаются по подстрекательству или с ведома или молчаливого согласия официального должностного лица. Кроме того, судьи, как правило, видимо, не полностью осведомлены о международных обязательствах Югославии в области прав человека и о

Конвенции в частности. Этот вывод был подтвержден членами Верховного суда Сербии, с которыми удалось побеседовать членам Комитета. По их словам, судьи зачастую узнают о таких обязательствах и о правовой практике международных органов, только когда на это им указывают соответствующие НПО.

194. В общем и целом представляется, что судьи и прокуроры предпринимают расследование только при поступлении официальной жалобы от жертвы или ее адвоката. На вопрос о реакции следователей на жалобы о применении пыток члены Верховного суда ответили, что теоретически следователи обязаны информировать прокурора о таких фактах и что решение о возбуждении преследования остается за прокурором. Вместе с тем они добавили, что на практике прокуроры принимают меры, только когда адвокат подает жалобу и предает дело огласке.

195. Бездействие прокуроров было еще более вопиющим в прошлом и в таких краях, как Косово и Санджак[10]. Когда члены Комитета подняли этот вопрос в беседе с государственным прокурором Сербии, особенно в связи со случаями, имевшими место до октября 2000 года, он ответил, что некоторые прокуроры занимались такими случаями, но что у него нет готовой информации об этом. Сотрудники его Бюро также занимались некоторыми военными преступлениями. Однако расследование продвигалось трудно, поскольку доказательства должны были быть представлены полицией, которая не всегда проявляла готовность к сотрудничеству[11].

196. Одним из первых препятствий, с которыми сталкиваются жертвы при подаче жалоб, является оказание на них давления полицейскими, которые, стремясь удержать их от этого, угрожают выдвинуть против них свои собственные обвинения. Если жертвы все же подают жалобу, полицейские непременно выдвигают встречные обвинения в создании для сотрудника правозащитных органов препятствий в выполнении своих обязанностей (статья 213 Уголовного кодекса Сербии) или нарушении общественного порядка. Членам Комитета стало известно об одном таком случае, в котором наказание в виде четырехмесячного тюремного заключения условно за якобы создание препятствий (брань в адрес полицейских) было почти столь же суровым, как и наказание полицейского за нанесение телесных повреждений. Кроме того, не раз звучало утверждение, что жалобы полиции обычно рассматриваются весьма оперативно, в то время как жалобы жертв - очень медленно или не рассматриваются вообще. Члены Верховного суда Сербии заявили членам Комитета, что не могут ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение, а государственный прокурор, со своей стороны, сказал, что ему известно о таком положении дел.

197. В контексте вопроса о роли прокуратуры в проведении разбирательства по жалобам ряд собеседников, включая самого государственного прокурора, подчеркнули, что на деле полиция неподконтрольна прокуратуре в том, что касается сбора доказательств[12]. Члены Комитета озабочены тем, что это противоречит положениям статьи 46 УПК, согласно которым государственный прокурор имеет право требовать проведения расследования и

руководить следственными действиями. Теми же положениями предусмотрено, что сотрудники полиции и других государственных органов, наделенных полномочиями расследовать дела по уголовным преступлениям, обязаны предпринимать расследование во всех случаях, когда того требует полномочный государственный прокурор.

198. По сообщениям НПО, прокуроры очень часто не возбуждают уголовного преследования по случаям применения пыток и даже не информируют предполагаемую жертву о судьбе ее жалобы. Однако такое неизвещение может служить важным препятствием для дальнейших процессуальных действий. Согласно статье 61 УПК, когда прокурор не принимает к рассмотрению жалобу с просьбой о возбуждении уголовного дела или принимает решение снять обвинение, потерпевшая сторона может выступить в роли частного обвинителя и продолжить процессуальные действия в восьмидневный срок после ее извещения о решении прокурора. Если потерпевшая сторона не получает такого извещения, установленный кодексом срок для возбуждения потерпевшей стороной уголовного дела составляет три месяца, начиная с даты отклонения жалобы или снятия обвинений. Члены Верховного суда подтвердили, что случаи неизвещения встречаются весьма часто, добавив при этом, что судьи позволяют пострадавшей стороне продолжить судебное преследование в качестве частного обвинителя даже при отсутствии извещения.

199. НПО передали информацию о некоторых случаях, когда полицейские были признаны виновными в действиях, имеющих отношение к пыткам. При этом, по их данным, в немногих случаях дело доводилось до суда и в очень редких случаях виновным в применении пыток было назначено наказание, соизмеримое с тяжестью совершенных преступлений. Виновным редко назначается наказание свыше шести месяцев тюремного заключения, причем часто наказание носит условный характер, в результате чего наказанные полицейские продолжают службу[13]. НПО также сообщили, что обычно полицейские не отстраняются от работы на время разбирательства. Члены Верховного суда разделяют мнение о том, что в вопросе о пытках дело редко доходит до судебного разбирательства. По словам заместителя министра юстиции Сербии, лишь в малом числе случаев жертвы пыток обращаются с жалобами, причем еще меньше дел кончается осуждением виновных. Кроме того, судьи обычно назначают весьма легкие, а иногда даже условные наказания.

200. По сообщениям НПО, очень часто судебные слушания приходится переносить - порой несколько раз в ходе рассмотрения одного и того же дела - из-за неявки обвиняемых полицейских на судебные заседания. Члены Верховного суда подтвердили эти сообщения. Вполне очевидно, что в таких случаях судьи направляют жалобу соответствующему руководителю полицейского органа, но надлежащие меры реагирования принимаются не по всем жалобам[14].

201. Представители Санджакского комитета защиты прав человека рассказали членам Комитета о некоторых трудностях, с которыми они сталкиваются при подаче заявлений о

возбуждении уголовного дела в связи с инцидентами, имевшими место несколькими годами ранее. По их словам, в 2001 и 2002 годах они подали 33 жалобы по инцидентам, подпадающим под действие статей 65 и 66 Уголовного кодекса Сербии, которые имели место в Санджаке главным образом в 1990-х годах. Однако расследование было проведено лишь по двум из них, в то время как по всем остальным жалобы были отклонены. Они сказали, что адвокату весьма трудно представить медицинские свидетельства, поскольку в период с 1992 по 1997 год медицинским учреждениям не разрешалось выдавать медицинские справки жертвам жестокого обращения со стороны полиции. В качестве документального подтверждения жалоб использовались главным образом свидетельские показания, имена свидетелей и фотографии. На их взгляд, окружной прокурор неверно толкует статью 65 Уголовного кодекса Сербии. Согласно его толкованию, преступление имеет место только в том случае, если вменяемые в вину действия стали причиной тяжких телесных повреждений. В качестве еще одной трудности они назвали то, что некоторые дела касались преступлений, в отношении которых применяется срок давности[15].

202. Когда члены Комитета обратили внимание окружного прокурора Нови-Пазара на вышеизложенные соображения, он отметил, что крайний срок подачи жалоб по статьям 65 и 66 составляет пять лет и что поэтому по многим случаям срок давности истек. Он добавил, что, помимо 33 случаев, о которых говорилось выше, прокуратура и муниципальные судьи за прошедшее десятилетие рассматривали и многие другие дела, и обещал собрать информацию и некоторые статистические данные по этому вопросу и направить их в Комитет. Однако такая информация так и не была получена.

IV. ВЫВОДЫ КОМИТЕТА В ОТНОШЕНИИ ЧЕРНОГОРИИ

203. Из всех инцидентов, которые НПО довели до сведения Комитета после 1997 года, в Черногории произошли лишь немногие. Во время посещения черногорские НПО передали членам Комитета информацию по некоторым из случаев. По сообщению одной НПО, ее юристы подали 20 жалоб, которые на момент посещения находились на разных стадиях уголовного разбирательства. Ни один человек из тех, с кем беседовали члены Комитета, не сказал, что применение пыток в Республике носит систематический характер; это касалось как прошлого, так и настоящего.

204. Во время пребывания в Черногории члены Комитета посетили тюрьму в Спуже. В Комитет поступали сигналы о случаях пыток и грубого обращения в этой тюрьме. Директор тюрьмы пояснил, что в течение последних трех лет он проводил обширную программу реформ, предусматривавшую, в частности, обучение персонала. Немало внимания уделялось налаживанию наиболее оптимальных отношений между персоналом и заключенными. В 2002 году сообщалось всего лишь о двух случаях чрезмерного применения силы. В первом случае речь шла о заключенном, страдающем психическим расстройством, который был избит тюремным надзирателем за отказ покинуть камеру.

Во втором случае речь шла о заключенном, который напал на свидетеля в суде; была предпринята попытка остановить его силой, но он в этот момент уже начал отступать. В обоих случаях надзирателям было назначено наказание в виде удержания части заработка в течение трех месяцев. Если бы в результате этих актов заключенные получили серьезные травмы, инциденты рассматривались бы в качестве физического посягательства, т.е. в качестве уголовного преступления.

205. Далее директор пояснил, что по поступлении в тюрьму все заключенные проходят медицинский осмотр. Если у них есть травмы, то это фиксируется. Доступ к медицинским картам обеспечивается адвокату заключенного, членам его семьи, министру внутренних дел и следователю. Кроме того, дежурный врач заявил членам Комитета, что лет пять назад заключенные по прибытии в тюрьму часто жаловались на пытки или жестокое обращение со стороны полиции и что порою имели место серьезные случаи. С тех пор положение во многом изменилось, хотя до сих пор некоторые заключенные сообщают об избиениях и поступают с легкими травмами. Члены Комитета ознакомились с медицинскими картами заключенных, поступивших с января 2002 года. Таких оказалось 167 мужчин и 8 женщин. Из них 39 мужчин сообщили о том, что подверглись избиению; у 24 были травмы, охарактеризованные врачами как "несерьезные", а у троих травмы носили "серьезный" характер.

206. В Спуже члены Комитета беседовали с тремя заключенными. Один из них, прибывший недавно, заявил, что полицейские избили его на глазах семьи в Берхане. В его медицинской карте было указано, что у него сломаны три ребра. Второй из опрошенных, осужденный за контрабанду наркотиков, заявил, что при аресте в 1998 году его содержали под стражей в течение трех дней, прежде чем он предстал перед судьей. Он утверждал, что в эти три дня его избивали и угрожали ему, засовывая дуло пистолета в рот, с тем чтобы заставить его дать показания о торговцах наркотиками, действующих в Черногории. До привода в суд ему не давали встретиться с адвокатом. Третий из опрошенных был арестован дня за три до приезда членов Комитета в Спуж, расположенной на югославско-венгерской границе, за попытку грабежа, а также нанесение огнестрельных ранений двум работникам бензозаправочной станции. Он утверждал, что целый день он оставался без пищи и воды, не имея возможности сходить в туалет, с руками крепко связанными за спиной.

207. В ходе поездки в Черногорию члены Комитета также посетили полицейский участок в Даниловграде, где на момент посещения заключенных не оказалось. Кроме того, они побывали в центральном полицейском участке в Подгорице, где находился один только что арестованный заключенный. Члены Комитета настаивали на проведении с ним частного собеседования, но в этом им было отказано по неизвестной причине.

208. Что касается права на подачу жалобы и на то, чтобы жалоба была рассмотрена, то положение в Черногории, по всей видимости, мало чем отличается от положения в

Сербии. Очень часто жертвы, подающие жалобы, оказываются объектом уголовного преследования по обвинению в создании сотруднику правоохранительных органов препятствий в выполнении его обязанностей, а следователи не информируют прокуроров о заявлениях задержанных лиц относительно применения к ним пыток или грубого обращения. Власти Черногории все еще не признают применимости нового федерального Уголовно-процессуального кодекса в Республике и продолжают применять кодекс 1976 года, согласно которому лицо, арестованное полицией, должно быть передано в руки следователя не более чем через сутки после ареста. Однако в ряде случаев статья 196 позволяет содержать задержанного под стражей в течение 72 часов, прежде чем он получит возможность обратиться к адвокату или будет направлен к следователю. Кроме того, в уголовном кодексе Черногории отсутствует определение пыток, а содержатся положения, сходные с теми, что изложены в статьях 65 и 66 Уголовного кодекса Сербии.

209. Государственные должностные лица, с которыми встречались члены Комитета, выразили свою приверженность защите прав человека и рассказали о некоторых мерах, принимаемых правительством Черногории в этой сфере, например о проекте закона об учреждении поста омбудсмена, мерах по совершенствованию функционирования системы уголовного правосудия и реформе полиции. Они также выразили готовность сотрудничать с международными организациями. По словам заместителя министра внутренних дел, созданы телефонные службы доверия, номера которых регулярно публикуются в ежедневных газетах, с тем чтобы каждый гражданин имел возможность позвонить и обратиться с жалобой на злоупотребление полномочиями со стороны должностных лиц. Кроме того, разрабатываются программы по обучению сотрудников полиции вопросам прав человека. В 2001 году в его министерство поступило 9 жалоб на применение пыток, по которым было проведено дисциплинарное разбирательство и уволены 18 полицейских.

210. Что касается уголовного преследования, то, как заявил государственный прокурор Черногории, хотя закон и дает прокурорам право возбуждать такое преследование по долгу службы, это право использовалось лишь в исключительных случаях. Он также сказал, что его ведомство выступает за реформу, которая позволила бы государственным прокурорам осуществлять надзор за следственными действиями полиции и руководить ими.

V. ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ КОМИТЕТА

211. За время проведения расследования Комитет изучил большой объем информации из надежных источников о применении пыток в Сербии и Черногории в период до октября 2000 года. Эта информация была подтверждена свидетельскими показаниями жертв, свидетелей и государственных чиновников, данными трем посетившим страну членам Комитета. Основываясь на этой информации, Комитет пришел к выводу о том, что до октября 2000 года в Сербии систематически применялись пытки[16]. Кроме того, Комитет

с обеспокоенностью отметил, что при всей серьезности инцидентов не принимается никаких значимых мер по их расследованию, наказанию виновных и выплате компенсации жертвам. Тем не менее Комитет приветствовал создание Комиссии по установлению истины и примирению[17], в задачу которой входит поощрение и организация расследования нарушений прав человека, а также международного и гуманитарного права и законов ведения войны, имевших место на территории бывшей Югославии, с целью установления истины и содействия общему примирению внутри Сербии и Черногории и с соседними странами. Комитет отметил, что Комиссия имеет в виду собрать как можно больше свидетельских показаний и составить список жертв при том понимании, что составление списка преступников, возможно, будет излишним, поскольку она не располагает судебными полномочиями принимать в их отношении какие-либо меры.

212. Комитет констатировал, что в отличие от положения, существовавшего в стране до октября 2000 года, при новом политическом режиме пытки, по-видимому, стали применяться значительно реже и более не носят систематического характера[18]. Тем не менее со всей очевидностью выявилось, что пытки по-прежнему имеют место, особенно в полицейских участках, и что реформа полиции и судебных органов еще не доказала своей всесторонней эффективности в плане недопущения подобной практики и наказания за нее. Чтобы покончить с безнаказанностью, носящей, по всей видимости, систематический характер, полицейское руководство, судьи и прокуроры, которые, как представляется, проявляют пассивность в искоренении практики пыток, должны инициативно бороться с этим явлением. В настоящее время впечатление таково, что их действия определяются главным образом тем, активно ли выступает общественность за принятие мер по тем или иным случаям, поданы ли частными лицами или представляющими их НПО заявления о возбуждении уголовного дела и начато ли уголовное преследование в частном порядке. Комитет хотел бы напомнить в этой связи, что государство-участник обязано, не щадя усилий, вести расследование по всем случаям, обеспечивать возмещение за причиненный ущерб или увечье и привлекать к ответственности виновных. Кроме того, согласно резолюции 827 (1993) Совета Безопасности и Уставу Международного трибунала по уголовным делам для бывшей Югославии (МТБЮ), государство-участник также обязано в полной мере сотрудничать с Трибуналом в вопросах расследования и судебного преследования лиц, обвиняемых в совершении серьезных нарушений международного гуманитарного права, включая пытки.

213. В свете приведенных выше выводов Комитет счел целесообразным принять следующие рекомендации:

а) необходимо проводить полное и беспристрастное расследование по жалобам на применение пыток государственными служащими прежнего режима, обеспечить привлечение к ответственности виновных и компенсацию жертвам. Результаты таких расследований должны предаваться гласности;

b) следует обеспечить полное сотрудничество с МТБЮ, в том числе посредством задержания и передачи ему тех лиц, которым предъявлены обвинения и которые остаются на свободе, а также посредством предоставления Трибуналу полного доступа к необходимым документам и потенциальным свидетелям;

c) Комиссия по установлению истины и примирению должна быть наделена полномочиями расследовать все сигналы о применении пыток при прежнем режиме, должна предавать гласности свои выводы и вносить рекомендации о мерах по исправлению положения, в том числе о привлечении к ответственности соответствующих лиц в тех случаях, когда это необходимо. Комиссия должна быть при необходимости наделена, полномочиями и средствами для максимально скорейшего выполнения своего мандата;

d) в законе должны быть закреплены гарантии недопущения пыток в отношении всех лиц, содержащихся под стражей в полиции, независимо от того, обвиняются ли они в серьезных преступлениях или других правонарушениях, их право уведомить свою семью и право на доступ к медицинской и правовой помощи по своему выбору;

e) государство-участник должно в полной мере обеспечить независимость судей и прокуратуры;

f) государство-участник должно принять необходимые меры, обеспечивающие этническим и религиозным меньшинствам свободу от жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов, мотивированного дискриминацией;

g) следует создать систему контроля за условиями содержания заключенных со стороны независимых экспертов. Следует и далее допускать посещение тюрем активистами НПО;

h) определение пытки как преступления, зафиксированное в Конвенции, должно быть включено во внутреннее законодательство. Государство-участник должно помнить, что и в обычном международном праве, и в Конвенции пытки рассматриваются в качестве международного преступления. В отношении пыток, как и любого другого международного преступления, срок давности неприменим. Одновременно с этим следует провозгласить право на справедливую и адекватную компенсацию и реабилитацию в соответствии с требованиями Конвенции;

i) в соответствии со статьей 12 Конвенции прокуроры и судьи должны расследовать сигналы о применении пыток во всех случаях, когда им становится о них известно, независимо от того, подана ли жертвой официальная жалоба. В частности, каждый следователь, узнав из показаний задержанного о том, что тот был подвергнут

пыткам, должен незамедлительно инициировать эффективное расследование по соответствующему делу;

j) поскольку безнаказанность, по-видимому, превратилась в систему, расследование сообщений о пытках должно быть оперативным, беспристрастным и эффективным. Оно должно включать в качестве одного из элементов медицинский осмотр, производимый в соответствии со Стамбульским протоколом об эффективном расследовании и документировании пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания;

k) сотрудникам правоохранительных органов должны быть обеспечены все современные средства и оборудование, а также профессиональная подготовка, необходимые для эффективного проведения уголовных расследований в духе справедливости;

l) все сотрудники правоохранительных органов должны пройти обучение касающимся содержания под стражей и обращения с заключенными международным нормам, зафиксированным в Конвенции и принятом Организацией Объединенных Наций Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка;

m) во всех тюрьмах не позднее чем через одни сутки после задержания должен проводиться медицинский осмотр всех задержанных. Документация по любому медицинскому осмотру задержанного лица должна включать: i) изложение сделанных соответствующим лицом заявлений, имеющих отношение к медицинскому осмотру, включая его собственное описание состояния его здоровья и любые возможные утверждения о жестоком обращении; ii) отчет об объективном состоянии здоровья по итогам тщательного осмотра; iii) заключение врача с учетом подпунктов i) и ii). Кроме того, тому заключенному, которого это касается, и его адвокату должен быть обеспечен доступ к результатам медицинского осмотра;

n) судьи, прокуроры и адвокаты должны быть в полной мере осведомлены о международных обязательствах Сербии и Черногории в области прав человека, и особенно о зафиксированных в Конвенции;

o) государство-участник должно создать независимый механизм по расследованию всех доводимых до его сведения нарушений прав человека, когда бы они ни имели место;

p) лица, обвиненные в совершении актов пыток, должны отстраняться от работы на время расследования таких обвинений. Признанные виновными должны быть уволены с государственной службы независимо от возможности применения к ним любого другого наказания;

q) следует принять меры, обеспечивающие оперативность, независимость и эффективность работы механизмов внутреннего надзора за деятельностью полиции. В составе полицейских сил следует создать независимую службу для рассмотрения жалоб, наделенную широкими полномочиями по надзору и принятию мер;

r) государству-участнику следует разработать соответствующий порядок выплаты компенсации жертвам пыток;

s) государству-участнику следует разработать официальные программы реабилитации жертв пыток. До настоящего времени такие программы были лишь у частных организаций;

t) государству-участнику следует настоятельно призвать Республику Черногорию ввести предусмотренные новым Уголовно-процессуальным кодексом гарантии, касающиеся недопущения пыток и жестокого обращения.

VI. УТВЕРЖДЕНИЕ ДОКЛАДА КОМИТЕТОМ И ЕГО ПЕРЕДАЧА ГОСУДАРСТВУ-УЧАСТНИКУ

214. На своей двадцать девятой сессии Комитет утвердил доклад о проведенном расследовании и принял решение о его передаче государству-участнику в соответствии с пунктом 4 статьи 20 Конвенции. Комитет предложил государству-участнику в соответствии с пунктом 2 правила 83 своих правил процедуры проинформировать его о мерах, принятых в ответ на выводы и рекомендации Комитета.

VII. РЕЗЮМЕ ОТВЕТА, ДАННОГО ГОСУДАРСТВОМ-УЧАСТНИКОМ

215. 13 октября 2003 года в своем сообщении Комитету государство-участник подчеркнуло большую важность рекомендаций в контексте работы по поощрению прав человека, которая будет осуществляться в соответствии с программами технической помощи, ожидаемой от Управления Верховного комиссара по правам человека, на основе меморандума о договоренности, подписанного министром иностранных дел Сербии и Черногории и Управлением Верховного комиссара.

Гарантии неприменения пыток и иных недопустимых форм наказания

216. В статье 12 Хартии прав человека и меньшинств и гражданских свобод, опубликованной в официальном вестнике Союза государств № 6/2003, предусматривается не только запрещение пыток, но и прямой запрет бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. В этом смысле Хартия представляет собой шаг вперед по сравнению с Конституцией Союзной Республики Югославии и конституциями республик Сербии и Черногории.

217. Основной уголовный закон Сербии и Черногории и уголовные кодексы входящих в состав Союза государств относят незаконное задержание, принуждение к даче показаний и грубое обращение при исполнении служебных обязанностей к основаниям для возбуждения уголовного дела. Когда в 2001 году принимались поправки к Уголовному кодексу Союзной Республики Югославии (ныне Основной уголовный закон), считалось, что международные обязательства согласно Конвенции включены в статьи 190 и 191, а также в статьи 65 и 66 Уголовного кодекса Республики Сербии и статьи 47 и 48 Уголовного кодекса Республики Черногории. Кроме того, в статье 12 Уголовно-процессуального кодекса 2001 года говорится, что любое насилие в отношении арестованного лица или лица, подвергнутого ограничению свободы, а также любое принуждение к даче обвиняемым или любым другим лицом, причастным к разбирательству, признательных или любых иных показаний запрещено и наказуемо. Упоминаются также и другие положения Кодекса, касающиеся допроса, запрета на применение силы, обязательства судов не принимать во внимание показаний, добытых под пытками, изъятия из материалов дела показаний, полученных в нарушение действующих запретов, и т.д.

218. Законы государств-участников, касающиеся исполнения уголовных наказаний, не содержат безусловного запрета на применение пыток и других подобных видов обращения. Вместе с тем в них говорится о гуманном обращении с осужденными. Государствами-участниками также приняты меры по пересмотру своего законодательства с целью гарантировать принцип независимости судов от исполнительной ветви власти. В марте 2003 года в закон о судьях Республики Сербии были внесены поправки, приводящие его в соответствие с международными нормами. Ожидается, что вскоре будут внесены изменения в Уголовный кодекс, относящие пытки к числу уголовных правонарушений.

219. Правительством Республики Черногории учреждена рабочая группа для выработки проекта уголовного закона, уголовно-процессуального закона и закона о государственном прокуроре. Планируется включить в уголовный закон положение, относящее пытки к числу уголовных правонарушений. Ожидается, что Уголовно-процессуальным кодексом будет предусмотрена проверка сделанных подозреваемыми на досудебном этапе и в ходе следствия сообщений о пытках или иных бесчеловечных видах обращения и наказания.

Предъявление обвинений и судебные процессы в период 1992-2002 годов по делам, касающимся пыток и жестокого обращения

220. С 1 января 1992 года по 30 сентября 2002 года министерством внутренних дел Республики Сербии в 32 случаях предъявлены обвинения 43 полицейским по подозрению в совершении следующих уголовных правонарушений: жестокое обращение (21 случай), незаконный арест (6 случаев), принуждение к половому сношению (3 случая), противоестественный половой акт (3 случая) в порядке злоупотребления служебным

положением и принуждения к даче показаний и половой акт (1 случай), квалифицируемый по уголовной статье о принуждении к половому сношению или о противоестественном половом акте в порядке злоупотребления служебным положением. Больше всего обвинений было выдвинуто в 2001 и 2002 годах.

221. В период с 1 января 2000 года по 31 октября 2002 года гражданами было подано 4 625 жалоб на действия полиции. 523 из них были признаны обоснованными, и по ним в отношении 158 полицейских были приняты меры дисциплинарного воздействия за серьезные нарушения служебных обязанностей, а в отношении 111 - за мелкие нарушения служебных обязанностей. На период до завершения разбирательства 32 полицейских были отстранены от работы. В 10 случаях были предъявлены уголовные обвинения, а в 14 - обвинения в мелких правонарушениях, и 4 полицейских были освобождены от работы по взаимному согласию. 2 929 жалоб были признаны необоснованными, а по 1 173 ведется расследование. Из рассмотренных дел (32 уголовных дела против 43 полицейских) бóльшая часть касалась необоснованного и/или чрезмерного применения силы в качестве средства принуждения. В этих инцидентах три человека погибли, а пяти были причинены серьезные травмы. В результате судебного разбирательства 12 полицейских были приговорены к тюремному заключению сроком от 80 дней до 6 лет.

222. Против 32 полицейских были применены меры дисциплинарного воздействия. Четыре полицейских были уволены, десять - оштрафованы, а пять - переведены на другую работу. С двух человек обвинения были сняты. Пять были оправданы, а в отношении шести других дело еще не закрыто.

223. Помимо правовых мер, предпринятых в служебном порядке министерством внутренних дел, граждане подали непосредственно государственному прокурору 1 076 жалоб в отношении 1 578 полицейских, из которых бóльшая часть обвиняется в уголовно наказуемом жестоком обращении при исполнении служебных обязанностей (930) с последующим принуждением к даче показания (124) и незаконным арестом. В большинстве случаев уголовное преследование было прекращено, поскольку жалобы были признаны необоснованными.

224. При вынесении решений о выплате компенсации жертвам суды стали непосредственно применять Конвенцию против пыток.

225. В Черногории в период с 1 июля 2001 года по 1 сентября 2002 года меры дисциплинарного воздействия были приняты в отношении 258 полицейских[19]. В последнее время акцент был сделан на регулировании и ограничении полномочий полиции, включая вопросы использования силы и применения огнестрельного оружия, арестов, обращения с задержанными и назначения адвоката при первом допросе во время содержания под стражей.

226. Что касается рекомендации Комитета против пыток по делу цыган из Даниловграда, то правительство Черногории уполномочило государственного прокурора пойти на судебное урегулирование вопроса о выплате компенсации жертвам за материальный и прочий ущерб в сумме 985 динаров.

Гарантии неприменения пыток к осужденным и задержанным лицам

227. В Сербии осужденные и задержанные лица имеют право подать жалобу директору департамента исполнения уголовных наказаний и в организационное подразделение департамента - службу надзора.

228. Раз в год производится плановая инспекция каждого учреждения. Помимо сотрудников службы внутреннего надзора пенитенциарные заведения посещают представители Международного комитета Красного Креста. В период с 1999 года по декабрь 2002 года состоялось 215 таких посещений.

229. Продолжительные экономические неурядицы в стране серьезно сказались на работе учреждений по исполнению уголовных наказаний. В последние два года предпринимаются усилия по улучшению материального положения работников тюрем и стимулированию их труда. Как следствие этого наблюдается улучшение обращения с осужденными. Кроме того, предпринимаются усилия по улучшению условий содержания заключенных.

Меры по профессиональной подготовке сотрудников правоохранительных органов

230. В обоих государствах, входящих в состав Союза, проводится обучение полицейских по вопросу о недопущении пыток. В Республике Сербии ведется разработка новых законов о полиции и профессиональной подготовке полицейских; ожидается, что эти законы будут готовы для принятия осенью 2003 года. Министерство внутренних дел приняло решение об учреждении поста генерального инспектора, который будет обеспечивать соответствие процедур, определяющих деятельность полиции, требованиям закона. Производится ознакомление сотрудников министерства внутренних дел с договорами о правах человека, и в особенности с требованиями о запрещении пыток, положениями гуманитарного права и Кодексом поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Это ознакомление проводится в ходе обучения в полицейских училищах среднего и высшего уровня и в полицейском колледже, а также на семинарских занятиях.

231. В Республике Черногории в парламент был направлен новый проект закона о полиции. В этом законе развивается новая концепция деятельности государственной администрации и ее взаимоотношений с общественностью, которая предполагает полную транспарентность, открытость и сотрудничество. Кроме того, разрабатывается

соответствующий кодекс поведения. В 2003 году состоялся ряд конференций и семинаров на тему о правах человека и полицейской деятельности. При поддержке ЦГП в интересах повышения квалификации судей, прокуроров, практикующих юристов и следователей полиции был организован специализированный курс по международному гуманитарному праву. Кроме того, состоялись семинары, посвященные вопросу об организации полицейской деятельности на уровне общин.

Сотрудничество с МТБЮ

232. Сербия и Черногория придает большое значение сотрудничеству с Трибуналом, которое осуществляется на основе закона о сотрудничестве с МТБЮ. В соответствии с этим законом был создан Национальный совет по сотрудничеству. Советом разработан порядок сотрудничества, основанный на поэтапном подходе. Примерами такого сотрудничества являются передача Трибуналу лиц, которым предъявлено обвинение, представление документов, помощь в заслушивании показаний свидетелей и подозреваемых, судебное преследование в национальных судах и принятие мер защиты. На сегодня было арестовано и передано в распоряжение Трибунала 9 человек, которым предъявлены обвинения, а 12 человек, проживавших в стране, сдались добровольно.

233. МТБЮ выдал властям 17 ордеров на арест других обвиняемых, включая бывшего лидера боснийских сербов Радована Караджича, бывшего командующего силами боснийских сербов генерала Радко Младича, бывшего военнослужащего вооруженных сил Сербии и Черногории Владимира Ковачевича, а также 14 солдат армии боснийских сербов. Многие из них были объявлены в розыск, а двое будут объявлены в розыск в ближайшем будущем. С начала 2001 года по май 2003 года Сербия и Черногория удовлетворила 99 запросов бюро прокурора МТБЮ о представлении документов. Лишь в восьми случаях бюро был получен ответ, в котором указывалось, что его запрос не может быть удовлетворен или что нужных документов в наличии нет. Кроме того, в 14 случаях запросы были удовлетворены частично, поскольку были переданы не все запрошенные документы.

234. Что касается свидетелей, то в этом отношении сотрудничество заключается в их поиске, извещении, вручении им повесток на судебные слушания и освобождении их от обязательства не разглашать секретную или закрытую информацию для целей дачи свидетельских показаний. В период с начала 2001 года по начало мая 2003 года со стороны бюро прокурора и судебной палаты поступило 115 запросов. Лишь в 10 случаях последовал ответ о том, что истребуемые лица не могут быть локализованы. Сербия и Черногория удовлетворяет и другие просьбы МТБЮ, например об организации встреч с представителями государственных органов власти, о присутствии следователей МТБЮ при эксгумации тел и т.п.

235. Помимо этого, еще несколько дел рассматривались или рассматриваются в национальных судах. В июле 2003 года был принят закон об учреждении и круге ведения соответствующих государственных инстанций в связи с уголовными делами о военных преступлениях, в том числе охватываемых статьей 5 Устава МТБЮ. Согласно этому закону, властные органы Республики Сербии вправе возбуждать уголовное дело по факту военных преступлений, совершенных на территории бывшей Югославии, независимо от гражданства преступника или жертвы. В законе предусматривается учреждение бюро Специального прокурора по военным преступлениям; назначение на этот пост уже произведено. В законе также предусматривается, что инстанцией, компетентной принимать решения по делам о военных преступлениях, является окружной суд Белграда.

VIII. ИНФОРМАЦИЯ, ПОЛУЧЕННАЯ КОМИТЕТОМ ПОСЛЕ ПОСЕЩЕНИЯ ЕГО ЧЛЕНАМИ СЕРБИИ И ЧЕРНОГОРИИ

236. В 2003 году и в начале 2004 года НПО представили Комитету информацию, в которой, в частности, сигнализировали о продолжающейся практике грубого обращения полиции с лицами, подозреваемыми в уголовных преступлениях, о неполном сотрудничестве государства-участника с МТБЮ, о недостаточно активных усилиях по судебному преследованию военных преступников в национальных судах и об ограниченности созданной в стране системы привлечения к ответственности лиц, виновных в военных преступлениях.

237. Сообщалось, в частности, что в ходе расследования убийства премьер-министра Зорана Джинджича в марте 2003 года было задержано примерно 10 000 человек. В соответствии с чрезвычайными правилами, введенными после убийства, их содержание под стражей не было санкционировано компетентной судебной инстанцией и они были лишены доступа к адвокатам или членам семей - в ряде случаев до двух месяцев. В этих сообщениях также говорилось о повсеместном жестоком обращении с задержанными, которое в ряде случаев было равносильно пыткам.

238. Кроме того, поступили сообщения о нескольких инцидентах в Сербии и Черногории, некоторые из которых не были связаны со следствием по делу об убийстве премьер-министра.

239. Комитет с озабоченностью воспринял эту информацию.

IX. ПУБЛИКАЦИЯ КРАТКОГО ОТЧЕТА

240. На своей тридцать первой сессии Комитет постановил предложить государству-участнику в соответствии с пунктом 5 статьи 20 Конвенции и правилом 84 своих правил процедуры сообщить ему свои замечания по вопросу относительно возможного опубликования краткого отчета о результатах расследования в его ежегодном докладе. 1 марта 2004 года государство-участник дало согласие на такое опубликование. На своей тридцать второй сессии Комитет одобрил краткий отчет и постановил включить его в свой годовой доклад.

Примечания

[1] В своем исследовании за 2001 год, посвященном деятельности полиции в Союзной Республике Югославии, ОБСЕ рекомендовала провести основательный комплексный обзор мест содержания под стражей (рекомендация № 48).

[2] Petar Antic; Abuses of Roma Rights in Serbia, Belgrade, 2001.

[3] Прежним УПК на это отводилось три дня.

[4] OSCE, op. cit., p. 24.

[5] Указ правительства Республики Сербии № 05 broj 011-5742/74 от 23 сентября 1992 года.

[6] OSCE, op. cit., pp. 22-23.

[7] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят четвертая сессия, Дополнение № 44 (A/54/44), пункты 35-52.

[8] Статья 65 Уголовного кодекса Сербии гласит:

"1) Лицо, которое, действуя в официальном качестве, применяет силу или угрозы или иные запрещенные либо недопустимые средства с целью принудить подозреваемого, свидетеля, свидетеля-эксперта или иное лицо к даче признательных или иных показаний, подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок от трех месяцев до пяти лет.

2) Если принуждение к даче признательных или иных показаний сопровождается жестоким насилием или влечет за собой серьезные последствия для обвиняемого по уголовному делу, виновный подлежит наказанию в виде тюремного заключения на срок не менее четырех лет".

[9] Статья 66 Уголовного кодекса Сербии гласит: "Лицо, которое, действуя в официальном качестве, грубо обращается с другим лицом, оскорбляет его или угрожает ему таким образом, что это унижает его человеческое достоинство, подлежит наказанию в виде в виде тюремного заключения сроком от трех месяцев до трех лет". Положения, аналогичные тем, что содержатся в статьях 65 и 66, фигурируют в статьях 190 и 191 Уголовного кодекса Югославии 1976 года.

[10] По сообщениям ОБСЕ, Миссия по проверке в Косово часто обращалась к сербским властям, начальникам полиции и судьям по поводу сообщений о пытках и грубом обращении. "Обычно МПК ОБСЕ давались заверения в том, что по всем случаям пыток и грубого обращения будет проведена проверка с предусмотренными законом дисциплинарными и судебными последствиями для конкретных виновных сотрудников. Принятие таких мер… было бы, однако, возможным только при предъявлении конкретных обвинений с указанием имени сотрудника и времени и места предполагаемого правонарушения. Когда представители МПК ОБСЕ задали главному прокурору Печа и председателю окружного суда Печа вопрос о том, будут ли предприняты активные следственные действия и уголовное преследование по сигналам о применении пыток и грубом обращении со стороны полиции, прокурор подтвердил это, добавив, однако, что сам он никогда не слышал о подобных случаях. Принять конкретные меры было нелегко по ряду причин: во-первых, косовские албанцы, как, впрочем, и другие граждане, ставшие жертвой пыток или грубого обращения со стороны полиции, не верили в готовность государственных учреждений защищать их права и интересы в плане оказания правовой помощи и в конечном итоге выплаты возмещения. Во-вторых, в большинстве случаев жертвам была неизвестна личность нарушителей, а добиться сотрудничества рядовых полицейских в усилиях по выявлению потенциальных нарушителей было практически невозможно. И в-третьих, даже если человек - чаще всего при активной поддержке местного отделения МПК ОБСЕ - …подавал жалобу местному начальнику полиции, последствия для полицейского, неподобающим образом обошедшегося с подателем жалобы, были недостаточно серьезными для того, чтобы удержать его от повторения преступного акта… Почти полное безразличие судебных инстанций к таким жалобам лишь укрепляло чувство безнаказанности в полицейской среде и подталкивало полицейских к продолжению и эскалации таких нарушений прав человека". *Kosovo, As Seen, As Told*, p. 52.

[11] Государственный прокурор заявил членам Комитета, что предоставит им статистические данные о жалобах, поданных в соответствии со статьей 65 Уголовного кодекса Сербии. На момент подготовки настоящего доклада эти статистические данные еще не поступили.

[12] ЦГП передал Комитету информацию о деле Э.М., мусульманина из Прибоя (Санджакский регион), которого, согласно сообщениям, 19 ноября 1999 года забрали в местный полицейский участок и в течение нескольких часов избивали, пытаясь заставить ответить на вопросы о человеке, которого он не знал. 29 декабря 1999 года ЦГП подал жалобу на неизвестных сотрудников Прибойского полицейского участка, обвинив их в нанесении легких телесных повреждений. Дважды работники ЦГП обращались к городскому прокурору с просьбой выяснить личность этих сотрудников и возбудить против них уголовное дело. Прокурор ответил, что, несмотря на дважды поданное ходатайство, полицейские власти Прибоя не представили ему информации, необходимой для установления личности предполагаемых виновников.

[13] Согласно трудовому законодательству Сербии, лицо, приговоренное к тюремному заключению сроком до шести месяцев, может быть восстановлено в должности, которую оно занимало ранее.

[14] В качестве примера такого поведения можно привести дело В.К. 13 ноября 1996 года В.К. был избит сотрудниками полицейского управления Панчево; результатом избиения стали сотрясение мозга, трещина затылочной кости, перелом челюсти и носа и

необратимая потеря слуха. 12 декабря 1996 года он подал жалобу, обвиняя двух полицейских в нанесении тяжких телесных повреждений. 5 марта 1997 года прокурор снял с полицейских обвинения, после чего В.К. выступил в роли частного обвинителя. На протяжении 2001 года из запланированных 12 судебных заседаний состоялись только два. Одно было отложено, поскольку судьи уехали на конференцию, а девять других - из-за неявки одного или обоих обвиняемых. (Xelsinki Committee for Human Rights in Serbia, *Human Rights and Transition -Serbia 2001*, 2002, pp. 63-64).

15 Согласно статье 95 Уголовного кодекса Союзной Республики Югославии, в отношении преступлений, наказуемых тюремным заключением на срок от трех до пяти лет, применяется пятилетний срок давности.

16 Как уже не раз указывалось, Комитет считает, что о систематической практике пыток можно говорить тогда, когда выясняется, что засвидетельствованные случаи пыток не являются единичными и характерными для какого-либо места или времени, а характеризуются повторяемостью, широким распространением и конкретной целью, по крайней мере на значительной части территории соответствующей страны. С другой стороны, пытки могут носить систематический характер, не являясь при этом следствием прямых намерений какого-либо правительства. В самом деле, применение пыток может быть обусловлено факторами, которые правительству сложно контролировать, а наличие такой практики может свидетельствовать об имеющемся разрыве между политикой, определяемой на уровне центрального правительства, и ее проведением в жизнь на уровне местной администрации. Систематический характер такой практики может также объясняться пробелами в законодательстве, открывающими возможность применения пыток.

17 Создана решением президента Республики от 29 марта 2001 года.

18 Значительная часть полученной информации касается действий, которые не обязательно подпадают под определение пыток согласно статье 1, но при этом могут подпадать под статью 16 Конвенции и, следовательно, не относятся к сфере применения статьи 20.

19 Сведения о характере совершенных действий отсутствуют.

V. РАССМОТРЕНИЕ ЖАЛОБ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 22 КОНВЕНЦИИ

A. Общая информация

241. В соответствии со статьей 22 Конвенции лица, которые утверждают, что они являются жертвами нарушения государством-участником положений Конвенции, могут представить жалобу Комитету против пыток для рассмотрения при условии соблюдения предусмотренных в этой статье требований. 56 из 136 государств, присоединившихся к Конвенции или ратифицировавших ее, заявили, что они признают компетенцию Комитета получать и рассматривать жалобы в соответствии со статьей 22 Конвенции. Список этих государств содержится в приложении III. Комитет не вправе рассматривать какие-либо жалобы, если они касаются государства - участника Конвенции, не признавшего компетенцию Комитета, предусмотренную в статье 22 Конвенции.

242. Рассмотрение жалоб в соответствии со статьей 22 Конвенции проводится на закрытых заседаниях (пункт 6 статьи 22). Все документы, относящиеся к работе Комитета в соответствии со статьей 22, т.е. сообщения сторон и другие рабочие документы Комитета, носят конфиденциальный характер.

243. В соответствии с правилом 107 правил процедуры с целью принятия решения о приемлемости жалобы Комитет, его рабочая группа или докладчик, назначенные в соответствии с правилом 98 или пунктом 3 правила 106, удостоверяются в том, что: лицо утверждает, что оно является жертвой нарушения соответствующим государством-участником положений Конвенции; жалоба не наносит ущерба проводимому Комитетом процессу и не является явно необоснованной; жалоба не является не совместимой с положениями Конвенции; этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования; заявитель исчерпал все имеющиеся у него внутренние средства правовой защиты; период времени, истекший с момента исчерпания внутренних средств правовой защиты, не является столь неоправданно продолжительным, что это необоснованно затрудняет рассмотрение жалоб Комитетом или государством-участником.

244. В соответствии с правилом 109 правил процедуры жалоба препровождается как можно скорее после регистрации соответствующему государству-участнику с просьбой представить на нее письменный ответ в течение шести месяцев. Государство-участник включает в свой ответ объяснения или заявления, касающиеся как приемлемости жалобы, так и ее существа, а также любого средства правовой защиты, которое могло быть представлено в данном случае, если только Комитет, рабочая группа или докладчик не решат, в силу чрезвычайного характера дела, запросить ответ только в отношении вопроса о приемлемости. Государство-участник может в двухмесячный срок ходатайствовать об отклонении жалобы как неприемлемой. Комитет или Докладчик по новым жалобам и

временным мерам может согласиться или не согласиться на рассмотрение вопроса о приемлемости отдельно от существа жалобы. После принятия отдельного решения о приемлемости Комитет в каждом конкретном случае устанавливает крайние сроки для представления материалов.

245. Комитет, его рабочая группа или докладчик(и) могут предложить соответствующему государству-участнику или заявителю представить дополнительную письменную информацию, разъяснения или замечания и указывают сроки для их представления. В течение сроков, установленных Комитетом, его рабочей группой или докладчиком (докладчиками) государству-участнику или заявителю может быть предоставлена возможность высказать замечания по любым материалам, полученным от другой стороны. Неполучение сообщений или замечаний обычно не должно служить причиной задержки с рассмотрением жалобы. Если государство-участник или заявитель не могут представить запрошенную информацию в установленные сроки, им настоятельно предлагается ходатайствовать о продлении такого крайнего срока. В отсутствие такого ходатайства Комитет или рабочая группа может постановить рассмотреть вопрос о приемлемости и/или существа жалобы на основании информации, имеющейся в деле. На своей тридцатой сессии Комитет постановил включать соответствующий стандартный пункт в любую вербальную ноту или сопроводительное письмо государству-участнику/заявителю с указанием крайнего срока для представления замечаний по материалам другой стороны. Этот пункт заменяет собой существовавшую ранее практику направления напоминаний, приводившую к задержкам в рассмотрении жалоб.

246. Комитет выносит решение по жалобе в свете всей информации, представленной ему заявителем и государством-участником. Выводы Комитета препровождаются сторонам (пункт 7 статьи 22 Конвенции и правило 112 правил процедуры) и доводятся до сведения широкой общественности. Текст вынесенных Комитетом решений, в которых жалобы объявляются неприемлемыми в соответствии со статьей 22 Конвенции, также предается гласности без оглашения личности заявителя, но с указанием соответствующего государства-участника.

247. В соответствии с пунктом 1 правила 115 своих правил процедуры Комитет может принять решение о включении в свой годовой доклад резюме рассмотренных сообщений. Кроме того, Комитет должен включить в свой годовой доклад текст своих решений в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

B. Временные меры защиты

248. Заявители нередко обращаются с просьбами о применении к ним превентивных мер защиты, в частности в тех случаях, когда речь идет о немедленной высылке или экстрадиции, и ссылаются в этой связи на статью 3 Конвенции. В соответствии с пунктом 1 правила 108 правил процедуры в любой момент после получения жалобы

Комитет, его рабочая группа или Докладчик по новым жалобам и временным мерам могут направить соответствующему государству-участнику просьбу о том, чтобы оно приняло такие временные меры, какие Комитет считает необходимыми во избежание причинения непоправимого ущерба жертве или жертвам предполагаемых нарушений. Государство-участник должно уведомляться о том, что такая просьба не предполагает принятия решения по вопросу о приемлемости жалобы или ее существа. Докладчик по новым жалобам и временным мерам регулярно следит за выполнением направленных Комитетом просьб о временных мерах. Государство-участник может информировать Комитет о том, что причин для применения временных мер более не существует, или представить аргументы относительно того, по какой причине временные меры должны быть сняты. Докладчик, Комитет или его рабочая группа могут снять просьбу о применении временных мер.

249. Докладчик по новым жалобам и временным мерам выработал методы работы, касающиеся снятия просьб о применении временных мер. Когда обстоятельства позволяют предположить, что просьба о применении временных мер может быть изучена до рассмотрения существа жалобы, то к такой просьбе следует добавлять стандартную фразу о том, что эта просьба формулируется на основе информации, содержащейся в представлении заявителя, и что она может быть изучена по инициативе государства-участника в свете информации и замечаний, полученных от государства-участника, и каких-либо дополнительных замечаний, если таковые имеются, от заявителя.

250. И наоборот, в одном из случаев, зарегистрированных за отчетный период, заявителям было первоначально отказано в применении временных мер в отсутствие достаточной информации, которая оправдывала бы соответствующую просьбу согласно пункту 1 правила 108 правил процедуры. Однако впоследствии Докладчик по новым жалобам и временным мерам обратился к государству-участнику с просьбой не высылать заявителей в страну их происхождения с учетом представленной ими дополнительной информации.

251. За рассматриваемый период Докладчик в ряде случаев обращался к государствам-участникам с просьбой отложить высылку, депортацию или экстрадицию, с тем чтобы позволить Комитету рассмотреть жалобы в соответствии с предусмотренной Комитетом процедурой. Все запрошенные в этой связи государства-участники удовлетворили просьбу Комитета об отсрочке. В девяти случаях депортации/высылки, зарегистрированных за отчетный период, Докладчик после обстоятельного изучения представленных материалов не счел необходимым просить принятия временных мер соответствующими государствами-участниками во избежание причинения непоправимого ущерба заявителям по их возвращению в страны происхождения.

C. Ход работы

252. На момент утверждения настоящего доклада Комитет зарегистрировал 249 жалоб, касающихся 23 стран. Из них производство по 59 жалобам было прекращено, а 44 были признаны неприемлемыми. Комитет принял окончательные решения по существу в отношении 99 жалоб и в 25 из них констатировал наличие нарушений Конвенции. В общей сложности 47 жалоб оставались нерассмотренными.

253. На своей тридцать первой сессии Комитет признал одну жалобу приемлемой и подлежащей рассмотрению по существу и объявил неприемлемой жалобу № 236/2003 (*А.Т.А. против Швейцарии*).

254. Также на своей тридцать первой сессии Комитет принял решения по существу в отношении жалоб № 153/2000 (*З.Т. против Австралии*), № 186/2001 (*К.К. против Швейцарии*), № 187/2001 (*Тхабти против Туниса*), № 188/2001 (*Абделли против Туниса*), № 189/2001 (*Лтаиеф против Туниса*), № 199/2001 (*Х.А. против Швеции*), № 203/2002 (*А.Р. против Нидерландов*), № 209/2002 (*М.О. против Дании*), № 210/2002 (*В.Р. против Дании*), № 213/2002 (*Э.Х.В.М. против Швеции*), № 215/2002 (*Х.А.Г.В. против Швеции*) и № 228/2003 (*Т.М. против Швеции*). Тексты этих решений воспроизводятся в приложении VII к настоящему докладу.

255. В своих решениях по жалобам № 153/2000 (*З.Т. против Австралии*), № 186/2001 (*К.К. против Швейцарии*), № 203/2002 (*А.Р. против Нидерландов*), № 209/2002 (*М.О. против Дании*), № 210/2002 (*В.Р. против Дании*), № 213/2002 (*Э.Х.В.М. против Швеции*) и № 215/2002 (*Х.А.Г.В. против Швеции*) Комитет пришел к выводу о том, что заявители не представили доказательств того, что в случае их возвращения в страны происхождения им будет угрожать прогнозируемая, реальная и личная опасность применения пыток. В силу этого Комитет в каждом случае сделал заключение о том, что возвращение заявителей в эти страны не повлечет за собой нарушения статьи 3 Конвенции.

256. В своем решении в отношении жалобы № 199/2001 (*Х.А. против Швеции*) заявительница утверждала, что ее высылка в Египет подвергнет ее опасности применения пыток с учетом того, что ее муж был выслан в эту страну на основании его предполагаемого участия в террористической деятельности. Комитет пришел к выводу о том, что в свете заверений, данных принимающим государством, Египтом, относительно обращения с заявительницей и ее мужем после возвращения, а также обязательства самого государства-участника регулярно контролировать положение заявительницы посредством посещений со стороны сотрудников посольства или консульства заявительница не доказала, что ее высылка явится нарушением статьи 3 Конвенции.

257. В своем решении по жалобе № 228/2003 (*Т.М. против Швеции*) Комитет пришел к выводу о том, что высылка заявителя в Бангладеш, где он предположительно подвергался

пыткам в качестве члена незаконной политической партии, не является нарушением статьи 3 Конвенции с учетом того обстоятельства, что со времени предполагаемой пытки прошло уже шесть лет и что политическая партия, в которой состоял заявитель, в настоящее время входит в состав правительства Бангладеш. Кроме того, Комитет объявил неприемлемыми ratione materiae утверждения о том, что возвращение заявителя подвергнет его угрозе возможного жестокого обращения в Бангладеш в нарушение статей 2 и 16 Конвенции, и отметил, что сфера действия обязательства о недопущении принудительного возвращения, закрепленного в статье 3, не распространяется на виды обращения, предусматриваемые статьей 16. Он также пришел к выводу о том, что для целей приемлемости заявитель недостаточно обосновал утверждение о том, что, несмотря на проблемы психического здоровья, высылка заявителя из Швеции нарушит статью 16 Конвенции; в этой связи он отметил, что ухудшение состояния физического или психического здоровья того или иного лица в результате депортации, как правило, недостаточно для того, чтобы представлять собой унижающее достоинство обращение по смыслу положения данной статьи, и что заявитель не представил доказательства того, что в Бангладеш ему не может быть оказана медицинская помощь.

258. В своих решениях по жалобам № 187/2001 (*Тхабти против Туниса*), 188/2001 (*Абделли против Туниса*) и 189/2001 (*Лтаиеф против Туниса*) Комитет пришел к выводу о том, что неспособность государства-участника расследовать подробные жалобы заявителя на применение пыток, сделанные в судебных органах в ходе судебных процессов над заявителями по обвинению в попытке государственного переворота или поддержке незаконной организации, представляет собой нарушение статей 12 и 13 Конвенции. Он подчеркнул, что содержащиеся в статье 13 обязательства быстро и беспристрастно рассматривать такие жалобы, в том числе путем проведения медицинского обследования сразу же после утверждений о жестоком обращении, не требуют официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного заявления о намерениях в этой связи. Одного лишь доведения жертвой соответствующих фактов до сведения государственных властей является достаточным.

259. На своей тридцать второй сессии Комитет объявил приемлемой одну жалобу, которую надлежит рассматривать по существу, и объявил неприемлемыми жалобы № 202/2002 (*Х.Дж. против Дании*), 225/2003 (*Р.С. против Дании*), 229/2002 (*Х.С.В. против Швеции*) и 243/2004 (*С.А. против Швеции*).

260. На своей тридцать второй сессии Комитет принял решение по существу в отношении жалоб № 135/1999 (*С.Г. против Нидерландов*), 148/1999 (*А.Х. против Австралии*), 182/2001 (*А.И. против Швейцарии*), 183/2001 (*Б.С.Ш. против Канады*), 196/2002 (*М.А.М. против Швеции*) и 214/2002 (*М.А.К. против Германии*). Текст этих решений воспроизводится в приложении VII к настоящему докладу.

261. В своих решениях по жалобам № 135/1999 (*С.Г. против Нидерландов*), 148/1999 (*А.Х. против Австралии*), 182/2001 (*А.И. против Швейцарии*) и 196/2002 (*М.А.М против Швеции*) Комитет пришел к выводу о том, что заявители не продемонстрировали того, что по возвращении в страны происхождения им будет угрожать там прогнозируемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам. Поэтому в каждом случае Комитет сделал вывод о том, что высылка заявителей в эти страны не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

262. В своем решении по жалобе № 183/2001 (*Б.С.Ш. против Канады*) Комитет пришел к выводу о том, что депортация заявителя в Индию через 13 лет, после того как он предположительно был подвергнут пыткам со стороны сотрудников полиции Пенджаба, не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции с учетом того, что представленные заявителем доказательства указывают всего лишь на наличие для него опасности быть подвергнутым пыткам в Пенджабе. Комитет пришел к выводу о том, что заявитель не обосновал утверждение о том, что он не сможет жить, не подвергаясь пыткам, в другой части Индии, и отметил, что, хотя переезд из Пенджаба будет связан для заявителя со значительными лишениями, тот только факт, что он, возможно, не сможет вернуться к своей семье и в свою родную деревню, сам по себе не равнозначен пытке по смыслу статей 1 и 3 Конвенции. Комитет объявил неприемлемой жалобу заявителя о том, что его принудительное возвращение в Индию нанесет ему серьезную психологическую травму, что явится нарушением статьи 16 Конвенции, и отметил, что, хотя депортация заявителя может явиться причиной субъективных опасений, она не является равнозначной жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению по смыслу статьи 16.

263. В деле 214/2002 (*М.А.К. против Германии*) заявитель, гражданин Турции курдского происхождения, ходатайствовал о повторном возбуждении процедуры предоставления убежища в Германии после того, как его первоначальное ходатайство о предоставлении убежища было отклонено окончательным решением суда Германии. Хотя внутреннее судебное разбирательство просьбы заявителя о повторном рассмотрении его ходатайства о предоставлении убежища до сих пор продолжается, Комитет объявил данную жалобу приемлемой в свете того обстоятельства, что одновременное ходатайство заявителя об издании временного постановления с отсрочкой предстоящей депортации было отклонено окончательным решением и что основное разбирательство ходатайства не имело приостанавливающего воздействия. Вместе с тем Комитет пришел к выводу о том, что депортация заявителя в Турцию не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции, поскольку он не смог подкрепить свои утверждения о прохождении подготовки в учебном лагере РПК в Нидерландах и поскольку его участие в блокировании автомагистрали, организованном сторонниками РПК в 1994 году, в связи с которым он был приговорен к тюремному заключению с отсрочкой исполнения наказания, не может быть приравнено к виду деятельности, который сделает его особенно уязвимым по отношению к опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Турцию. В то же время Комитет приветствовал

предложение государства-участника следить за положением заявителя по его возвращении в Турцию и просил его информировать Комитет о его ситуации.

D. Последующая деятельность

264. На своей двадцать восьмой сессии в мае 2002 года Комитет против пыток пересмотрел свои правила процедуры и учредил пост Докладчика по последующим мерам в связи с решениями по жалобам, представленным в соответствии со статьей 22. Комитет постановил, что Докладчик должен заниматься, в частности, следующими видами деятельности:

a) наблюдать за выполнением решений Комитета, в том числе путем направления государствам-участникам запросов о мерах, принятых ими в соответствии с решениями Комитета;

b) представлять Комитету рекомендации относительно надлежащих действий в связи с неполучением от государств ответов и получением от заявителей писем, касающихся невыполнения государствами принимаемых Комитетом решений;

c) проводить встречи с представителями государств-участников в целях содействия выполнению принимаемых Комитетом решений и определения степени необходимости или желательности оказания УВКПЧ консультативных услуг или технической помощи;

d) проводить с санкции Комитета поездки в государства-участники в рамках последующих мер;

e) заниматься подготовкой для Комитета периодических докладов о своей деятельности.

265. Докладчик по последующим мерам представил Комитету своей первый письменный доклад на его тридцать второй сессии. В этом докладе содержится информация, полученная до 3 мая 2004 года от заявителей или государств-участников по вопросу о последующих мерах в связи с рядом решений, в которых Комитет установил факт нарушения Конвенции. Представленный ниже список стран содержит краткое резюме таких решений и полученной информации о последующих мерах.

Сербия и Черногория

266. Хайризи Джемайль и др. против Югославии, *дело № 161/2000, решение, принятое 21 ноября 2002 года*. Данное дело касалось поджога и разрушения домов рома лицами, не принадлежащими к этой национальности, в апреле 1995 года. При этом Комитет

обнаружил нарушения пункта 1 статьи 16, а также статей 12 и 13 Конвенции и рекомендовал провести надлежащее расследование этих фактов, привлечь к ответственности и наказать лиц, виновных в совершении этих актов, и предоставить заявителям средства правовой защиты, включая справедливую и адекватную компенсацию. Комитет просил государство-участник информировать его в течение 90 дней с даты препровождения ему данного решения, т.е. к 13 марта 2003 года, о мерах, принятых им в ответ на его замечания.

267. 4 августа и 24 сентября 2003 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно намерено предоставить заявителям компенсацию в размере 985 000 евро. 2 февраля 2004 года Докладчик направил государству-участнику письмо, выразив в нем свое удовлетворение по поводу намерения государства-участника предоставить компенсацию, но при этом напомнил о том, что для выполнения в полной мере решения Комитета государству-участнику также предлагается привлечь виновных к ответственности, и просил представить дополнительную информацию в этой связи. Аналогичная просьба была направлена представителю государства-участника, с которым Докладчик встретился 30 апреля 2004 года. 6 мая 2004 года государство-участник ответило, что оно предоставило компенсацию заявителям и что, таким образом, все обязательства, связанные с решением Комитета, правительством Черногории были выполнены.

268. Ристич против Югославии, *дело № 113/1998, решение, принятое 11 мая 2001 года*. Данное дело касалось непроведения расследования утверждений о предполагаемых пытках при обстоятельствах, когда причина смерти жертвы осталась неустановленной. При этом Комитет пришел к выводу о нарушениях статей 12 и 13 Конвенции и рекомендовал государству-участнику предоставить потерпевшему надлежащие средства правовой защиты. После встречи с представителем государства-участника 30 апреля 2004 года Докладчик был проинформирован о том, что 3 мая 2004 года Генеральная прокуратура в Шабаце дала указание провести эксгумацию останков Милана Ристича и новое вскрытие в целях установления того, имеются ли какие-либо новые свидетельства в пользу повторного судебного разбирательства. Эксгумация была проведена 20 апреля 2004 года и по завершении экспертизы государство-участник проинформирует Комитет о его результатах.

Швеция

269. Шедли Бен Ахмед Каруи против Швеции, *дело № 185/2001, решение, принятое 8 мая 2002 года*. Данное дело касалось опасности подвергнуться пыткам в случае возвращения заявителя в Тунис. Комитет сделал вывод о нарушении статьи 3 Конвенции. 11 декабря 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что заявитель и его семья подали в Апелляционный совет по делам иностранцев новое ходатайство, которое в частности, касалось предоставления им видов на жительство. В

поддержку этого ходатайства была сделана ссылка на решение Комитета. 4 июня 2002 года Совет отменил решения о высылке в отношении заявителя и членов его семьи, которым впоследствии были предоставлены постоянные виды на жительство.

Тунис

270. Мбарек против Туниса, дело № 60/1996, *решение, принятое 10 ноября 1999 года*. Данное дело касалось непроведения расследования утверждений о предполагаемых пытках при обстоятельствах, когда причина смерти жертвы осталась неустановленной. Комитет сделал вывод о нарушениях статей 12 и 13 Конвенции и рекомендовал государству-участнику проинформировать его в течение 90 дней о мерах, принятых в ответ на высказанные им замечания. В письме от 15 апреля 2002 года государство-участник оспорило решение Комитета и данное в нем толкование фактов.

271. Тхабти против Туниса, дело № 187/2001, Абдели против Туниса, дело № 188/2001, Лтаиеф против Туниса, дело № 189/2001, *решения, принятые 14 ноября 2003 года*. Эти дела касались утверждений о применении пыток к заявителям. Комитет обнаружил нарушения статей 12 и 13 Конвенции и рекомендовал государству-участнику провести расследование данных утверждений и в течение 90 дней проинформировать его о принятых мерах.

272. В своем ответе от 26 марта 2004 года государство-участник оспорило решение Комитета и вновь повторило свои аргументы, приведенные во время рассмотрения жалобы. Оно утверждает, что данная жалоба является нарушением процедуры, что авторы не исчерпали внутренних средств правовой защиты и что мотивы представляющей авторов НПО не являются bona fide. Кроме того, государство-участник просило Комитет "пересмотреть" жалобу.

VI. БУДУЩИЕ СОВЕЩАНИЯ КОМИТЕТА

273. По просьбе одного из своих членов Комитет постановил, что его тридцать пятая сессия будет проведена с 14 по 25 ноября 2005 года вместо 7-18 ноября 2005 года, как это указывалось в его предыдущем годовом докладе.

VII. УТВЕРЖДЕНИЕ ГОДОВОГО ДОКЛАДА КОМИТЕТА О СВОЕЙ РАБОТЕ

274. В соответствии со статьей 24 Конвенции Комитет представляет государствам-участникам и Генеральной Ассамблее годовой доклад о своей работе. Поскольку каждый календарный год Комитет проводит свою вторую очередную сессию в конце ноября, что совпадает с очередными сессиями Генеральной Ассамблеи, он утверждает свой годовой доклад в конце своей весенней сессии для его соответствующего препровождения Генеральной Ассамблее в течение того же календарного года. В этой связи на своем 619-м заседании 21 мая 2004 года Комитет рассмотрел и единогласно утвердил доклад о своей работе на тридцать первой и тридцать второй сессиях.

Приложение I

ГОСУДАРСТВА, КОТОРЫЕ ПОДПИСАЛИ, РАТИФИЦИРОВАЛИ КОНВЕНЦИЮ ПРОТИВ ПЫТОК И ДРУГИХ ЖЕСТОКИХ, БЕСЧЕЛОВЕЧНЫХ ИЛИ УНИЖАЮЩИХ ДОСТОИНСТВО ВИДОВ ОБРАЩЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ ИЛИ ПРИСОЕДИНИЛИСЬ К НЕЙ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 21 МАЯ 2004 ГОДА

Государство	Дата подписания	Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении
Афганистан	4 февраля 1985 года	1 апреля 1987 года
Албания		11 мая 1984 года[a]
Алжир	26 ноября 1985 года	12 сентября 1989 года
Антигуа и Барбуда		19 июля 1993 года[a]
Аргентина	4 февраля 1985 года	24 сентября 1986 года
Армения		13 сентября 1993 года[a]
Австралия	10 декабря 1985 года	8 августа 1989 года
Австрия	14 марта 1985 года	29 июля 1987 года
Азербайджан		16 августа 1996 года[a]
Бахрейн		6 марта 1998 года[a]
Бангладеш		5 октября 1998 года[a]
Беларусь	19 декабря 1985 года	13 марта 1987 года
Бельгия	4 февраля 1985 года	25 июня 1999 года
Белиз		17 марта 1986 года[a]
Бенин		12 марта 1992 года[a]
Боливия	4 февраля 1985 года	12 апреля 1999 года
Босния и Герцеговина		6 марта 1992 года[b]
Ботсвана	8 сентября 2000 года	8 сентября 2000 года
Бразилия	23 сентября 1985 года	28 сентября 1989 года
Болгария	10 июня 1986 года	16 декабря 1986 года
Буркина-Фасо		4 января 1999 года[a]
Бурунди		18 февраля 1993 года[a]
Камбоджа		15 октября 1992 года[a]
Камерун		19 декабря 1986 года[a]
Канада	23 августа 1985 года	24 июня 1987 года
Кабо-Верде		4 июня 1992 года[a]
Чад		9 июня 1995 года[a]
Чили	23 сентября 1987 года	30 сентября 1988 года
Китай	12 декабря 1986 года	4 октября 1988 года
Колумбия	10 апреля 1985 года	8 декабря 1987 года

Государство	Дата подписания	Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении
Коморские Острова	22 сентября 2000 года	
Конго		30 июля 2003 года[a]
Коста-Рика	4 февраля 1985 года	11 ноября 1993 года
Кот-д'Ивуар		18 декабря 1995 года[a]
Хорватия		8 октября 1991 года[b]
Куба	27 января 1986 года	17 мая 1995 года
Кипр	9 октября 1985 года	18 июля 1991 года
Чешская Республика		1 января 1993 года[b]
Демократическая Республика Конго		18 марта 1996 года[a]
Дания	4 февраля 1985 года	27 мая 1987 года
Джибути		5 ноября 2002 года[a]
Доминиканская Республика	4 февраля 1985 года	
Эквадор	4 февраля 1985 года	30 марта 1988 года
Египет		25 июня 1986 года[a]
Сальвадор		17 июня 1996 года[a]
Экваториальная Гвинея		8 октября 2002 года[a]
Эстония		21 октября 1991 года[a]
Эфиопия		14 марта 1994 года[a]
Финляндия	4 февраля 1985 года	30 августа 1989 года
Франция	4 февраля 1985 года	18 февраля 1986 года
Габон	21 января 1986 года	8 сентября 2000 года
Гамбия	23 октября 1985 года	
Грузия		26 октября 1994 года[a]
Германия	13 октября 1986 года	1 октября 1990 года
Гана	7 сентября 2000 года	7 сентября 2000 года[a]
Греция	4 февраля 1985 года	6 октября 1988 года
Гватемала		5 января 1990 года[a]
Гвинея	30 мая 1986 года	10 октября 1989 года
Гвинея-Бисау	12 сентября 2000 года	
Гайана	25 января 1988 года	19 мая 1988 года
Святейший Престол		26 июня 2002 года[a]
Гондурас	28 ноября 1986 года	5 декабря 1996 года[a]
Венгрия	4 февраля 1985 года	15 апреля 1987 года
Исландия		23 октября 1996 года
Индия	14 октября 1997 года	
Индонезия	23 октября 1985 года	28 октября 1998 года
Ирландия	28 сентября 1992 года	11 апреля 2002 года

Государство	Дата подписания	Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении
Израиль	22 октября 1986 года	3 октября 1991 года
Италия	4 февраля 1985 года	12 января 1989 года
Япония		29 июня 1999 года[a]
Иордания		13 ноября 1991 года[a]
Казахстан		26 августа 1998 года
Кения		21 февраля 1997 года[a]
Кувейт		8 марта 1996 года[a]
Кыргызстан		5 сентября 1997 года[a]
Латвия		14 апреля 1992 года[a]
Ливан		5 октября 2000 года[a]
Лесото		12 ноября 2001 года[a]
Ливийская Арабская Джамахирия		16 мая 1989 года[a]
Лихтенштейн	27 июня 1985 года	2 ноября 1990 года
Литва		1 февраля 1996 года[a]
Люксембург	22 февраля 1985 года	29 сентября 1987 года
Мадагаскар	1 октября 2001 года	
Малави		11 июня 1996 года[a]
Мальдивские Острова		20 апреля 2004 года[a]
Мали		26 февраля 1999 года[a]
Мальта		13 сентября 1990 года[a]
Маврикий		9 декабря 1992 года[a]
Мексика	18 марта 1985 года	23 января 1986 года
Монако		6 декабря 1991 года[a]
Монголия		24 января 2002 года
Марокко	8 января 1986 года	21 июня 1993 года
Мозамбик		14 сентября 1999 года[a]
Намибия		28 ноября 1994 года[a]
Науру	12 ноября 2001 года	
Непал		14 мая 1991 года[a]
Нидерланды	4 февраля 1985 года	21 декабря 1988 года
Новая Зеландия	14 января 1986 года	10 декабря 1989 года
Никарагуа	15 апреля 1985 года	
Нигер		5 октября 1998 года[a]
Нигерия	28 июля 1988 года	28 июня 2001 года
Норвегия	4 февраля 1985 года	9 июля 1986 года

Государство	Дата подписания	Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении
Панама	22 февраля 1985 года	24 августа 1987 года
Парагвай	23 октября 1989 года	12 марта 1990 года
Перу	29 мая 1985 года	7 июля 1988 года
Филиппины		18 июня 1986 года[a]
Польша	13 января 1986 года	26 июля 1989 года
Португалия	4 февраля 1985 года	9 февраля 1989 года
Катар		11 января 2000 года[a]
Республика Корея		9 января 1995 года[a]
Республика Молдова		28 ноября 1995 года[a]
Румыния		18 декабря 1990 года[a]
Российская Федерация	10 декабря 1985 года	3 марта 1987 года
Сент-Винсент и Гренадины		1 августа 2001 года[a]
Сан-Томе и Принсипи	6 сентября 2000 года	
Саудовская Аравия		23 сентября 1997 года[a]
Сенегал	4 февраля 1985 года	21 августа 1986 года
Сербия и Черногория		12 марта 2001 года[b]
Сейшельские Острова	18 марта 1985 года	5 мая 1992 года[a]
Сьерра-Леоне		25 апреля 2001 года
Словакия		29 мая 1993 года[b]
Словения		16 июля 1993 года[a]
Сомали		24 января 1990 года[a]
Южная Африка	29 января 1993 года	10 декабря 1998 года
Испания	4 февраля 1985 года	21 октября 1987 года
Шри-Ланка		3 января 1994 года[a]
Судан	4 июня 1986 года	
Свазиленд		26 марта 2004 года
Швеция	4 февраля 1985 года	8 января 1986 года
Швейцария	4 февраля 1985 года	2 декабря 1986 года
Таджикистан		11 января 1995 года[a]
Бывшая югославская Республика Македония		12 декабря 1994 года[b]
Тимор-Лешти		16 апреля 2003 года
Того	25 марта 1987 года	18 ноября 1987 года
Тунис	26 августа 1987 года	23 сентября 1988 года
Турция	25 января 1988 года	2 августа 1988 года
Туркменистан		25 июня 1999 года[a]
Уганда		3 ноября 1986 года[a]

Государство	Дата подписания	Дата получения ратификационной грамоты или документа о присоединении
Украина	27 февраля 1986 года	24 февраля 1987 года
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	15 марта 1985 года	8 декабря 1988 года
Соединенные Штаты Америки	18 апреля 1988 года	21 октября 1994 года
Уругвай	4 февраля 1985 года	24 октября 1986 года
Узбекистан		28 сентября 1995 года[a]
Венесуэла	15 февраля 1985 года	29 июля 1991 года
Йемен		5 ноября 1991 года[a]
Замбия		7 октября 1998 года[a]

---

[a] Присоединение.

[b] Правопреемство.

Приложение II

ГОСУДАРСТВА-УЧАСТНИКИ, КОТОРЫЕ ПРИ РАТИФИКАЦИИ ИЛИ ПРИСОЕДИНЕНИИ ЗАЯВИЛИ, ЧТО ОНИ НЕ ПРИЗНАЮТ КОМПЕТЕНЦИЮ КОМИТЕТА, ПРЕДУСМОТРЕННУЮ СТАТЬЕЙ 20 КОНВЕНЦИИ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 21 МАЯ 2004 ГОДА[a]

Афганистан
Китай
Экваториальная Гвинея
Израиль
Кувейт
Марокко
Саудовская Аравия

---

[a] Всего семь государств-участников.

Приложение III

ГОСУДАРСТВА-УЧАСТНИКИ, КОТОРЫЕ СДЕЛАЛИ ЗАЯВЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ СТАТЬЯМИ 21 И 22 КОНВЕНЦИИ, ПО СОСТОЯНИЮ НА 21 МАЯ 2004 ГОДА[a]

Государство-участник	Дата вступления в силу
Алжир	12 апреля 1989 года
Аргентина	26 июня 1987 года
Австралия	29 января 1993 года
Австрия	28 августа 1987 года
Бельгия	25 июля 1999 года
Босния и Герцеговина	4 июня 2003 года
Болгария	12 июня 1993 года
Камерун	11 ноября 2000 года
Канада	24 июля 1987 года
Чили	15 марта 2004 года
Коста-Рика	27 февраля 2002 года
Хорватия	8 октября 1991 года
Кипр	8 апреля 1993 года
Чешская Республика	3 сентября 1996 года
Дания	26 июня 1987 года
Эквадор	29 апреля 1988 года
Финляндия	29 сентября 1989 года
Франция	26 июня 1987 года
Германия	19 октября 2001 года
Гана	7 октября 2000 года
Греция	5 ноября 1988 года
Венгрия	26 июня 1987 года

[a] Всего 51 государство-участник.

Государство-участник	Дата вступления в силу
Исландия	22 ноября 1996 года
Ирландия	11 апреля 2002 года
Италия	11 февраля 1989 года
Лихтенштейн	2 декабря 1990 года
Люксембург	29 октября 1987 года
Мальта	13 октября 1990 года
Монако	6 января 1992 года
Нидерланды	20 января 1989 года
Новая Зеландия	9 января 1990 года
Норвегия	26 июня 1987 года
Парагвай	29 мая 2002 года
Перу	7 июля 1988 года
Польша	12 июня 1993 года
Португалия	11 марта 1989 года
Российская Федерация	1 октября 1991 года
Сенегал	16 октября 1996 года
Сербия и Черногория	12 марта 2001 года
Словакия	17 апреля 1995 года
Словения	16 июля 1993 года
Южная Африка	10 декабря 1998 года
Испания	20 ноября 1987 года
Швеция	26 июня 1987 года
Швейцария	26 июня 1987 года
Того	18 декабря 1987 года
Тунис	23 октября 1988 года
Турция	1 сентября 1988 года
Уругвай	26 июня 1987 года
Украина	12 сентября 2003 года
Венесуэла	26 апреля 1994 года

Государства-участники, которые сделали только заявление, предусмотренное статьей 21 Конвенции, по состоянию на 21 мая 2004 года

Япония	29 июня 1999 года
Уганда	19 декабря 2001 года
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	8 декабря 1988 года
Соединенные Штаты Америки	21 декабря 1994 года

Государства-участники, которые сделали только заявление, предусмотренное статьей 22 Конвенции, по состоянию на 21 мая 2004 года[b]

Бурунди	10 июня 2003 года
Азербайджан	4 февраля 2002 года
Гватемала	25 сентября 2003 года
Мексика	15 марта 2002 года
Сейшельские Острова	6 августа 2001 года

[b] Заявление, предусмотренное статьей 22, сделали в общей сложности 56 государств-участников.

Приложение IV

ЧЛЕНСКИЙ СОСТАВ КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК В 2004 ГОДУ

Имя и фамилия члена Комитета	Страна гражданства	Срок полномочий истекает 31 декабря
Г-н Гибрил КАМАРА	Сенегал	2007 года
Г-н Сайед Кассем ЭЛЬ-МАСРИ	Египет	2005 года
Г-жа Фелис ГАЕР	Соединенные Штаты Америки	2007 года
Г-н Клаудио ГРОССМАН	Чили	2007 года
Г-н Фернандо МАРИНЬО МЕНЕНДЕС	Испания	2005 года
Г-н Андреас МАВРОММАТИС	Кипр	2007 года
Г-н Хулио ПРАДО ВАЛЬЕХО	Эквадор	2007 года
Г-н Оле Ведель РАСМУССЕН	Дания	2005 года
Г-н Александр М. ЯКОВЛЕВ	Российская Федерация	2005 года
Г-н ЮЙ Мэнцзя	Китай	2005 года

Приложение V

ДОКЛАДЧИКИ И ЗАМЕСТИТЕЛИ ДОКЛАДЧИКОВ ПО СТРАНАМ ПО КАЖДОМУ ИЗ ДОКЛАДОВ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ, РАССМОТРЕННЫХ КОМИТЕТОМ НА ЕГО ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЙ И ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ СЕССИЯХ

A. Тридцать первая сессия

Доклад	Докладчик	Заместитель
Камерун: третий периодический доклад (CAT/C/34/Add.17)	г-н Камара	г-н Юй
Колумбия: третий периодический доклад (CAT/C/39/Add.4)	г-н Мариньо	г-н Расмуссен
Латвия: первоначальный доклад (CAT/C/21/Add.4)	г-н Эль-Масри	г-н Расмуссен
Литва: первоначальный доклад (CAT/C/37/Add.5)	г-н Яковлев	г-жа Гаер
Марокко: третий периодический доклад (CAT/C/66/Add.1)	г-н Камара	г-жа Гаер
Йемен: первоначальный доклад (CAT/C/16/Add.10)	г-н Бёрнс	г-н Мавромматис

B. Тридцать вторая сессия

Болгария: третий периодический доклад (CAT/C/34/Add.16)	г-жа Гаер	г-н Яковлев
Чили: третий периодический доклад (CAT/C/39/Add.5/Corr.1)*	г-жа Гаер	г-н Расмуссен
Хорватия: третий периодический доклад (CAT/C/54/Add.3)	г-н Расмуссен	г-н Яковлев
Чешская Республика: третий периодический доклад (CAT/C/60/Add.1)	г-н Эль-Масри	г-н Гроссман
Германия: третий периодический доклад (CAT/C/49/Add.4)	г-н Юй	г-н Гроссман
Монако: второй периодический доклад (CAT/C/38/Add.2)	г-н Камара	г-н Мариньо
Новая Зеландия: третий периодический доклад (CAT/C/49/Add.3)	г-н Мавромматис	г-н Эль-Масри

* Документ CAT/C/39/Add.14 (третий периодический доклад Чили) от 28 октября 2002 года должен иметь условное обозначение CAT/C/39/Add.5. Просьба обратить внимание на то, что исправление касается только изменения условного обозначения документа.

Приложение VI

МЕТОДЫ РАБОТЫ КОМИТЕТА ПРОТИВ ПЫТОК ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДОКЛАДОВ В СООТВЕТСТВИИ СО СТАТЬЕЙ 19 КОНВЕНЦИИ

Введение

1. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания была принята в 1984 году и вступила в силу 26 июня 1987 года. На своем первом совещании, состоявшемся в Женеве в апреле 1988 года, Комитет в соответствии со статьей 18 Конвенции принял свои правила процедуры и определил свои методы работы. В силу растущего числа ратификаций и практики, сложившейся при выполнении Комитетом своих функций, ему приходится постоянно пересматривать свои правила процедуры и методы работы в целях повышения эффективности и координации своей деятельности. В последний раз поправки в существующие правила процедуры вносились в 2002 году[a].

2. В соответствии со статьей 19 Конвенции каждое государство-участник должно представлять Комитету доклады о принятых им мерах по осуществлению своих обязательств согласно Конвенции. Первоначальный доклад должен представляться в течение одного года после вступления Конвенции в силу для соответствующего государства. В дальнейшем раз в четыре года должны представляться доклады о последующих мерах, принимаемых в связи с Конвенцией (периодические доклады).

Руководящие принципы подготовки докладов государствами-участниками

3. Для оказания государствам-участникам содействия в подготовке первоначальных и периодических докладов Комитетом были утверждены руководящие принципы подготовки докладов[b]. Эти руководящие принципы регулярно рассматриваются Комитетом с учетом его собственного опыта и усилий по согласованию, предпринимаемых всеми органами по наблюдению за осуществлением договоров о правах человека.

4. Комитет придает большое значение включению в доклады государств-участников информации, связанной с осуществлением Конвенции де-факто, а также с факторами и трудностями, оказывающими воздействие на такое осуществление. Комитет также приветствует подключение национальных учреждений, занимающихся вопросами защиты и поощрения прав человека, и неправительственных организаций к процессу консультаций, ведущему к подготовке докладов государствами-участниками.

Определение порядка рассмотрения докладов и составление перечней вопросов

5. На каждой сессии Комитет выбирает из числа полученных докладов те доклады, которые будут рассматриваться на его последующих двух сессиях. При осуществлении своего выбора Комитет обычно руководствуется хронологическим порядком представления, отдавая приоритет первоначальным докладам по сравнению с периодическими докладами. В то же время Комитет назначает двоих из своих членов докладчиками по каждому страновому докладу. Один член Комитета может выступать в качестве докладчика по нескольким докладам в течение одной и той же сессии.

6. На сессии, предшествующей сессии, на которой будет рассматриваться периодический доклад, Комитет составляет перечень вопросов, подлежащих направлению соответствующему государству не позднее чем за два месяца до рассмотрения доклада. Такой перечень подготавливается, в частности, на основе содержащейся в докладе информации, прошлых рекомендаций Комитета государству и информации, полученной из неправительственных источников.

7. Цель перечней вопросов состоит в том, чтобы сосредоточить диалог с государствами на вопросах, представляющих особый интерес для Комитета. Ответы на эти вопросы должны предоставляться устно в ходе рассмотрения доклада. Государство-участник по своему усмотрению может также представлять ответы в письменном виде для распространения среди членов Комитета за две недели до даты рассмотрения доклада Комитетом. Письменные ответы не переводятся. Они доводятся до сведения общественности путем помещения на вебсайте УВКПЧ на языке представления.

Рассмотрение докладов государств-участников

8. Комитет проводит две сессии в год: двухнедельную сессию в ноябре и трехнедельную сессию в мае. Для представления своих докладов на каждую сессию приглашаются от пяти до семи государств-участников.

9. Рассмотрение доклада обычно происходит в форме диалога между делегацией представившего доклад государства и Комитетом. Цель диалога состоит в том, чтобы Комитет получил более точное представление о положении в государстве-участнике с точки зрения Конвенции мог дать рекомендации относительно того, как улучшить осуществление Конвенции. В исключительных случаях Комитет может рассмотреть доклад в отсутствие представителей государства-участника, когда после получения соответствующего уведомления они не являются на заседания и не указывают при этом веских оснований[c].

10. Рассмотрению доклада обычно посвящаются два открытых заседания: первое, занимающее половину дня, утреннее заседание и заседание во второй половине дня

следующего дня. Первое заседание начинается с выступления представителей государства-участника, в котором они дают общую информацию, освещая, в частности, новые события, имевшие место после представления доклада, и дают ответы на ранее направленный Комитетом перечень вопросов. Такое выступление не должно занимать более 90 минут. После этого с замечаниями выступают докладчики по странам и другие члены Комитета, которые запрашивают дополнительную информацию по вопросам, требующим, по их мнению, дальнейшего разъяснения. Они также могут поднимать вопросы, которые не были упомянуты в первоначальном перечне вопросов.

11. Согласно практике Комитета, члены Комитета воздерживаются от какого-либо участия в рассмотрении докладов государств-участников, гражданами которых они являются.

12. По заседаниям, на которых рассматриваются доклады государств-участников, Информационная служба Организации Объединенных Наций незамедлительно выпускает пресс-релизы на английском и французском языках. Во время или после закрытия сессии также выпускаются краткие отчеты на английском или французском языках.

13. Поскольку официальными языками Комитета являются английский, испанский, русский и французский, на всех официальных заседаниях обеспечивается устный перевод на эти языки и с этих языков. На этих же языках также подготавливаются доклады государств-участников и другая соответствующая документация. Доклады государств-участников, представляемые на арабском и китайском языках, выпускаются в качестве официальных документов также на языке оригинала. Устный перевод на арабский и китайский языки также обеспечивается в тех случаях, когда представители соответствующего государства изъявляют желание использовать эти языки.

Выводы и рекомендации

14. После рассмотрения каждого доклада, Комитет приступает к обсуждению на закрытом заседании, на основе которого докладчики по странам составляют проекты выводов и рекомендаций. Затем проекты выводов и рекомендаций обсуждаются и принимаются на пленарном заседании, которое также является закрытым. Выводы и рекомендации составляются по стандартной форме, состоящей из краткого введения, разделов, в которых отмечаются позитивные аспекты, факторы и трудности, препятствующие осуществлению Конвенции (если таковые имеются), вопросы, вызывающие озабоченность Комитета, и рекомендации.

15. После принятия выводы и рекомендации направляются соответствующему государству-участнику и предаются гласности. Они также помещаются на вебсайте УВКПЧ. Наконец, они включаются в годовой доклад, ежегодно представляемый Комитетом Генеральной Ассамблее.

16. В ответ на выводы и рекомендации государство-участник может представить любые замечания, которые оно сочтет целесообразными. Если это государство обращается с соответствующей просьбой, Комитет может придать такие замечания гласности, издав их в качестве официального документа.

Последующая деятельность в связи с выводами и рекомендациями

17. Комитет может выделить некоторые из своих рекомендаций, в отношении осуществления которых он хотел бы получить информацию от государства-участника[d]. Комитет назначает докладчика для контроля за выполнением государством-участником этих просьб.

Стратегии содействия представлению докладов государствами-участниками

18. Комитет дважды в год выпускает список просроченных докладов. Такой список включается также в годовой доклад Комитета Генеральной Ассамблее. Комитет может также направить государству-участнику напоминание относительно представления его доклада (докладов). Кроме того, Комитет в целях содействия подготовке и представлению докладов назначил двух своих членов для поддержания контактов с представителями государств, не представивших доклады.

19. В соответствии с правилом 65 своих правил процедуры Комитет может в соответствующих случаях уведомить не представившее доклад государство о своем намерении назначить на дату, указанную в уведомлении, рассмотрение мер, принятых государством-участником для защиты или осуществления прав, закрепленных в Конвенции, и может сделать такие замечания общего порядка, какие он считает целесообразными в данных обстоятельствах.

Взаимодействие со специализированными учреждениями и органами Организации Объединенных Наций и неправительственными организациями при рассмотрении докладов

20. Согласно правилу 62 своих правил процедуры, Комитет предлагает специализированным учреждениям и органам Организации Объединенных Наций, региональным межправительственным организациям и неправительственным организациям представлять ему информацию, относящуюся к деятельности Комитета в соответствии с Конвенцией.

21. Комитет придает особое значение информации, получаемой от специализированных учреждений и неправительственных организаций, поскольку такая информация зачастую является результатом непосредственного наблюдения за ситуацией внутри страны. Кроме

того, эти учреждения и организации могут играть важную роль в контексте осуществления рекомендаций Комитета на национальном уровне.

22. Информация, представляемая НПО в письменной форме, доводится до сведения соответствующего государства, если нет возражений со стороны авторов. Эта практика позволяет государству-участнику лучше подготовиться к ответу на вопросы, которые могут быть заданы Комитетом на основе такой информации, и способствует диалогу. Если НПО возражает против препровождения соответствующему государству-участнику представленной ею информации, Комитет не может принимать ее во внимание в ходе диалога с этим государством.

23. Неправительственная организация во время сессии может также обратиться с просьбой о предоставлении во время сессии Комитету информации в устной форме. На таких брифингах, посвященных каждый раз лишь одной стране, присутствуют только члены Комитета.

Прочие вопросы

Сотрудничество с другими органами Организации Объединенных Наций по правам человека

24. Комитет взаимодействует с другими договорными органами по правам человека, особенно по вопросам, связанным с методами работы, посредством участия в межкомитетских совещаниях и совещаниях председателей договорных органов по правам человека. Он также - непосредственно и через Секретариат - осуществляет регулярные контакты с другими органами и механизмами Организации Объединенных Наций, занимающимися непосредственно вопросами пыток, например со Специальным докладчиком по вопросу о пытках Комиссии по правам человека и Советом попечителей Добровольного фонда для жертв пыток. Цель таких контактов состоит в обмене информацией, координации деятельности и недопущении дублирования.

Заявления и замечания общего порядка, принимаемые Комитетом

25. Комитет принимает заявления, для того чтобы обратить внимание на важные события и вопросы, связанные с осуществлением Конвенции, отметить их значение и разъяснить свою позицию по таким вопросам. Комитет может по своему усмотрению выступить с заявлением самостоятельно или совместно с другими органами Организации Объединенных Наций. Совместные заявления обычно выпускаются в связи с Международным днем Организации Объединенных Наций в поддержку жертв пыток.

26. Комитет может также принимать замечания общего порядка по конкретным положениям Конвенции или вопросам, связанным с их осуществлением. Так, например, в

1997 году было принято замечание общего порядка об осуществлении статьи 3 в контексте статьи 22 Конвенции[e].

Примечания

[a] CAT/C/3/Rev.4.

[b] CAT/C/4/Rev.2 в отношении первоначальных докладов и CAT/C/14/Rev.1 в отношении периодических докладов.

[c] Пункт 2 правила 66 правил процедуры.

[d] Пункт 1 правила 68 правил процедуры.

[e] A/53/44, пункт 258, или Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека (HRI/GEN/1/Rev.6), стр. 375-377.

ПРИЛОЖЕНИЕ VII

Решения Комитета против пыток в соответствии со статьей 22

A. Решения по существу

Сообщение № 135/1999

Представлено: С.Г. (представлен адвокатом, г-жой Марието́ттой Тиммер)

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 19 июля 1999 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 мая 2004 года,

завершив рассмотрение жалобы № 135/1999, представленной Комитету против пыток С.Г. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции:

1.1 Заявителем является С.Г., гражданин Турции, родившийся в 1965 году, который в настоящее время проживает в Нидерландах и ожидает высылки в Турцию. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Турцию явится нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 18 августа 1999 года Комитет препроводил эту жалобу государству-участнику. В соответствии с пунктом 9 правила 108 своих правил процедуры Комитет просил государство-участник не высылать заявителя в Турцию, пока его дело находится на

рассмотрении Комитета. В своей ноте от 13 октября 1999 года государство-участник сообщило о своем решении удовлетворить эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель является гражданином Турции курдского этнического происхождения из города Батман, расположенного в восточной части Турции. В 1993 году он стал сторонником Национального фронта освобождения Курдистана (ЕРНК) - политического крыла КРП. В 1994 году заявитель вступил в члены Народно-демократической партии (ХАДЕП). Он присутствовал на собраниях, а также собирал деньги и продовольствие для курдов, которые были вынуждены[a] покинуть свои деревни и переселиться в Батман.

2.2 19 марта 1995 года заявитель был арестован вместе с семью другими лицами, причем причины ареста не указываются, и содержался под стражей в течение 15 дней. Он утверждает, что в этот период он несколько раз подвергался пыткам, в результате которых на его спине и левой ноге остались шрамы[b].

2.3 10 мая 1997 года заявитель был арестован четырьмя полицейскими, когда он направлялся на собрание турецкой Ассоциации прав человека (ИХД). Ему завязали глаза и вывезли в поле, где полицейские обещали его убить, если он не станет их осведомителем и не сообщит фамилии сочувствующих КРП, ЕРНК и ХАДЕП. Заявитель испугался и согласился сотрудничать с полицией, после чего он был освобожден. Впоследствии он начал скрываться и 14 мая 1997 года бежал в Стамбул. 29 мая 1997 года он вылетел из Турции в Нидерланды по фальшивому паспорту.

2.4 По прибытии в Нидерланды заявитель узнал от своего отца о том, что он разыскивается властями, что дом его семьи находится под наблюдением и что полиция несколько раз допрашивала его отца с целью выяснения местопребывания его сына[c]. Он также узнал, что полиция направила его отцу письменной запрос представить информацию о его местопребывании.

2.5 29 мая 1997 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему убежища в Нидерландах. Это ходатайство было отклонено статс-секретарем министерства юстиции 13 августа 1997 года. 25 августа 1997 года заявитель обратился к статс-секретарю министерства юстиции с просьбой о пересмотре этого решения, которая была отклонена 29 сентября 1997 года. Апелляция в связи с отказом статс-секретаря предоставить убежище была отклонена окружным судом Гааги 23 июля 1998 года. Впоследствии заявитель выехал из Нидерландов в Данию[d] и подал ходатайство о предоставлении ему убежища в этой стране[e].

2.6 14 февраля 1999 года заявитель покинул Данию и 15 февраля 1999 года вернулся в Нидерланды. Вскоре после этого[f] он принял участие в демонстрации, которая была

организована в знак протеста против действий правительства Греции, приведших к аресту Абдуллаха Оджалана, и которая завершилась тем, что приблизительно 200 курдов, в том числе и заявитель, заняли резиденцию посла Греции в Гааге. Этот захват получил широкий международный резонанс. Средства массовой информации Турции назвали этот захват "акцией КРП", а его участников - "террористами". После того, как резиденция посла была освобождена, заявитель был арестован в связи с участием в ее захвате, а 20 февраля 1999 года он был помещен в изолятор для иностранцев и впоследствии привлечен к уголовной ответственности[g].

2.7 23 февраля 1999 года заявитель, находясь в изоляторе для иностранцев, обратился к властям Нидерландов со вторым ходатайством о предоставлении ему убежища. 19 марта 1999 года статс-секретарь министерства юстиции вынес решение о неприемлемости ходатайства о предоставлении убежища[h]. Апелляция по поводу этого решения, направленная в окружной суд Гааги, была отклонена 7 мая 1999 года.

2.8 Заявитель утверждает, что, помимо захвата резиденции посла Греции в Гааге, он также участвовал в других политических мероприятиях, организованных курдами. В Нидерландах он принял участие в собраниях, которые были организованы в Гааге и Арнеме в 1997 году[i], "торжествах", состоявшихся 15 августа 1997 года в Мидделбурге, "празднике Навруз" 21 марта 1998 года в Мидделбурге, праздновании Международного дня солидарности трудящихся 1 мая 1998 года в Роттердаме и в проходивших в 1998 году в ряде голландских городов молодежных фестивалях "Мазлум Доган". В Дании он присутствовал на собраниях в Копенгагене, на которых распространялись листовки неизвестного содержания, и участвовал в том, что он называет "различными мероприятиями, связанными с арестом Абдуллаха Оджалана"[j]. Он также говорит о своем участии в ряде "мероприятий, организованных курдами" в Германии, Франции и Бельгии.

2.9 Заявитель ссылается на общую ситуацию в области прав человека в Турции, и в частности на доклады ряда неправительственных организаций и правительств, касающиеся практики применения пыток в Турции. Он ссылается на доклады организации "Международная амнистия" и Организации по наблюдению за осуществлением прав человека, которые были опубликованы в 1999 году и в которых говорится, что пытки в Турции являются "общепринятой" и "широко распространенной" практикой. Также упоминается доклад Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания от 23 февраля 1999 года, который посвящен поездке членов этого органа в Турцию в 1997 году и в котором отмечается, что существование практики применения пыток в Турции и ее масштабы являются доказанным фактом, не вызывающим никаких сомнений. В частности, автор ссылается на опубликованный в 1999 году доклад Швейцарской ассоциации по оказанию помощи беженцам (Schweizerische Flüchtlingshilfe), в котором сообщается об "ухудшении положения в области прав человека в Турции в связи с арестом лидера КРП Абдуллаха Оджалана" и отмечается, что к группам, которые могут

подвергнуться пыткам по их возвращению в Турцию, относятся члены и сочувствующие ХАДЕП, а также лица, участвующие в деятельности незаконных партий и организаций.

Жалоба

3. Заявитель утверждает, что в случае его возвращения в Турцию ему грозит опасность подвергнуться пыткам и что его высылка будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции. Риск подвергнуться пыткам обусловлен, как утверждается, тем фактом, что он является молодым человеком курдского происхождения, который ранее уже подвергался пыткам в Турции, а также тем, что он участвовал в политической деятельности как внутри Турции, так и за ее пределами. В этой связи он заявляет о существовании реальной опасности того, что турецким властям известно об его участии в захвате резиденции посла Греции в Гааге.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и по существу жалобы

4.1 В своей ноте от 13 октября 1999 года государство-участник сообщило, что у него нет возражений против приемлемости сообщения; его замечания по существу жалобы были изложены в ноте от 18 февраля 2000 года.

4.2 Государство-участник утверждает, что высылка заявителя не явится нарушением статьи 3 Конвенции. Оно приводит описание юридических процедур подачи ходатайства о предоставлении статуса беженца в Нидерландах и процедуры рассмотрения апелляций на решения административных и судебных органов. Соответствующие правовые рамки выдачи иностранцам разрешения на въезд в страну и их высылки содержатся в Законе об иностранцах и соответствующих подзаконных актах. Иммиграционные власти проводят с лицами, просящими убежища, две беседы, при этом в рамках второй беседы основное внимание уделяется причинам, по которым соответствующее лицо покинуло страну происхождения. Беседы могут проводиться в присутствии адвоката. Проситель убежища получает копию доклада, подготавливаемого по итогам бесед, и располагает двумя днями для представления исправлений или дополнений к этому докладу. Соответствующее решение выносится сотрудником Службы иммиграции и натурализации (СИН) от имени статс-секретаря министерства юстиции. Если ходатайство отклоняется, заявитель может подать протест, и в этом случае ходатайство будет вновь рассмотрено СИН. В некоторых ситуациях эта служба должна запрашивать мнение Консультативного комитета по делам иностранцев (ККДИ). Для статс-секретаря министерства юстиции готовится рекомендация, на основе которой он выносит решение по этому протесту. В случае отклонения протеста может быть подана апелляция в окружной суд.

4.3 Государство-участник напоминает, что министерство иностранных дел периодически выпускает доклады о положении в странах происхождения, которые служат подспорьем для СИН при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища. При

составлении этих докладов министр использует публикуемые источники, а также доклады неправительственных организаций и дипломатических представительств Нидерландов. В своем докладе от 17 сентября 1999 года министр отметил, что, хотя положение в области прав человека в Турции является "безусловно неблагоприятным", расширение международной деятельности в области мониторинга привело к улучшению ситуации в ряде областей. Как указывалось в докладе, многие случаи нарушения прав человека связаны с "курдским вопросом" и сопряжены главным образом с ограничением права на свободу выражения мнения и свободу собраний. В докладе отмечалось, что курды, подвергающиеся преследованиям, в принципе могут поселиться в каких-либо других районах Турции и что в большинстве европейских стран положение, существующее в Турции, не рассматривается в качестве основания для невозвращения в эту страну лиц, которым было отказано в предоставлении убежища.

4.4 Государство-участник подчеркивает, что правительство Нидерландов постоянно следит за положением в области прав человека в Турции и что в июле 1999 года высылка курдов в Турцию была приостановлена в связи с поступившими сообщениями о кончине бывшего просителя убежища, который был выслан в Турцию в апреле 1999 года. В своем письме от 8 декабря 1999 года статс-секретарь министерства юстиции заявил, что с учетом результатов исследований, проведенных министерством иностранных дел, было принято решение о возобновлении высылки[k].

4.5 Что касается конкретных обстоятельств заявителя, то государство-участник кратко излагает информацию, которую заявитель представил СИН в ходе первой и второй бесед относительно его деятельности в Турции и обращения, которому он подвергся со стороны турецких властей. Оно отмечает, что в своих решениях от 13 августа и 29 сентября 1997 года статс-секретарь министерства юстиции пришел к заключению, что заявитель не является беженцем и что в случае его возвращения ему не угрожает реальная опасность подвергнуться бесчеловечному обращению по смыслу статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека. 23 июля 1998 года окружной суд Гааги отклонил апелляцию заявителя. Второе ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено 19 марта 1999 года, и это решение было подтверждено в рамках апелляционного производства в окружном суде Гааги 7 мая 1999 года. Государство-участник сообщает, что в результате процессуальных действий, которые автор предпринял в связи с его помещением в изолятор для иностранцев, 1 сентября 1999 года было принято решение об отмене приказа о его задержании.

4.6 Государство-участник отмечает, что наличие в той или иной стране постоянной практики грубых нарушений прав человека как таковое не является достаточным основанием для вывода о том, что конкретному лицу, в случае его возвращения в эту страну, будет угрожать опасность применения пыток; должны существовать конкретные доказательства, указывающие на то, что это лицо лично подвергнется такой опасности[l]. Соответствующему лицу должна угрожать реальная, предсказуемая и личная опасность

подвергнуться пыткам в стране, в которую оно будет возвращено[m]. С учетом докладов о положении в отдельных странах, подготовленных самим государством-участником, общая ситуация в Турции не является таковой, чтобы можно было считать, что лицам из Турции, включая курдов, угрожает общая опасность подвергнуться пыткам.

4.7 Государство-участник утверждает, что политическая деятельность, которой автор, по его утверждению, занимался в Турции, не предполагает, что он станет объектом особого внимания со стороны турецких властей. Эта деятельность была несущественной по своему характеру и состояла, в частности, в сборе средств. Автор не утверждал, что он знает других членов ЕРНК и что он выполнял какие-либо специальные функции в рамках этой группы. Его участие в деятельности ХАДЕП сводилось лишь к присутствию на собраниях. Он не продемонстрировал, что в связи с этой деятельностью он был поставлен турецкими властями на специальный учет. Об этом свидетельствует тот факт, что власти, узнав в марте 1995 года о его членстве в ХАДЕП, полностью освободили его в апреле 1995 года[n].

4.8 Государство-участник отмечает, что заявитель представил противоречивую информацию об обстоятельствах его ареста 10 мая 1997 года. Во-первых, в докладах государства-участника о ситуации в стране указывается, что все местные отделения ИХД, по пути в одно из которых и был якобы арестован заявитель, были закрыты. Заявитель не смог точно сообщить, где находилось отделение ИХД. Во-вторых, он представил противоречивую информацию о времени различных событий, происшедших в ночь на 10 мая 1997 года. Он утверждал, что находился под стражей до полуночи, а затем после двухчасовой поездки в автомобиле допрашивался еще в течение двух часов. Это не согласуется с его заявлением о том, что впоследствии в 2 час. 30 мин. утра он был доставлен в его родной город. Кроме того, государство-участник считает неправдоподобным вытекающее из сообщения автора обстоятельство, что лицу, которое власти считали потенциальным осведомителем, не было сразу предложено назвать фамилии членов КРП и ХАДЕП. Оно приходит к заключению, что, поскольку власти не дали ему конкретных инструкций относительно его задач как осведомителя и после 10 мая 1997 года оставили его в покое, они не считали его важной фигурой в оппозиции. В ходе его второй беседы с сотрудниками СИН заявитель сообщил, что он являлся лишь пассивным членом ХАДЕП и не знал активных членов ЕРНК. Поэтому государство-участник не считает, что турецкие власти рассматривают автора сообщения в качестве важной фигуры курдской оппозиции. Государство-участник добавляет, что запрос, направленный полицией отцу заявителя о представлении сведений о местонахождении последнего, не предполагал ничего плохого, и что информация отца о том, что власти интересуются местонахождением его сына, не заслуживает доверия, поскольку отца нельзя рассматривать в качестве источника объективной информации в связи с жалобой его сына.

4.9 Что касается утверждения заявителя о его политической деятельности за пределами Турции, то государство-участник отмечает, что оно не было подкреплено какими-либо доказательствами и что в любом случае эта деятельность не носила существенного характера. Оно отклоняет как необоснованное утверждение о том, что об этой деятельности может быть известно турецким властям. Что касается участия заявителя в захвате резиденции посла Греции в Гааге, то уголовное дело против него было прекращено ввиду отсутствия доказательств. Даже если турецким властям и стало известно об участии заявителя в этом инциденте, эта акция не имела явно выраженного оппозиционного характера для того, чтобы сделать его объектом преследования.

4.10 Государство-участник отмечает, что жестокое обращение[o], которому якобы подвергся заявитель во время его ареста в марте 1995 года, не является решающим фактором с точки зрения рассматриваемого вопроса. Тот факт, что заявитель ранее подвергался пыткам, является лишь одним из соображений, которые, согласно Замечанию общего порядка Комитета, следует принимать во внимание при рассмотрении жалобы в соответствии со статьей 3. Государство-участник отмечает, что жестокое обращение с заявителем после полицейской облавы, которая не была направлена лично против него, не предполагает, что автору угрожает личная опасность подвергнуться пыткам в случае возвращения в Турцию. Кроме того, поскольку заявитель утверждает, что он подвергся пыткам в 1995 году, то речь не идет о "недавнем прошлом". И наконец, после его освобождения в апреле 1995 года у него не возникало каких-либо проблем с властями до 1997 года. С учетом вышесказанного государство-участник считает, что статья 3 нарушена не была и что жалоба является необоснованной.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях по замечаниям государства-участника от 5 января 2003 года заявитель отвергает сомнения, высказанные государством-участником относительно его правдивости. Он утверждает, что в момент его ареста в мае 1997 года не все местные отделения ИХД были закрыты и что в этот период эти отделения на регулярной основе как закрывались, так и открывались. Что касается имеющихся в его утверждениях расхождений относительно времени, в которое происходили различные события 10 мая 1997 года, то он заявляет, что он сообщил нидерландским властям лишь приблизительное время и что в момент этого инцидента он был очень испуган и потерял чувство времени. Кроме того, он заявляет, что от него нельзя требовать объяснения причин, по которым турецкие власти, прежде чем отпустить его, не потребовали назвать фамилии.
В заключение он отмечает, что государство-участник не оспаривало подлинности полицейского "запроса", который был направлен его отцу относительно его местонахождения.

5.2 Заявитель утверждает, что в Турции существует постоянная практика нарушений прав человека, что в прошлом турецкая полиция подвергала его пыткам[p], что он

занимался политической и другой деятельностью внутри Турции и за ее пределами, в связи с чем он находится в особенно уязвимом положении с точки зрения опасности подвергнуться пыткам в случае его возвращения, и что представленные им сведения о пережитом являются правдивыми. Поэтому Комитету следует прийти к заключению, что возвращение заявителя в Турцию будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Вопросы на рассмотрении Комитета

6.1 Прежде чем рассматривать какие бы то ни было утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет против пыток должен решить вопрос о приемлемости этого сообщения в соответствии со статьей 22 Конвенции. Комитет удостоверился, как того требует пункт 5 a) статьи 22 Конвенции, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования и урегулирования и что каких-либо других препятствий для решения вопроса о приемлемости не существует. Комитет отмечает, что государство-участник не высказало возражений против приемлемости жалобы. Поскольку каких-либо других препятствий для вынесения решения о приемлемости этого сообщения не существует, Комитет объявляет жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

6.2 Комитет должен решить, явится ли принудительное возвращение заявителя в Турцию нарушением обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать и не возвращать ('refouler') какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. С тем чтобы вынести такое решение, Комитет должен учесть все соответствующие обстоятельства, включая наличие в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако цель состоит в том, чтобы определить, угрожает ли лично соответствующему лицу опасность применения пыток в стране, в которую оно будет возвращено. В соответствии с правовой практикой Комитета наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в какой-либо стране как таковое не является достаточным основанием для вынесения решения о том, что соответствующему лицу будет угрожать опасность применения пыток по его возвращении в эту страну. Аналогичным образом, отсутствие такой ситуации не означает, что тому или иному лицу не угрожает опасность оказаться подвергнутым пыткам.

6.3 Комитет ссылается на свое Замечание общего порядка по статье 3, в котором указывается, что Комитет обязан оценить наличие "серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток" в случае его возвращения и что при оценке степени опасности применения пыток "должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений". Опасность не следует оценивать на основе критериев "высокой степени вероятности", но она должна

"угрожать лично соответствующему лицу и являться реальной"[q]. В этой связи в своих предыдущих решениях Комитет постоянно исходил из того, что опасность подвернуться пыткам должна быть "объективной, реальной и персональной"[r].

6.4 Что касается оценки степени опасности применения пыток в данном конкретном случае, то Комитет отмечает, что заявитель, согласно его утверждениям, ранее уже задерживался и подвергался пыткам со стороны турецких властей. Однако эти акты пыток были совершены в 1995 году. Комитет отмечает, что в соответствии с его Замечанием общего порядка по статье 3 для рассмотрения степени опасности применения пыток уместной считается информация, в частности, о том, подвергался ли заявитель пыткам в прошлом, и если да, то имело ли это место в недавнем прошлом. Упоминаемые инциденты произошли девять лет назад, в связи с чем их нельзя отнести к недавнему прошлому.

6.5 Комитет должен также рассмотреть вопрос о том, занимался ли заявитель на территории его страны или за ее пределами какой-либо политической или иной деятельностью, которая могла бы поставить его в особенно уязвимое положение с точки зрения опасности подвергнуться пыткам в случае возвращения в Турцию. В связи с его деятельностью в Турции политическая деятельность заявителя включала в себя сбор финансовых средств и продовольствия для перемещенных лиц из числа жителей курдских деревень. Хотя он и утверждает, что дважды подвергался задержаниям, заявитель не подтверждает, что он действительно являлся или рассматривался турецкими властями в качестве значительной фигуры в составе курдской оппозиции. Он также не утверждает, что он играл какую-либо особую роль в соответствующих организациях. По поводу своей деятельности за рубежом заявитель привел примеры своего участия в политической деятельности и собраниях. Некоторые из них являются весьма общими, конкретно говорится лишь об участии заявителя в захвате резиденции посла Греции в Гааге в 1999 году. Однако не установлено, что турецкие власти осведомлены об участии заявителя в этой акции и других упоминаемых мероприятиях. В этой связи Комитет отмечает, что разбирательство в отношении автора по поводу захвата резиденции в Гааге было прекращено из-за недостаточности доказательств. Также не установлено, будет ли угрожать заявителю особая опасность подвергнуться пыткам после его возвращения в Турцию, если турецким властям станет известно об этих акциях.

6.6 Соответствующие сведения относительно происшедшего с заявителем в Турции, а также о его деятельности внутри этой страны и за ее пределами были учтены властями Нидерландов. Комитет не может ни оспорить их заявления по фактической стороне дела, ни решить вопрос о том, имеются ли какие-либо противоречия в сведениях, представленных заявителем. Согласно своей правовой практике Комитет должен в значительной степени опираться на заявления по фактической стороне дела, подготовленные правительственными органами.

6.7 С учетом вышеизложенного Комитет считает, что заявитель не смог доказать, что ему будет угрожать предсказуемая, реальная и личная опасность подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Турцию по смыслу статьи 3 Конвенции.

7. Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, делает вывод о том, что высылка заявителя в Турцию не будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Подробности не сообщаются.

[b] Ссылка делается на весьма краткое медицинское заключение на голландском языке (не переводилось), которое вновь упоминается в замечаниях заявителя по представлениям государства-участника. В этих замечаниях содержится описание этого медицинского заключения на английском языке (см. стр. 3 соответствующего документа под заголовком "Ad 2 & 3").

[c] Согласно информации, представленной в ответе государства-участника, заявитель сообщил сотрудникам иммиграционных властей о том, что его отец был арестован. Об этом ничего не говорится в первоначальном сообщении.

[d] Дата не сообщается.

[e] Подробности не сообщаются.

[f] Дата не сообщается.

[g] Подробная информация о пунктах обвинения, осуждении или приговоре не приводится.

[h] Подробности не сообщаются.

[i] Подробности не сообщаются.

[j] Подробности не сообщаются.

[k] Какая-либо информация о форме или результатах этих исследований не приводится.

[l] Ссылка делается на соображения Комитета относительно сообщения № 91/1997, *А. против Нидерландов,* от 13 ноября 1998 года и сообщения № 29/1995, *Э.А. против Швейцарии,* от 10 ноября 1997 года.

[m] Ссылка делается на Замечание общего порядка Комитета по статье 3.

[n] Об этом ничего не говорится в первоначальном сообщении, хотя, возможно, об этом упоминается в приложениях к сообщению, составленных на голландском языке.

[o] Хотя об этом и не говорится в сообщении заявителя, государство-участник отмечает, что его якобы облили холодной водой, избили с нанесением ударов кулаками и палками, а также кололи ножами.

[p] Примечание: он утверждает, что подвергался пыткам как в 1995, так и в 1997 году, хотя в первоначальной жалобе речь идет лишь о 1995 годе. Вероятно, что применительно к пыткам, которым он подвергся в 1997 году, речь идет о якобы исходившей от властей угрозе расправиться с ним, если он не станет осведомителем.

[q] Замечание общего порядка № 1, шестнадцатая сессия (1996 год).

[r] Соображения Комитета относительно сообщения № 204/2002, *Х.К.Х. против Швеции*, принятые 28 ноября 2002 года.

Сообщение № 148/1999

Представлено: А.Х.

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Австралия

Дата представления жалобы: 13 октября 1999 года (дата первоначального представления)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 5 мая 2004 года,

завершив рассмотрение жалобы № 148/1999, представленной Комитету против пыток А.Х. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии со статьей 22 Конвенции

1.1 Заявителем является г-н А.Х., гражданин Судана, в настоящее время содержащийся под стражей в Центре для содержания нелегальных иммигрантов, Новый Южный Уэльс. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Судан представляло бы собой нарушение Австралией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения. Первоначально заявитель был представлен адвокатом[a].

1.2 1 ноября 1999 года Комитет просил государство-участник в соответствии с пунктом 9 правила 108 своих правил процедуры не высылать заявителя до тех пор, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. 20 января 2000 года государство-участник подтвердило, что оно выполнит эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что он принадлежит к племени ансар и является членом партии Умма, одной из двух традиционалистских партий севера страны, находящихся в

оппозиции существующему правительству. С 1990 по 1995 год заявитель учился в хартумском отделении Каирского университета, где получил диплом юриста. В Каирском университете обучалось около 100 членов партии Умма, и заявитель стал руководителем этой группы.

2.2 В апреле 1992 года заявитель, по его словам, организовал антиправительственные митинги и демонстрации. После одного из таких митингов он был задержан силами безопасности. Он подвергся угрозам, его вынудили подписать обязательство, что он не будет заниматься политической деятельностью, после чего он был отпущен. После этого инцидента силы безопасности установили за ним наблюдение.

2.3 Заявитель утверждает, что, когда он учился в университете, студентов вынуждали вступать в Народные силы обороны (НСО), представляющие собой армию правящей партии Национальный исламский фронт (НИФ). С целью избежать призыва на военную службу заявитель стал полицейским и с 1993 по 1995 год работал в главной администрации Хартумской тюрьмы и иногда в Коберской тюрьме.

2.4 В 1994 году правительство отправило студентов, которые считались нарушителями спокойствия и противниками режима, на фронт в Южный Судан. 1 июня 1996 года заявитель, как сообщается, получил повестку, предписывающую ему явиться в течение 72 часов в комендатуру НСО, поскольку он был отобран "для исполнения долга джихада". Поскольку он не хотел воевать против собственного народа или обезвреживать минные поля, он решил покинуть страну. Он не мог воспользоваться своим паспортом из-за полученного предписания, и поэтому воспользовался паспортом своего старшего брата. По словам заявителя, после его отъезда военные приходили к нему на дом.

2.5 10 декабря 1997 года заявитель прибыл в Австралию без действующих проездных документов и был задержан до принятия окончательного решения по его ходатайствам о предоставлении убежища. 12 декабря 1997 года он подал ходатайство о получении "визы в целях защиты" (статуса беженца) в министерство иммиграции и по делам этнических групп (ДИМА). К своему заявлению он приложил следующие документы: письмо от партии Умма, подтверждающее его членство в этой партии; письмо командующего Народными силами на имя управляющего департаментом пенитенциарных учреждений об освобождении заявителя и явке его в НСО; и заявление представительницы суданской общины в Австралии, в котором она указывает, что у нее нет сомнений в том, что заявитель является гражданином Судана и происходит из семьи, известной своей решительной поддержкой группы ансар, которая поддерживает партию Умма.

2.6 5 января 1998 года представитель ДИМА отклонил ходатайство заявителя о предоставлении "визы в целях защиты" со ссылкой на то, что заявитель не является гражданином Судана и что его претензиям недостает убедительности. 5 февраля 1998 года заявитель обратился в Суд по делам беженцев (РРТ) с просьбой об

административном пересмотре решения указанного представителя. В своем решении от 7 июля 1998 года РРТ отклонил апелляцию заявителя. Заявитель подал апелляцию в Федеральный суд Австралии о судебном пересмотре. 25 августа 1998 года суд направил апелляцию в РРТ на повторное заключение.

2.7 25 ноября 1998 года новый состав РРТ отклонил апелляцию заявителя. Решение было обжаловано в Федеральном суде, в котором заявитель не имел представителя. Во время слушания дела он заявил, что переводчик, помогавший ему при рассмотрении апелляции в РРТ, работал непрофессионально, в связи с чем его неправильно поняли. Заседание суда было отложено, с тем чтобы заявитель мог получить помощь адвоката. 9 августа 1999 года Федеральный суд отклонил эту апелляцию. Были отклонены и несколько последующих заявлений с просьбами о вмешательстве министерства.

2.8 Характеризуя недавнюю политическую историю Судана, заявитель указывает, что в стране существует постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Он, в частности, ссылается на принятие в апреле 1997 года Комиссией по правам человека Организации Объединенных Наций резолюции по стране, в которой среди нарушений прав человека в Судане отмечаются "внесудебные казни, произвольные аресты, содержание под стражей без соблюдения законности, насильственные или недобровольные исчезновения, нарушения прав женщин и детей, рабство и сходная с рабством практика, насильственное перемещение лиц и систематические пытки, а также отказ в осуществлении права на свободу религии, выражение своего мнения, ассоциации и мирных собраний".

2.9 В январе 1998 года Специальный докладчик по Судану Организации Объединенных Наций сообщил о том, что ответственность за многочисленные нарушения прав человека несут власти страны, силы безопасности и отряды самообороны. В апреле 1998 года Комиссия по правам человека Организации Объединенных Наций вновь выразила свою глубокую обеспокоенность в связи с непрекращающимися серьезными нарушениями прав человека в Судане. На протяжении четырех лет подряд Комиссия рекомендовала направить на места сотрудников, занимающихся правами человека, для наблюдения за положением в области прав человека.

2.10 По словам заявителя, хотя религиозное преследование во многом направлено против немусульман, фундаменталистская природа нынешнего режима такова, что многие мусульмане, включая приверженцев суфизма, не могут при нынешнем режиме НСО свободно исповедывать эту разновидность ислама. Племена ансар (являющиеся в основном последователями суфизма) контролируются государством, а их мечети конфискуются. Кроме того, мусульманские группы, критически относящиеся к правительству, по-прежнему подвергаются притеснениям[b]. Что касается политической жизни, то, по мнению заявителя, власти не допускают политического инакомыслия со

стороны последователей ислама, в том числе центристских исламских партий, таких, как Умма.

2.11 По свидетельству заявителя, имеются доказательства того, что дезертировавшие военнослужащие рискуют подвергнуться пыткам и казни. В апреле 1998 года от "Международной амнистии" поступило следующее сообщение: "Десятки студентов-новобранцев погибли, когда сотни молодых людей вырвались из военного учебного лагеря в эль-Айфуне под Хартумом. Власти объявили, что при попытке переплыть Голубой Нил утонули более 50 дезертиров. Однако в других сообщениях указывалось, что были убиты свыше 100 человек, многие из которых были расстреляны, а другие забиты до смерти". Он также утверждает, что как УВКБ, так и "Международная амнистия" сообщали о центрах содержания под стражей в Судане и об опасности жестокого обращения и пыток, в частности при допросах в органах безопасности[c]. По словам заявителя, его, бывшего сторонника суфизма, члена партии Умма, ищущего убежища, прожившего значительное время на Западе и ставшего юристом, вне зависимости от того, служил ли он в армии или нет, ждут немалые испытания по возвращении в Судан.

Жалоба

3. А.Х. утверждает, что его насильственная репатриация в Судан явилась бы нарушением его прав по статье 3 Конвенции, поскольку имеются веские основания полагать, что по возвращении ему будет угрожать применение пыток. Аргументируя свою жалобу, он утверждает, что по причине его религиозных убеждений, политической деятельности в прошлом и того факта, что он дезертировал с военной службы, ему лично угрожает применение пыток. Вследствие того, что он покинул страну, чтобы избежать призыва на военную службу, он подвергся бы по возвращении угрозе смертной казни. И наконец, он утверждает, что если бы он был возвращен в свою страну, от него потребовали пройти службу в НСО и он был бы вынужден вопреки своему желанию участвовать в гражданской войне.

Представление государства-участника

4.1 В своем представлении от 7 ноября 2000 года государство-участник оспаривает приемлемость и существо всех аспектов жалобы. В том что касается приемлемости, государство-участник утверждает, что заявитель не обосновал своей жалобы, исказил объем его обязательства по статье 3 и не доказал, что лично ему угрожает серьезная опасность подвергнуться пыткам.

4.2 Государство-участник предлагает Комитету принять решение о том, что установленные национальными органами факты, относящиеся к оценке степени опасности по смыслу статьи 3, будут приняты Комитетом, если только не будут представлены четкие

доказательства явного произвола, несправедливости или нарушения юридической независимости или беспристрастности. Оно утверждает, что вопросы, касающиеся толкования и применения внутреннего законодательства, относятся прежде всего к компетенции национальных судов и обычно не подлежат рассмотрению Комитетом. Оно далее утверждает, что РРТ является независимым учреждением и имеет большой опыт в деле рассмотрения ходатайств суданских граждан - в 1997 и 1998 годах в Суд поступило 21 ходатайство от суданских граждан. Из 21 поданного ходатайства по восьми были проведены слушания и вынесены определения; в большинстве из этих случаев (5) РРТ отменил решение иммиграционных властей об отказе в "визе в целях защиты", а по трем делам утвердил их решения. В данном случае ходатайства заявителя рассматривались в РРТ в ходе двух отдельных слушаний. Его юридический представитель присутствовал на обоих заседаниях, и ему каждый раз помогал профессиональный переводчик. Государство-участник отмечает, что заявитель не представил Комитету никакой новой информации по стране, которая не была бы также известна РРТ и не рассматривалась бы им.

4.3 Государство-участник утверждает, что доказательства в обоснование утверждений о пытках недостоверны, и заявитель, соответственно, prima facie не обосновал свою жалобу. В ходе слушаний в РРТ заявитель высказал противоречивые суждения относительно трех важных вопросов. Во-первых, он существенно изменил свои показания в отношении своих прошлых контактов с суданскими властями. На заданный по прибытии в сиднейский аэропорт вопрос, подвергался ли он угрозе физического насилия со стороны суданских властей, он ответил "да". Однако когда его спросили, "В какой форме?", он изменил свой ответ, сказав "Нет, я не подвергался угрозам". Затем он стал предъявлять претензии переводчику.

4.4 В ходе собеседования в ДИМА, по словам заявителя, он сказал переводчику в аэропорту, что ему угрожали "разрезанием ногтей на пальцах рук, а также ударами в грудь, прижиганием, вырыванием ногтей на пальцах рук", но что пыткам он не подвергался. Он также утверждал, что ему угрожали этими видами пыток, в своем обосновании ходатайства о предоставлении ему "визы в целях защиты", которое было подготовлено в период между собеседованиями в аэропорту и в ДИМА при содействии адвоката. По мнению государства-участника, его объяснение, что устный перевод и/или запись его интервью в аэропорту были неточными, неубедительно.

4.5 Во-вторых, заявитель дал противоречивые показания в отношении приобретения паспорта, с которым он прибыл в Австралию, и в отношении его паспортов в целом. Заявитель продолжал давать противоречивые сведения по этому вопросу на протяжении всей указанной процедуры, так что представитель ДИМА не мог установить ни его личности, ни гражданства. Государство-участник подробно останавливается на противоречиях в показаниях автора, приводя, в частности, одно его заявление о том, что он приобрел паспорт на рынке у незнакомого человека, причем бесплатно, второе - о том,

что он воспользовался паспортом своего брата, чтобы выехать из Судана и совершать в течение двух лет поездки через Чад, Ливию, Мальту, Малайзию и Сингапур, и третье - о том, что речь шла об официальном паспорте, но в нем содержалась неправильная информация.

4.6 В-третьих, государство-участник ссылается на недостоверность утверждений заявителя о его политической деятельности и об интересе к этой деятельности со стороны суданских властей. Его показания относительно последствий его политических взглядов для его работы неправдоподобны, противоречивы и с каждым разом становились все более запутанными. Во время интервью в ДИМА заявитель сказал, что его главная обязанность заключалась в охране здания тюрьмы или администрации и в недопущении незаконного прохода. В ходе второго слушания в РРТ он утверждал, что передавал письма от политических заключенных их семьям и обратно, не объяснив, каким образом он вступал в контакт с заключенными, тогда как он выполнял работу охранника у наружного входа в здания. Он также утверждал в ходе указанного слушания, что эти услуги по передаче были успешными, поскольку заключенные "инстинктивно… чувствовали", что он придерживается близких им политических взглядов.

4.7 Государство-участник указывает на отсутствие подробных сведений и независимого подтверждения информации в отношении жестокого обращения, которому заявитель якобы подвергался со стороны суданских властей. Заявитель только один раз сообщил подробности одного случая грубого физического обращения, которому он якобы подвергся, о чем упоминается в пункте 4.4. Даже если его утверждения соответствуют действительности, одни угрозы физического насилия со стороны суданских властей в виде ареста и допроса, а также обыск дома с последующим установлением неинтенсивного наблюдения на короткий период времени не представляют собой ущерба, равнозначного причинению сильной боли или страдания. Нет свидетельств того, что заявителю действительно был причинен физический ущерб.

4.8 Что касается упоминания о митинге, то государство-участник сообщает, что оно не смогло обнаружить какой-либо информации о таком событии в апреле 1992 года. С учетом того, что это - единственное общественно-политическое событие, в котором заявитель, по его словам, участвовал, тот факт, что ни его представители, ни государство-участник не смогли найти какого-либо его подтверждения, серьезно подрывает достоверность данного утверждения. Когда же заявителя спросили, почему нет независимого подтверждения того, что митинг имел место, он пытался приуменьшить его масштабы.

4.9 В том что касается сведений, представленных в обоснование утверждения заявителя о том, что он вел активную политическую работу в партии Умма, то представленное им доказательство в виде факса лондонской ячейки партии не было принято РРТ вследствие его низкой доказательной ценности. В факсе нет информации, свидетельствующей хотя

бы о личном знакомстве с заявителем, о факте его членства в партии, и в нем содержатся просто общие слова о преследовании в Судане членов партии Умма. В письме австралийского отделения Национального демократического альянса Судана (НДА) от 5 февраля 1998 года, адресованного "тем, кого это касается", также нет конкретных сведений о положении или фактах биографии заявителя. В этом письме заявитель упоминается только один раз и характеризуется как "политический активист, [который] привержен делу борьбы и выступает против [sic] правительства Судана с 30 июня 1989 года, когда было свергнуто демократическое правительство ". Как отметила член РРТ при обосновании своего решения, заявитель никогда не утверждал ни в ДИМА, ни в РРТ, что он был политическим активистом со времени переворота. Так, в ходе второго слушания в РРТ он заявил, что вел активную работу только в 1992 и 1993 годах.

4.10 Государство-участник отмечает, что как устные, так и письменные свидетельства, представленные в РРТ одним из членов местной суданской общины, с которой заявитель познакомился только в Сиднее, также имеют сомнительную доказательную ценность. На первом слушании в РРТ она сказала, что не была знакома с заявителем в Судане, но училась в школе вместе с его двумя кузинами, и что она звонила в лондонскую ячейку партии Умма, чтобы удостовериться в его членстве. Хотя ее показания могут быть правдивыми, государство-участник считает, что информация общего характера, которую она получила из лондонской ячейки партии Умма, имеет меньшее значение, чем полное отсутствие документальных доказательств со стороны самого заявителя в отношении членства в партии Умма и его предположительной репутации политического диссидента. Даже в случае принятия к сведению ее заявления оно лишь подтверждает утверждение заявителя о том, что он является выходцем из Судана.

4.11 В том что касается утверждения заявителя в отношении его отказа от несения военной службы по своим убеждениям, то государство-участник считает, что свидетельские показания в РРТ, касающиеся обязательной военной службы, противоречивы и неубедительны и что нет независимого доказательства, подтверждающего его отказ по указанным мотивам воевать во время гражданской войны. Государство-участник приводит подробные выдержки из показаний заявителя по данному вопросу в ходе первого и второго слушаний в РРТ, которые отличаются друг от друга во многих отношениях. Примечательно, что указанная представительница РРТ в ходе второго слушания отклонила его утверждения о том, что он был призван на военную службу, и не согласилась с тем, что письмо, представленное заявителем в качестве доказательства того, что он был призван воевать на стороне НСО, было подлинным. Государство-участник утверждает, что заявитель не представил никакого доказательства того, что к нему будут относиться как к дезертиру. Если даже предположить, что он отказался от военной службы по своим убеждениям и что он был бы вынужден принять участие в гражданской войне в результате неизбирательного призыва на военную службу, это не является само по себе пыткой, как она определяется в Конвенции.

4.12 Государство-участник указывает, что даже если согласиться с тем, что заявитель либо уклонился от призыва, либо дезертировал, мало что свидетельствует о том, что в связи с этим ему угрожала бы опасность подвергнуться пыткам по возвращении в Судан. После принятия в 1998 году новой Конституции Судана пытки или смертная казнь при любых обстоятельства, включая дезертирство, считаются незаконными. На основании тщательного изучения имеющейся информации государство-участник полагает, что заявитель не подвергся бы опасности пыток или смертной казни в результате уклонения от военной службы. Даже если бы заявителю действительно угрожало какое-то наказание за его так называемое "дезертирство", имеющаяся информация свидетельствует о том, что он считался бы уклонившимся от призыва, а не дезертиром, и таким образом, он мог бы быть приговорен к тюремному заключению на срок не более трех лет.

4.13 Государство-участник отмечает, что в Судане плохо обстоит дело с соблюдением прав человека и что как правительственные, так и неправительственные силы продолжают нарушать права человека. Оно указывает на общие выводы Комиссии по правам человека[d] о том, что неспособность объединенного Межправительственного органа по развитию консолидировать положение на основе Декларации о принципах 1994 года (ДОП), согласованной суданским правительством с воюющими фракциями, привела к продолжению конфликта на юге страны. Вместе с тем оно считает, что само по себе наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране не является достаточным основанием для того, чтобы считать, что тому или иному лицу угрожает опасность подвергнуться пыткам по возвращении в эту страну. Должны быть конкретные основания, свидетельствующие о том, что в результате высылки предполагаемой жертве лично будет угрожать применение пыток. Они должны базироваться на чем-то большем, чем просто умозрительные предположения или подозрения[e].

4.14 Даже если бы государство-участник согласилось с тем, что заявитель является суданцем и что он был арестован на митинге в апреле 1992 года, оно не может согласиться с тем, что он принадлежит к группе, в значительной степени подвергающейся риску. Заявитель никогда не занимался адвокатской практикой, он более не является студентом и не осуществляет политической деятельности с апреля 1992 года. Кроме того, он находится за пределами Судана с 1996 года, и с этого момента до настоящего времени он не сделал ничего такого, что могло бы привлечь к нему внимание властей Судана. Заявитель не подпадает под определение преследуемого "рядового активиста или студента" либо молодежного, студенческого лидера или адвоката, который может рассматриваться в качестве политического оппонента и в силу этого стать лицом, которому угрожает применение пыток со стороны правительства[f]. В документе УВКБ "Положение в Судане", подготовленном в 1997 году, делается вывод о том, что партия Умма и другая оппозиционная партия, а именно Юнионистско-демократическая партия, отстали от жизни и бóльшая часть молодежи не проявляет к ним интереса. Ни один из

этих источников не подтверждает обоснованности утверждений заявителя о его членстве в партии Умма или опасениях подвергнуться пыткам[g].

4.15 И наконец, в справке министерства иностранных дел и торговли Австралии указывается, что "суданские граждане нередко остаются за пределами Судана в течение длительного периода времени, как правило по экономическим соображениям"[h]. Запрошенная в других странах информация относительно обстановки в Судане и типовых характеристик суданских беженцев, подавших ходатайства, говорит о том, что, поскольку члены партии Умма или племени ансар порою подвергаются преследованиям в Судане, многие причисляют себя к членам этой партии. Следовательно, возникает необходимость в проверке достоверности указанных заявлений и степени личного участия заявителей.

4.16 Что касается вопроса о том, угрожает ли заявителю применение пыток за попытку получить убежище в Австралии, то, по мнению государства-участника, мало что говорит об обоснованности такого предположения. Как явствует из собственных показаний заявителя, по возвращении в Судан его брат был арестован и подвергнут допросу, на котором его спросили, где он находился и чем занимался за пределами Судана, однако через пять дней он был отпущен живым и невредимым. Государство-участник также получило информацию от сотрудника ДИМА из Каира о том, что министерству известны случаи, когда суданские граждане, покинувшие страну после переворота 1989 года, в том числе граждане, которым был предоставлен статус беженца в Австралии, возвратились в Судан, причем по возвращении у них не было никаких проблем с властями. Государство-участник также ссылается на информацию министерства иностранных дел и торговли Австралии, датированную апрелем 2000 года, в которой указывается, что партия Умма и суданское правительство пытаются разрешить имеющиеся между ними разногласия.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в жалобе, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данная жалоба приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Как предусмотрено в пункте 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

5.2 Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты. Хотя государство-участник возражает против приемлемости на основании того, что заявитель не обосновал prima facie свое утверждение о нарушении статьи 3, Комитет считает, что заявитель представил достаточно информации в обоснование своего ходатайства о рассмотрении его жалобы по

существу. Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для приемлемости жалобы, он признает данную жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

6.1 Комитет должен принять решение о том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Судан являться нарушением закрепленного в пункте 1 статьи 3 Конвенции обязательства государства-участника не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Чтобы придти к определенному заключению, Комитету надлежит принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем преследуемая цель заключается в определении того, угрожает ли лично данному лицу применение пыток в стране, в которую оно будет возвращено. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для определения того, будет ли какому-либо конкретному лицу угрожать применение пыток после его возвращения в страну; для этого необходимы дополнительные основания, свидетельствующие о том, что такая угроза будет возникать лично для данного лица. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что, с учетом конкретного положения того или иного лица, нельзя считать, что ему угрожает применение пыток.

6.2 Оценивая вероятность применения пыток в случае с заявителем, Комитет отмечает серьезные неувязки в показаниях, представлявшихся заявителем в ходе рассмотрения ходатайства, на которые указало государство-участник, что, применительно к данному случаю, было детально рассмотрено Судом по делам беженцев в ходе двух отдельных слушаний. Комитет отмечает, что заявитель не объяснил и не привел каких-либо причин этих неувязок, а также ссылается на пункт 8 своего Замечания общего порядка № 1, согласно которому вопросы в отношении достоверности утверждений автора и наличия соответствующих фактических неувязок в его заявлении считаются уместными при рассмотрении Комитетом вопроса о вероятности того, что автору может угрожать применение пыток по возвращении.

6.3 Что касается утверждений об участии в политической деятельности и жестоком обращении в прошлом со стороны суданских властей как основаниях для опасений, что заявитель может быть подвергнут пыткам по возвращении, то Комитет отмечает, что, даже если бы он не принял во внимание вышеупомянутые неувязки и счел бы эти заявления достоверными, заявитель не утверждает, что он занимался политической деятельностью с 1992 года, и ни в ходе разбирательства внутри страны, ни в своей жалобе

в Комитет он ни разу не утверждал, что подвергался пыткам со стороны суданских властей.

6.4 В том что касается его предполагаемого дезертирства, Комитет отмечает, что государство-участник изучило письмо от 1 июня 1996 года, в котором указывается, что автор был предположительно призван в НСО, и сочло это письмо неподлинным. Комитет считает, что выводам относительно фактов, сделанным национальными, судебными или компетентными государственными властями, необходимо уделять должное внимание, если отсутствуют доказательства того, что такие выводы являются произвольными или необоснованными. Даже если бы Комитет счел, что автор является дезертиром или уклонился от призыва, автор не обосновал, что он подвергнется пыткам по возвращении в Судан. Комитет отмечает, что, прежде чем прийти к такому выводу, государство-участник рассмотрело значительный объем информации из нескольких различных источников.

6.5 Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что в случае возвращения в Судан он будет вынужден проходить военную службу, несмотря на то, что он отказался это сделать по своим убеждениям, и намек на то, что это было бы равносильно пытке по смыслу статьи 3 Конвенции. Комитет считает, что письма от 1 июня 1996 года, достоверность которого была поставлена под сомнение, как и утверждения автора, что противники режима призываются на военную службу для участия в гражданской войне, недостаточно для обоснования ни того утверждения, что заявитель является лицом, отказывающимся служить в армии по своим убеждениям, ни предположения о том, что по возвращении в Судан его призовут на военную службу. Не была доказана не только состоятельность других мотивов для опасений по поводу возможности применения пыток, но и необоснованность или произвольность оценки государством-участником связанных с этим фактов.

6.6 На основании вышесказанного Комитет считает, что заявитель не представил достоверных свидетельств для вывода о том, что ему лично по возвращении в Судан будет угрожать предсказуемая и реальная опасность стать жертвой пыток по смыслу статьи 3 Конвенции.

7. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток делает вывод о том, что высылка заявителя в Судан не явилась бы нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] 20 марта 2004 года представители автора известили Комитет о том, что более не представляют интересы заявителя.

[b] Заявитель ссылается на ежегодный доклад за 1999 год "Международной амнистии", в котором указывается, что среди лиц, задержанных в 1997 году, есть пять имамов, которые поставили под сомнение религиозный авторитет Хассана эль Тураби, генерального секретаря Национального конгресса и идеолога правительства.

[c] Он ссылается на призыв "Международной амнистии" к незамедлительным действиям от 21 января 1997 года.

[d] Доклад Специального докладчика по положению в области прав человека в Судане, E/CN.4/1999/38/Add.1 (17 May 1999).

[e] Государство-участник ссылается на Замечание общего порядка Комитета по статье 3 и сообщение № 13/1993 *Мутомбу против Швейцарии*.

[f] Как об этом говорится в страновом докладе о практике соблюдения прав человека в Судане, подготовленном государственным департаментом США в 1999 году.

[g] Gerard Prunier, "Sudan Update: War in North and South", *UNHCR RefWorld-Country Information*, p. 3.

[h] DFAT CA500922 of 22 January 1998, CX27237.

Сообщение № 153/2000

Представлено:	З.Т. (представлена г-жой Анжелой Крэнстон)
Предполагаемая жертва:	Р.Т.
Государство-участник:	Австралия
Дата представления жалобы:	4 января 2000 года (дата первоначального представления)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 11 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 153/2000, представленной Комитету против пыток г-жой З.Т. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии со статьей 22 Конвенции.

1.1 Заявителем сообщения от 4 января 2000 года является З.Т. Она представляет сообщение от имени ее брата Р.Т., алжирского гражданина, родившегося 16 июля 1967 года. Она утверждает, что ее брат стал жертвой нарушения Австралией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Она представлена адвокатом.

1.2 26 января 2000 года Комитет препроводил данную жалобу государству-участнику для комментариев и просил его, в соответствии с пунктом 1 Правила 108 правил процедуры Комитета, не высылать заявителя в Алжир до тех пор, пока его жалоба рассматривается Комитетом. Однако государство-участник выслало заявителя в тот же день, не уделив времени рассмотрению этой просьбы.

Факты в изложении заявителя

2.1 27 ноября 1997 года заявитель по туристической визе прибыл в Мекку в Саудовской Аравии. Он прожил там семь месяцев, затем "купил" австралийскую визу и вылетел в Южную Африку для получения этой визы.

2.2 21 августа 1998 года заявитель прибыл в Австралию из Южной Африки. В аэропорту прибытия он уничтожил свои проездные документы. Он сразу же подал ходатайство о получении статуса беженца в аэропорту, где с ним беседовал сотрудник министерства иммиграции и по делам этнических групп (ДИМА). Поскольку заявитель прибыл без документов, то в соответствии со статьей 172 австралийского Закона об иммиграции он не был допущен к процедуре иммиграционного контроля. В тот же день его задержали и доставили в Центр для содержания нелегальных иммигрантов в Уэстбридже.

2.3 26 августа 1998 года заявитель подал ходатайство о получении "визы в целях защиты". Его консультировал эксперт из Комиссии по оказанию правовой помощи Нового Южного Уэльса. 16 октября 1998 года его ходатайство было отклонено ДИМА. 16 октября 1998 года он подал апелляцию в Суд по делам беженцев. 11 ноября 1998 года эта апелляция была отклонена. Затем заявитель подал апелляцию в Федеральный суд Австралии, который отклонил его апелляцию 10 марта 1999 года.

2.4 Заявитель не обжаловал решение Федерального суда Австралии в Федеральном суде полного состава, поскольку его представители сочли, что с учетом ограниченных оснований для пересмотра решения в Федеральном суде такое обжалование не имеет каких-либо шансов на успех и, следовательно, не соответствует требованиям, определяющим целесообразность оказания правовой помощи. Заявитель утверждает, что без правовой помощи он, по всей вероятности, не имел бы своего представителя при разбирательстве апелляции.

2.5 Заявитель направил последовательно три апелляции в министерство иммиграции и по делам этнических групп: 17 марта, 6 июля и 26 августа 1999 года. Он просил министра воспользоваться его дискреционным правом и позволить ему остаться в Австралии по гуманитарным соображениям. Министр отказался воспользоваться своим дискреционным правом в письме без даты, которое адвокат получил 22 июля 1999 года, а также в последующем письме от 23 августа 1999 года. Решение министра обжалованию не подлежало. 29 октября 1999 года сотрудник Юридической службы по вопросам иммиграции и делам общин Южного Брисбена обратился к министру с просьбой разрешить заявителю остаться в Австралии по гуманитарным соображениям; директор отделения "Международной амнистии" в Австралии также направил письмо с просьбой не депортировать заявителя "в обозримом будущем".

2.6 Затем в сентябре 1999 года заявитель и два других просителя убежища начали голодовку. 8 октября 1999 года они были вывезены из Уэстбриджа. При этом им не разрешили проконсультироваться со своими адвокатами и упаковать свои личные вещи. 16 октября 1999 года они подали жалобу министру иммиграции и по делам этнических групп.

2.7 Заявитель утверждает, что он не был уведомлен о решении выслать его из Австралии. 26 января 2000 года его действительно выслали в Южную Африку.

2.8 В новом письме от 12 апреля 2000 года г-жа Т. сообщает дополнительную информацию о своем брате. Она заявляет, что после его высылки из Австралии ее брат провел один или два дня в гостинице, расположенной в аэропорту Йоханнесбурга. Затем он был передан правительственным должностным лицам Южной Африки и в течение более 30 дней содержался в центре Линдела для содержания правонарушителей как нелегально прибывшее в страну лицо.

2.9 7 февраля 2000 года или приблизительно в этот день он подал ходатайство о предоставлении убежища, и ему была выдана временная виза, благодаря которой он был освобожден из центра содержания под стражей.

2.10 30 января 2000 года или приблизительно в этот день заявителю сказали, что его посетит посол Алжира в Южной Африке. Цель этого визита заключалась в передаче заявителю документов для предстоящего перелета в Алжир. После вмешательства адвоката заявителя этот визит был отменен.

2.11 Заявитель утверждает, что после его высылки из Австралии он не чувствует себя в Южной Африке в безопасности и что в соответствии с южноафриканским законодательством нет никаких гарантий того, что его не вышлют в любое время. Он выражает беспокойство в связи с действиями правительства Южной Африки, в частности в связи с уведомлением посла Алжира о его нахождении в Южной Африке; принятием и последовавшим затем отказом принять ходатайство об убежище и отказом предоставить временную визу; и его содержанием в центре содержания правонарушителей Линдела свыше установленного законом максимального срока в 30 дней. Заявитель утверждает, что, поскольку правительства Южной Африки и Алжира торгуют между собой оружием, у него есть основания опасаться того, что его ходатайство будет отклонено в угоду коммерческим интересам этих стран.

2.12 Утверждается, что жалоба не была представлена для рассмотрения в рамках какой-либо иной процедуры международного расследования или урегулирования.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что имеются существенные основания полагать, что по возвращении в Алжир ему может угрожать применение пыток и что, соответственно, Австралия нарушит статью 3 Конвенции, если он будет туда возвращен. Он заявляет, что он опасается преследований в Алжире по причине его политических убеждений и членства в Исламском фронте спасения (ИФС). Он также опасается, что его призовут в алжирскую армию, и сообщает, что члены его семьи были обвинены алжирскими властями в поддержке вооруженных исламских групп. Как следствие, он и другие члены его семьи являются объектами преследования со стороны алжирской армии.

3.2 Утверждается, что заявителю лично угрожает применение пыток вследствие его поддержки ИФС и его тесных семейных связей с несколькими лицами, которые подверглись преследованиям по причине их членства в ИФС и, в ряде случаев, вследствие того, что они выдвигались ранее кандидатами от ИФС.

3.3 И наконец, утверждается, что заявителю лично угрожает применение пыток вследствие опубликования решения Федерального суда, в котором приводятся личные данные заявителя и информация о семье, его жалобы, а также то, что он ходатайствовал о защите в Австралии. Заявитель утверждает, что после такого опубликования над ним лично нависнет угроза, если его принудительно вышлют в Алжир, с учетом той вероятности, что алжирские власти знакомы с опубликованным решением и подробными сведениями, касающимися его ходатайства о защите.

3.4 Заявитель утверждает, что Алжир остается авторитарным государством, в котором систематически совершаются грубые и вопиющие нарушения прав человека. Утверждается, что лица, задержанные в Алжире по соображениям национальной безопасности, подвергаются, как правило, пыткам, что подтверждают доклады нескольких организаций. Заявляется, что эти свидетельства дают серьезные основания полагать, что по возвращении в Алжир заявителю будет угрожать применение пыток.

3.5 Заявитель стремится установить тот факт, что его высылка из Австралии в условиях, когда он не вправе вернуться или выехать в любую другую страну, кроме Алжира, представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 14 ноября 2000 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа сообщения. Оно поясняет, что оно не имело возможности выполнить просьбу Комитета о принятии временных мер защиты, поскольку на 26 января 2000 года, т.е. на момент высылки заявителя из Австралии, никакой письменной просьбы от Комитета получено не было. Государство-участник добавляет, что отделение УВКБ в Австралии было уведомлено о предстоящей высылке заявителя и

не выдвинуло никаких возражений и что все связанные с возвращением потенциальные угрозы были всесторонне проанализированы на основе имеющейся по Алжиру информации.

4.2 По мнению государства-участника, данная жалоба является неприемлемой, поскольку она не совместима с положениями Конвенции. Кроме того, государство-участник утверждает, что заявитель prima facie не обосновал свое утверждение о том, что существуют серьезные основания полагать, что он будет подвергнут пыткам в случае его возвращения в Алжир. Государство-участник добавляет, что заявитель не привел никаких убедительных аргументов в обоснование его убеждения в том, что ему угрожает опасность применения пыток.

4.3 Государство-участник отметило, что нет никаких доказательств того, что алжирские власти когда-либо ранее подвергали заявителя пыткам, и имеется очень мало свидетельств, подтверждающих, что он действительно принимал участие в политической деятельности ИФС. Государство-участник утверждает, что информация заявителя о его деятельности характеризуется рядом несоответствий, которые порождают сомнения в его правдивости. Учитывая силу доказательств, государство-участник не верит в то, что заявитель является сторонником ИФС.

4.4 Относительно возможного призыва заявителя на военную службу после его возвращения в Алжир государство-участник утверждает, что маловероятно, что заявитель будет призван в армию, либо по той причине, что он уже прошел эту службу, либо потому, что он слишком стар для ее прохождения. Государство-участник заявляет, что в любом случае призыв на военную службу не равнозначен применению пыток. Кроме того, государство-участник ссылается на вывод Суда по делам беженцев (СДБ) о том, что заявитель солгал, сообщив, что он не отбыл свою воинскую повинность. СДБ констатировал, что заявитель исказил факты по сравнению с теми, которые он первоначально изложил по прибытии в Австралию.

4.5 Касаясь опубликования решения Федерального суда Австралии, государство-участник отрицает, что это может, вероятно, побудить алжирские власти подвергнуть заявителя пыткам после его возвращения в Алжир. Нет никаких свидетельств о том, что алжирские власти проявляли какой-либо интерес к деятельности заявителя после 1992 года, когда он, по его словам, был арестован и задержан на 45 минут. Государство-участник отмечает, что мало вероятно предположение о том, что алжирские власти будут просматривать правовые базы данных в Интернете, чтобы установить местонахождение заявителя. По мнению государства-участника, весьма мало вероятно, что публикация в Интернете информации об отказе выдать заявителю визу в целях защиты дошла бы до сведения алжирских властей. Поэтому нет никаких серьезных оснований полагать, что заявителю угрожает в этой связи применение пыток.

4.6 Государство-участник признает, что министерство иммиграции и по делам этнических групп приняло к сведению тот факт, что родственники заявителя, понесшие ущерб или ставшие жертвами жестокого обращения, были активными членами ИФС или принадлежали к исламскому духовенству, но, судя по представленным им самим сведениям, заявитель не относился к их числу и не привлекал внимание властей, за исключением одного случая в 1992 году, когда он, по его словам, был задержан на 45 минут. Кроме того, государство-участник приводит заключение СДБ о том, что заявитель трижды покидал Алжир и дважды возвращался без каких-либо проблем. Это свидетельствует о том, что он не привлекал внимания властей.

4.7 Кроме того, государство-участник утверждает, что в ходе разбирательства заявитель признал, что никто из его ближайших родственников не имел проблем с властями (за исключением его зятя - в 1995 году) и что после его задержания в 1992 году он лично не имел никаких проблем. Это также свидетельствует о том, что никакого негативного внимания властей заявитель не привлекал.

4.8 Государство-участник отмечает, что заявитель в целом боится стать жертвой негативных последствий гражданского конфликта в Алжире; его страх, однако, не является достаточным основанием для предоставления ему защиты по Конвенции. Государство-участник добавляет, что министр иммиграции и по делам этнических групп рассмотрел полученную от властей Франции и Соединенного Королевства информацию о том, что им не известно о каких-либо случаях, когда-то или иное лицо, вернувшееся из этих стран в Алжир, было подвергнуто после возвращения насилию. Государство-участник также ссылается на недавние сообщения, которые свидетельствуют об улучшении положения в области прав человека в Алжире.

4.9 Государство-участник ссылается также на заключение министерства иммиграции и по делам этнических групп, которое приняло к сведению, что алжирские власти знают о том, что многие граждане, выехавшие за границу, подают ходатайства об убежище, пытаясь избежать негативных последствий гражданского конфликта и тяжелой экономической ситуации в Алжире. Отмечается, что простое ходатайство о предоставлении убежища, поданное алжирским гражданином в другой стране, не является основанием для того, чтобы алжирские власти пытались подвергнуть это лицо преследованиям или пыткам.

4.10 Государство-участник отмечает, что письмом от 25 января 2000 года заявитель был уведомлен о принятии мер для того, чтобы он покинул Австралию самолетом южноафриканской авиакомпании, который вылетает рейсом SA281 из Сиднея в Йоханнесбург 26 января 2000 года в 21 час. 40 мин. В Южную Африку с заявителем вылетели трое сопровождающих. Кроме того, государство-участник добавляет, что нынешнее местонахождение заявителя австралийским властям неизвестно.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

5.1 Комитет принимает к сведению информацию государства-участника о том, что высылка заявителя не была приостановлена и что оно не получило своевременно просьбу Комитета о принятии временных мер в соответствии с пунктом 1 правила 108 его правил процедуры. Заявитель был выслан в Йоханнесбург 26 января 2000 года. Некоторое время он жил в Южной Африке, и где он находится сейчас, неизвестно.

5.2 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в жалобе, Комитет против пыток должен принять решение о том, является или нет данная жалоба приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Как то предусмотрено в пункте 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет в этой связи убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривало факт исчерпания внутренних средств правовой защиты. Кроме того, государство-участник утверждает, что заявитель не обосновал свое сообщение для целей приемлемости. Оно ссылается на Мнения Комитета по делу "Г.Р.Б. против Швеции"[a], в которых Комитет констатировал, что "…обязательство государство-участника воздерживаться от принудительного возвращения какого-либо лица в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток, непосредственно связано с определением пытки, содержащимся в статье 1 Конвенции". Кроме того, государство-участник отмечает заявление Комитета о том, что именно автору сообщения надлежит аргументировать его жалобу. Государство-участник поясняет, что речь идет о таком фактическом обосновании утверждений автора, которое достаточно для того, чтобы требовать ответа от государства-участника. Оно утверждает, что исходя из сведений о заявителе требовать какого-либо ответа от Австралии нельзя, и повторяет, что, как констатировал Комитет, угрозу пыток следует оценивать на основе более веских аргументов, чем простые теоретические предположения или подозрения. По мнению государства-участника, нет никаких серьезных оснований считать, что заявитель будет подвергнут пыткам.

5.3 Несмотря на замечания государства-участника, Комитет полагает, что заявитель представил достаточную информацию относительно той опасности, которой заявитель, по его словам, подвергнется в случае его возвращения в Алжир, для рассмотрения его жалобы по существу. Поскольку Комитет не видит никаких других препятствий для приемлемости, он признает данную жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

6.1 Комитет должен принять решение о том, будет ли принудительное возвращение заявителя в Алжир являться нарушением закрепленного в пункте 1 статьи 3 Конвенции

обязательства государства-участника не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Чтобы прийти к определенному заключению, Комитету надлежит принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем преследуемая цель заключается в определении того, угрожает ли лично данному лицу применение пыток в стране, в которую оно будет возвращено. Из этого следует, что в соответствии с практикой Комитета и несмотря на изложенные в пункте 3.4 выше утверждения заявителя относительно ситуации в Алжире, существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием для определения того, будет ли какому-либо конкретному лицу угрожать применение пыток после его возвращения в страну; для этого необходимо иметь дополнительные основания, свидетельствующие о том, что такая угроза будет возникать лично для данного лица. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что с учетом конкретного положения того или иного лица нельзя считать, что ему угрожает применение пыток.

6.2 Комитет отмечает, что заявитель ссылается на предусмотренную в статье 3 Конвенции защиту на том основании, что ему лично угрожают арест и применение пыток, поскольку он и его родственники поддерживают ИФС. Его предполагаемые связи с ИФС берут свое начало в 1992 году, когда он был задержан на 45 минут и подвергнут допросу. Не сообщается, что перед тем, как заявитель уехал в Саудовскую Аравию, его подвергали пыткам или преследованиям за связи с ИФС. Заявитель не выполнил требования относительно обоснования своего утверждения о том, что имеются серьезные основания полагать, что ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам и что Алжир является страной, где существует постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

6.3 В настоящем случае Комитет также отмечает, что зять заявителя занимался политической деятельностью приблизительно 10 лет назад и что сама по себе эта деятельность не может создавать для заявителя угрозу быть подвергнутым пыткам при возвращении в Алжир. Комитет далее констатирует, что предполагаемый страх заявителя перед призывом в армию не имеет отношения к рассматриваемому вопросу.

6.4 Комитет напоминает о том, что для целей статьи 3 Конвенции должна существовать предсказуемая и реальная угроза лично данному лицу быть подвергнутым пыткам в стране, в которую оно возвращается, или, как в данном случае, в третьей стране, куда предположительно оно впоследствии может быть выслано. Исходя из изложенных выше соображений, Комитет полагает, что заявитель не представил достаточных доказательств в подтверждение того, что ему лично будет угрожать применение пыток в случае его возвращения в Алжир.

6.5 Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток делает вывод о том, что, исходя из представленной информации, высылка заявителя в Южную Африку не явилась нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечание

[a] Дело № 083/1997, соображения, принятые 15 мая 1998 года.

Сообщение № 182/2001

Представлено:	г-ном А. И. (представлен адвокатом, г-ном Гансом Петером Ротом)
Предполагаемая жертва:	Заявитель
Государство-участник:	Швейцария
Дата представления жалобы:	5 марта 2001 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 мая 2004 года,

завершив рассмотрение сообщения № 182/2001, представленного Комитету против пыток г-ном А. И., в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии со статьей 22 Конвенции:

1.1 Заявителем является А. И., гражданин Шри-Ланки тамильского происхождения, 1977 года рождения, который в настоящее время проживает в Швейцарии и ожидает депортации в Шри-Ланку. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Шри-Ланку будет означать нарушение Швейцарией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 25 апреля 2001 года Комитет препроводил данную жалобу государству-участнику для представления по ней своих замечаний. Комитет отмечает, что государство-участник по собственной инициативе приняло решение не депортировать заявителя в Шри-Ланку, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель родился в Чанканае на севере Шри-Ланки. В июле 1995 года он вместе со своей семьей бежал из района военных действий, развернувшихся вследствие

гражданской войны, и на некоторое время оказался в лагере беженцев близ Навали. Во время бомбардировки католической церкви в Навали самолетами военно-воздушных сил Шри-Ланки заявитель стал свидетелем гибели многочисленных беженцев, укрывшихся в этой церкви, в том числе некоторых его дальних родственников. Впоследствии заявитель вместе со своей семьей оказался в Чавакачиери, который в то время находился под контролем ТОТИ[a] и где его младший брат С. вступил в ряды ТОТИ.

2.2 В январе 1996 года заявитель и его мать отправились в Коломбо для оформления его отъезда из Шри-Ланки. После взрыва бомбы в банке в Коломбо, к которому был причастен сосед, заявитель и его мать были арестованы 31 января 1996 года силами безопасности и содержались под стражей в полицейском участке Петтаха. 8 и 16 февраля 1996 года заявителя посетила делегация Международного комитета Красного Креста (МККК), а 22 февраля 1996 года он и его мать были освобождены из-под стражи после дачи взятки.

2.3 30 марта 1996 года заявитель был арестован во время проверки документов армейским патрулем, который доставил его в тюрьму Великаде, где он был допрошен на предмет его связей с ТОТИ. После освобождения 1 января 1997 года он был доставлен обратно в Чанканай. Между тем 18 июля 1996 года его младший брат погиб во время нападения ТОТИ на армейский лагерь около Муллайттиву.

2.4 После возвращения в Чанканай заявитель и его второй брат Т. в апреле-июне 1997 года шесть-семь раз арестовывались боевиками НРФОИ[b] и ООИ[c]. Их доставляли в лагерь около Путтура, где они подвергались допросам на предмет их связи с ТОТИ. Во время допросов они, как утверждается, подвергались избиению; один раз с целью получения признания их били металлической цепью и прижигали им спину горячим металлическим предметом. В июле 1997 года Т. был вновь арестован боевиками, и с тех пор о нем ничего не известно.

2.5 После этого заявитель вернулся в Коломбо, откуда он 22 августа 1997 года по фальшивому паспорту отправился в Швейцарию через Турцию и Италию.

2.6 26 августа 1997 года заявитель подал ходатайство о предоставлении политического убежища в Швейцарии. После собеседований, проведенных в Федеральном управлении по делам беженцев (ФУБ) 26 августа 1997 года и 22 апреля 1998 года и в полиции по делам иностранцев 14 октября 1997 года, ФУБ 28 октября 1998 года приняло решение об отклонении его ходатайства о предоставлении убежища, одновременно предписав ему покинуть страну к 15 января 1999 года. Это предписание было обусловлено следующими причинами: a) недостоверностью его утверждений о содержании под стражей в тюрьме Великаде и предполагаемом исчезновении его второго брата Т., а также непоследовательном изложении фактов жестокого обращения с ним и его братом со стороны боевиков НРФОИ и ООИ; b) отсутствием достаточной временной и

вещественной связи между его содержанием под стражей в полицейском участке Петтаха в период 31 января - 22 февраля 1996 года и его отъездом из Шри-Ланки 22 августа 1997 года; c) отсутствием достаточно обоснованной угрозы быть подвергнутым пыткам по возвращении в Шри-Ланку, где заявитель может переселиться в районы, не затронутые военными действиями.

2.7 30 ноября 1998 года заявитель обжаловал это решение в Швейцарской апелляционной комиссии по делам беженцев (АРК), а затем представил два медицинских заключения от 6 января и 5 сентября 1999 года, в которых подтверждалось, что он страдает от посттравматического стрессового расстройства. В представлении от 10 октября 1999 года ФУБ подтвердило свою позицию, указав, что заявитель может получить необходимое лечение в Семейном реабилитационном центре в Коломбо или в одном из его 12 отделений в Шри-Ланке. Кроме того, ФУБ отметило противоречие между медицинским заключением от 6 января 1999 года, в котором говорилось о том, что заявитель содержался под стражей в течение 14 дней в Коломбо до его ареста 31 января 1996 года, и неупоминанием заявителем этого момента во время собеседований.

2.8 30 ноября 2000 года АРК отклонила апелляцию заявителя. Она поддержала выводы ФУБ и добавила следующие причины: a) ни один из предполагаемых арестов заявителя не привел к возбуждению против него уголовного дела за сотрудничество с ТОТИ; b) тот факт, что заявитель дважды задерживался в Коломбо, не имеет значения для его ходатайства о предоставлении убежища; c) даже если заявитель страдает от посттравматического стрессового расстройства, он не смог обосновать, что данная болезнь является результатом его преследования со стороны властей Шри-Ланки; d) заявитель не смог представить достоверные документы, удостоверяющие его личность; e) депортация заявителя в Шри-Ланку не будет представлять собой чрезмерные лишения при отсутствии достаточных причин считать, что он будет подвергнут пыткам, и с учетом того, что его семья продолжает жить в Северной провинции (Теллипалай) и что в Шри-Ланке он сможет получить необходимое лечение от посттравматического стрессового расстройства.

2.9 После этого ФУБ установило новый крайний срок для отъезда заявителя из Швейцарии - 5 февраля 2001 года.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его принудительное возвращение в Шри-Ланку будет представлять собой нарушение Швейцарией статьи 3 Конвенции, поскольку имеются существенные основания считать, что, будучи молодым тамилом, который неоднократно арестовывался и допрашивался властями и боевиками и брат которого, как известно, являлся членом ТОТИ, по возвращении в Шри-Ланку он будет подвергнут пыткам.

3.2 Заявитель сообщает, что силы безопасности Шри-Ланки ежедневно проводят облавы и проверки на улицах среди тамилов, которые в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом (ЗБТ) могут быть арестованы на срок до полутора лет без санкции на арест и без предъявления им обвинений. Согласно Положению о чрезвычайных ситуациях (ПЧС), дополняющему ЗБТ, этот срок может периодически продлеваться на 90 дней судебной комиссией, решения которой обжалованию не подлежат. В течение этого времени задержанных лиц, как правило, допрашивают на предмет их контактов с ТОТИ и зачастую подвергают пыткам, жестокому обращению и даже внесудебным казням.

3.3 Ссылаясь на несколько докладов о положении в области прав человека в Шри-Ланке, заявитель утверждает, что за последние годы угроза применения пыток в отношении тамилов практически не уменьшилась.

3.4 Заявитель сообщает, что в обстановке гражданской войны в Шри-Ланке, которая зачастую характеризуется полным отсутствием контроля над отдельными районами или одновременным контролем над ними со стороны различных группировок, невозможно провести четкого разграничения между преследованием со стороны правительственных и неправительственных сил, как это предусмотрено в Законе Швейцарии о политическом убежище. Так, в некоторых районах страны тамильские боевики из НРФОИ или ООИ преследуют сторонников ТОТИ в тесном взаимодействии с армией Шри-Ланки и часто подвергают подозреваемых пыткам в тюрьмах, расположенных в их собственных лагерях. Поэтому такое обращение равносильно преследованию со стороны государства.

3.5 Как утверждает заявитель, вследствие его посттравматического стрессового расстройства, обусловленного пытками, которым он подвергался в лагере НРФОИ/ООИ, а также пережитого им шока во время бомбардировки церкви в Навали, он может повести себя непредсказуемо в таких опасных ситуациях, как полицейские облавы и проверки на улицах, что еще более повысит риск ареста и последующего применения пыток со стороны полиции Шри-Ланки.

3.6 Заявитель утверждает, что беженцы, преследуемые по политическим мотивам, зачастую не имеют необходимых документов и что он представил достаточные доказательства, удостоверяющие его личность, в виде фотокопии его удостоверения личности и его свидетельства о рождении. Он вряд ли мог получить паспорт или новое удостоверение личности, обратившись к властям Шри-Ланки.

3.7 Заявитель утверждает, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования и что он исчерпал внутренние средства правовой защиты. В частности, он утверждает, что при отсутствии новых доказательств обращение в АРК с чрезвычайным ходатайством об обжаловании будет бесполезным.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 8 июня 2001 года государство-участник признало приемлемость данной жалобы, а 29 ноября 2001 года оно представило свои замечания по ее существу. Оно соглашается с соответствующими аргументами Федерального управления по делам беженцев и Апелляционной комиссии по делам беженцев по данному вопросу и приходит к заключению, что автор не обосновал наличия реальной и личной угрозы применения к нему пыток после возвращения в Шри-Ланку.

4.2 Государство-участник утверждает, что заявитель не представил каких-либо новых данных в обоснование необходимости пересмотра решений ФУБ и АРК. Аналогичным образом, доказательства, представленные во время внутренней процедуры рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища (т.е. газетные статьи, письмо его матери и удостоверение личности, выданное МККК), недостаточны для подтверждения его утверждений о том, что он подвергался преследованию в прошлом, или о том, что в будущем ему угрожает в Шри-Ланке применение пыток. Медицинские заключения, подтверждающие наличие у заявителя посттравматического стрессового расстройства, основываются на его собственных оценках и не учитывают других возможных - и более вероятных - причин возникновения подобных симптомов.

4.3 Признав, что заявитель с 31 января по 22 февраля 1996 года содержался под стражей в полицейском участке Петтаха в Коломбо, государство-участник не видит связи между этим фактом и его утверждением о том, что он может подвергнуться пыткам по возвращении в Шри-Ланку. Аналогичным образом, такой вывод не вытекает из факта частых проверок личности и арестов, которым тамилы подвергаются в Шри-Ланке.

4.4 Как сообщает государство-участник, невозбуждение уголовного дела против заявителя означает, что ему лично не угрожает применение пыток со стороны сил безопасности Шри-Ланки. По мнению государства-участника, боевики НРФОИ и ООИ, если они и действовали в районе Чанканая в 1997 году, никогда не проявляли какого-либо интереса к деятельности самого заявителя, а, как утверждается, подвергали его пыткам с целью получения информации о связях его покойного брата С. с ТОТИ.

4.5 В заключение государство-участник отмечает, что в случае возвращения в Шри-Ланку заявитель может доказать, что с 1997 года он непрерывно проживал в Швейцарии, и тем самым развеять подозрения в сотрудничестве в этот период с ТОТИ.

Комментарии заявителя относительно представлений государства-участника

5.1 22 декабря 2003 года в своих комментариях по представлению государства-участника относительно существа жалобы адвокат отмечает, что противоречия в утверждениях заявителя, сделанных им швейцарским властям, обусловлены "утратой

чувства реальности". Потерпевшие лица зачастую с трудом вспоминают детали и хронологию происшедших с ними событий.

5.2 Заявитель оспаривает утверждение, согласно которому НРФОИ и ООИ уже не действовали в районе Чанканая в апреле-июне 1997 года и которое было сделано государством-участником на основании отсутствия у него каких-либо достоверных данных об этом факте.

5.3 Заявитель не соглашается с утверждением государства-участника о том, что он не представил достаточные доказательства в подтверждение своего заявления. Так, членство его покойного брата в ТОТИ является документально установленным фактом, и имеются достаточные основания считать, что власти Шри-Ланки подозревают и самого заявителя. Кроме того, акты пыток, как правило, скрываются компетентными государственными органами, в результате чего зачастую невозможно получить соответствующие доказательства.

5.4 Как отмечает заявитель, вместо того, чтобы подвергать сомнению представленные им заключения психиатра, государству-участнику следовало бы запросить медицинское заключение государственного врача. Хотя имеющиеся заключения от января и сентября 1999 года и не подтверждают утверждений заявителя, они по крайней мере показывают, что возникшее у него посттравматическое стрессовое расстройство было прямым следствием пыток, которым он подвергался в прошлом.

5.5 В заключение заявитель отмечает, что в 2003 году сообщалось о многочисленных случаях пыток и жестокого обращения в тюрьмах Шри-Ланки и что, несмотря на продолжающиеся мирные переговоры, в Шри-Ланке еще не обеспечено соблюдение законности.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Как это предусмотрено в пункте 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Касаясь данного случая, Комитет отмечает также, что были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты и что государство-участник согласилось с приемлемостью сообщения. В силу этого Комитет признает данное сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

6.2 Комитет должен решить вопрос о том, станет ли принудительное возвращение заявителя в Шри-Ланку нарушением предусмотренного в пункте 1 статьи 3 Конвенции

обязательства государства-участника не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что этому лицу может угрожать там применение пыток. Формулируя свое заключение, Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (пункт 2 статьи 3 Конвенции).

6.3 На основании информации из недавних докладов о положении в области прав человека в Шри-Ланке Комитет отмечает, что, несмотря на принятие мер по искоренению пыток, сообщения о случаях их применения продолжают поступать и что жалобы на применение пыток зачастую не находят должного рассмотрения со стороны сотрудников полиции, судебных и медицинских работников. Вместе с тем Комитет отмечает также заключение в феврале 2002 года официального соглашения о прекращении огня между правительством и ТОТИ. Хотя имевшие место в последнее время политические события и изменения в составе правительства, возможно, и создали препятствия для эффективного продолжения текущего мирного процесса, сам этот процесс остановлен не был. Комитет далее напоминает, что после проведения им расследования положения в Шри-Ланке в соответствии со статьей 20 Конвенции он пришел к заключению, что практика пыток в государстве-участнике не носит систематического характера[d]. Наконец, Комитет отмечает, что в последние годы в Шри-Ланку возвратилось большое число беженцев.

6.4 Вместе с тем Комитет напоминает, что цель проводимого им рассмотрения заключается в том, чтобы определить, будет ли заявителю лично угрожать применение пыток в стране, в которую он вернется. Из этого следует, что независимо от того, можно ли говорить о существовании в Шри-Ланке постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, наличие такой практики само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что заявителю будет угрожать применение пыток после его возвращения в Шри-Ланку. В этой связи необходимо иметь дополнительные основания, подтверждающие наличие такой угрозы лично для заявителя. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека необязательно означает, что заявителю не будет угрожать применение пыток с учетом конкретных обстоятельств его дела.

6.5 В отношении личной угрозы для заявителя быть подвергнутым пыткам со стороны сил безопасности Шри-Ланки Комитет принимает к сведению его утверждение о том, что в 1997 году он подвергался пыткам со стороны НРФОИ и ООИ, которые действовали в сотрудничестве с армией Шри-Ланки. Вместе с тем, даже если допустить, что эти утверждения являются достоверными, Комитет считает, что из этого не обязательно следует, что в настоящее время заявителю будет угрожать опасность вновь подвергнуться пыткам, принимая во внимание продолжающийся в Шри-Ланке мирный процесс и тот факт, что в последние годы многие тамильские беженцы возвратились в эту страну.

6.6 В отношении утверждения заявителя о том, что его посттравматическое стрессовое расстройство приведет к неконтролируемому поведению в стрессовых ситуациях, повысив для него риск ареста полицией Шри-Ланки, Комитет отмечает, что невозбуждение в прошлом против заявителя какого-либо уголовного дела, а также непроявление им высокой политической активности можно в свою очередь трактовать в качестве фактора, который может уменьшить какой бы то ни было риск серьезных последствий в случае его нового ареста.

6.7 Комитет считает маловероятным, чтобы власти Шри-Ланки или группы боевиков, предположительно действующие с их ведома или молчаливого согласия, по-прежнему проявляли интерес к связи с ТОТИ младшего брата заявителя, который скончался почти восемь лет назад.

6.8 В отношении вопроса о возможности необходимого психиатрического лечения посттравматического стрессового расстройства заявителя в Шри-Ланке Комитет считает, что ухудшение состояния здоровья заявителя, которое, возможно, произойдет вследствие его депортации в Шри-Ланку, не будет равнозначно применению пыток по смыслу статьи 3 (в сочетании со статьей 1) Конвенции, в нарушении которой и можно было бы обвинить государство-участник[e].

6.9 В силу этого Комитет полагает, что заявитель не представил достаточных аргументов, которые позволили бы Комитету заключить, что ему будет серьезно, реально и лично угрожать применение пыток в случае возвращения в Шри-Ланку.

7. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток приходит к заключению о том, что высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Движение "Тигры освобождения Тамил-Илама".

[b] Народный революционный фронт освобождения Илама.

[c] Организация освобождения Илама.

[d] Официальные ответы Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), глава IV, раздел B, пункт 181.

[e] См. сообщение № 186/2001, *К.К. против Швейцарии*, решение от 11 ноября 2003 года, пункт 6.8.

Сообщение № 183/2001

Представлено:	Б.С.Ш. (представлен адвокатом г-ном Стюартом Иствэнффи)
Предполагаемая жертва:	Б.С.Ш.
Государство-участник:	Канада
Дата представления жалобы:	7 марта 2001 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 мая 2004 года,

завершив рассмотрение жалобы № 183/2001, представленной Комитету против пыток г-ном Б.С.Ш. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявителем является гражданин Индии г-н Б.С.Ш., родившийся в 1958 году, проживающий в настоящее время в Квебеке/Канада и ожидающий депортации в Индию. Он заявляет, что его принудительное возвращение в Индию явилось бы нарушением Канадой статей 3 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 4 мая 2001 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику для представления замечаний и просил в соответствии с пунктом 1 правила 108 правил процедуры Комитета не высылать заявителя в Индию до тех пор, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. 19 февраля 2004 года государство-участник просило Комитет отозвать свою просьбу о применении временных мер согласно пункту 7 правила 108 правил процедуры Комитета, либо по возможности скорее вынести окончательное решение по данной жалобе. В своем письме от 2 марта 2004 года адвокат просил Комитет оставить в силе свою просьбу о применении временных мер до принятия окончательного решения по жалобе. Эти просьбы утратили свое значение 12 мая 2004 года, когда Комитет утвердил свои соображения по данной жалобе.

1.3 31 марта 2003 года заявитель просил Комитет приостановить рассмотрение его жалобы до завершения разбирательства в соответствии с новой процедурой оценки рисков до высылки (ОРДВ), оставив при этом в силе свою просьбу согласно пункту 1 правила 108 его правил процедуры. 25 апреля 2003 года Комитет проинформировал заявителя и государство-участник о том, что им принято решение приостановить рассмотрение жалобы, а также действие его просьбы к государству-участнику не высылать заявителя в той мере и на тот срок, пока его высылка автоматически откладывается в соответствии с разделом 162 Положения об иммиграции и защите беженцев.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель является выходцем из индийской провинции Пенджаб. По религиозной принадлежности он сикх. Его жена и трое детей по-прежнему проживают в Пенджабе.

2.2 В соответствии с "отчетом о расследовании" от 12 марта 1993 года, подготовленным адвокатом по правам человека из Патиалы (Пенджаб) г-ном С.С., который в значительной мере основан на свидетельских показаниях отца заявителя, его дочери и других жителей деревни, в апреле 1991 года в дом семьи заявителя вошли двое вооруженных мужчин и потребовали накормить их, угрожая при этом пистолетом. Они находились в доме полчаса. Позже вечером полиция арестовала заявителя, обвинив его в том, что он дал приют террористам. По словам заявителя, он находился в специальной камере для пыток, где полицейские его допрашивали и избивали. Он был освобожден через два дня после того, как его отец дал взятку.

2.3 В соответствии с этим же отчетом заявитель был арестован вторично в сентябре 1991 года, после того как в соседней деревне были убиты шесть членов семьи одного из сотрудников полиции. Заявитель содержался под стражей в неизвестном месте, где, как утверждается, полицейские вновь подвергали его пыткам. Он был освобожден после вмешательства местного политического деятеля и после этого отправился в Джайпур (Раджастхан), с тем чтобы скрыться от пенджабской полиции. В отчете говорится о том, что полиция продолжала преследовать его семью, а один раз был арестован брат заявителя. После того как полиция начала расследование с целью установления его местонахождения в Джайпуре, заявитель, следуя совету своего отца, решил покинуть страну.

2.4 1 сентября 1992 года заявитель уехал из Индии в Бразилию, после чего перебрался в Мексику, а 22 сентября 1992 года въехал в Соединенные Штаты Америки. 30 октября 1992 года он прибыл в Канаду и обратился с просьбой о предоставлении ему статуса беженца. После того как он был возвращен в Соединенные Штаты Америки, иммиграционные власти США попросили его выехать из страны до 29 ноября 1992 года. После этого заявитель продолжал незаконно оставаться на территории Соединенных Штатов Америки. Он не явился на заседание, на котором должно было рассматриваться

его заявление о предоставлении статуса беженца, назначенное на 17 августа 1993 года в канадском пограничном пункте в Ляколле.

2.5 24 ноября 1993 года консульство Индии в Нью-Йорке выдало заявителю паспорт.

2.6 4 августа 1994 года заявитель вновь прибыли в Канаду (Ванкувер), а 16 августа 1994 года обратился в Монреале с новой просьбой о предоставлении ему статуса беженца. 13 октября 1994 года канадские иммиграционные власти издали постановление о его высылке. 4 ноября 1996 года Отдел по определению статуса беженцев Совета по вопросам иммиграции и беженцев отказал в предоставлении ему статуса беженца в соответствии с Конвенцией, однако заявитель подал прошение о предоставлении ему разрешения ходатайствовать о судебном пересмотре этого решения. 29 мая 1998 года Федеральный суд Канады отказался выдать подобное разрешение.

2.7 В этот период заявитель направил прошение в Отдел по пересмотру решений, касающихся ходатайств о предоставлении статуса беженца в Канаде. К этому прошению он приложил копию документа, похожего на ордер на арест, который, согласно этому документу, был выдан в отношении него индийскими властями 8 мая 1994 года. Его прошение было отклонено в письме от 10 марта 1997 года, в котором его информировали о том, что постановление о высылке вступило в силу и он обязан покинуть Канаду до 16 апреля 1997 года. В примечаниях к делу, составленных сотрудником, который выносил решение по прошению, говорилось о том, что копия ордера на арест была предоставлена лишь на позднем этапе рассмотрения дела и что не было дано никакого объяснения причин, по которым ордер на арест был выдан в 1994 году в связи с событиями, относящимися к 1991 году. 29 августа 1997 года Федеральный суд Канады отклонил просьбу заявителя о выдаче ему разрешения ходатайствовать о судебном пересмотре отказного решения по его заявлению.

2.8 2 октября 1997 года заявитель обратился с просьбой об исключении из обычной практики применения *Закона об иммиграции и защите беженцев*[a] по соображениям гуманности и сострадания. Просьба содержала новые доказательства, включая статью от 10 августа 1997 года из чандигархской (Пенджаб) газеты, в которой говорилось о том, что семья заявителя до сих пор подвергается запугиваниям со стороны пенджабской полиции и что ему угрожает смерть, если его вернут в Индию; прилагалась медицинская справка от 25 апреля 1995 года, выданная индийским врачом и подтверждающая, что он лечил заявителя в связи с переломом ноги и кровотечением из уха 21 сентября 1991 года, а также медицинская справка от 14 марта 1995 года от монреальского врача, подтверждающая нарушение слуха в правом ухе заявителя, а также наличие шрама размером в 3 см на его правой ноге; при этом делался вывод о том, что эти симптомы соответствуют его заявлениям о пытках. 4 ноября 1997 года просьба заявителя, основанная на соображениях гуманности и сострадания, была отклонена. В то же время в ходе рассмотрения просьбы заявителя о предоставлении ему разрешения ходатайствовать о судебном пересмотре этого решения стало очевидно, что сотрудник иммиграционной службы не учел все

представленные ему доказательства. Государство-участник согласилось пересмотреть эту просьбу, поданную со ссылкой на соображения гуманности и сострадания, и процедура судебного разбирательства была прекращена.

2.9 4 июня 1998 года другим сотрудником иммиграционной службы была проведена дополнительная оценка риска, и, несмотря на наличие новых доказательств, он пришел к выводу о том, что заявитель не будет подвергаться опасности пыток или бесчеловечного обращения в случае его возвращения в Индию. Письмом от 13 августа 1998 года заявитель был извещен о том, что его вторая просьба, основанная на соображениях гуманности и сострадания, также отклонена. Он обратился за разрешением ходатайствовать о судебном пересмотре, которое было предоставлено ему Федеральным судом.

2.10 В своем решении от 2 октября 1998 года Федеральный суд постановил приостановить исполнение постановления о высылке. Суд решил, что заявитель поднял серьезный вопрос, который должен быть рассмотрен в судебном порядке, и вынес временное постановление о том, что заявителю будет нанесен непоправимый ущерб, если он будет депортирован в Индию. Своим решением от 24 ноября 1998 года Федеральный суд санкционировал пересмотр дела в судебном порядке и отменил решение сотрудника иммиграционной службы, отклоняющее вторую просьбу заявителя, основанную на соображениях гуманности и сострадания, и вернул данное дело для повторного рассмотрения. Хотя Суд отверг претензию заявителя в отношении того, что иммиграционная процедура пересмотра дела в Канаде представляет собой нарушение статей 7[b] и 12[c] Конституции Канады, он постановил, что решение сотрудника иммиграционной службы было необоснованным, поскольку в нем не учитывались должным образом новые доказательства, представленные заявителем, и поскольку оно было основано на доводах, не имеющих отношения к делу.

2.11 После этого просьба заявителя, основанная на соображениях гуманности и сострадания, была пересмотрена другим сотрудником иммиграционной службы, который прошел профессиональную подготовку и в качестве сотрудника по рассмотрению последующих заявлений, и после длительного анализа фактов и доказательств этот сотрудник отклонил просьбу от 13 октября 2000 года, в частности, по следующим основаниям: a) наличие сомнений в подлинности ордера на арест ввиду его формы и отсутствия каких-либо подтверждающих доказательств; b) невозможность установления источника и/или устаревшая дата большинства справок и газетных статей, представленных заявителем в отношении ситуации в Пенджабе; c) наличие противоречия между тем фактом, что, согласно свидетельским показаниям членов его семьи и соседей в его родной деревне, заявитель был невиновным, и его заявлением о том, что он до сих пор подвергается преследованиям со стороны полиции; d) наличие сомнений в отношении доказательственной ценности перевода газетной статьи от 11 июня из ванкуверского еженедельника, опубликованной на пенджабском языке, в которой упоминалось дело

заявителя; e) неоправданная неявка заявителя на рассмотрение его первого ходатайства о предоставлении ему статуса беженца, которое было назначено на 17 августа 1993 года в канадском пограничном пункте; f) тот факт, что 24 ноября 1993 года индийским консульством в Нью-Йорке заявителю был выдан паспорт, несмотря на то, что его якобы разыскивали индийские власти; g) тот факт, что адвокат указал на наличие у заявителя посттравматического стрессового расстройства, сопровождавшегося приступами панического страха, диагноз которого фигурировал в справке психиатра, выданной 30 августа 1999 года, лишь на позднем этапе рассмотрения дела заявителя; что то психологическое состояние, в котором находился заявитель, не помешало ему работать с января 1999 года и что он отрицал наличие какого-либо психического расстройства при заполнении иммиграционных документов в октябре 1997 года и в сентябре 2000 года; h) малая политическая значимость заявителя и тот факт, что обычно лишь активисты-правозащитники и сикхи-активисты и их семьи подвергались опасности запугиваний со стороны пенджабской полиции[d]; i) тот факт, что семья заявителя продолжает проживать в Пенджабе; j) защита заявителя благодаря наличию у его отца хороших политических связей; k) общее улучшение ситуации в Пенджабе; и l) тот факт, что заявитель сумел найти прибежище в соседнем штате до своего отъезда из Индии в 1991 году.

2.12 2 марта 2001 года Федеральный суд отклонил просьбу заявителя о предоставлении ему разрешения на подачу ходатайства о судебном пересмотре дела.

Жалоба

3.1 Адвокат утверждает, что заявитель подвергся бы опасности пыток в Индии и в этой связи Канада нарушила бы статью 3 Конвенции в случае его возвращения в родную страну. Кроме того, учитывая посттравматическое стрессовое расстройство заявителя, он получил бы сильную эмоциональную травму при возвращении в Индию и при этом был бы лишен возможности получить надлежащее медицинское обслуживание, что само по себе будет представлять собой бесчеловечное и унижающее достоинство обращение и являться нарушением статьи 16 Конвенции.

3.2 Адвокат утверждает также, что заявитель исчерпал все внутренние средства правовой защиты. Он далее заявляет о том, что те средства правовой защиты, которые имеются в рамках канадской системы пересмотра дел, касающихся иммиграции, являются неэффективными, поскольку сотрудники иммиграционной службы не проходят профессиональной подготовки в области прав человека или по правовым вопросам, в большинстве случаев не учитывают практику рассмотрения дел Советом по вопросам иммиграции и беженцев и Федеральным судом и не могут реально оценить ситуацию в стране происхождения лиц, ходатайствующих о предоставлении статуса беженцев, нередко подвергаются давлению с целью увеличения числа случаев депортации и, как правило, демонстрируют недоверие к утверждениям заявителей, ходатайствующих о предоставлении статуса беженца.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости и существу жалобы

4.1 8 ноября 2001 года государство-участник представило свои замечания по вопросу о приемлемости и дополнительно по существу жалобы.

4.2 Государство-участник признает, что заявитель использовал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В то же время государство-участник утверждает, что жалоба является неприемлемой, поскольку представленные заявителем доказательства недостаточны для подтверждения prima facie нарушения Конвенции.

4.3 В отношении статьи 3 Конвенции государство-участник утверждает, что в соответствии с Замечанием общего порядка № 1 это положение возлагает на заявителя бремя доказывания того, что ему угрожала бы опасность быть подвергнутым пыткам в случае возвращения в Индию. Согласно государству-участнику, поведение заявителя после его отъезда из Индии в 1992 году не соответствует его утверждению об опасениях подвергнуться пыткам, о чем свидетельствует тот факт, что он не попытался получить статус беженца в Соединенных Штатах Америки во время его проживания в этой стране, его неявка на рассмотрение канадскими властями его первого заявления о предоставлении статуса беженца 17 августа 1993 года, а также выдача ему нового индийского паспорта в Нью-Йорке в 1993 году, что, по мнению государства-участника, является еще одним доказательством того, что заявитель не опасается индийских властей и что он не разыскивался и не разыскивается ими[e]. Кроме того, государство-участник ставит под вопрос правдивость утверждений заявителя ввиду сомнительной подлинности ордера на его арест, который был выдан через два года после отъезда из Индии, был представлен канадским властям лишь в декабре 1996 года, не был напечатан на официальном бланке и относился к типу документов, которые могут быть легко подделаны или получены за небольшую плату в Индии.

4.4 Государство-участник утверждает также, что медицинские справки, представленные заявителем, лишь подтверждают наличие телесных повреждений в прошлом без представления доказательства причины этих телесных повреждений. Государство-участник высказывает также сомнение в отношении справки психиатра, в которой ставится диагноз посттравматического стрессового расстройства, о котором заявитель никогда не упоминал до 1999 года. Государство-участник делает вывод о том, что, даже если справки подтверждают утверждение заявителя о том, что его пытали в прошлом, этого не происходило в недавнем прошлом, при этом главный вопрос заключается в том, существует ли по-прежнему опасность пыток. В отношении правовой практики Комитета[f], государство-участник утверждает, что, даже если пытки в прошлом представляют собой элемент, который необходимо учитывать при рассмотрении заявления в рамках статьи 3, цель рассмотрения вопроса Комитетом заключается в выявлении того факта, будет ли заявитель подвергаться опасности пыток в настоящее время в том случае, если он вернется в страну происхождения.

4.5 На основании нескольких докладов о положении в области прав человека в Индии, и в частности в Пенджабе, государство-участник утверждает, что в Пенджабе отсутствует какая-либо постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека и что ситуация в этой провинции улучшилась за последние годы, о чем свидетельствует значительный спад как воинственных настроений сикхов, так и их преследований со стороны полиции. Государство-участник высказывает сомнение относительно того, что лично заявитель вообще являлся объектом преследований полиции, а также предположение, что его предполагаемое заключение являлось частью существовавшей в прошлом практики арестов под ложным предлогом, производившихся пенджабской полицией с целью получения взяток. Государство-участник утверждает далее, что только известные сикхи-экстремисты или активисты могут до сих пор рассматриваться в качестве людей, которым угрожает опасность жестокого обращения; заявитель же никогда не был членом какой-либо политической партии или социального движения[g]. Учитывая тот факт, что Комитет отклонил даже жалобу по статье 3, направленную известным сикхским активистом, который участвовал в угоне самолета компании "Индиэн эрлайнз" в 1981 году[h], государство-участник делает вывод о том, что с учетом обстоятельств настоящего случая возможность пыток нельзя рассматривать в качестве предсказуемого и неизбежного последствия возвращения заявителя в Индию.

4.6 В отношении предполагаемого нарушения статьи 16 Конвенции государство-участник утверждает, что это положение не имеет отношения к ситуации заявителя, поскольку из подготовительной работы в связи с Конвенцией вытекает, что вопросы депортации или высылки полностью регулируются положениями статьи 3. Государство-участник утверждает также, что в соответствии с правовой практикой Комитета "ухудшение состояния здоровья автора, к которому, возможно, приведет высылка, не будет равнозначным актам жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения со стороны государства-участника, о которых говорится в статье 16 Конвенции"[i]. Поскольку неспособность государства обеспечить медицинское обслуживание на высшем уровне не представляет собой, по мнению государства-участника, жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, возвращение заявителя в Индию также не может быть равнозначным подобному обращению даже в том случае, если бы его утверждение относительно отсутствия надлежащего медицинского лечения в Индии было достаточно обоснованным.

4.7 В случае альтернативного варианта, если жалоба будет объявлена приемлемой, государство-участник обращается с просьбой к Комитету отклонить ее по существу вопроса по тем же основаниям, которые были изложены выше.

4.8 В отношении оценки опасности, проведенной канадскими иммиграционными властями, государство-участник утверждает, что сотрудников иммиграционной службы специально учат оценивать ситуацию в стране происхождения ходатайствующих о предоставлении статуса беженца и применять национальное канадское законодательство,

а также правовые нормы в области прав человека, в том числе Конвенцию против пыток. Государство-участник считает, что такое средство правовой защиты, как пересмотр дела в судебном порядке, является надлежащей гарантией того, что статус сотрудников иммиграционной службы не характеризуется "относительным недостатком независимости".

4.9 И наконец, государство-участник утверждает, что Комитету не следует выдвигать свои собственные выводы в отношении того, имеются ли достаточные основания полагать, что заявителю угрожала бы опасность пыток в случае возвращения в Индию, поскольку рассмотрение дела на национальном уровне в иммиграционной службе и Совете по делам беженцев, а также в Федеральном суде не выявляет наличия явной ошибки или необоснованности или любых иных отклонений, а оценка фактов и доказательств относится к компетенции национальных судов.

Комментарии заявителя

5.1 В своих комментариях от 30 марта 2002 года к представлению государства-участника заявитель вновь утверждает, что существует опасность применения к нему пыток и даже его казни в случае его возвращения в Индию. Он заявляет, что некоторые из представленных им доказательств были полностью проигнорированы или приуменьшены в представлении государства-участника; это касается, в частности, отчета о расследовании г-на С.С., нескольких газетных статей и решения Европейского суда по правам человека по делу *Chahal*, в то время как другие документы, в частности ордер на арест и статья из ванкуверского еженедельника, в которой четко упоминалось имя заявителя, не были признаны в качестве подлинных. Поскольку все документы были представлены канадским властям в оригинале, государству-участнику было бы легко проверить их подлинность.

5.2 Заявитель утверждает, что государство-участник стремится подорвать доверие к нему по вторичным основаниям, таким, как поздняя подача им просьбы о предоставлении статуса беженца, необращение с подобной просьбой в Соединенных Штатах Америки, выдача ему паспорта индийским консульством в Нью-Йорке и дата ордера на его арест, которые в данном случае являются недостаточными для доказательства несостоятельности документально подтвержденной опасности пыток. Адвокат утверждает, что для получения документа, подтверждающего его личность, заявитель заплатил 500 долл. США некоему г-ну Ш., с тем чтобы получить свой паспорт в индийском консульстве в Нью-Йорке. В отношении даты ордера на арест заявитель утверждает, что ему неизвестно, почему он был выдан через два года после его отъезда из Индии, и что возможным объяснением этого могут быть события в Пенджабе, о которых он не знает.

5.3 В отношении медицинских справок, в том числе от психиатра, заявитель утверждает, что в этих документах четко указывается, что он подвергался пыткам, что этот факт ни разу серьезно не оспаривался государством-участником. Заявитель отклоняет заявление государства-участника о том, что эти справки были представлены лишь на позднем этапе рассмотрения дела, и поясняет, что по меньшей мере одна медицинская справка, датированная 1995 годом, была представлена канадским властям на раннем этапе.

5.4 В отношении дальнейших доказательств, заявитель представляет письменное свидетельство г-на С.С.Ш. - своего друга и бывшего офицера индийской армии, который после увольнения из армии стал сикхом-активистом, бежал из страны и получил в Канаде в 1993 году статус беженца в соответствии с Конвенцией. В этих письменных показаниях под присягой он утверждает, что несколько раз встречался с семьей заявителя во время продолжавшегося четыре месяца посещения Индии в 1997 году, и во время этих встреч ему было сказано о том, что пенджабская полиция продолжает запугивать эту семью и подозревает заявителя в поддержании контактов с террористами за рубежом.

5.5 Заявитель утверждает, что в основной части представления государства-участника лишь повторяются те аргументы, которые были изложены в окончательном решении сотрудника иммиграционной службы от 13 октября 2000 года, без объяснения того, почему в нем был проигнорирован содержащийся в двух решениях Федерального суда вывод о том, что депортация заявителя в Индию подвергла бы его опасности причинения непоправимого ущерба. В отношении отказа в разрешении ходатайствовать о пересмотре дела в судебном порядке, адвокат поясняет, что в этом пересмотре дела было отказано новым судьей, который стал членом Федерального суда в марте 2001 года.

5.6 Согласно заявителю, опасность быть подвергнутым пыткам по возвращении в Индию усугубляется для заявителя в связи с тем, что он считается сочувствующим экстремистам, поскольку пенджабская полиция обвинила его в оказании поддержки сикхам-экстремистам. Кроме того, его плохое физическое состояние усилит убеждение сотрудников сил безопасности в том, что он принимал участие в вооруженной борьбе.

5.7 В отношении нарушений прав человека в Индии в настоящее время, и в частности в Пенджабе, заявитель считает, что даже если и наблюдается улучшение ситуации по сравнению с началом 90-х годов, до сих пор широко распространенной практикой является применение пыток во время содержания под стражей в полиции или армейских подразделениях. Обосновывая свои утверждения, он представляет несколько объемных докладов о продолжающихся нарушениях прав человека в Пенджабе, а также о канадской системе определения статуса беженцев.

5.8 В отношении предполагаемого нарушения статьи 16 Конвенции заявитель утверждает, что это заявление основано не только на факте отсутствия надлежащего

медицинского обслуживания в Индии, но также и на опасности серьезного потрясения в случае возвращения в страну, где его подвергали пыткам.

5.9 Заявитель утверждает, что сотрудники канадской иммиграционной службы обычно не получают профессиональной подготовки в области прав человека. Вместо этого они обучаются тому, как оспаривать достоверность утверждений заявителя, претендующего на получение статуса беженца. Заявитель также еще раз повторяет, что процедура судебного пересмотра дела Федеральным судом не обеспечивает надлежащего контроля за злоупотреблениями со стороны иммиграционных властей, и приводит настоящее дело в качестве примера неадекватности этого средства правовой защиты.

Дополнительные замечания государства-участника и комментарии адвоката

6.1 В дополнительном представлении от 12 ноября 2002 года государство-участник утверждало, что жалоба не только не подтверждена доказательствами, но к тому же является неприемлемой в соответствии с пунктом 2 статьи 22 из-за несовместимости со статьей 3 Конвенции, поскольку на том этапе не было принято решения о высылке заявителя, а также в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции и правилом 107 e) правил процедуры Комитета, поскольку заявитель не исчерпал все средства правовой защиты в рамках новой процедуры оценки рисков до высылки (ОРДВ). К тому же государство-участник считает жалобу несостоятельной.

6.2 Государство-участник утверждает, что, согласно принятому 28 июня 2002 года новому закону об иммиграции и защите беженцев, любое лицо, ожидающее высылки из Канады, имеет право на новую оценку рисков, если в 15-дневный срок после уведомления заявителя о возможности подать ходатайство о применении процедуры ОРДВ он представляет новые доказательства; в таком случае действие ордера на высылку автоматически приостанавливается. Оценка производится сотрудником, занимающимся ОРДВ, который обучен применению Женевской конвенции о статусе беженцев, а также Конвенции против пыток. Если ОРДВ дает негативный результат, заявитель может просить о разрешении ходатайствовать в Федеральном суде о пересмотре решения в судебном порядке; Федеральный суд может удовлетворить ходатайство на основании простой юридической ошибки или явно неверной интерпретации материалов дела. Решение судебной коллегии Федерального суда может быть обжаловано в Федеральный апелляционный суд, если судья, входящий в состав судебной коллегии, подтверждает, что в связи с данным делом возникает серьезный, представляющий всеобщую важность вопрос, решение Апелляционного суда может быть далее обжаловано в Верховном суде Канады. Заявитель может ходатайствовать перед Федеральным судом о принятии временного решения о приостановлении процедуры высылки до завершения рассмотрения его заявлений и апелляций, поданных в этот суд.

6.3 Государство-участник утверждает, что, как и предусмотренная в прежнем законодательстве процедура оценки рисков в рамках пересмотра решений, касающихся ходатайств о предоставлении статуса беженца в Канаде, процедура оценки рисков до высылки является эффективным средством правовой защиты[j]; того же мнения по вопросу о правовой защите путем пересмотра дел в судебном порядке придерживаются Комитет против пыток и Комитет по правам человека[k].

6.4 Кроме того, государство-участник отводит приведенный заявителем аргумент о том, что Федеральный суд дважды признавал, что он рискует подвергнуться пыткам по возвращении в Индию, и утверждает, что принятое 2 октября 1998 года постановление о приостановлении процедуры высылки и решение от 24 ноября 1999 года по одному из ходатайств заявителя о судебном пересмотре не могут рассматриваться в качестве подтверждения в судебном порядке того факта, что автор подвергнется такому риску.

6.5 Государство-участник оспаривает документальные свидетельства, представленные автором, на том основании, что письменное свидетельство г-на С.С.Ш., который смог провести четыре месяца в Пенджабе в 1997 году, несмотря на то, что ему был предоставлен статус беженца в Канаде, было основано всего лишь на заявлениях членов семьи заявителя и его друзей в Пенджабе и в силу этого является своекорыстным и малозначимым; b) сообщения и исследования о нарушениях прав человека в Пенджабе в прошлом недостаточны для того, чтобы сделать вывод о наличии лично для заявителя в настоящее время опасности подвергнуться пыткам в случае его депортации в Индию; и c) в двух медицинских справках, относящихся к 1995 году, содержится лишь ссылка на полученные ранее физические травмы, но не говорится о посттравматическом стрессовом расстройстве, первое упоминание о котором встречается в справке, относящейся к 1999 году, когда прошло пять лет после возбуждения заявителем ходатайства о предоставлении ему статуса беженца.

7.1 В комментариях, датируемых 31 марта 2003 года, заявитель повторяет утверждение, что он лично подвергся бы в настоящее время опасности применения к нему пыток в Индии, как было подтверждено решениями Федерального суда, где говорится о возможности "причинения ему непоправимого ущерба" (ордер о приостановлении от 2 октября 1998 года) и о "необычных, незаслуженных или непропорциональных лишениях" (решение суда от 24 ноября 1999 года) в случае его возвращения в эту страну.

7.2 Заявитель отрицает, что при принятии решения в рамках процедуры ОРДВ принимаются во внимание международные обязательства Канады в области прав человека, поскольку эта процедура нацелена на отказ в предоставлении статуса беженца "практически всем", и в силу этого общая доля, получивших отказ, составляет 97-98%.

Последующие представления государства-участника и комментарии адвоката

8.1 19 февраля 2004 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что процедура ОРДВ в отношении заявителя завершена, и просило его отказаться от приостановлении рассмотрения дела, по возможности оперативно принять решение по вопросу о допустимости и по существу жалобы или, в качестве варианта, отозвать просьбу о применении временных мер в соответствии с пунктом 7 правила 108 его правил процедуры.

8.2 Государство-участник утверждает, что представленные заявителем доказательства не дают оснований для вывода о том, что его высылка нанесет ему "непоправимый ущерб" по смыслу пункта 1 правила 108 правил процедуры в силу малозначимости его личности, того факта, что предполагаемые пытки имели место более 12 лет назад, и того, что за 11 лет, истекших со времени его отъезда из страны, положение в области прав человека в Пенджабском районе значительно улучшилось. Вывод об отсутствии опасности пыток был подтвержден при четырех последующих оценках рисков, проведенных четырьмя различными сотрудниками; умозрительные построения заявителя не должны препятствовать выполнению решения о высылке, принятого в законном порядке.

8.3 Государство-участник утверждает, что 14 мая 2003 года заявитель обратился с просьбой о постоянном проживании в Канаде по соображениям гуманности и сострадания, а 10 сентября 2003 года также подал ходатайство об оценке рисков до высылки. Оба ходатайства были основаны на тех же утверждениях, что и его первоначальная просьба о предоставлении статуса беженца, а также последующие ходатайства о защите. 29 сентября 2003 года сотрудник, занимающийся ОРДВ, отклонил поданное заявителем ходатайство об ОРДВ, и выдал ордер на его немедленную высылку, вынеся определение о том, что он не подвергается опасности преследования, пыток, смерти либо жестокого или необычного обращения и наказания в случае возвращения в Индию. К тому же 30 сентября 2003 года его просьба, обоснованная соображениями гуманности и сострадания, была отклонена в силу отсутствия убедительных доводов о наличии опасности преследования.

8.4 Государство-участник утверждает, что в интересах окончательного урегулирования вопроса оно более не оспаривает приемлемости жалобы на том основании, что не были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты, хотя просьба заявителя о выдаче ему разрешения ходатайствовать о судебном пересмотре решения еще не рассмотрена в Федеральном суде.

9.1 2 марта 2004 года заявитель представил копии материалов досье, касающихся процедуры ОРДВ, а 20 апреля 2004 года – замечания по дополнительным представлениям государства-участника. Доказательства, фигурирующие в досье, включают: а) несколько докладов о положении в области прав человека в Пенджабе, в том числе доклад

организации "Международная амнистия" от января 2003 года по вопросу о безнаказанности и пытках в Пенджабе[l], в котором сообщалось о непривлечении к ответственности сотрудников полиции, ответственных за пытки, гибель во время содержания под стражей, внесудебные казни и исчезновения людей в период активизации действий экстремистов с середины 80-х по середину 90-х годов, как об одной из причин продолжающихся серьезных нарушений прав человека; b) несколько письменных свидетельств в подтверждение наличия опасности для заявителя, подписанных, в частности, беженцем, а в прошлом юристом по делам правозащитников из Пенджаба (ныне является практикующим юристом в Канаде), который утверждает, что люди, подозреваемые в контактах с экстремистами, как, например, заявитель, являются объектом преследования со стороны полиции и не могут рассчитывать на судебную защиту в Пенджабе; c) перевод помеченного 27 августа 2003 года решения муниципального совета ("панчаята") деревни, где проживал заявитель, в котором подтверждается, что его жизни грозила бы опасность в случае возвращения, и содержится осуждение по поводу преследований его семьи со стороны местной полиции; d) письмо от г-на С.С., помеченное 3 октября 2003 года на ту же тему; и e) письмо от сына заявителя, помеченное 10 апреля 2004 года, в котором тот говорит, что его семья подвергается постоянному запугиванию со стороны Департамента уголовного расследования (ДУР), а также связанной с ним социальной изоляции и что он опасается за свою жизнь[m].

9.2 Адвокат резюмирует историю юридических разбирательств, инициированных заявителем в Канаде, и информирует Комитет о том, что 17 февраля 2004 года Федеральный суд отклонил его просьбу о выдаче ему разрешения ходатайствовать о судебном пересмотре решения[n]. Он утверждает, что как и прежняя процедура пересмотра решений, касающихся ходатайств о предоставлении статуса беженца в Канаде, которая постоянно подвергалась критике в Канаде со стороны церкви и групп по поддержке беженцев, процедура ОРДВ, по мнению Канадской ассоциации адвокатов и правозащитных групп, не обеспечивает независимости и беспристрастности, поскольку введена лишь для того, чтобы государство имело возможность сделать вид, что перед высылкой заявителя была произведена оценка опасностей. Ни Комитет против пыток, ни Комитет по правам человека не высказывались в том плане, что эта процедура обеспечивает эффективное средство правовой защиты; они лишь отметили, что эта процедура должна быть пройдена и что заявитель должен продемонстрировать ее неэффективность.

9.3 Заявитель оспаривает состоятельность оценки рисков до высылки на следующих основаниях: a) в решении акцентируются лишь те события, которые имели место до его отъезда из Индии, но не принимаются во внимание продолжающаяся травля его семьи, а также представленные им новые доказательства и два решения Федерального суда от октября 1998 и ноября 1999 года; b) в нем ошибочно говорится о прекращении в Пенджабе произвольных арестов людей, подозреваемых в принадлежности к сикхским

активистам или к сочувствующим им, вопреки докладам, подготовленным иммиграционной службой Дании, и страновым оценкам по Индии, составленным Соединенным Королевством; и c) оно основано на той ложной посылке, что человек имеет возможность скрыться в Индии, хотя те, кто следит за положением с правами человека, считают, что любое лицо, являющееся объектом преследования со стороны полиции, не имеет возможности вести в Индии нормальную жизнь, поскольку все вновь прибывшие обязаны зарегистрироваться в местном полицейском участке, а также потому, что соседи доложат полиции о любом приезжем.

9.4 Заявитель отрицает, что положение в области прав человека в Пенджабе в последнее время улучшилось; наоборот, по данным организации "Международная амнистия", пытки стали еще более распространенным явлением. Канадский центр защиты жертв пыток в Торонто и *Сеть по защите жертв организованного насилия* в Монреале подтвердили, что к ним по-прежнему обращаются жертвы жестоких пыток из этого региона. После прихода в 2002 году к власти в Пенджабе партии "Конгресс" все сотрудники полиции, которым были предъявлены обвинения в пытках и жестоком обращении, были амнистированы. Новое законодательство о борьбе с терроризмом еще более подорвало позиции жертв пыток. Большинство наблюдателей отвергают аргумент о том, что в Пенджабе опасность грозит лишь известным сикхским активистам; это утверждение опровергается сообщениями о том, что во многих случаях те, кто подвергался преследованиям ранее, или члены их семей остаются объектом преследований.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

10.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в жалобе, Комитет против пыток должен принять решение относительно ее приемлемости или неприемлемости в соответствии со статьей 22 Конвенции. Исходя из требований пункта 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник признает, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны. Таким образом, в рамках концепции приемлемости не возникает вопроса о том, являются ли неэффективными средства правовой защиты, имеющиеся в рамках канадской системы пересмотра решений по вопросам иммиграции, как об этом заявлялось адвокатом.

10.2 В отношении утверждения заявителя о том, что решение о его возвращении в Индию само по себе будет представлять акт жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в нарушение статьи 16 Конвенции, Комитет отмечает, что заявитель не представил достаточных доказательств в обоснование этого утверждения. В частности, Комитет напоминает о том, что в соответствии с его правовой практикой ухудшение состояния здоровья заявителя, вызванное, возможно, его депортацией, не является равнозначным тому виду жестокого, бесчеловечного или

унижающего достоинство обращения, о котором говорится в статье 16 Конвенции[o]. Хотя Комитетом признается, что высылка заявителя в Индию может явиться причиной субъективных опасений, она не является, по мнению Комитета, равнозначной жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, о котором говорится в статье 16 Конвенции. В этой связи Комитет отмечает, что претензия заявителя в соответствии со статьей 16 Конвенции характеризуется отсутствием минимального обоснования, которое сделало бы эту часть жалобы приемлемой согласно статье 22 Конвенции.

10.3 В отношении претензии заявителя в соответствии с пунктом 1 статьи 3 Конвенции Комитет считает, что не существует каких-либо дополнительных препятствий для приемлемости жалобы. Комитет соответственно переходит к рассмотрению существа дела.

11.1 Комитет должен дать оценку того, существуют ли серьезные основания полагать, что лично автору угрожает опасность быть подвергнутым пыткам после возвращения в Индию. При оценке подобной опасности Комитет должен принять во внимание все соответствующие соображения согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека.

11.2 В этой связи Комитет принимает к сведению представленные заявителем доклады, в которых подтверждается, что случаи пыток во время содержания под стражей имели место и после окончания в середине 90-х годов периода активности экстремистов в Пенджабе и что виновные в пытках в большинстве случаев не привлечены к ответственности. Он также отмечает представленный государством-участником аргумент о том, что за 11 лет с момента отъезда заявителя из Индии положение с правами человека в Пенджабе улучшилось.

11.3 В то же время Комитет напоминает, что его целью является выяснение того, будет ли заявитель лично подвергаться опасности применения пыток в Индии. Он делает вывод о том, что, если даже, как говорят, в этой стране и существует постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, это само по себе не является достаточным основанием для утверждения о том, что заявителю будет угрожать опасность применения пыток после его возвращения в Индию; нужны дополнительные основания, свидетельствующие о том, что ему будет лично угрожать опасность. Аналогичным образом, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что отдельное лицо не может рассматриваться в качестве лица, которому угрожает опасность применения пыток в особых обстоятельствах его дела.

11.4 Комитет отмечает, что в обоснование своей жалобы заявитель представил свидетельства того, что его пытали во время нахождения в заключении в 1991 году, в том числе медицинскую справку и справку психиатра, а также письменные свидетельства,

подтверждающие его утверждения. В то же время Комитет считает, что, даже если допустить, что заявитель подвергался пыткам со стороны пенджабской полиции, из этого автоматически не следует, что, спустя 13 лет после предполагаемых событий, ему по-прежнему угрожает опасность подвернуться пыткам в случае его возвращения в Индию.

11.5 Что касается утверждений заявителя о том, что он и в настоящее время по-прежнему подвергается опасности применения к нему пыток в Индии, Комитет отмечает, что, хотя представленные заявителем доказательства, в том числе письменные свидетельства, письма и документ, содержащий, по его словам, резолюцию, принятую муниципальным советом его родной деревни, подтверждают наличие для него опасности быть подвергнутым пыткам, а также продолжающуюся травлю членов его семьи со стороны пенджабской полиции, эти доказательства указывают всего лишь на наличие для него опасности быть подвергнутым пыткам *в Пенджабе*. Комитет считает, что заявитель не обосновал утверждение о том, что он не сможет жить, не подвергаясь пыткам, в другой части Индии. Хотя переезд из Пенджаба будет связан для заявителя со значительными лишениями, тот только факт, что он, возможно, не сможет вернуться к своей семье в свою родную деревню, сам по себе не равнозначен пытке по смыслу статьи 3, рассматриваемой в сочетании со статьей 1 Конвенции.

11.6 В отношении эффективности средств судебной защиты, предоставляемых канадской системой пересмотра решений по иммиграционным вопросам, Комитет отмечает, что окончательное решение относительно депортации заявителя было принято после длительной и тщательной оценки опасности возвращения заявителя в Индию в ходе четырех последовательных разбирательств. Комитет также отмечает, что до принятия этого решения государство-участник согласилось пересмотреть просьбу заявителя по соображениям гуманности и сострадания, когда стало очевидно, что представленные им доказательства не были рассмотрены должным образом. Комитет принимает во внимание также тот факт, что Федеральный суд без колебаний направил данное дело на пересмотр на том основании, что при принятии пересмотренного решения по ходатайству заявителя, поданному со ссылкой на соображения гуманности и сострадания, также не проводилось должной оценки доказательств.

11.8 В свете вышеизложенного, Комитет пришел к выводу о том, что заявитель не обосновал утверждения о наличии для него лично в настоящее время реальной и предсказуемой опасности подвергнуться пыткам в случае возвращения в Индию.

12. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что решение государства-участника о высылке заявителя в Индию не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] 1 ноября 2001 года в этот Закон были внесены поправки.

[b] "Каждый имеет право на жизнь, свободу и безопасность своей личности, и лишение этих прав возможно лишь в соответствии с основными принципами отправления правосудия".

[c] "Каждый имеет право не подвергаться любому жестокому или необычному обращению или наказанию".

[d] В силу этой причины в "Примечаниях к делу" отрицалось наличие любого сходства с делом *Chahal v.United Kingdom*, по которому Европейским судом по правам человека было вынесено решение о том, что депортация известного сторонника сикхского сепаратизма в Индию будет представлять собой нарушение статьи 3 Европейской конвенции, поскольку его участие в сикхском сепаратистском движении "привлечет к нему, вероятно, интерес сторонников жесткой линии в силах безопасности, которые безжалостно преследовали в прошлом тех, кто подозревался в принадлежности к сикхам-активистам". См. Европейский суд по правам человека, *Chahal v.United Kingdom* (заявление № 00022414/93), судебное решение от 15 ноября 1996 года, пункты 98 и 106-108 (цит. по пункту 106).

[e] Государство-участник ссылается на решение Комитета по делу *Э.А. против Швейцарии*, сообщение № 28/1995, документ ООН CAT/C/19/D/28/1995, 10 ноября 1997 года, пункт 11.4.

[f] *X, Y и Z против Швеции*, сообщение № 61/1996, документ (CAT/C/20/D/61/1996), 6 мая 1998 года, пункт 11.2; *A.L.N. против Швейцарии*, сообщение № 90/1997 (CAT/C/20/D/90/1997), 19 мая 1998 года, пункт 8.3.

[g] Государство-участник указывает на соответствующую правовую практику Комитета в поддержку этого аргумента. См., например, *П.К.Л. против Канады*, сообщение № 57/1996 (CAT/C/19/D/57/1996), 17 ноября 1997 года, пункт 10.4.

[h] *Т.П.С. против Канады*, сообщение № 99/1997 (CAT/C/24/D/99/1997), 4 сентября 2000 года, пункт 15.5.

[I] *Г.Р.Б. против Швеции*, сообщение № 83/1997(CAT/C/20/D/83/1997), 15 мая 1998 года, пункт 6.7.

[j] В отношении оценки рисков в рамках пересмотра решений, касающихся ходатайств о предоставлении статуса беженцев в Канаде, государство-участник ссылается на решения Комитета по правам человека по сообщению № 603/1994, *Баду против Канады*, пункт 6.2; сообщение № 604/1994, *Нарти против Канады*, пункт 6.2; сообщение № 654/1995, *Аду против Канады*, пункт 6.2.

[k] Помимо вышеуказанных решений Комитета по правам человека приводится ссылка на решения Комитета против пыток по жалобам № 66/1997, *П.С.С. против Канады*, пункт 6.2; № 86/1997, *П.С. против Канады*, пункт 6.2; № 42/1996, *Р.К. против Канады*,

пункт 7.2; № 95/1997, *Л.О. против Канады*, пункт 6.5; № 22/1995, *М.А. против Канады*, пункт 3.

[l] Справочный номер "MA" – ASA 20/002/2003.

[m] Письмо прилагается к представлению заявителя от 20 апреля 2004 года.

[n] Копия решения приобщена к представлению заявителя от 2 марта 2004 года.

[o] *Г.Р.Б. против Швеции*, сообщение № 83/1997 (CAT/C/20/D/83/1997), 15 мая 1998 года, пункт 6.7.

Сообщение № 186/2001

Представлено: К.К. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Швейцария

Дата представления жалобы: 3 июля 2001 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 11 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 186/2001, представленной Комитету против пыток г-ном К.К. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции:

1.1 Заявителем является К.К., гражданин Шри-Ланки тамильского происхождения, родившийся в 1976 году, который в настоящее время содержится под стражей в Цуге (Швейцария) в ожидании депортации в Шри-Ланку. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Шри-Ланку станет нарушением Швейцарией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 8 августа 2001 года Комитет препроводил данную жалобу государству-участнику для представления по ней замечаний и в соответствии с пунктом 1 правила 108 правил процедуры Комитета просил не возвращать заявителя в Шри-Ланку, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник выполнило эту просьбу.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель родился в Джафне на севере Шри-Ланки. После того, как в октябре 1995 года шри-ланкийская армия разбомбила дом его родителей, он и его семья бежали в город Киллиночи, который в то время находился под контролем ТОТИ[a], а в мае 1996 года

он перебрался со своей матерью в Коломбо. По дороге в Коломбо его разлучили с матерью, арестовав на контрольно-пропускном пункте шри-ланкийской армии и Народного революционного фронта освобождения Илама (НРФОИ) вблизи Вавунии, как и несколько других тамилов-мужчин, заподозренных в принадлежности к ТОТИ.

2.2 Затем заявитель содержался под стражей в помещении школы, откуда его перевели в Тхандикулам в Управление уголовных расследований (УУР) для проведения допросов насчет его причастности к ТОТИ. Там, как утверждается, его пытали тамилы - члены НРФОИ, прижигая гениталии сигаретами, когда он был раздет со связанными за спиной руками. Заявителя также били хлыстом и угрожали расправой, если он не сознается в принадлежности к ТОТИ. В период содержания под стражей ему давали только рис, перемешанный с песком, и зловонную жидкость, напоминающую мочу. Спустя 12 дней заявителя освободили, поскольку о нем неоднократно хлопотала его мать и за него поручился один из его дальних родственников из Коломбо - г-н Дж. С.

2.3 Вскоре после прибытия в Коломбо, где заявитель остановился в одном из [тамильских] приютов, он был арестован военнослужащими и затем передан полиции. На следующий день его доставили к судье, который своим решением от 2 августа 1996 года снял с него за отсутствием доказательств все обвинения в террористической деятельности. Несмотря на оправдательное решение, его продолжали содержать в УУР в камере вместе с сингалами-наркоманами и алкоголиками, которые, как утверждается, избивали его. Спустя неделю его вновь доставили в суд, где с помощью адвоката ему удалось добиться освобождения.

2.4 Вскоре заявителя вновь арестовали сотрудники УУР по подозрению в том, что он является активистом ТОТИ. В отделении УУР в Боралле ему дали, как утверждается, полчаса для того, чтобы он сознался в принадлежности к ТОТИ. В противном случае ему угрожала, по словам сотрудника УУР, смертная казнь. В ходе последующего допроса, на котором присутствовали еще два подозреваемых лица - г-н Дж. С. и его сестра К.С., заявителя били по голове набитой песком пластмассовой трубой (так называемой "слоной"). Затем его содержали под стражей в помещении УУР в течение семи дней и освободили вместе с двумя другими подозреваемыми лицами после того, как они заплатили 15 000 рупий в качестве взятки.

2.5 В сентябре 1996 года сотрудники УУР вновь арестовали заявителя после подрыва поезда в Дехивале (Коломбо) и после того, как недалеко от дома его родственников и соподозреваемых Дж. и К.С. были найдены оружие и взрывчатка. В период содержания под стражей его, как утверждается, били, заставляли обнажать гениталии и практически не кормили. Заявителя дважды посещали представители Международного комитета Красного Креста (9 и 19 сентября 1996 года). Когда полиция арестовала настоящего исполнителя террористической акции, заявителя, как и г-на и г-жу С. освободили спустя

22 дня содержания под стражей после того, как его мать дала взятку в размере 45 000 рупий. Ему предложили покинуть Коломбо в течение месяца.

2.6 29 октября 1996 года заявитель покинул Шри-Ланку по фальшивому паспорту. 30 октября 1996 года он прибыл в Швейцарию, где в тот же день подал ходатайство о предоставлении убежища. После двух разбирательств в Федеральном управлении по делам беженцев (ФУБ), состоявшихся 14 ноября 1996 года и 6 марта 1997 года, и одного разбирательства в иммиграционной полиции Цуга 9 декабря 1996 года Федеральное управление приняло 23 октября 1998 года решение об отклонении его ходатайства, одновременно предписав произвести его депортацию в Шри-Ланку. Признав документы, которые заявитель представил в качестве доказательств[b], подлинными, ФУБ тем не менее отметило, что ряд противоречий в его утверждениях порождает сомнения в его искренности. Так, иммиграционной полиции Цуга он заявил, что представители МККК посетили его в период его второго содержания под стражей в Коломбо, а во время второго разбирательства в ФУБ он сообщил, что эти же посещения состоялись в период его третьего и последнего содержания под стражей в Коломбо. Это несоответствие, которое он сам не смог объяснить, породило сомнения в том, действительно ли его содержали под стражей в Коломбо три раза. Сделанное им в ходе второго разбирательства в ФУБ заявление о том, что он покинул Коломбо лишь через 12 дней после его последнего освобождения, было признано неправдоподобным и, соответственно, породило дополнительные сомнения в его искренности. Кроме того, тот факт, что заявитель был оправдан шри-ланкийским судом и что его несколько раз освобождали после содержания под стражей в полиции, указывает на то, что никакой реальной угрозы преследований для него не было. Упомянутые им случаи применения пыток не могут быть увязаны с действиями правительства Шри-Ланки, которое предпринимает серьезные усилия для улучшения положения в области прав человека в стране, - их следует рассматривать как злоупотребление властью со стороны отдельных полицейских. Упомянутые заявителем проблемы со здоровьем (проблемы с мочеиспусканием, боли в области живота, потеря памяти) не помешали его переезду.

2.7 24 ноября 1998 года заявитель обжаловал решение ФУБ в Швейцарской апелляционной комиссии по делам беженцев (Asylrekurskommission), отметив, что видимые противоречия в отношении сроков его посещений представителями МККК возникли в результате недопонимания, поскольку во время второго разбирательства в ФУБ он говорил о его втором аресте сотрудниками УУР, а не о втором содержании под стражей в Коломбо. Касаясь оперативности организации его выезда из Коломбо, он заявил, что эта поездка планировалась его матерью и дядей задолго до его последнего освобождения, сразу же после того, как они пришли к выводу, что ему опасно оставаться в Шри-Ланке. Кроме того, заявитель выразил несогласие с тем, что применение пыток отдельными сотрудниками полиции нельзя увязывать с действиями правительства и что положение в области прав человека в Шри-Ланке существенно улучшилось. Тот факт, что

он был арестован и подвергнут пыткам после вынесения судом оправдательного решения, свидетельствует лишь о том, что такое решение не защитило его от ареста и пыток.

2.8 Впоследствии заявитель представил два медицинских заключения: заключение от 7 декабря 1998 года, где констатировалось, что на его гениталиях имеется четыре следа ожогов, которые, вполне вероятно, причинены сигаретами, и заключение психиатра от 17 января 1999 года, где подтверждается наличие у него очевидных симптомов посттравматического стрессового расстройства. В представлении от 29 января 1999 года ФУБ оспорило транспарентность, научную точность, правдоподобность и объективность заключения психиатра.

2.9 Решением от 18 сентября 2000 года Апелляционная комиссия по делам беженцев отклонила апелляцию заявителя, сославшись в основном на те же противоречия, которые уже были отмечены ФУБ. Кроме того, Комиссия выразила сомнения относительно личности заявителя, поскольку его брат ранее ходатайствовал в Швейцарии об убежище под тем же именем, и в разных обстоятельствах заявитель указывал разные даты своего рождения. Комиссия также исключила возможность того, что во время второго разбирательства в ФУБ заявитель, говоря о посещениях представителей МККК, имел в виду его последнее содержание под стражей, продолжавшееся, по его словам, семь дней (вместо 22). Кроме того, его заявление о том, что он добровольно явился в УУР, когда мать сообщила, что его подозревают во взрыве в Дехивале, вызывает сомнения, если исходить из того, что в УУР его пытали во время предшествующих арестов. В связи с представленными заявителем медицинскими документами Комиссия, допуская, что отмеченные в медицинском заключении ожоги могли быть причинены сигаретами, сочла маловероятным, чтобы эти телесные повреждения были нанесены в обстоятельствах, о которых утверждает заявитель, с учетом того факта, что он явно преувеличил число ожогов в иммиграционной полиции. Комиссия также отметила, что заключение психиатра было представлено на поздней стадии разбирательства, и она сочла его неубедительным доказательством применения пыток в отношении заявителя. Не исключая того, что заявитель может быть арестован и избит полицией после возвращения в Шри-Ланку, Комиссия пришла к выводу об отсутствии какой-либо конкретной угрозы пыток, поскольку имеются основания полагать, что власти Шри-Ланки пресекают подобные инциденты. Комиссия также сочла доступное в Шри-Ланке лечение достаточным для удовлетворения потребностей заявителя и подтвердила как вынесенное решение, так и принятое ФУБ постановление о депортации.

2.10 После того как заявитель попытался скрыться, чтобы избежать запланированной на 24 января 2001 года высылки, 23 июля 2001 года он был арестован и взят под стражу иммиграционной полицией Цуга.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его принудительное возвращение в Шри-Ланку станет нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции, поскольку ему будет реально угрожать применение пыток, если он, конкретно взятый молодой тамил, который ранее был несколько раз арестован и подвергнут пыткам как предполагаемый активист ТОТИ, будет депортирован.

3.2 Заявитель сообщает, что силы безопасности Шри-Ланки ежедневно совершают рейды против тамилов, которые в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом (ЗБТ) могут быть арестованы на срок до 18 месяцев без санкции на арест и без предъявления обвинений. Согласно Положению о чрезвычайных ситуациях (ПЧС), дополняющему ЗБТ, этот срок может периодически продлевать на 90 дней судебная комиссия, решения которой обжалованию не подлежат. В течение этого времени задержанных лиц, как правило, допрашивают об их контактах с ТОТИ и зачастую подвергают пыткам, жестокому обращению и даже внесудебным казням.

3.3 Ссылаясь на несколько докладов о положении в области прав человека в Шри-Ланке[c], заявитель отмечает, что за последние годы угроза применения пыток в отношении тамилов существенно не уменьшилась.

3.4 Заявитель утверждает, что вследствие его посттравматического стрессового расстройства он может повести себя непредсказуемо в таких опасных ситуациях, как полицейские рейды и проверки на улице, и это еще более повысит риск ареста и последующего применения пыток полицией. Кроме того, пострадавшие лица не могут получить в Шри-Ланке никаких адекватных медицинских и терапевтических услуг.

3.5 Заявитель сообщает, что он исчерпал внутренние средства правовой защиты и что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 18 сентября 2001 года государство-участник признало приемлемость данной жалобы, а 8 февраля 2002 года представило свои замечания по ее существу. Оно соглашается с аргументами, выдвинутыми Федеральным управлением по делам беженцев и Апелляционной комиссией по делам беженцев, и приходит к заключению, что автор не обосновал наличие реальной и личной угрозы применения к нему пыток после возвращения в Шри-Ланку.

4.2 Государство-участник напоминает о серьезных противоречиях в утверждениях заявителя, которые создают впечатление о том, что он не подвергался столь жестоким

пыткам, как он утверждает, и объяснить это просто отсутствием абсолютной точности, присущим жертвам пыток, нельзя. Даже если заявитель и подвергался жестокому обращению в прошлом, это всего лишь один из элементов, подлежащих учету при определении грозящей ему опасности применения пыток. Из его предполагаемого прошлого не вытекает автоматически, что ему будет угрожать существенный риск преследования со стороны властей Шри-Ланки. Кроме того, УВКБ признало допустимым тот риск, которому подвергаются просители убежища из Шри-Ланки, чьи ходатайства были отклонены в рамках справедливого разбирательства.

4.3 Государство-участник сообщает, что тамилы, арестованные в ходе полицейских рейдов, в большинстве случаев освобождались в течение 24 часов после установления их личности. Более длительное время содержатся под стражей лишь те тамилы, которые сами или родственники которых подозреваются в принадлежности к ТОТИ. Как правило, если жители тамильских приютов могли подтвердить свою личность, их вообще не арестовывали. Объявив, что он никогда не принимал участия в какой-либо политической деятельности и что никто из членов его семьи не принадлежит к ТОТИ, заявитель мог считать себя сравнительно защищенным от ареста силами безопасности с учетом также того, что он обладает копией вынесенного ему шри-ланкийским судом оправдательного решения, которую он может предъявлять во время полицейских проверок. Кроме того, тот факт, что его дважды освобождали после выплаты залога, свидетельствует о том, что серьезно в принадлежности к ТОТИ его не подозревали.

4.4 Государство-участник сообщает, что защита заключенных в Шри-Ланке стала более эффективной после учреждения Комитета по расследованию необоснованных арестов и притеснений, который надлежит информировать обо всех арестах, произведенных в соответствии с Законом о борьбе с терроризмом и Положением о чрезвычайных ситуациях, и который компетентен рассматривать жалобы на жестокое обращение со стороны сотрудников сил безопасности. 7 сентября 1998 года Комитет принял свои директивы, в соответствии с которыми никто не должен подвергаться аресту без предъявления ему обвинений, без информирования его семьи об этих обвинениях и о месте содержания под стражей, либо в отсутствие обличающих улик. Согласно правительственным источникам, благодаря этим требованиям более строго стали соблюдаться права человека во время проверок документов и содержания под стражей.

4.5 Касаясь состояния здоровья заявителя, государство-участник сообщает, что в Шри-Ланке есть несколько учреждений, обладающих соответствующими возможностями для лечения пострадавших, например расположенный в Коломбо Семейный реабилитационный центр, который имеет свои отделения по всей стране и обеспечивает качественные медицинские услуги и терапевтическое лечение.

4.6 В заключение государство-участник отмечает, что 14 февраля 2001 года заявитель сам согласился воспользоваться программой репатриации, которую осуществляет Федеральное управление по делам беженцев.

Комментарии заявителя относительно представлений государства-участника

5.1 16 июля 2002 года адвокат заявителя прокомментировал представление государства-участника по существу жалобы, отметив, что противоречия в тех утверждениях, которые заявитель сделал швейцарским властям, обусловлены "смешением реальных событий". Потерпевшие лица зачастую с трудом вспоминают детали и хронологию происшедших с ними событий. То, что заявитель изменил важные детали в своих утверждениях, например время его посещений представителями МККК, на протяжении одной и той же беседы в ФУБ, лишь свидетельствует о степени тяжести его посттравматического стрессового расстройства. Рассказ здорового человека, который хотел бы соврать властям, был бы более связным.

5.2 Психическое расстройство заявителя повышает, как утверждается, риск ареста и последующего применения пыток со стороны сотрудников сил безопасности Шри-Ланки, поскольку заявитель паникует и пытается скрыться всякий раз, когда видит полицейского. То, что подобное поведение покажется полиции подозрительным, подтверждается случаем, когда 23 июля 2002 года на вокзале в Цуге заявитель спровоцировал свой собственный арест, распознав полицейского, одетого в гражданское платье, и попытавшись сбежать. Как только он будет арестован, шри-ланкийские власти могут сделать из наличия телесных повреждений у заявителя вывод о том, что он является активистом ТОТИ.

5.3 Заявитель отмечает, что Федеральное управление по делам беженцев просто сочло заключение психиатра необъективным, не проведя положенного расследования и не назначив нового обследования другим психиатром. Кроме того, ФУБ лишь выразило сомнения относительно происхождения ожогов на гениталиях заявителя, не установив их причины.

5.4 Ссылаясь на решение Административного суда Дрездена (Германия) от 12 декабря 2000 года, заявитель утверждает, что в Шри-Ланке условия для лечения пострадавших лиц не могут адекватным образом удовлетворить спрос десятков тысяч нуждающихся в этом жертв пыток. По мнению самого Семейного реабилитационного центра, у возвращенных тамилов - просителей убежища, страдающих от посттравматического стрессового расстройства, шансов на получение качественных и регулярных медицинских услуг немного.

5.5 Заявитель сообщает, что в феврале 2001 года он согласился на процедуру репатриации лишь потому, что в то время страдал от депрессии, которая была вызвана неоднократным отклонением швейцарскими властями его ходатайства об убежище.

5.6 23 июля 2002 года заявитель представил новое психиатрическое заключение от 19 июля 2002 года, выданное Цюрихским институтом психотравмотологии (ЦИП), где отмечаются симптомы социальной маргинализации в сочетании с алкоголизмом, депрессией и возможным посттравматическим стрессовым расстройством, связанным с событиями, которые заявитель пережил в Шри-Ланке. В этом заключении подтверждается, что противоречия в тех утверждениях, которые заявитель сделал иммиграционным властям, не свидетельствуют о его неискренности, поскольку они являются частью и следствием психореактивных симптомов посттравматического стрессового расстройства, которым, несомненно, страдает заявитель.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Как это предусмотрено в пункте 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Касаясь рассматриваемого случая, Комитет отмечает также, что были исчерпаны все внутренние средства правовой защиты и что государство-участник не высказало возражений против приемлемости сообщения. В силу этого Комитет признает данное сообщение приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

6.2 Комитет должен решить вопрос о том, станет ли принудительное возвращение заявителя в Шри-Ланку нарушением предусмотренного в пункте 1 статьи 3 Конвенции обязательства государства-участника не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что этому лицу может угрожать там применение пыток. Формулируя свое заключение, Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека (пункт 2 статьи 3 Конвенции).

6.3 Комитет принял к сведению упомянутые заявителем и государством-участником доклады, в которых отрицается или подтверждается существенное улучшение в том, что касается защиты прав тамилов во время проверок документов, арестов и содержания под стражей в Шри-Ланке. На основе информации из недавних докладов о положении в области прав человека в Шри-Ланке Комитет также отмечает, что, несмотря на принятие мер по искоренению пыток, сообщения о случаях их применения продолжают поступать и что жалобы на применение пыток зачастую не находят должного рассмотрения со

стороны сотрудников полиции, судебных и медицинских работников. Вместе с тем Комитет также отмечает продолжающийся в Шри-Ланке процесс мирного урегулирования, который в феврале 2002 года привел к заключению соглашения о прекращении огня между правительством и ТОТИ, а также тот факт, что между участвующими в конфликте сторонами проводятся переговоры. Комитет далее напоминает, что по итогам рассмотрения результатов его расследования положения в Шри-Ланке в соответствии со статьей 20 Конвенции он пришел к заключению, что практика пыток не является систематической в государстве-участнике[d]. Наконец, Комитет отмечает, что в 2001 и 2002 годах в Шри-Ланку возвратилось большое число беженцев[e].

6.4 Вместе с тем Комитет напоминает, что цель проводимого им рассмотрения заключается в том, чтобы определить, будут ли заявителю лично угрожать пытки в стране, в которую он вернется. Комитет исходит из того, что независимо от того, можно ли говорить о существовании в Шри-Ланке постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, наличие такой практики само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что заявителю будет угрожать применение пыток после его возвращения в Шри-Ланку. В этой связи необходимо иметь дополнительные основания, подтверждающие наличие такой угрозы лично для заявителя. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не обязательно означает, что заявителю не будет угрожать применение пыток с учетом конкретных обстоятельств его дела.

6.5 В том что касается личной угрозы для заявителя быть подвергнутым пыткам со стороны сил безопасности Шри-Ланки, Комитет принимает к сведению его утверждение, что тот факт, что в прошлом его арестовывали и подвергали пыткам по подозрению в принадлежности к ТОТИ, а также последствия этих пыток повышают для него риск нового ареста и новых пыток с учетом его неконтролируемого поведения в стрессовых ситуациях, возможного возникновения подозрений вследствие такого поведения и имеющихся у него на теле шрамов. Комитет принял к сведению аргументы государства-участника относительно противоречий в тех утверждениях, которые заявитель сделал швейцарским иммиграционным властям, относительно его оправдания шри-ланкийским судом ввиду отсутствия доказательств его участия в деятельности ТОТИ, и относительно правовых гарантий, которые обеспечивает с 1998 года новый Комитет по расследованию необоснованных арестов и притеснений (см. пункт 4.4).

6.6 Комитет считает, что, если предположить, исходя из представленных заявителем заключений врача и психиатра, обоснованность его версии по делу, то утверждениям заявителя о том, что он подвергался пыткам во время последнего содержания под стражей в УУР, следует придать существенное значение. Вместе с тем Комитет отмечает, что эти предполагаемые пытки не имели места в недавнем прошлом[f].

6.7 В отношении утверждения заявителя о том, что его посттравматическое стрессовое расстройство приведет к неконтролируемому поведению в стрессовых ситуациях, повысив для него риск ареста полицией Шри-Ланки, Комитет отмечает, что снятие с заявителя судебным решением обвинений в терроризме, а также его незначительный политический вес, можно в свою очередь трактовать в качестве факторов, которые могут уменьшить какой бы то ни было риск серьезных последствий в случае его нового ареста.

6.8 В отношении предполагаемого отсутствия надлежащих условий для психиатрического лечения посттравматического стрессового расстройства заявителя в Шри-Ланке Комитет считает, что ухудшение состояния здоровья заявителя, которое, возможно, произойдет вследствие его депортации в Шри-Ланку, не будет равнозначно применению пыток по смыслу статьи 3 в сочетании со статьей 1 Конвенции, в которой и можно было бы обвинить государство-участник[g].

6.9 В силу этого Комитет полагает, что заявитель не представил достаточных аргументов, которые позволили бы Комитету заключить, что ему будет серьезно, реально и лично угрожать применение пыток в случае возвращения в Шри-Ланку.

7. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток приходит к заключению о том, что высылка заявителя в Шри-Ланку государством-участником не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Движение "Тигры освобождения Тамил-Илама".

[b] Эти документы включают оправдательное решение шри-ланкийского суда от 2 августа 1996 года и выданную МККК тюремную карточку.

[c] Упоминается, в частности, доклад "Международной амнистии" от 20 июля 2000 года (ASA 37/022/2000).

[d] Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят седьмая сессия, Дополнение № 44 (A/57/44), глава IV, раздел B, пункт 181.

[e] См. сообщение № 191/2001, *Ш.С. против Нидерландов*, решение, принятое 5 мая 2003 года, пункт 6.3.

[f] См. Замечание общего порядка № 1 Комитета, пункт 8 b).

[g] См. mutatis mutandis, сообщение № 83/1997, *Г.Р.Б. против Швеции*, решение, принятое 15 мая 1998 года, пункт 6.7.

Сообщение № 187/2001

Представлено:	г-ном Дау Бельгасемом ТХАБТИ (представлен неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон")
От имени:	Заявителя
Государство-участник:	Тунис
Дата представления жалобы:	1 июня 2000 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 14 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 187/2001, представленной Комитету против пыток г-ном Дау Бельгасем Тхабти в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1. Заявителем является г-н Дау Бельгасем Тхабти, тунисский гражданин, родившийся 4 июля 1955 года в Татауине (Тунис), проживающий с 25 мая 1998 года в Швейцарии, где имеет статус беженца. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Тунисом положений статей 1, 2(1), 4, 5, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции. Он представлен неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон".

1.2 Тунис ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и 23 сентября 1988 года сделал заявление согласно статье 22 Конвенции.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что был активным членом исламской организации "Нахда" (бывшая МТИ). В результате волны арестов в Тунисе, начавшейся с 1990 года, в

частности в отношении членов этой организации, заявитель с 27 февраля 1991 года перешел на нелегальное положение. 6 апреля 1991 года в час ночи заявитель был арестован полицейскими, которые его жестоко избили (нанося удары дубинками, ногами и кулаками и давая пощечины).

2.2 Брошенный в камеру в подземном этаже министерства внутренних дел (Управление по надзору за территорией) Туниса и лишенный сна, заявитель на следующее утро был доставлен в кабинет директора Службы госбезопасности Эззедина Джнееха. По словам заявителя, это должностное лицо лично приказало при допросе пытать его.

2.3 Заявитель приводит подробное описание, иллюстрированное рисунками различных пыток, которым он подвергался до 4 июня 1991 года в камерах министерства внутренних дел (Управления по надзору за территорией).

2.4 Заявитель сообщает о том, что его связывали и применяли метод пытки, широко известный как "курица на вертеле " (жертву раздевают, связывают руки под согнутыми ногами, пропускают под коленями железный стержень и подвешивают между двумя столами). При этом ему наносили удары, в частности по подошвам ног, до потери сознания. Заявитель добавляет, что полицейские, применявшие эти пытки, приводили его в чувство, обливая тело холодной водой, а также поливая чувствительные зоны (ягодицы и мошонку) эфиром.

2.5 Заявитель также утверждает, что его связывали в "положении вверх ногами" (жертву раздевают, связывают руки за спиной и подвешивают к потолку на веревке, привязанной к одной ноге или двум ногам сразу, головой вниз) и при этом избивали ногами, палками и плетками до потери сознания. Заявитель добавляет, что его палачи привязывали к его половому органу веревку, которую резко дергали, будто стремясь оторвать его.

2.6 Заявитель утверждает, что подвергался пытке погружением (его привязывали вверх ногами к блоку и погружали в смесь воды, стирального порошка, отбеливателя, а также мочи и соли, и, не имея возможности дышать, он вынужден был глотать эту смесь до наполнения желудка), а затем его пинали ногами в живот до появления рвоты.

2.7 Заявитель сообщает, кроме того, что его связывали в положении "скорпиона" (обнаженного, с кистями рук и ногами, связанными за спиной, животом вниз, его поднимали за конечности цепью, пропущенной через блок, при этом надавливая на позвоночник), а потом били дубинками и плетками по ногам, рукам, животу и половым органам.

2.8 Заявитель добавляет, что прошел через пытку столом (голого, растянутого на длинном столе, на спине или животе, с четырьмя привязанными конечностями, его осыпали ударами).

2.9 В подтверждение своих показаний о пытках и их последствиях заявитель предъявляет справку от швейцарского физиотерапевта, справку от специалиста-невролога из Фрибура и справку о прохождении психиатрического лечения из медицинской службы одной из швейцарских страховых компаний. Заявитель ссылается также на доклад наблюдательной миссии Международной федерации прав человека (МФПЧ), в котором уточняется, что в ходе начавшегося 9 июля 1992 года суда против исламистских активистов, к числу которых относится заявитель, все допрошенные подсудимые жаловались на жестокое физическое обращение, которому они были подвергнуты, находясь под стражей.

2.10 Заявитель приводит список лиц, применявших к нему в этот период пытки, в котором значатся: Эззедин Джнех (директор Управления по надзору за территорией), Абдеррахман Эль-Гесми, Эль-Хамруни, бен Амор (инспектор), Махмуд Эль-Джауади (служба разведки Бушуша), Слахеддин Тарзи (оттуда же), Мохамед Эннасер-Хлейс (оттуда же); он добавляет, что его палачам помогали два врача и что он видел, как пытали его сокамерников.

2.11 4 июня 1991 года заявителя доставили к военному следователю майору Айеду бен Каеду. Заявитель утверждает, что в ходе допроса он отверг выдвигавшиеся в его адрес обвинения в покушении на государственный переворот и что ему было отказано в помощи адвоката.

2.12 Заявитель утверждает, что затем, с 4 июня по 28 июля 1991 года, он содержался в тюрьме министерства внутренних дел (Управление по надзору за территорией) в полной изоляции (был лишен свиданий и почты, необходимых лекарств и медицинского обслуживания), не считая имевшего место 18 июля 1991 года посещения доктором Монсефом Марзуки, президентом Тунисской лиги прав человека. Заявитель добавляет, что был лишен здорового питания, возможности отправлять религиозные обряды и был вновь подвергнут пыткам.

2.13 С 28 июля 1991 года, когда содержание под стражей закончилось, заявитель неоднократно переводился из одного пенитенциарного учреждения страны в другое (в Тунис, Бордж-Эрруми в Бизерте, Махдию, Сус, Эль-хаоэреб, Реджим, Маатуг), как он считает, с целью воспрепятствовать его контактам с семьей.

2.14 Заявитель сообщает о плохих условиях содержания заключенных в этих учреждениях, таких, как переполненность тюрем (60-80 человек в крошечных камерах, куда помещали заявителя) и отсутствие гигиены, распространенность болезней (заявитель утверждает, что таким образом приобрел астму, кожную аллергию и деформацию ступни). Заявитель уточняет, что неоднократно помещался в карцер, отчасти в наказание за голодовки, которые он объявлял в знак протеста против условий тюремного заключения и жестокого обращения (в июле 1992 года в тюрьме, с 9 апреля в Тунисе в течение 12 дней,

в Махдие в октябре 1995 года в течение 8 дней и в марте 1996 года в течение десяти дней), а отчасти в результате произвола тюремных охранников. Заявитель подчеркивает также, что его полностью раздевали и подвергали избиениям на глазах других людей.

2.15 9 июля 1992 года в военном трибунале Бушуша в Тунисе начался суд над заявителем. Он уточняет, что ему удалось переговорить со своим адвокатом только один раз 20 июля 1992 года и то под наблюдением тюремных охранников. 28 августа 1992 года заявитель был приговорен к шести годам тюремного заключения.

2.16 После того как 27 мая 1997 года истек срок заключения, согласно справке об освобождении из тюрьмы, представленной заявителем, он был помещен на пять лет под административный надзор, выражавшийся в том, что ему было предписано проживать в Ремаде за 600 км от Туниса, где жили его жена и дети. Спустя четыре месяца, 1 октября 1997 года, заявитель бежал из Туниса в Ливию, а затем в Швейцарию, где 15 января 1999 года получил статус политического беженца. В подтверждение своих слов заявитель предъявил копию доклада Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе от 10 марта 1996 года, из которого следует, в каком положении находился заявитель после своего освобождения, а также справку федерального управления Швейцарии по делам беженцев о предоставлении ему статуса политического беженца. Заявитель добавляет, что после своего бегства он был автоматически приговорен к 12 годам тюремного заключения.

2.17 Заявитель утверждает, наконец, что члены его семьи, в частности жена и пятеро детей, стали жертвами притеснений (ночные визиты, систематические обыски в доме, запугивания, угрозы изнасилования, конфискация имущества и денег, аресты и допросы, постоянная слежка) и жестокого обращения (сын заявителя Эззединн был арестован и жестоко избит) со стороны полиции в течение всего периода его тюремного заключения и бегства, т.е. вплоть до 1998 года.

2.18 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то заявитель уточняет, что он подал жалобу на применение пыток в военный трибунал Бушуша, сделав это в присутствии представителей тунисских средств массовой информации и международных наблюдателей за соблюдением прав человека. Заявитель утверждает, что председатель трибунала попытался игнорировать его жалобы, но, уступив его настойчивости, ответил, что он не сумел ничего установить. К тому же судья открыто отклонил ходатайство заявителя о медицинском освидетельствовании.

2.19 Заявитель добавляет, что после слушания дела и его возвращения в тюрьму ему пригрозили пыткой, если он снова попробует обратиться с жалобой на пытки в трибунал.

2.20 Кроме того, заявитель утверждает, что после 27 мая 1997 года, когда он освободился из тюрьмы, его домашний арест не позволил ему подать жалобу. Заявитель поясняет, что

полицейские и жандармы Ремады продолжали преследовать и запугивать его во время ежедневных посещений заявителя при осуществлении административного надзора. По словам заявителя, простое обращение с жалобой могло бы спровоцировать усиление давления на него и даже его повторное тюремное заключение. Из-за пребывания под надзором заявитель не мог, к тому же, обратиться в органы власти по месту своего законного жительства в Тунисе.

2.21 Заявитель утверждает, что, хотя тунисское законодательство признает возможность подачи жалоб в связи с пытками, на практике любой пострадавший, обращающийся с жалобой, становится мишенью для преследования со стороны полиции, что отбивает любое желание жаловаться. По словам заявителя, средства правовой защиты оказываются, таким образом, несуществующими и неэффективными.

Существо жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что тунисское правительство нарушило следующие статьи Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания:

Статья 1. Вышеуказанные виды обращения (пытка "курица на вертеле", пытка подвешивание вверх ногами, пытка "скорпион", погружение в воду до наступления асфиксии, пытка на столе, помещение в карцер и т.д.), которым был подвергнут заявитель, являются пытками;

Статья 2, пункт 1. Государство-участник не только не приняло эффективных мер, чтобы не допустить пыток, но, наоборот, использовало свой административный и, в частности, полицейский аппарат, как инструмент пыток, примененных к заявителю;

Статья 4. Государство-участник не квалифицировало все акты пыток, которым был подвергнут заявитель, как уголовные преступления;

Статья 5. Государство-участник не возбудило преследования в отношении лиц, подвергавших заявителя пыткам;

Статья 12. Государство-участник не провело беспристрастного расследования актов пыток, которым был подвергнут заявитель;

Статья 13. Государство-участник не рассмотрело жалоб на пытки, поданных заявителем в начале судебного разбирательства, а, напротив, отклонило их;

Статья 14. Государство-участник проигнорировало право заявителя на предъявление жалобы и тем самым лишило его права на компенсацию и реабилитацию;

Статья 15. Заявитель был приговорен 28 августа 1992 года к тюремному заключению на основании признаний, полученных под пыткой;

Статья 16. Вышеизложенные репрессивные меры и обращение (нарушение права на предоставление медицинского обслуживания и лекарств, на переписку, ограничение права на пользование имуществом, на посещения близких, адвокатов, ссылка, преследование семьи и т.д.), использованные государством-участником в отношении заявителя, представляют собой наказание или жестокое, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости жалобы

4.1 4 декабря 2001 года государство-участник оспорило приемлемость жалобы, утверждая, что заявитель не использовал и не исчерпал имевшихся внутренних средств правовой защиты.

4.2 Государство-участник утверждает, что заявитель мог использовать имевшиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку срок давности деяний, якобы имевших место и квалифицируемых тунисским законодательством как уголовное преступление, составляет 10 лет.

4.3 Государство-участник поясняет, что с точки зрения уголовно-процессуального права истец может, в том числе из-за рубежа, подать иск представителю прокуратуры, отвечающей за эту территорию. Он может также поручить адвокату-тунисцу по своему выбору подать указанный иск или попросить адвоката-иностранца сделать это с помощью его тунисского коллеги.

4.4 Согласно тем же уголовно-процессуальным нормам, прокурор Республики примет указанный иск и возбудит судебное расследование. Следователь, ведущий это дело, отберет показания автора иска в соответствии со статьей 53 уголовно-процессуального кодекса. В свете полученных показаний он допросит свидетелей и подозреваемых, произведет следственные действия на местах и соберет доказательственные материалы. Он может также назначить экспертизы и выполнить любые действия по сбору доказательств в поддержку и в опровержение иска для выяснения истины и установления фактов, которые помогут суду обосновать свое решение.

4.5 Государство-участник уточняет, что в процессе производства по делу истец может, кроме того, заявить через следователя гражданский иск с требованием о возмещении

причиненного вреда в дополнение к уголовному наказанию лиц, допустивших нарушение закона, в результате которого истец пострадал.

4.6 Если следователь сочтет, что для возбуждения уголовного дела нет повода и оснований, что установленные факты не образуют состав преступления или что имеющихся обвинений в адрес обвиняемого недостаточно, то он выносит постановление об отказе в возбуждении уголовного преследования. Если же следователь, наоборот, сочтет, что факты образуют состав преступления, наказуемого лишением свободы, то он направляет дело для производства следствия в соответствующий суд, в данном случае - в обвинительную палату апелляционного суда. Любые постановления следователя немедленно, не позднее, чем в течение 48 часов, сообщаются всем сторонам дела, в том числе гражданскому истцу в уголовном процессе. Последний может в течение четырех дней опротестовать постановления, ущемляющие его интересы. Такая апелляция, в письменном или устном виде, принимается секретарем следственного органа. При наличии достаточных оснований для вынесения постановления о предании обвиняемого суду обвинительная палата направляет дело на рассмотрение в соответствующий судебный орган (исправительный суд или уголовную палату суда первой инстанции), вынося решения по всем пунктам обвинения, сформулированным в ходе разбирательства. Она может также, при необходимости, запросить дополнительную информацию от одного из своих советников или следователей и даже потребовать возбуждения нового дела для получения или предоставления сведений о фактах, еще не являвшихся предметом расследования. Решения обвинительной палаты подлежат немедленному исполнению.

4.7 После сообщения заинтересованным лицам о состоявшихся решениях обвинительной палаты гражданский истец может обжаловать эти решения в кассационном порядке. Жалоба считается приемлемой, если в постановлении обвинительной палаты говорится о прекращении уголовного преследования, неприемлемости гражданского или предусмотренного законом публичного иска, неподсудности дела данному суду или же отсутствует решение по одному из пунктов обвинения.

4.8 Государство-участник подчеркивает, что в соответствии со статьей 7 Уголовно-процессуального кодекса потерпевший может возбудить гражданский иск в суде, занятом рассмотрением дела (исправительный суд или обвинительная палата при суде первой инстанции) и, в зависимости от случая, может подать апелляцию либо в апелляционный суд, если правонарушение является проступком, либо в уголовную палату при апелляционном суде, если речь идет об уголовном преступлении. Истец может также подавать кассационную жалобу.

4.9 Государство-участник подчеркивает, что обращение к внутренним средствам правовой защиты вполне эффективно.

4.10 По утверждению государства-участника, тунисские суды систематически и последовательно реагировали на нарушения закона, и те, кто допускал злоупотребления или нарушал закон, строго наказывались. Государство-участник утверждает, что с 1 января 1988 года по 31 марта 1995 года к суду были привлечены 302 полицейских и национальных гвардейца по различным обвинениям, причем 227 из них были обвинены в злоупотреблении служебным положением. Наказания, которые они понесли, варьировались от штрафа до многолетнего тюремного заключения[a].

4.11 Государство-участник утверждает, что политическая и партийная мотивация заявителя, а также его оскорбительные и клеветнические выпады позволяют думать, что его иск является злоупотреблением правом на обращение с жалобой.

4.12 Государство-участник поясняет, что идеология и политическая программа "движения", активным членом которого был заявитель, основываются исключительно на религиозных принципах, которые, будучи экстремистскими религиозными взглядами, отрицают одновременно демократические права и права женщины. Речь идет о незаконном "движении", пропагандирующем религиозную и расовую ненависть и прибегающем к насилию. По мнению государства-участника, это "движение" проявило себя в террористических актах, приведших к гибели людей и нанесению материального ущерба в 1990-1991 годах. В силу этого и учитывая, что данное "движение" противоречит Конституции и закону о политических партиях, оно не было признано государственной властью.

4.13 Государство-участник уточняет, что заявитель выдвигает в адрес органов судебной власти серьезные обвинения, на самом деле не подтвержденные никакими доказательствами, утверждая, что судьи принимают признательные показания в качестве доказательств и выносят решения на их основе.

Комментарии заявителя к замечаниям государства-участника

5.1 В письме от 6 мая 2002 года заявитель оспаривает утверждение государства-участника о том, что у заявителя якобы не было желания обратиться за защитой к тунисскому правосудию, чтобы воспользоваться внутренними средствами правовой защиты.

5.2 Заявитель напоминает в связи с этим о своих заявлениях о применявшихся к нему пытках и о своем ходатайстве к судье военного трибунала о проведении медицинского освидетельствования, которые были проигнорированы и которым не было дано хода; о том, что он обращал внимание на нарушение статей 13 и 14 Конвенции против пыток и что в связи с помещением под административный надзор он был лишен возможности искать правосудия. По мнению заявителя, вышеуказанное поведение судей является правилом, особенно в отношении политических заключенных. Заявитель приводит в

подтверждение своих слов выдержки из докладов Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе, МФПЧ и Тунисской лиги защиты прав человека. Кроме того, заявитель ссылается на ежегодные доклады неправительственных организаций, таких, как "Международная амнистия" и Организация по наблюдению за положением в области прав человека, осудивших вскрытую заявителем практику.

5.3 Кроме того, заявитель оспаривает объяснения государства-участника, касающиеся возможности немедленного обращения в суд, наличия эффективных путей обжалования и возможности вчинять гражданский иск.

5.4 Заявитель считает, что государство-участник ограничилось цитированием процедуры, изложенной в Уголовно-процессуальном кодексе, которая далека от применения на практике, особенно в отношении политических узников. Заявитель приводит в подтверждение своей мысли доклады "Международной амнистии", Организации по наблюдению за положением в области прав человека, Всемирной организации против пыток (ВОПП), Национальной консультативной комиссии по правам человека Франции и Национального совета за гражданские свободы в Тунисе. Заявитель ссылается также на заключительные замечания Комитета против пыток по Тунису от 19 ноября 1998 года. Заявитель подчеркивает, что Комитет против пыток рекомендовал, среди прочего, чтобы государство-участник a) гарантировало жертвам пыток право, не боясь, обращаться с жалобами на то, что они стали объектом репрессий, домогательства, жестокого обращения или всевозможных преследований даже в случае, если результаты расследования не подтверждают их доводов, и требовать и получать компенсацию, если эти доводы оказываются справедливыми; b) добилось, чтобы было предусмотрено автоматическое проведение медицинских освидетельствований после заявлений о жестоком обращении и чтобы в случаях смерти при содержании под стражей всегда производилось вскрытие трупа; c) добилось, чтобы результаты всех расследований случаев пыток обнародовались и чтобы эта информация содержала подробные сведения о допущенных правонарушениях, фамилии лиц, допустивших их, даты, названия мест и обстоятельства инцидентов, а также о наказании, наложенном на виновных. Кроме того, Комитет отметил, что значительная часть законодательства, существующего в Тунисе для защиты арестованных, на практике не применяется. Он выразил также озабоченность глубиной разрыва, существующего между правом и практикой в том, что касается защиты прав человека, и особую обеспокоенность сообщениями о распространении пыток и других видов жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения со стороны сил безопасности и полиции, которое в ряде случаев привело к смерти лиц, содержавшихся под стражей. К тому же заявитель ссылается на решение Комитета против пыток по сообщению № 60/1996 *Фейсала Баракета против Туниса*. Заявитель считает, что разговоры государства-участника о возможности гарантировать эффективное и действенное обжалование являются простой политической пропагандой, не имеющей никакого отношения к праву. Заявитель уточняет, что случаи, приведенные государством-участником (пункт 4.10), касаются тунисских граждан, которые были арестованы не по

политическим обвинениям, поскольку власти относятся к судам над политическими узниками особо.

5.5 С другой стороны, заявитель оспаривает довод государства-участника о возможности дать из-за рубежа тунисскому адвокату поручение подать иск.

5.6 Заявитель настаивает, что эта процедура остается пустым звуком и никогда не соблюдалась при рассмотрении политических дел. По утверждению заявителя, адвокаты, которые набираются смелости выступать защитниками по таким делам, становятся жертвами преследований и других серьезных покушений на свободное и независимое занятие своей профессией, в том числе приговариваются к тюремному заключению.

5.7 Заявитель утверждает, что его положение политического беженца в Швейцарии не позволяет ему предпринять шаги в отношении возможного разбирательства из-за ограничений, налагаемых на контакты беженца с органами власти его страны. Заявитель объясняет, что прекращение любых отношений со страной происхождения является одним из условий получения статуса беженца и играет важную роль при решении вопроса о лишении права на убежище. По словам заявителя, в праве на предоставление убежища может быть отказано, если беженец снова неожиданно заявляет о защите со стороны страны своего происхождения, например поддерживая тесные контакты с ее органами власти или регулярно выезжая в нее.

5.8 Наконец, заявитель считает, что комментарии государства-участника относительно его принадлежности к движению "Нахда" и в отношении его самого свидетельствуют о наличии и сохранении дискриминации в отношении оппозиции, которая по-прежнему остается вне закона. По мнению заявителя, квалификация государством-участником данного случая как имеющего отношение к терроризму доказывает предвзятость его подхода, и поэтому совершенно абсурдно настаивать на гарантии использования эффективных внутренних средств правовой защиты. К тому же заявитель подчеркивает, что запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения является гарантией, не предполагающей никаких исключений, в том числе для террориста[b].

5.9 Наконец, принимая во внимание предыдущие разъяснения, заявитель отвергает комментарий государства-участника, рассматривающего данную жалобу как злоупотребление правом.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы

6.1 8 ноября 2002 года государство-участник вновь оспорило приемлемость жалобы. Государство-участник заявляет, во-первых, что утверждения заявителя относительно обращения в тунисские суды и использования внутренних средств правовой защиты

являются совершенно необоснованными и не подкреплены никакими доказательствами. Государство-участник уточняет, что срок исковой давности гражданского иска, касающегося содержащихся в жалобе утверждений, еще не истек, так как в рассматриваемом случае он составляет десять лет. Государство-участник считает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений о том, что используемая властями практика не позволяет ему оперативно предъявить иск и лишает его возможности выступать в качестве гражданского истца. Государство-участник добавляет, что статус беженца заявителя не может лишить его права на подачу жалобы на рассмотрение тунисских судов. В-третьих, государство-участник утверждает, что заявитель, вопреки его утверждениям, имеет возможность нанять адвоката по своему выбору с целью подачи жалобы из-за границы. Наконец, государство-участник вновь утверждает, что жалоба не основывается ни на каких конкретных фактах и не содержит никаких доказательств и что она представляет собой злоупотребление правом на подачу жалоб.

Решение Комитета по вопросу о приемлемости

7.1 На своей двадцать девятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы и в своем решении от 20 ноября 2002 года признал ее приемлемой.

7.2 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет отметил, что государство-участник оспаривает приемлемость жалобы на основании того, что имеющиеся эффективные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В данном случае Комитет констатировал, что государство-участник представило подробное описание как средств правовой защиты, по закону доступных любому заявителю, так и случаев эффективного использования подобных средств правовой защиты против тех, кто допускал злоупотребления и нарушал закон. Тем не менее Комитет счел, что государство-участник недостаточно убедительно продемонстрировало соответствие своей аргументации обстоятельствам, характеризующим дело заявителя, который считает себя жертвой нарушения своих прав. Комитет не ставил под сомнение представленную государством-участником информацию о фактах судебного преследования и осуждения сотрудников правоохранительных органов за совершение различных нарушений. Вместе с тем Комитет указал, что в данном случае он не может не учитывать, что факты, рассматриваемые в связи с данным делом, имели место в 1991 году и что, если продолжительность срока исковой давности составляет 10 лет, в данном случае встал вопрос об его истечении в национальных судах, если только срок исковой давности не прерывался и не приостанавливался, о чем государство-участник не представило никакой информации. Кроме того, Комитет отметил, что утверждения заявителя касались фактов, имевших место достаточно давно, которые были публично доведены до сведения судебных органов в присутствии международных наблюдателей. Комитет указал, что на тот момент он не получил информации о каких-либо расследованиях, проведенных по поручению государства-

участника. Поэтому Комитет счел, что в данном случае исчерпание внутренних средств правовой защиты вряд ли обеспечит заявителю сатисфакцию, и постановил применить положение подпункта b) пункта 5 статьи 22 Конвенции.

7.3 Кроме того, Комитет отметил аргумент государства-участника о том, что жалоба заявителя представляет собой злоупотребление правом на подачу жалоб. Комитет счел, что любое сообщение о применении пыток является серьезным и что только рассмотрение вопроса по существу может позволить определить, являются ли такие обвинения клеветническими. При этом Комитет счел, что политическая и партийная принадлежность заявителя, которую оспаривало государство-участник, не препятствует рассмотрению этой жалобы в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции.

Замечания государства-участника по существу сообщения

8.1 В своих замечаниях от 3 апреля 2003 года и 25 сентября 2003 года государство-участник оспаривает обоснованность утверждений заявителя и вновь считает его жалобу неприемлемой.

8.2 В связи с утверждениями о "пособничестве" и инертности государства-участника по отношению к "применению пыток" государство-участник поясняет, что в нем был создан превентивный[c] и устрашающий[d] механизм борьбы против пыток в целях предупреждения любого деяния, посягающего на достоинство и физическую неприкосновенность личности.

8.3 Относительно утверждений о "применении пыток" и "безнаказанности лиц, виновных в применении пыток", государство-участник считает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений. Оно подчеркивает, что, вопреки утверждениям заявителя, оно приняло все законодательные и практические меры на уровне судебных и административных органов с целью воспрепятствования применению пыток и преследования подозреваемых в их применении лиц на основании статей 4, 5 и 13 Конвенции. Кроме того, по мнению государства-участника, заявитель не привел никаких мотивов, свидетельствующих о бездействии и инертности государства-участника перед лицом имеющихся де-юре и де-факто возможностей обращения в судебные и административные органы (см. пункт 6.1). В связи с решением Комитета по вопросу о приемлемости государство-участник подчеркивает, что заявитель касается не только "фактов", имевших место в 1991 году, но и "фактов", происшедших в 1995 и 1996 годах, т.е. в период, когда Конвенция против пыток уже была полностью инкорпорирована во внутреннее законодательство Туниса и когда он заявляет о "жестоком обращении", которому он якобы подвергался в ходе содержания под стражей в "гражданской тюрьме Махдии". Таким образом, сроки исковой давности не истекли, и поэтому заинтересованному лицу настоятельно необходимо прервать эти сроки, либо действуя непосредственно перед судебными органами, либо предпринимая действия по их

прерыванию. Кроме того, государство-участник указывает на имеющиеся в распоряжении заявителя возможности получения компенсации за любой серьезный проступок, совершенный должностным лицом при исполнении служебных обязанностей[e], уточнив, что срок исковой давности составляет 15 лет[f]. Государство-участник напоминает, что суды Туниса систематически принимали меры по восстановлению любого нарушения законов о пресечении применения пыток (см. пункт 4.10).

8.4 Что касается утверждений о несоблюдении гарантий судебного разбирательства, то государство-участник считает их необоснованными. По его мнению, власти не лишали заявителя возможности подать жалобу в суд; напротив, заявитель сам решил не использовать внутренние средства правовой защиты. В связи с "обязанностью" судей не учитывать заявления, сделанные под пыткой, государство-участник ссылается на статью 15 Конвенции против пыток и полагает, что подозреваемому надлежит представить судье хоть какие-то доказательства, способные подтвердить, что он сделал свои заявления в условиях нарушения закона. Таким образом, ему следовало принять меры по подготовке доказательств своих утверждений - представить медицинский отчет или заключение, подтверждающие факт подачи жалобы в прокуратуру, или даже предъявить суду видимые следы пытки или жестокого обращения. Однако, как поясняет государство-участник, хотя при рассмотрении дела г-на Тхабти суд распорядился о проведении медицинского освидетельствования всех задержанных, изъявивших соответствующее желание, заявитель преднамеренно отказался обратиться с такой просьбой, предпочитая в каждом судебном заседании повторять свои утверждения о "жестоком обращении", с тем чтобы привлечь к себе внимание присутствовавших в суде наблюдателей. Свой отказ пройти по решению суда медицинское освидетельствование заявитель объясняет "попустительством", которое врачи якобы проявили бы по отношению к нему. Государство-участник сообщает, что врачи назначаются следственным судьей или судом из числа врачей, относящихся и не относящихся к пенитенциарной системе, репутация которых не позволяет усомниться в их честности. Наконец, по мнению государства-участника, заявитель не счел целесообразным подать жалобу ни в ходе его содержания под стражей, ни в ходе судебного разбирательства, а его отказ от прохождения медицинского освидетельствования указывает на необоснованность его утверждений и свидетельствует о действиях, вписывающихся в стратегию незаконного экстремистского движения "Нахда", которая направлена на дискредитацию институтов Туниса через утверждения о том, что он являлся жертвой пыток и жестокого обращения, без использования при этом имеющихся средств защиты.

8.5 В отношении утверждений, связанных с судебным разбирательством, государство-участник сообщает, что, хотя заявитель признает, что рассмотрения двух его предыдущих дел в 1983 и 1986 годах закончились вынесением оправдательного приговора за недостаточностью доказательств, он, тем не менее, продолжает систематически обвинять судебные инстанции в пристрастности. Кроме того, вопреки утверждениям заявителя о том, что в ходе рассмотрения его дела и во время его допроса следственный судья при

военном трибунале Туниса якобы отказывал ему в помощи адвоката, государство-участник уточняет, что г-н Тхабти сам отказывался от адвоката. По мнению государства-участника, следственный судья в соответствии с действующим законодательством напомнил заявителю о его праве отвечать на вопросы только в присутствии своего адвоката, но тот решил обойтись без помощи защитника, при этом отказавшись отвечать на вопросы следственного судьи. Поскольку заявитель хранил молчание, то судья на основании статьи 74 Уголовно-процессуального кодекса указал, что приступит к расследованию дела, упомянув это предупреждение в протоколе. В отношении утверждения заявителя о том, что он был осужден исключительно на основе своих признаний, государство-участник уточняет, что согласно последнему пункту статьи 69 и статье 152 Уголовно-процессуального кодекса признание обвиняемого не может освобождать судью от поиска других доказательств и что признание как элемент доказывания остается на усмотрение судей. Исходя из этого, уголовная практика судов Туниса постоянно указывает на то, что обвинительный приговор не может быть вынесен исключительно на основе признаний[g]. В данном случае, помимо признаний заявителя, суд в ходе всего разбирательства опирался на показания свидетелей, на показания его сообщников и на улики.

8.6 В отношении утверждений об условиях содержания, и в частности о переводе из одной тюрьмы в другую как о неправомерной мере, государство-участник поясняет, что по действующему законодательству решение о таком переводе принимается в зависимости от различных этапов следствия, числа дел и территориально компетентных судебных органов. Тюрьмы подразделяются на три категории: для предварительного содержания подозреваемых; для содержания лиц, осужденных к наказаниям в виде лишения свободы; тюрьмы полуоткрытого типа для содержания лиц, осужденных за правонарушения к сельскохозяйственным работам. Государство-участник указывает, что, когда предварительно задержанному заявителю был вынесен обвинительный приговор к лишению свободы, а также с учетом потребностей следствия по его делу или по аналогичным делам, он был переведен из одной тюрьмы в другую в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, независимо от пенитенциарного учреждения, условия содержания заявителя отвечали установленному распорядку, который введен для обеспечения физической и психической неприкосновенности задержанных. Государство-участник также считает необоснованными утверждения заявителя о том, что условия его содержания можно приравнять к жестокому обращению. Оно уточняет, что в Тунисе права задержанных тщательно охраняются без проведения каких-либо различий и независимо от стадии уголовного процесса; это отвечает требованиям уважения человеческой личности в соответствии с международными и национальными тунисскими нормами. При этом обеспечивается бесплатная медицинская и психосоциальная помощь, а также свидания с членами семьи.

8.7 Вопреки утверждениям о том, что последствия, от которых страдает заявитель, обусловлены применением пыток, государство-участник настаивает на отсутствии

причинно-следственной связи. Более того, по сообщению государства-участника, заявителю оказывалась бесплатная медицинская помощь в связи с обычными патологиями, и он прошел необходимое лечение. Наконец, после осмотра у тюремного врача заявитель был доставлен в кабинет окулиста, выписавшего ему очки, которые были выданы 21 января 1997 года.

8.8 В связи с утверждениями о запрете свиданий государство-участник поясняет, что в соответствии с тюремным распорядком заявителя регулярно навещали его супруга Айша Тхабти и брат Мохамед Тхабти, как о том свидетельствуют записи в журналах свиданий тех тюрем, где содержался заявитель.

8.9 В связи с утверждениями об административном надзоре и социальном положении семьи г-на Тхабти государство-участник поясняет, что заявитель приравнивает административный надзор, которому он был подвергнут после отбытия срока тюремного заключения, к жестокому обращению, хотя речь идет о дополнительном судебном наказании, предусмотренном статьей 5 Уголовного кодекса. Поэтому государство-участник полагает, что такое наказание не может считаться жестоким обращением по смыслу Конвенции против пыток. Наконец, вопреки утверждениям заявителя, государство-участник сообщает, что семья заявителя не подвергается никакому преследованию или ограничению и что его супруга и дети имеют свои паспорта.

Комментарии заявителя

9.1 В своих комментариях от 20 мая 2003 года заявитель пожелал ответить на ряд аспектов, содержащихся в вышеизложенных замечаниях государства-участника.

9.2 По вопросу о превентивном механизме борьбы против пыток заявитель полагает, что государство-участник ограничивается перечислением арсенала законов и мер административного и политического характера, которые, по его мнению, вообще не применяются на практике. В обоснование этого вывода заявитель ссылается на доклады неправительственной организации - Национального совета по вопросам свобод в Тунисе (НССТ)[h].

9.3 В связи с созданием законодательного арсенала борьбы против пыток заявитель отмечает, что статья 110-бис Уголовно-процессуального кодекса была принята в конце 1999 года, особенно в ответ на озабоченность Комитета против пыток тем фактом, что формулировка статьи 101 Уголовного кодекса могла оправдывать серьезные нарушения в плане применения насилия при допросе. Заявитель также утверждает, что эта новая статья не имеет практического применения, и прилагает список жертв репрессий в Тунисе в 1991-1998 годах, составленный неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон". Он также уточняет, что случаи, упомянутые государством-участником в подтверждение своего стремления бороться с применением пыток, касаются лишь обвинений в

превышении власти, жестокого обращения и насильственных действий, а также общеуголовных дел, а не случаев применения пыток с последующей смертью потерпевших и случаев причинения физического и морального ущерба жертвам пыток.

9.4 Относительно применения пыток и безнаказанности заявитель настаивает на том, что мучителям удается избежать наказания и что, в частности, ни одно из лиц, подозреваемых в применении пыток, не стало объектом сколь-либо серьезного разбирательства. Вопреки утверждениям государства-участника, заявитель указывает, что он неоднократно пытался подать жалобу в военный трибунал, что председатель трибунала неизменно игнорировал его заявления о применении пыток, мотивируя это отсутствием у него медицинского заключения. Согласно докладам НССТ, "обвиняемые и их адвокаты долго рассказывали в суде о бесчинствах, совершенных сотрудниками органов государственной безопасности". Однако, по утверждению заявителя, пенитенциарная администрация выбрала лишь 25 задержанных из общего числа лиц (170 человек), которые должны были предстать перед судом военного трибунала Бушуша, с тем чтобы подвергнуть их медицинскому освидетельствованию военными врачами. Заявитель утверждает, что в ходе предварительного заключения ему не сообщили о проведении такого освидетельствования, и он узнал об этом лишь на суде. По мнению заявителя, председатель суда игнорировал отсутствие результатов медицинского освидетельствования других обвиняемых, и неверно утверждать, что он самостоятельно отказался пройти освидетельствование. Получив информацию об этом, председатель суда просто-напросто игнорировал протесты адвокатов и задержанных, включая заявителя, что является вопиющим нарушением законодательных положений о праве задержанного на получение медицинского заключения и его конституционном праве быть заслушанным, как о том свидетельствует доклад НССТ. Доказательством тому, по мнению заявителя, является признание государством-участником того, что в ходе судебного слушания он обращался с жалобами на жестокое обращение. Кроме того, заявитель указывает, что, тогда как по принципам правового государства и профессиональной этики следует рассматривать любое сообщение об уголовном деянии, которое может быть квалифицировано в качестве преступления, власти Туниса всегда ограничивались тем, что определяли эти сообщения как "ложные, противоречивые и клеветнические выступления", даже не возбуждая расследования по установлению фактов, как того требовали положения уголовно-процессуального законодательства Туниса. Заявитель полагает, что ему по меньшей мере удалось придать правдоподобность своим утверждениям благодаря изложению подробностей (фамилии, места и виды обращения) перенесенных пыток, в то время как государство-участник все скопом отрицает. Заявитель говорил о своих мучителях не потому, что они являются сотрудниками правоохранительных органов, а потому, что ими были совершены конкретные и неоднократные нарушения против его физической и психической неприкосновенности, его частной и семейной жизни. Проведение расследования с целью установить, совершил ли какой-либо сотрудник правоохранительных органов акты пыток или другие деяния, не является нарушением презумпции невиновности, а представляет собой юридическую процедуру, необходимую

для расследования дела и - в случае необходимости - его передачи на рассмотрение судебных органов. Что касается процедур судебного обжалования, то заявитель полагает, что государство-участник ограничивается повторным изложением юридических возможностей, имеющихся в распоряжении потерпевших, которые перечислены в предыдущих представлениях, не отвечая при этом на решение вопроса о приемлемости в последнем абзаце пункта 7.2. Заявитель вновь подчеркивает бесполезность теоретически имеющихся правовых процедур, изложенных государством-участником, подтверждая свой вывод конкретными примерами, когда права потерпевших были игнорированы. Заявитель уточняет, что судебная практика, упомянутая государством-участником, касается уголовных дел, а не узников совести.

9.5 Что касается инертности и бездействия заявителя, то, по его мнению, государство-участник противоречит себе, указывая, что применение пыток по законодательству Туниса квалифицируется как преступление и в силу этого преследуется по закону, ожидая при этом инициативы со стороны потерпевшего, чтобы начать действовать. Кроме того, заявитель напоминает изложенные выше конкретные действия, предпринятые им для того, чтобы потребовать проведения медицинского освидетельствования и расследования в связи с применением к нему пыток. Опираясь, в частности, на доклад НССТ[i], он напоминает об обстоятельствах медицинского освидетельствования 25 задержанных, целью которого являлось создание видимости соблюдения процессуальных гарантий, а также о недобросовестности назначенных врачей[j]. Он уточняет, что в ходе слушаний в военном трибунале Бушуша велась видеосъемка, и просмотр этих материалов позволит проверить утверждения заявителя.

9.6 Относительно утверждений в связи с судебным разбирательством заявитель прежде всего уточняет, что оправдательные приговоры по его делу в 1983 и 1986 годах были вынесены в условиях нормализации политической обстановки (1983-1984 годы - поэтапное освобождение лидеров Движения исламского толка, с 1989 года - "Нахда") и узаконения новой власти (президентская амнистия после государственного переворота 1987 года) и что эти приговоры свидетельствуют о зависимости системы правосудия от исполнительной власти (которая подтверждается докладами неправительственных организаций[k]). Во-вторых, в связи со своим отказом от помощи адвоката заявитель дает следующие разъяснения и представляет доклад НССТ[l]. Перед следственным судьей Айедом бен Гейидом, работающим при военном трибунале Туниса, заявитель настоятельно просил обеспечить ему помощь адвоката, назначенного коллегией или уполномоченного его семьей. Заявитель выбрал метра Наджиба бен Юсефа, с которым контактировала его семья. Этот адвокат рекомендовал обратиться к метру Мустафе Эль-Гхарби, который смог начать защиту заявителя лишь с четвертой недели судебного разбирательства и с 9 апреля успел навестить его в тюрьме один-два раза под непосредственным наблюдением надзирателей. В ответ на просьбу заявителя предоставить ему адвоката военный следственный судья ответил: "Никакого адвоката". На это заявитель был вынужден ответить: "Нет адвоката - нет показаний". Заявитель

уточняет, что после такого ответа он был жестоко избит сотрудниками военной полиции в помещении рядом с кабинетом следственного судьи во время принудительного перерыва, объявленного этим судьей. Затем с 9 апреля заявитель в течение двух месяцев содержался в одиночной тюремной камере в Тунисе. После применения этой дисциплинарной меры заявитель присутствовал на первом судебном слушании, на котором не было материалов следственного судьи; именно ввиду этого заявитель дал председателю суда разъяснения, напомнив о том, что произошло в ходе допроса у военного следователя.

9.7 Что касается утверждений относительно его признаний, то заявитель настаивает на том, что сделал признания под пыткой, и, опираясь на доклады НССТ, указывает, что подобная практика применяется в ходе политических процессов и иногда - при расследовании уголовных дел. В отношении показаний свидетеля обвинения Мохамеда Бен Али Бен Ромджана, также содержащегося под стражей, заявитель утверждает, что не знает этого человека и что его имя не фигурировало среди 297 обвиняемых, представших перед судом Бушуша, и просит государство-участник представить протокол снятия показаний с этого лица и материалы судебного дела, с тем чтобы проверить, опирался ли суд при вынесении своего постановления на признания, полученные с помощью пытки. По мнению заявителя, привлечение этого свидетеля - чистейшая выдумка лиц, виновных в пытках. Кроме того, заявитель отмечает, что даже в случае выступления свидетеля обвинения у обвиняемого должна быть возможность оспорить его показания или даже провести очную ставку, что не было сделано.

9.8 Относительно условий содержания и свиданий заявитель полагает, что государство-участник опять-таки ограничилось краткими и общими замечаниями в ответ на многочисленные, конкретные и подробные сообщения. Заявитель поясняет, что его переводы из одних тюрем в другие носили характер наказания и никак не были связаны с делами, находившимися на рассмотрении суда, и в этой связи представляет следующую цепь событий:

6 апреля 1991 года	арест и содержание под стражей в застенке министерства внутренних дел; 13 мая 1991 года - негласный перевод в тюрьму Морнага.
4 июня 1991 года	передача в руки органов политической полиции до подписания протокола допроса без ознакомления с его содержанием; доставка к военному следственному судье, а затем к 23.00 - перевоз в гражданскую тюрьму 9 апреля в Тунисе и содержание в ней до ноября 1991 года (в том числе два месяца - в одиночной камере).
1 декабря 1991 года	перевод в тюрьму Борж-Эрруми в Бизерте (в 70 км от места проживания семьи).

4 июля 1992 года	перевод в тюрьму 9 апреля в Тунисе и содержание в ней до 15 сентября 1992 года; в этот период на судебных заседаниях выносятся решения.
28 августа 1992 года	осуждение заявителя к шести годам тюремного заключения и пяти годам административного надзора.
15 сентября 1992 года	перевод в тюрьму Борж-Эрруми в Бизерте и содержание в ней до 4 июля 1993 года.
4 июля 1993 года	перевод в тюрьму Махдии (в 200 км от дома и содержание в ней до 19 сентября 1993 года).
19 сентября 1993 года	перевод в тюрьму Суса (в 160 км от дома) и содержание в ней до 4 апреля 1994 года.
4 апреля 1994 года	перевод в тюрьму Махдии и содержание в ней до конца декабря 1994 года.
конец декабря 1994 года	перевод в тюрьму 9 Апреля в Тунисе; допрос в министерстве внутренних дел с применением пыток в течение четырех дней подряд.
конец декабря 1995 года	перевод в тюрьму Мадхии; голодовка с середины февраля до конца февраля 1996 года с требованием улучшить условия содержания.
конец февраля 1996 года	перевод в тюрьму Эль-Хуриб в Кайруане (в 250 км от дома после окончания голодовки).
20 марта 1996 года	перевод в тюрьму Суса; трехнедельная голодовка в январе 1997 года с требованием улучшить условия содержания.
7 февраля 1997 года	перевод в Режин-Маатуг (в 600 км от дома, посреди пустыни).
27 февраля 1997 года	перевод в тюрьму Суса.
27 мая 1997 года	освобождение из-под стражи, административный контроль в течение пяти лет и подписка о невыезде из Некриф-Ремады (в 630 км от дома).
1 октября 1998 года	бегство из Туниса.

9.9 Заявитель поясняет, что после каждого такого перевода его семья была вынуждена в течение двух-трех месяцев разыскивать его новое место заключения, поскольку пенитенциарная администрация давала на этот счет весьма скудную информацию. По сообщению заявителя, эти переводы делались с целью лишить его физической и моральной поддержки со стороны семьи и, таким образом, наказать его. Заявитель уточняет, что его информацию можно подтвердить с помощью журналов учета прибытия и убытия посетителей тюрем. Заявитель сообщает, что лишение права на свидания являлось средством мести по отношению к нему всякий раз, когда он требовал соблюдения какого-либо права и прибегал с этой целью, в частности, к объявлению голодовок. Кроме того, семья заявителя сталкивалась с трудностями при осуществлении права на свидания из-за многочисленных переводов, удаленности мест содержания и условий свидания (с супругой заявителя обращались грубо, заставляя ее снять платок; в проходе метровой ширины, разделявшем заявителя и его супругу, постоянно находились надзиратели).

9.10 Что касается утверждений о медицинской помощи, то заявитель вновь сообщает, что он был лишен права обратиться к врачу с целью диагностики последствий перенесенных им пыток, и обращает внимание Комитета на фигурирующее в его деле медицинское заключение. В связи с обращением, упомянутым государством-участником, заявитель уточняет, что данный медицинский осмотр был проведен через три недели после его голодовки, что очки ему были выписаны ввиду наступавшей слепоты и что эти очки были ему переданы лишь два месяца спустя.

9.11 По вопросу об административном надзоре заявитель считает, что любое наказание, даже предусмотренное Уголовным кодексом Туниса, может быть квалифицировано как бесчеловечное и унижающее достоинство, если его целью не является "перевоспитание правонарушителя" или его социальная реинтеграция. При этом заявитель поясняет, что он был подвергнут административному надзору за 650 км от своего дома и, следовательно, находился под запретом на выезд, что не было предусмотрено в его приговоре. Заявитель добавляет, что каждый раз, являясь в полицейский участок для проставления подписи в контрольном журнале, он подвергался грубому обращению (иногда даже избиениям) и унижению со стороны полицейских. По его утверждениям, опирающимся на доклад НССТ[m], единственная цель административного надзора - обеспечить полиции полное регулирование права бывшего заключенного на свободу передвижения.

9.12 Что касается положения его семьи, то заявитель сообщает о страданиях, пережитых ею в результате полицейского контроля и всевозможного запугивания. Заявитель упоминает о том, что их старший сын в присутствии своих братьев и матери неоднократно получал пощечины перед входом в дом, возвращаясь из лицея, и допрашивался в местном полицейском участке относительно средств существования семьи. Кроме того, члены его семьи получили паспорта лишь после прибытия заявителя 25 мая 1998 года в Швейцарию,

где он подал ходатайство о предоставлении ему убежища. Первая группа членов его семьи получила паспорта лишь семь месяцев спустя, т.е. 9 декабря 1998 года.

9.13 Относительно движения "Нахда" заявитель вновь утверждает, что, вопреки пояснениям государства-участника, эта организация известна своей приверженностью демократическим идеалам и противодействием диктатуре и безнаказанности. Кроме того, заявитель оспаривает обвинения в терроризме, выдвинутые государством-участником против этой организации.

9.14 Наконец, по мнению заявителя, государство-участник стремится полностью возложить бремя доказывания на потерпевшего, обвиняя его в инертности и бездействии, прикрывается целым арсеналом законодательных мер, которые теоретически позволяют потерпевшим подавать жалобу, и уклоняются от своей обязанности следить за обязательным преследованием преступлений, включая применение пыток. Заявитель утверждает, что тем самым государство-участник преднамеренно игнорирует тот факт, что в праве и в международной судебной практике в области борьбы против пыток ставится особый акцент на роли государств и их обязанностях по обеспечению успешного проведения разбирательства. Однако заявитель констатирует, что государство-участник возлагает бремя доказывания исключительно на потерпевшего, хотя имеющиеся доказательства (судебные дела, журналы учета задержанных, свиданий и т.п.) находятся только в распоряжении государства-участника, и доступ заявителя к ним невозможен. Ссылаясь на европейскую судебную практику[n], заявитель напоминает, что Европейский суд и Европейская комиссия предлагают государствам в случае получения утверждений о применении пытки или жестокого обращения "проводить эффективное расследование утверждений о жестоком обращении", а не довольствоваться перечислением путей подачи жалобы, теоретически имеющихся в распоряжении потерпевшего.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет рассмотрел сообщение, надлежащим образом учитывая всю информацию, представленную ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

10.2 Комитет принял к сведению замечания государства-участника от 3 апреля и 25 сентября 2003 года, в котором оно оспаривает приемлемость жалобы. Он констатирует, что выдвинутые государством-участником аргументы не дают оснований для пересмотра решения Комитета о приемлемости, в частности из-за отсутствия новой или дополнительной информации от государства-участника по вопросу о расследованиях, оперативно проведенных государством-участником (см. пункт 7.2). Поэтому Комитет не считает себя обязанным пересматривать свое решение о приемлемости.

10.3 Теперь Комитет переходит к рассмотрению жалобы по существу и отмечает, что заявитель инкриминирует государству-участнику нарушения статьи 1, пункта 1 статьи 2 и статей 4, 5, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

10.4 В связи со статьей 12 Конвенции Комитет отмечает, что в соответствии с этой статьей власти обязаны незамедлительно проводить беспристрастное расследование всякий раз, когда имеются разумные основания полагать, что была применена пытка и жестокое обращение, причем мотивы таких подозрений не имеют особого значения[o].

10.5 Комитет констатирует, что заявитель обратился с жалобой о применении к нему пыток в Военный трибунал Бушуша в ходе разбирательства и по его делу 9 июля 1992 года в присутствии представителей национальной прессы и международных наблюдателей по правам человека. Кроме того, он отмечает, что государство-участник признает, что заявитель неоднократно выступал в суде с заявлениями о жестоком обращении, намереваясь, по мнению государства-участника, привлечь внимание присутствующих на суде наблюдателей. Комитет также принимает к сведению подробную и обоснованную информацию заявителя о его голодовках в июле 1992 года в тюрьме 9 апреля в Тунисе в течение 12 дней, в Махдии в октябре 1995 года в течение восьми дней и в марте 1996 года - в течение 10 дней в знак протеста против условий содержания и жестокого обращения. Комитет констатирует, что эти сведения не были прокомментированы государством-участником, и считает, что всех этих обстоятельств хватило бы для начала расследования, которое не было проведено в нарушение обязательства немедленно приступить к беспристрастному расследованию, предусмотренного статьей 12 Конвенции.

10.6 Комитет отмечает, что статья 13 Конвенции не требует официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного стремления возбуждать уголовный иск; одно лишь заявление жертвы о доведении соответствующих фактов до сведения государственных властей, представляется достаточным для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания потерпевшего добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции[p].

10.7 При этом Комитет констатирует, что, как он уже указывал, заявитель действительно подал жалобу на жестокое обращение в военный трибунал Бушуша и объявлял голодовки в знак протеста против условий содержания. Однако, в противоположность судебной практике на основании статьи 13 Конвенции, Комитет принимает к сведению позицию государства-участника о том, что заявитель должен был официально воспользоваться внутренними средствами правовой защиты с целью подачи жалобы, в частности путем представления либо справки о подаче жалобы в органы прокуратуры, либо предъявив суду явные следы пытки или жестокого обращения, либо медицинское заключение. Из

этого последнего аспекта, на который Комитет хотел бы обратить внимание, следует, что, с одной стороны, заявитель по-прежнему утверждает, что председатель трибунала Бушуша игнорировал его заявления о применении пыток ввиду отсутствия у заявителя медицинского заключения; что заявитель лишь в ходе слушания его дела был информирован о том, что в период предварительного заключения медицинское освидетельствование прошли лишь несколько обвиняемых; и что председатель трибунала игнорировал его утверждения о нарушении его права на получение медицинского заключения. С другой стороны, государство-участник утверждает, что заявитель преднамеренно решил не обращаться с просьбой о медицинском освидетельствовании, в то время как трибунал распорядился провести такое освидетельствование для всех задержанных, которые того пожелают. Однако Комитет ссылается на материалы рассмотрения доклада, представленного Тунисом в 1997 году, в ходе которого он рекомендовал государству-участнику автоматически проводить медицинские осмотры после получения утверждений о нарушениях; при этом потерпевший не обязан обращаться с соответствующим официальным ходатайством.

10.8 С учетом изложенных выше выводов Комитет полагает, что указанные нарушения несовместимы с предусмотренным в статье 13 Конвенции обязательством немедленно проводить расследование.

10.9 Наконец, Комитет считает, что он не может принять решения относительно предполагаемых нарушений других положений Конвенции, на которые ссылался заявитель, поскольку он ожидает результатов расследования утверждений, касающихся пыток и жестокого обращения, которое должно быть проведено государством-участником.

11. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что переданные ему факты указывают на нарушение статей 12 и 13 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

12. В соответствии с пунктом 5 статьи 112 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник провести расследование утверждений о применении к заявителю пыток и жестокого обращения и проинформировать Комитет о принятых на основании этих выводов мерах в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения.

Примечания

[a] С примерами, изложенными государством-участником, можно ознакомиться в материалах дела.

[b] Заявитель также ссылается на сообщение 91/1997 *А. против Нидерландов*, в которой Комитет против пыток признал правоту тунисского просителя убежища - члена оппозиции, указав на наличие грозящей ему серьезной опасности применения пыток в случае его возвращения в Тунис.

[c] В частности, это предусматривает ознакомление с ценностями прав человека в учебных заведениях правоохранительных органов, в Высшем институте магистратуры и Национальной школе по подготовке и переподготовке руководящего и рядового состава пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений; введение кодекса профессиональной этики руководства органов по правоприменению в области прав человека; и перевод пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений из ведения министерства внутренних дел в ведение министерства юстиции и прав человека.

[d] Создание соответствующего законодательного механизма: вопреки утверждениям заявителя о том, что тунисские власти не криминализировали применение пыток, государство-участник поясняет, что оно безоговорочно ратифицировало Конвенцию против пыток, которая является составной частью внутреннего законодательства Туниса и может применяться в судебных органах; наличие суровых и четких положений уголовного законодательства о пресечении пыток (статья 101-бис Уголовного кодекса Туниса).

[e] Закон от 1 июня 1972 года об административном суде позволяет признать государство ответственным, даже когда оно совершает официальные действия, если его представители, агенты или должностные лица причинили какому-либо лицу материальный или моральный ущерб. Потерпевшая сторона может потребовать у государства возмещения причиненного ущерба в соответствии со статьей 84 Договорно-обязательственного кодекса без ущерба для прямой ответственности его должностных лиц перед потерпевшими сторонами.

[f] Административный суд, постановления № 1013 от 10 мая 1993 года и № 21816 от 24 января 1997 года.

[g] Постановление № 4692 от 30 июля 1996 года, опубликованное в Revue de Jurisprudence et Législation (R.J.L); постановление № 8616 от 25 февраля 1974 года, R.J.L. 1975 год; и постановление № 7943 от 3 сентября 1973 года, R.J.L., 1974 год.

[h] "Le procès-Tournant: A propos des procès militaires de Bouchoucha et de Bab Saadoun en 1992", October 1992; "Pour la réhabilitation de l'indépendance de la justice", April 2000 - December 2001.

[i] Можно ознакомиться в материалах по делу.

[j] "Роль некоторых врачей была столь же неприглядной: в ходе применения пыток их действия заключались в том, чтобы консультировать мучителей о состоянии жертвы и о степени жестокости пытки, которую они могут выдержать; эта информация была получена от потерпевших или в результате проведения анализов, в ходе которых известные врачи преднамеренно скрыли истинные причины повреждений, полученных обвиняемыми от применения физических пыток", доклад НССТ, октябрь 2002 года.

[k] Доклад Международной комиссии юристов по Тунису от 12 марта 2003 года.

[l] Можно ознакомиться в материалах по делу.

[m] Можно ознакомиться в материалах дела.

[n] Guide to Jurisprudence on Torture and Ill-Treatment - Article 3 of the European Convention for the Protection of Human Rights, Debra Long (APT); дело *Рибитш против Австрии*; дело *Ассенов против Болгарии*.

[o] Сообщение № 59/1996 (*Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

[p] Сообщения № 6/1990 (*Генри Унай Парот против Испании*) и № 59/1996 (*Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

Сообщение № 188/2001

Представлено: г-ном Имедом АБДЕЛЛИ (представлен неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон")

От имени: Заявителя

Государство-участник: Тунис

Дата представления жалобы: 29 июня 2000 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 14 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 188/2001, представленной Комитету против пыток г-ном Имедом Абделли в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1. Заявителем является г-н Имед Абделли, гражданин Туниса, родившийся 3 марта 1966 года в Тунисе и проживающий с 7 июля 1998 года в Швейцарии, где он имеет статус беженца. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Тунисом положений статьи 1; пункта 1 статьи 2; и статей 4; 5; 11; 12; 13; 14; 15 и 16 Конвенции. Он представлен неправительственной организацией "Верите-Аксьон".

1.2 Тунис ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и 23 сентября 1988 года сделал заявление, предусмотренное в статье 22 Конвенции.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что он являлся активным членом исламской организации "Нахда" (ранее МТИ). В июле 1987 года в 1 час. 30 мин. ночи заявитель был арестован в

своем доме на основании принадлежности к незаконной ассоциации. Заявитель утверждает, что при аресте полицейские грубо обращались с его матерью и избили дубинками двух его братьев. Заявитель провел два дня в местном полицейском участке, где его содержали в грязном подвале без воды, десять дней - в тюрьме Эль-Горжани, откуда его ежедневно возили в комиссариат района Джебель Джеллуд на допросы; и один месяц - в центре задержания Бушуша.

2.2 Заявитель дает подробное описание различных пыток, которым он подвергался.

2.3 Заявитель утверждает, что по отношению к нему применялся метод пытки, обычно именуемый "курица на вертеле" (жертву раздевают догола, связывают руки под согнутыми ногами, просовывают под коленями железный стержень и подвешивают в таком положении между двумя столами), при этом ему наносили удары, в частности по подошвам ног, коленям и голове. Заявитель утверждает, что он дважды подвергался этой пытке в течение более одного часа. Он добавляет, что в ходе одной из пыток пытавшие его лица мастурбировали его половой орган, чтобы поиздеваться над ним и измотать его.

2.4 Заявитель также утверждает, что его подвергали пытке стулом (человека принуждают встать на колени и держать над головой двумя руками стул как можно выше, при этом его бьют плетью каждый раз, когда он немного опускает стул).

2.5 В последующий период и в течение месяца, когда его содержали в тюрьме Бушуша, относящейся к ведению разведслужб, заявителя подвергали допросам с применением пыток, в частности в положении "курица на вертеле" до потери им сознания. Заявитель утверждает, что каждый день при сопровождении из камеры в кабинеты следователей он получал пощечины и его били дубинками. Кроме того, как утверждает заявитель, члены его семьи не могли получить о нем известий, а его мать была задержана на один день в здании министерства внутренних дел за то, что она потребовала свидания со своим сыном. Заявитель сообщает, что он был свидетелем того, как пытали других заключенных, например Зуссефа Бутхелью и Монсефа Заррука, последний из которых скончался в своей камере 13 августа 1987 года вследствие жестокого обращения с ним.

2.6 С конца августа по 25 октября 1987 года заявитель содержался в тюрьме Туниса в переполненной камере в антисанитарных условиях.

2.7 25 октября 1987 года после того, как ему был вынесен приговор, предусматривающий лишение свободы без отсрочки исполнения приговора, заявитель был переведен в тюрьму Морнага. В результате принятия решения о прекращении дела 24 декабря 1987 года он был освобожден.

2.8 Спустя два месяца заявитель был задержан полицией с видеокассетой, содержащей запись кровавых расправ 1987 года, совершенных государственной службой безопасности

провинции Сус. Заявителя содержали в здании министерства внутренних дел в течение 15 суток и подвергали допросам, в ходе которых его били по лицу и другим частям тела, а также запугивали. Заявитель был освобожден 13 марта 1988 года.

2.9 После выборов в апреле 1989 года заявитель больше не возвращался в дом, где проживала его семья, в связи с волной арестов, направленных, в частности, против членов оппозиционных партий и сочувствующих им лиц. По словам заявителя, в 1990 году его семья подвергалась преследованиям (ночные визиты, вызовы в компетентные органы и изъятие паспортов). В мае 1991 года братья заявителя, Лофти и Набил, были арестованы и подвергнуты пыткам с целью получения от них информации о заявителе.

2.10 20 ноября 1991 года в 7 часов утра заявитель был арестован сотрудниками государственной службы безопасности. В течение 25 дней, по словам заявителя, он подвергался различным пыткам. Заявитель описывает метод пытки "баланко" (жертву подвешивают за ноги и окунают головой в емкость, наполненную грязной водой, в которую добавлены едкие моющие средства и другие химические вещества, до наступления асфиксии). Заявитель также сообщает, что пытавшие его лица привязывали к его половому органу веревку, за которую они непрерывно дергали в разные стороны до тех пор, пока из его полового органа не появлялась кровь, смешанная со спермой.

2.11 Заявителя также клали на стол и мастурбировали его половой орган, доводя до состояния эрекции, после чего наносили по нему удары. Заявитель также сообщает, что ему делали инъекции в мошонку, которые сначала вызывали сильное возбуждение, а затем - нестерпимую боль. Он добавляет, что он подвергался другой изощренной пытке (одновременные удары ладонями по обоим ушам до наступления обморока), что привело к ослаблению его слуха. Он также утверждает, что пытавшие его лица пользовались советами врача, с тем чтобы определить достаточный уровень пытки.

2.12 Как утверждает заявитель, на двадцать пятые сутки начальник службы государственной безопасности Эззедин Джамаил тушил сигареты о его тело, в частности половые органы.

2.13 13 января 1992 года заявитель был переведен в центральную тюрьму Туниса.

2.14 После непродолжительных допросов перед судьей 12 марта 1992 года заявитель был осужден к двум годам тюремного заключения без отсрочки исполнения приговора и к трем годам административного надзора за участие в поддержке незаконной ассоциации, и этот приговор был оставлен в силе 7 июля 1992 года после подачи апелляционной жалобы. Заявитель предъявляет справку представителя неправительственной организации по наблюдению за положением в области прав человека, присутствовавшего на одном из судебных заседаний и заявившего, что его дело вызывает серьезную обеспокоенность.

2.15 Заявитель поясняет, что ему было отказано в просьбе о медицинском освидетельствовании и что, помимо этого, один из работников администрации пенитенциарного учреждения угрожал вновь подвергнуть его пыткам, если он пожалуется судье на обращение с ним.

2.16 После шестимесячного содержания в центральной тюрьме Туниса заявителя несколько раз переводили в другие пенитенциарные учреждения страны (в частности, гражданскую тюрьму Кеф, с 19 июля по 15 октября 1992 года; тюрьму Кассерин, с 15 по 18 октября 1992 года; а затем тюрьму Гафса и т.д.), как он утверждает, с целью воспрепятствовать его контактам с родственниками. Заявитель утверждает, что с ним обращались так, как будто он принадлежал к "касте неприкасаемых", т.е. ему запрещали разговаривать с другими задержанными и пользоваться их помощью; его также лишили возможности переписки с родственниками и свиданий с ними. Заявитель сообщает, что его мать, когда она посещала тюрьму, подвергалась грубому обращению (с нее срывали головной платок и присылали повестки с вызовом в компетентные органы после посещения ею тюрьмы).

2.17 После освобождения из тюрьмы Гафса 11 января 1994 года заявитель был доставлен в главную комендатуру сил безопасности провинции с целью заполнения регистрационной карточки и представления ответов на вопросник, касающийся деятельности заключенных и их планов на будущее. По прибытии в Тунис ему было предписано зарегистрироваться в комиссариате района Горджани.

2.18 Кроме того, заявитель был помещен под административный надзор, в связи с чем ему было предписано дважды в день - в 10.00 и 16.00 - отмечаться в местном полицейском участке, и ежедневно - в комиссариате полиции. Согласно заявителю, режим административного надзора также выражался в том, что ему было предписано место жительства и запрещено работать. К тому же, по прошествии нескольких недель после его освобождения он должен был являться по вызову в различные органы безопасности (жандармерия автодороги X, Бардо; следственное управление, относящееся к ведению национальной жандармерии, Бардо; службы разведки; Управление государственной безопасности; и казармы национальной жандармерии в Ауине). В указанных учреждениях он подвергался допросам и от него требовали сотрудничества с властями в деле преследования оппозиционеров, угрожая в случае отказа вновь подвергнуть преследованию его самого и членов его семьи (ночные визиты и вызовы в компетентные органы).

2.19 После угрозы невыполнения требований режима административного надзора, как утверждает заявитель, он смог возобновить свое обучение в университете, которому, однако, в значительной степени препятствовали многочисленные вызовы в комиссариат Сиджуми по причине отказа заявителя от сотрудничества.

2.20 Весной 1995 года заявитель был вновь арестован по обвинению в попытке бегства из страны. Заявитель был задержан на десять суток и подвергнут жестокому обращению (удары, пощечины и угрозы сексуального насилия) с целью принуждения его к сотрудничеству. Под давлением заявитель 12 апреля 1995 года подписал протокол, свидетельствующий о том, что он является активным членом запрещенной организации "Нахда".

2.21 Впоследствии 18 мая 1995 года заявитель был приговорен судом первой инстанции Туниса к тюремному заключению сроком на три года и помещению под административный надзор на пять лет; после подачи апелляционной жалобы этот приговор 31 мая 1996 года был оставлен в силе.

2.22 Заявитель сообщает, что он обратился к судье суда первой инстанции Туниса с требованием защитить его от ежедневного жестокого обращения, которому он подвергается в тюрьме, поставив его в известность о том, что неделю назад он объявил голодовку. Однако, как утверждает заявитель, тогда полиция выдворила его из зала суда, при этом судья никак не отреагировал на это.

2.23 В период содержания заявителя в центральной тюрьме Туниса с 13 апреля 1995 года по 31 августа 1996 года по отношению к нему применялись пытки, в частности, пытка "фалька" (жертву привязывают ногами к перекладине, поднимают и бьют по подошвам ступней). Заявитель утверждает, что заместитель начальника тюрьмы лично принимал участие в пытках: заявителя привязывали к двери камеры и били дубинкой по голове до тех пор, пока он не терял сознание. В конце августа и начале сентября 1995 года заявителя сажали в одиночную камеру, лишая возможности мыться. В этой связи заявитель объявил голодовку, требуя доступа к услугам врача и прекращения применения по отношению к нему дискриминационного обращения.

2.24 После перевода в тюрьму Громбалии заявитель продолжал голодовку с 28 ноября до 13 сентября 1997 года и вновь подвергался избиениям по приказу начальника тюрьмы.

2.25 Заявитель сообщает, что в течение нескольких лет содержания его под стражей он смог лишь один раз встретиться со своими адвокатами в присутствии тюремного охранника.

2.26 После освобождения 12 апреля 1998 года заявитель подвергался преследованию, в частности в виде вызовов в компетентные органы, допросов и ежедневной регистрации вплоть до его бегства в Швейцарию 22 июня 1998 года, где в декабре 1998 года он получил статус беженца.

2.27 Заявитель утверждает, что после его бегства члены его семьи подвергались допросам и другим унизительным процедурам (в частности, его матери было отказано в выдаче паспорта).

2.28 Заявитель представил список пытавших его лиц, в котором значатся: Эззеддин Джнейх (начальник Управления государственной безопасности в 1991 году); Мухамед Эннасер (начальник службы разведки в 1995 году); Монсеф бен Гбила (старший офицер службы государственной безопасности в 1987 году); Моджахид Фархи (подполковник); Белхассен Килани (капитан); Салим Бугниа (капитан); Фаузи эль Аттрусс (комендант); Хеди Иззитуни (капитан); Абдеррахман Гуесми (сотрудник министерства внутренних дел); Файсал Редисси (оттуда же); Тахар Длэтия (охранник центра задержания Бушуша); Мухамед бен Амор (служба государственной безопасности); Хасен Тхемири (аджюдан-шеф); Мохамед Кассем (заместитель начальника тюрьмы Мессадин в 1997 году); Хабиб Хаула (начальник корпуса тюрьмы Мессадин); Мухамед Зрелли (начальник корпуса тюрьмы Громбалии). Заявитель добавляет, что ответственность за жестокое обращение, которому он подвергался, несет тогдашний министр внутренних дел Абдалла Калель, поскольку именно он был назван ответственным за кампанию террора в ходе пресс-конференции, состоявшейся 22 мая 1991 года.

2.29 Заявитель сообщает о медицинских осложнениях, ставших следствием применения к нему пыток и содержания его в плохих условиях, в частности о проблемах со слухом (заявителем прилагается справка, выданная швейцарским врачом-отоларингологом); ревматизме, дерматологических проблемах, язве и расстройстве психики.

2.30 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то заявитель утверждает, что подобными средствами защиты в Тунисе, хотя они и закреплены в законодательстве, на практике воспользоваться невозможно из-за предвзятого отношения судей и безнаказанности, которой пользуются нарушители закона. Заявитель добавляет, что такие органы, призванные стоять на страже прав человека, как Верховный комитет по защите прав и основных свобод человека и Конституционный совет, в силу положений их уставов не способны выступать на стороне лиц, подающих жалобы, касающиеся применения пыток. В обоснование своего утверждения заявитель приводит выдержки из докладов таких неправительственных организаций, как "Международная амнистия".

Суть жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что тунисское правительство нарушило следующие статьи Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания:

Статью 1. Вышеуказанные методы физического воздействия ("фалька", "курица на вертеле", "баланко", "стул" и т.д.), которые применялись к заявителю, являются актами пыток.

Пункт 1 статьи 2. Государство-участник не только не приняло эффективных мер для предотвращения актов пыток, но, напротив, использовало свой административный и, в частности, полицейский аппарат как инструмент пыток, примененных к заявителю.

Статью 4. Государство-участник не квалифицировало все акты пыток, которым был подвергнут заявитель, как уголовные преступления.

Статью 5. Государство-участник не возбудило судебное преследование в отношении лиц, подвергавших заявителя пыткам.

Статью 11. Власти не воспользовались своими надзорными полномочиями для предотвращения актов пыток, которые противоречат положениям соответствующих инструкций.

Статью 12. Государство-участник не провело беспристрастного расследования актов пыток, которым был подвергнут заявитель.

Статью 13. Государство-участник по сути не обеспечило право заявителя на предъявление жалобы компетентным властям.

Статью 14. Государство-участник проигнорировало право заявителя на предъявление жалобы и тем самым лишило его права на компенсацию.

Статью 15. Заявитель был приговорен в 1992 и 1995 годах к тюремному заключению на основании признаний, сделанных под пыткой.

Статью 16. Вышеизложенные репрессивные меры и виды обращения (нарушения права на предоставление медицинского обслуживания и лекарств, на переписку, ограничение посещений родственниками, предписание места жительства, преследование родственников и т.д.), использованные государством-участником в отношении заявителя, представляют собой жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

3.2 Заявитель также сообщает об ущемлении его права на отправление религиозных обрядов в период его содержания под стражей, свободы передвижения и его права на работу в период нахождения под административным надзором, а также его права на продолжение обучения. Заявитель требует возмещения за нанесенный ему и его

родственникам ущерб, и в частности прекращения ежедневного преследования его близких местной полицией и выдачи им паспортов.

Замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

4.1 4 декабря 2001 года государство-участник оспаривает приемлемость жалобы и утверждает, что заявитель не использовал и не исчерпал имевшиеся внутренние средства правовой защиты. Оно утверждает, во-первых, что заявитель мог использовать имевшиеся средства правовой защиты, поскольку срок давности применительно к деяниям, якобы имевшим место и квалифицируемым тунисским законодательством как уголовное преступление, составляет десять лет.

4.2 Государство-участник поясняет, что с точки зрения уголовного права истец может, в том числе из-за рубежа, подать иск представителю прокуратуры, в ведение которой входит данная территория. Он может также поручить адвокату-тунисцу вчинить указанный иск или просить адвоката-иностранца сделать это с помощью его тунисского коллеги.

4.3 Согласно тем же уголовно-процессуальным нормам, прокурор Республики примет указанный иск и возбудит судебное расследование. Следователь, ведущий это дело, выслушает истца в соответствии со статьей 53 Уголовно-процессуального кодекса. В рамках этого слушания он сможет опросить свидетелей, допросить подозреваемых, провести расследование на месте и собрать доказательную документацию. Он сможет также отдать распоряжение о проведении экспертизы и предпринять любые шаги по сбору доказательств в поддержку и в опровержение иска для выяснения истины и констатации фактов, которые помогут суду обосновать его решение.

4.4 Государство-участник уточняет, что истец может, кроме того, выступать в роли гражданского истца перед следователем в ходе расследования и требовать компенсации понесенного ущерба в дополнение к уголовному наказанию лиц, допустивших нарушение закона, в результате которого он пострадал.

4.5 Если следователь считает, что гражданский иск неприемлем, что соответствующие деяния не являются правонарушением или что имеющихся обвинений против обвиняемого недостаточно, то он принимает постановление об отсутствии оснований для возбуждения уголовного преследования. Если же следователь, напротив, считает, что факты образуют состав преступления, наказуемого тюремным заключением, то он направляет обвиняемого к соответствующему судье, в данном случае в обвинительную палату апелляционного суда по уголовным делам. Любые постановления следователя немедленно сообщаются всем сторонам дела, в том числе истцу, выступающему в качестве гражданского истца. После уведомления истца, которое должно быть произведено не позднее чем через 48 часов, истец вправе в течение четырех суток опротестовать решения, наносящие ущерб его интересам. Такая апелляция, поданная в

письменном или устном виде, принимается следственным органом. При наличии достаточных оснований для обвинения обвинительная палата направляет обвиняемого в соответствующий судебный орган (суд, ведающий рассмотрением серьезных уголовных дел, или уголовная палата суда первой инстанции), принимая постановления по всем пунктам обвинения, возникшим в ходе разбирательства. Она может также, при необходимости, запросить дополнительную информацию от одного из своих советников или следователя и даже потребовать возбуждения нового дела для получения или предоставления сведений о фактах, еще не являвшихся предметом расследования. Решения обвинительной палаты подлежат незамедлительному исполнению.

4.6 После уведомления решения обвинительной палаты могут быть обжалованы в кассационном порядке истцом, выступающим в качестве гражданского истца. Эта апелляция принимается в случае, если постановлением обвинительной палаты предусматривается прекращение уголовного дела; принимается решение либо о неприемлемости иска со стороны гражданского истца, либо о возбуждении предусмотренного судебного разбирательства; заявляется о некомпетентности занимающегося делом суда или не принимается постановления по одному из пунктов обвинения.

4.7 Государство-участник подчеркивает, что в соответствии со статьей 7 Уголовно-процессуального кодекса истец может выступать в качестве гражданского истца в суде, занятом рассмотрением дела (суд, занимающийся рассмотрением серьезных уголовных дел, или обвинительная палата в суде первой инстанции), и, в зависимости от конкретных обстоятельств, может подать апелляцию либо в апелляционный суд, если рассматриваемое правонарушение является обычным преступлением, либо в уголовную палату в апелляционном суде, если речь идет об уголовном преступлении. Истец может также подавать кассационную жалобу.

4.8 Во-вторых, государство-участник подчеркивает, что внутренние апелляции вполне эффективны. По его мнению, тунисские суды систематически и последовательно реагировали на нарушения закона, и те, кто злоупотреблял законом или нарушал его, строго наказывались. Государство-участник утверждает, что с 1 января 1988 года по 31 марта 1995 года к суду были привлечены 302 полицейских или национальных гвардейца по различным обвинениям, причем 227 из них были обвинены в злоупотреблении служебным положением. Наказания, которые они понесли, варьировались от штрафа до многолетнего тюремного заключения[a].

4.9 В-третьих, государство-участник утверждает, что политическая и партийная мотивация заявителя, а также его оскорбительные и клеветнические выпады позволяют полагать, что его иск является злоупотреблением правом на представление сообщений.

4.10 Государство-участник поясняет, что идеология и политическая программа "движения", активным членом которого был заявитель, основываются исключительно на религиозных принципах, которые, будучи экстремистскими религиозными взглядами, отрицают одновременно демократические права и права женщины. Речь идет о незаконном "движении", разжигающем религиозную и расовую ненависть и проповедующем насилие. По мнению государства-участника, это "движение" проявило себя в террористических актах, приведших к гибели людей и нанесению материального ущерба в 1990-1991 годах. В этой связи в силу того, что оно противоречит Конституции и закону о политических партиях, данное "движение" не было разрешено государственной властью.

4.11 Государство-участник поясняет, что заявитель выдвигает необоснованные утверждения, согласно которым "тунисские власти не квалифицируют акты пытки как уголовное преступление…". Согласно государству-участнику, это утверждение опровергается тем фактом, что законодатель законом № 99-89 от 2 августа 1999 года о внесении изменений в некоторые положения Уголовного кодекса включил во внутреннее законодательство определение пытки в том виде, в котором оно содержится в Конвенции против пыток.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1 В письме от 7 мая 2002 года заявитель оспаривает утверждение государства-участника о том, что заявитель якобы не изъявлял желания обратиться за помощью к тунисской судебной системе, с тем чтобы воспользоваться внутренними средствами правовой защиты.

5.2 Заявитель полагает, что сроки рассмотрения жалоб являются неоправданно затянутыми. Заявитель напоминает в этой связи, что процедура рассмотрения апелляции в отношении вынесенного ему в 1995 году приговора потребовала проведения 18 заседаний и продолжалась с июня 1995 года до конца мая 1996 года. Согласно заявителю, ответственность за такую задержку несут только власти, которые неоднократно переносили сроки рассмотрения его апелляции из-за трудного положения, в котором они оказались, будучи обязаны осудить человека, который к тому же не является политическим оппозиционером, за попытку незаконного выезда с территории страны, поскольку такое осуждение уже само по себе нанесло бы ущерб репутации существующего режима, что препятствует вынесению сурового наказания. Заявитель считает, что такая задержка в простой процедуре рассмотрения жалобы показывает, что процедура рассмотрения жалобы в отношении применения пыток, если таковая вообще будет принята, будет еще более продолжительной. Кроме того, заявитель сообщает, что, хотя его фамилия фигурировала в различных докладах неправительственных организаций, в частности после его осуждения в 1995 году, реакция властей на это выразилась в ухудшении условий его содержания (телесные наказания и психологическое воздействие,

а также перевод в различные тюрьмы, находящиеся на значительном удалении от места жительства его семьи) и в преследовании членов его семьи в виде ужесточения режима надзора. В обоснование своей аргументации заявитель также ссылается на дело г-на Абдеррауфа Хемаиса Бен Садока Лариби, который скончался в полицейском участке в результате жестокого обращения, которому он был подвергнут. Как утверждает заявитель, несмотря на то, что семья погибшего подала 9 августа 1991 года жалобу на действия министра внутренних дел, обвиняя его в умышленном убийстве, и на то, что в результате освещения этого дела в средствах массовой информации семье была выплачена материальная компенсация, а также на встречу с советником Президента, данное дело было прекращено без проведения реального расследования, поскольку тогдашний министр пользовался полным покровительством режима.

5.3 Заявитель также полагает, что процедуры обращения к правосудию не могли обеспечить эффективной защиты его прав. Заявитель напоминает о безрезультатных действиях, предпринятых им в 1992 году в связи с его требованием о проведении медицинской экспертизы и в 1995 году, когда он обратился в судебные органы с целью обеспечения его защиты от жестокого обращения. По этой причине заявителю представлялось невозможным обеспечить защиту своих прав в судебных органах. Заявитель уточняет, что рассмотрение его дела судьей не явилось исключением, и в этой связи приводит выдержку из доклада Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе. Заявитель утверждает, что судебная система не является независимой и не обеспечила никакой защиты его прав, когда он был дважды осужден в 1992 и 1995 годах. Заявитель утверждает, что является жертвой "практики пыток", используемой в Тунисе, и что подача им жалобы в Комитет против пыток была сопряжена с огромной психологической нагрузкой из-за его опасений в отношении возможного преследования его семьи. Он, наконец, добавляет, что, несмотря на его голодовки протеста против жестокого обращения, не было принято никаких дополнительных мер по защите его прав, за исключением выплаты некоторой материальной компенсации. Кроме того, несколько его писем, направленных в главное управление тюрем в связи с его голодовками, не дали никакого результата в плане защиты прав заявителя. Далее передача пенитенциарных учреждений в ведение министерства юстиции никоим образом не изменила характер взаимодействия этих двух структур. Заявитель приводит выдержки из докладов Международной федерации по правам человека (МФПЧ) и Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе в подтверждение своего заявления о безрезультатности жалоб в отношении применения пыток и давления со стороны властей с целью помешать представлению таких жалоб. Наряду с этим заявитель утверждает, что в условиях режима административного надзора, под который он был помещен и который был сопряжен с необходимостью постоянной регистрации в восьми различных органах власти, где его подвергали запугиванию, подача жалобы грозила бы ему опасностью.

5.4 Кроме того, заявитель опротестовывает утверждение государства-участника в отношении возможности использования услуг тунисского адвоката для подачи жалобы из-за границы.

5.5 Заявитель сообщает о фактах грубых нарушений властями принципа свободы и независимости профессии адвоката. Согласно заявителю, адвокаты, которые осмеливаются выступать в роли защитников по жалобам в отношении применения пыток, становятся жертвами преследования и других санкций, включая приговоры к тюремному заключению. Заявитель ссылается в качестве примера на дела Ме Неджиба Хосни, Бешира Эссида и г-на Ануара Косри, а также приводит выдержки из докладов и заявлений "Международной амнистии", Всемирной организации против пыток (ВОПП), МФПЧ и Международной комиссии юристов. Заявитель также добавляет, опираясь в каждом случае на эти доклады неправительственных организаций, что жалобы, поданные жертвами пыток в течение нескольких лет, в частности, после принятия в 1988 году статьи 13-бис Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей возможность посещения врачом, не дали никаких результатов. Он также сообщает, что в ряде случаев разрешение о медицинском освидетельствовании предоставлялось с большой задержкой, когда следы жестокого обращения уже было невозможно установить; и что нередко медицинское освидетельствование проводилось врачами, попустительствующими действиям тюремной администрации, которые не находят никаких отклонений в физическом состоянии задержанных, даже если следы являются очевидными. Заявитель считает, что в подобных условиях назначение адвоката не будет иметь большого значения.

5.6 Кроме того, заявитель упоминает в качестве еще одного препятствия тот факт, что правовая помощь не только не является общепринятой практикой в Тунисе, но и что даже ее предоставление не обеспечивает необходимых гарантий.

5.7 Заявитель подчеркивает, что подача жалобы тунисским властям из-за границы сопряжена с опасностью применения по отношению к жалобщику пункта 3 статьи 305 Уголовно-процессуального кодекса Туниса, который гласит, что "подвергаться уголовному преследованию и быть осужденным тунисскими судами может любой тунисец, совершивший за пределами территории Туниса одно из правонарушений, перечисленных в статье 52-бис Уголовного кодекса, даже если указанные правонарушения не караются в соответствии с законодательством государства, на территории которого они были совершены". Заявитель считает, что факт подачи им жалобы из-за границы мог быть приравнен к оскорблению действующего режима, и государство-участник могло бы назвать заявителя террористом.

5.8 Наряду с этим заявитель поясняет, что его положение политического беженца в Швейцарии не позволяет ему довести до конца возможное разбирательство из-за ограничений, налагаемых на контакты беженца с органами власти его страны. Заявитель

объясняет, что прекращение любых отношений со страной происхождения является одним из условий получения статуса беженца и играет важную роль при решении вопроса о лишении права на убежище. По словам заявителя, в убежище действительно может быть отказано, если беженец снова неожиданно заявляет о защите со стороны страны своего происхождения, например, поддерживая тесные контакты с ее органами власти или регулярно выезжая в нее.

5.9 Заявитель оспаривает также объяснения государства-участника в отношении наличия средств правовой защиты. Он считает, что государство-участник ограничилось цитированием процедуры, описанной в Уголовно-процессуальном кодексе, которая никогда не применяется на практике, особенно в отношении политических заключенных. Заявитель приводит в подтверждение этого доклады "Международной амнистии", Организации по наблюдению за положением в области прав человека, ВОПП, Национальной консультативной комиссии по правам человека Франции и Национального совета за гражданские свободы в Тунисе. Заявитель ссылается также на заключительные замечания по Тунису Комитета против пыток от 19 ноября 1998 года. Заявитель подчеркивает, что Комитет против пыток рекомендовал, среди прочего, чтобы государство-участник a) гарантировало жертвам пыток право обращаться с жалобами, не опасаясь стать объектом репрессий, притеснений, жестокого обращения или всевозможных преследований даже в случае, если результаты расследования не подтверждают их заявления, и требовать и получать компенсацию, если эти заявления оказываются достоверными; b) приняло меры к тому, чтобы было автоматически предусмотрено проведение медицинского освидетельствования по поступлении заявления о жестоком обращении и чтобы в случае смерти при содержании под стражей всегда производилось вскрытие трупа; c) приняло меры к тому, чтобы результаты всех расследований случаев пыток предавались гласности и чтобы эта информация содержала подробные сведения о совершенных правонарушениях, фамилиях виновных, датах, названиях мест и обстоятельствах инцидентов, а также о примененных наказаниях. Кроме того, Комитет отметил, что значительная часть действующего в Тунисе законодательства по защите прав арестованных на практике не применяется. Он также выразил озабоченность по поводу огромного несоответствия, существующего между правом и практикой в том, что касается защиты прав человека, и особую обеспокоенность в связи с сообщениями о систематических пытках и других видах жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, которым силы безопасности и полиции подвергают задержанных и которые в ряде случаев привели к смерти лиц, содержавшихся под стражей.

5.10 Кроме того, заявитель напоминает об отсутствии независимости судебного аппарата и органов, призванных осуществлять надзор за применением закона. Наконец, заявитель подчеркивает, что ответ государства-участника в данном случае указывает на то, что не было проведено никакого внутреннего расследования по достаточно подробно изложенным фактам, представленным в данной жалобе.

5.11 Заявитель также оспаривает утверждения государства-участника, касающиеся эффективности внутренних средств правовой защиты.

5.12 Что касается 302 случаев, когда сотрудники полиции и национальные гвардейцы были, согласно государству-участнику, привлечены к судебной ответственности, то заявитель указывает на отсутствие убедительных доказательств достоверности этих случаев, информация о которых не публиковалась и не предавалась гласности; отсутствие связи между 277 случаями, на которые ссылается государство-участник, и проблемой злоупотребления служебным положением в данном конкретном случае; а также на то, что государство-участник ссылается на те случаи, которые не наносят ущерба реноме Туниса и, следовательно, не связаны с какими-либо случаями жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Заявитель отмечает, что случаи, которые упоминает государство-участник, имели место в период 1988-1995 годов и были предметом упомянутых выше заключительных замечаний Комитета против пыток.

5.13 Наконец, заявитель считает, что комментарии государства-участника по поводу его принадлежности к движению "Нахда" и в отношении его самого свидетельствуют о наличии и сохранении дискриминации по отношению к оппозиции, которая по-прежнему остается вне закона. По мнению заявителя, квалификация государством-участником данного случая как имеющего отношение к терроризму доказывает предвзятость его подхода и, следовательно, невозможность эффективного использования внутренних средств правовой защиты. К тому же заявитель подчеркивает, что запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения является гарантией, не допускающей никаких исключений, в том числе для террориста.

5.14 В заключение, принимая во внимание предыдущие пояснения, заявитель отклоняет комментарий государства-участника, рассматривающего данную жалобу как злоупотребление правом, и считает, что такая аргументация относится к государству-участнику, принявшему решение по существу заняться политическим маневрированием, не имеющим никакого отношения к юридической сфере.

Дополнительные замечания государства-участника по вопросу о приемлемости

6.1 8 ноября 2002 года государство-участник вновь оспаривает приемлемость жалобы. Государство-участник заявляет, во-первых, что утверждения заявителя относительно обращения в тунисские суды и использования внутренних средств правовой защиты являются совершенно необоснованными и не подкреплены никакими доказательствами. Государство-участник уточняет, что продолжительность процедур обжалования не превышает разумные сроки и что срок исковой давности гражданского иска, касающегося содержащихся в жалобе утверждений, еще не истек, так как в рассматриваемом случае он составляет десять лет. Во-вторых, государство-участник считает, что утверждения заявителя, согласно которым подача жалобы на рассмотрение тунисских властей из

другой страны может повлечь за собой применение положений статьи 305.3 Уголовно-процессуального кодекса, позволяющих возбуждать судебное преследование в отношении лиц, совершивших террористические акты, являются абсолютно необоснованными. В-третьих, государство-участник утверждает, что заявитель, вопреки его утверждениям, имеет возможность нанять адвоката по своему выбору с целью подачи жалобы из-за границы. Государство-участник добавляет, что статус беженца заявителя не может лишить его права на подачу жалобы на рассмотрение тунисских судов. В-четвертых, государство-участник утверждает, что использование внутренних средств правовой защиты в тунисских судах является в рассматриваемом случае не только возможным, но и эффективным, о чем свидетельствует тот факт, что жертвы нарушений в Тунисе добивались сатисфакции. Наконец, государство-участник уточняет, что его утверждения, содержащиеся в его ответе от 4 декабря 2001 года, не преследуют цель оклеветать заявителя, который, тем не менее, злоупотребляет своим правом на подачу жалобы.

Решение Комитета о приемлемости

7.1 На своей двадцать девятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы и в решении от 20 ноября 2002 года признал ее приемлемой.

7.2 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты Комитет отметил, что государство-участник оспаривает приемлемость жалобы на основании того, что имеющиеся действенные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В данном случае Комитет констатировал, что государство-участник представило подробное описание как средств правовой защиты, по закону доступных любому заявителю, так и случаев эффективного использования подобных средств защиты применительно к лицам, допустившим злоупотребление законом и нарушившим закон. Тем не менее Комитет счел, что государство-участник недостаточно убедительно продемонстрировало соответствие своей аргументации обстоятельствам, характеризующим дело заявителя, утверждающего, что он пострадал от нарушения своих прав. Комитет уточнил, что он не ставит под сомнение представленную государством-участником информацию о фактах судебного преследования и осуждения сотрудников правоохранительных органов за совершение различных нарушений. Вместе с тем Комитет указал, что он не может не учитывать, что факты, рассматриваемые в связи с данным делом, имели место в 1987 году и что если продолжительность срока исковой давности составляет 10 лет, то в данном случае возникает вопрос о его истечении в национальных судах, если только срок не прерывался и не приостанавливался, о чем государство-участник не представило никакой информации. Кроме того, Комитет отметил, что утверждения заявителя касаются фактов, имевших место достаточно давно, которые были доведены до сведения соответствующих властей. Комитет указал, что до настоящего времени он не получал информации о каких-либо расследованиях, проведенных по поручению государства-участника. Поэтому Комитет счел, что в данном случае представляется крайне маловероятным, что исчерпание внутренних средств

правовой защиты обеспечит заявителю сатисфакцию, и постановил применить положение подпункта b) пункта 5 статьи Конвенции.

7.3 Кроме того, Комитет принял к сведению аргумент государства-участника о том, что жалоба заявителя является злоупотреблением правом на подачу жалобы. Комитет счел, что любое утверждение о применении пыток является серьезным и что лишь рассмотрение вопроса по существу может позволить определить, являются ли эти утверждения клеветническими. Комитет также счел, что политическая и партийная принадлежность заявителя, оспоренная государством-участником, не препятствует рассмотрению этой жалобы в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции.

Замечания государства-участника относительно существа дела

8.1 В своих замечаниях от 3 апреля и 25 сентября 2003 года государство-участник оспаривает обоснованность утверждения заявителя, по-прежнему считая его жалобу неприемлемой.

8.2 В связи с утверждениями о "пособничестве" и инертности государства-участника по отношению к "применению пыток" государство-участник поясняет, что в нем был создан механизм предупреждения[b] и противодействия[c] практике пыток в целях предотвращения любого деяния, посягающего на достоинство и физическую неприкосновенность личности.

8.3 Относительно утверждений о "применении пыток" и "безнаказанности лиц, виновных в применении пыток" государство-участник считает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений. Оно подчеркивает, что, вопреки утверждениям заявителя, оно приняло все законодательные и практические меры на уровне судебных и административных органов с целью воспрепятствования применению пыток и преследования подозреваемых в их применении лиц на основании статей 4, 5 и 13 конвенции. Кроме того, по мнению государства-участника, заявитель не привел никаких мотивов, свидетельствующих о бездействии и инертности государства-участника перед лицом имеющихся де-юре и де-факто возможностей обращения в судебные и административные органы (см. пункт 6.1). В связи с решением Комитета по вопросу о приемлемости государство-участник подчеркивает, что заявитель касается не только "фактов", имевших место в 1987 году, но и "фактов", происшедших в 1995, 1996 и 1997 годах, т.е. в период, когда Конвенция против пыток уже была полностью инкорпорирована во внутреннее законодательство Туниса и когда он заявляет о "жестоком обращении", которому он якобы подвергался в ходе содержания под стражей в "центральной тюрьме Туниса" и в "тюрьме Громбальи". Таким образом, сроки исковой давности не истекли, и поэтому заинтересованному лицу настоятельно необходимо прервать эти сроки, либо действуя непосредственно перед судебными органами, либо предпринимая действия по их прерыванию. Кроме того, государство-участник указывает на имеющиеся в распоряжении заявителя возможности получения компенсации за любой

серьезный проступок, совершенный должностным лицом при исполнении служебных обязанностей[d], уточнив, что срок исковой давности составляет 15 лет[e]. Государство-участник напоминает, что суды Туниса систематически принимали меры по восстановлению любого нарушения законов о пресечении применения пыток (см. пункт 4.8).

8.4 Что касается утверждений о несоблюдении гарантий судебного разбирательства, то государство-участник считает их необоснованными. По его мнению, власти не лишали заявителя возможности подать жалобу в суд; напротив, заявитель сам решил не использовать внутренние средства правовой защиты. В связи с "обязанностью" судей не учитывать заявления, сделанные под пыткой, государство-участник ссылается на статью 15 Конвенции против пыток и полагает, что подозреваемому надлежит представить судье хоть какие-то доказательства, способные подтвердить, что он сделал свои заявления в условиях нарушения закона. Таким образом, ему следовало принять меры по установлению доказательств своих утверждений - представить медицинский отчет или заключение, подтверждающее факт подачи жалобы в прокуратуру или даже предъявить суду видимые следы пытки или жестокого обращения. Однако, как поясняет государство-участник, заявитель не счел целесообразным подать жалобу ни в ходе его содержания под стражей, ни в ходе судебного разбирательства; такой подход вписывается в стратегию незаконного экстремистского движения "Нахда", которая направлена на дискредитацию институтов Туниса через утверждения о том, что он систематически являлся жертвой пыток и жестокого обращения, без использования при этом имеющихся средств защиты.

8.5 Относительно утверждений о признаниях государство-участник считает, что утверждение заявителя о том, что он был осужден исключительно на основе своих признаний, является беспочвенным. Государство-участник уточняет, что, согласно последнему пункту статьи 69 и статье 152 Уголовно-процессуального кодекса, признание обвиняемого не может освобождать судью от поиска других доказательств и что признание как элемент доказывания остается на усмотрении судей. Исходя из этого, уголовная практика судов Туниса постоянно указывает на то, что обвинительный приговор не может быть вынесен исключительно на основе признаний[f]. В данном случае, помимо признаний заявителя, суд в ходе всего разбирательства опирался на показания его сообщников. Кроме того, государство-участник отклоняет утверждение заявителя о том, что он подписал протокол, не ознакомившись с его содержанием, как необоснованное, так как по закону задержанный должен прочитать протокол перед его подписанием, что, по мнению государства-участника, и было сделано. Относительно утверждений заявителя о том, что разбирательство по его делу шло то быстрыми, то медленными темпами, государство-участник уточняет, что длительность разбирательства продиктована соблюдением права на защиту. Кроме того, во избежание выжидательных маневров со стороны адвоката и даже прокуратуры, направленных на перенос судебных слушаний,

государство-участник указывает, что решения судьи всегда являются мотивированными, как и решение о переносе слушаний, связанных с уголовным преследованием заявителя.

8.6 Что касается утверждений об условиях содержания, и в частности о сравнении пенитенциарных учреждений с "концентрационными лагерями", то государство-участник считает их необоснованными. Относительно мер по переводу из одной тюрьмы в другую, которые заявитель счел неправомерными, государство-участник поясняет, что по действующему законодательству решение о таком переводе принимается в зависимости от различных этапов следствия, числа дел и территориально-компетентных судебных органов. Тюрьмы подразделяются на три категории: для предварительного содержания подозреваемых; для содержания лиц, осужденных к наказаниям в виде лишения свободы; тюрьмы полуоткрытого типа для содержания лиц, осужденных за правонарушения к сельскохозяйственным работам. Государство-участник указывает, что, когда заявителю как предварительно задержанному лицу был вынесен обвинительный приговор к лишению свободы, а также с учетом потребностей следствия по его делу или по аналогичным делам, он был переведен из одной тюрьмы в другую в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, независимо от пенитенциарного учреждения, условия содержания заявителя отвечали установленному распорядку, который введен для обеспечения физической и психической неприкосновенности задержанных. Государство-участник уточняет, что в Тунисе права задержанных тщательно охраняются без проведения каких-либо различий и независимо от стадии уголовного процесса; это отвечает требованиям уважения человеческой личности в соответствии с международными и национальными тунисскими нормами. При этом обеспечивается бесплатная медицинская и психо-социальная помощь, а также свидания с членами семьи.

8.7 Вопреки утверждениям о том, что последствия, от которых страдает заявитель, обусловлены применением пыток, государство-участник настаивает на отсутствии причинно-следственной связи. Более того, по сообщению государства-участника, в противоположность утверждениям заявителя об отказе в его просьбе о медицинском освидетельствовании (см. пункт 2.15), заявителю в течение всего периода содержания в тюрьме обеспечивались надлежащие медицинские услуги и наблюдение в соответствии с правилами внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений.

8.8 В связи с утверждениями о запрете свиданий государство-участник поясняет, что в соответствии с тюремным распорядком заявителя регулярно навещал его брат Белхассен Абделли, как о том свидетельствуют записи в журналах свиданий тех тюрем, где содержался заявитель.

8.9 Что касается утверждений в связи со статьей 11 Конвенции, то государство-участник отклоняет их и указывает на систематический контроль[g] за соблюдением правил,

инструкций, методов и практики ведения допроса и положений о содержании под стражей[h] арестованных, задержанных или осужденных лиц и об обращении с ними[i].

8.10 Относительно утверждений об административном надзоре и общественном положении в семье г-на Абделли государство-участник поясняет, что административный надзор не может приравниваться к жестокому обращению по смыслу Конвенции против пыток, поскольку речь идет о дополнительном судебном наказании, предусмотренном статьей 5 Уголовного кодекса. По информации государства-участника, применение этой меры не помешало заявителю продолжать нормальную жизнь, и в частности свое обучение после освобождения в 1994 году. Уточняется, что тот факт, что обучение заявителя не было завершено, не может являться доказательством якобы имевших место ограничений, наложенных в связи с административным надзором. Государство-участник указывает, что утверждения о противозаконных мерах лишены оснований, а представленные заявителем повестки не являются жестоким обращением или злоупотреблением процедурой административного надзора. Кроме того, государство-участник утверждает, что повестка за 1998 год представляет собой неоспоримое доказательство лживости утверждений заявителя. Оно также указывает, что семья заявителя не подвергалась никакому преследованию или ограничению, что мать заявителя после кончины ее супруга получает пенсию и что, наконец, семья заявителя живет в достойных условиях.

Комментарии заявителя

9.1 В своих комментариях от 20 мая 2003 года заявитель выразил желание ответить на каждый аспект вышеизложенных замечаний государства-участника.

9.2 По вопросу о превентивном механизме борьбы против пыток заявитель полагает, что государство-участник ограничивается перечислением арсенала законов и мер административного и политического характера, которые, по его мнению, вообще не применяются по практике. В обоснование этого вывода заявитель ссылается на доклады неправительственной организации - Национального совета по вопросам свобод в Тунисе (НССТ)[j].

9.3 В связи с созданием законодательного арсенала борьбы против пыток заявитель отмечает, что статья 101-бис Уголовно-процессуального кодекса была принята в конце 1999 года, особенно в ответ на озабоченность Комитета против пыток тем фактом, что формулировка статьи 101 Уголовного кодекса могла оправдывать серьезные нарушения в плане применения насилия при допросе. Заявитель также утверждает, что эта новая статья не имеет фактического применения, и прилагает список жертв репрессий в Тунисе в 1991-1998 годах, составленный неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон". Он также утверждает, что случаи, упомянутые государством-участником в подтверждение своего стремления бороться с применением пыток, касаются лишь обвинений в превышении власти, жестокого обращения и насильственных действий, а также

общеуголовных дел, а не случаев применения пыток с последующей смертью потерпевших и не случаев причинения физического и морального ущерба жертвам пыток.

9.4 Относительно применения пыток и безнаказанности заявитель настаивает на том, что мучителям удается оставаться безнаказанными и что, в частности, ни одно из лиц, подозреваемых в применении пыток, не стало объектом сколь-либо серьезного разбирательства. Заявитель полагает, что в его случае государство-участник в своих замечаниях привело выборочные факты за период 1987-1996 годов, в то время как наиболее серьезные нарушения были совершены в 1991 году. Кроме того, заявитель указывает, что, тогда как по принципам правового государства и профессиональной этики следует рассматривать любое сообщение об уголовном деянии, которое может быть квалифицировано в качестве преступления, власти Туниса ограничиваются тем, что обвиняют предполагаемых жертв в терроризме и подтасовках. Заявитель полагает, что ему по меньшей мере удалось придать правдоподобность своим утверждениям благодаря изложению подробностей (фамилии, места и виды обращения) перенесенных пыток, в то время как государство-участник все скопом отрицает. Заявитель говорил о своих мучителях не потому, что они являются сотрудниками правоохранительных органов, а потому, что ими были совершены конкретные и неоднократные нарушения против его физической и психической неприкосновенности, его частной и семейной жизни. Проведение расследования с целью установить, совершил ли какой-либо сотрудник правоохранительных органов акты пыток или другие деяния, не является нарушением презумпции невиновности, а представляет собой юридическую процедуру, необходимую для расследования дела и - в случае необходимости - его передачи на рассмотрение судебных органов. Что касается процедур судебного обжалования, то заявитель полагает, что государство-участник ограничивается повторным изложением юридических возможностей, имеющихся в распоряжении потерпевших, которые перечислены в предыдущих представлениях, не отвечая при этом на решение вопроса о приемлемости в последнем абзаце пункта 7.2. Заявитель вновь подчеркивает бесполезность теоретически имеющихся правовых процедур, изложенных государством-участником, подтверждая свой вывод конкретными примерами, когда права потерпевших были игнорированы.

9.5 Что касается инертности и бездействия заявителя, то, по его мнению, государство-участник противоречит себе, указывая, что применение пыток по законодательству Туниса квалифицируется как преступление и в силу этого преследуется по закону, ожидая при этом инициативы со стороны потерпевшего, чтобы начать действовать. Кроме того, заявитель напоминает изложенные выше конкретные действия, предпринятые им для того, чтобы потребовать проведение медицинского освидетельствования и расследования в связи с применением к нему пыток.

9.6 Относительно утверждений о судебном разбирательстве заявитель полагает, что государство-участник замалчивает условия проведения процесса по его делу и что оно не

провело никакого расследования для проверки показаний о применении пыток, данных заявителем судье.

9.7 Что касается утверждений относительно его признаний, то заявитель настаивает на том, что сделал признание под пыткой, и, опираясь на доклады НССТ, указывает, что подобная практика применяется в ходе политических процессов, а иногда - при расследовании уголовных дел. В отношении продолжительности разбирательства заявитель уточняет, что рассмотрение его дела в 1992 году было оперативным, поскольку вписывалось в кампанию процессов, цель которых заключалась в том, чтобы посадить в тюрьму максимальное количество членов движения "Нахда", а разбирательство 1995 года было длительным, поскольку адвокаты настаивали на обязательности постановления, вступившего в законную силу. Заявитель также отмечает, что государство-участник замалчивает факт его ареста, который был произведен через несколько месяцев после президентского помилования 1987 года.

9.8 Относительно условий содержания заявитель полагает, что государство-участник прикрывается законодательными положениями, стремясь опровергнуть детальную информацию. Заявитель поясняет, что его переводы из одних тюрем в другие носили характер наказания и никак не были связаны с делами, находившимися на рассмотрении суда. Он уточняет, что его переводы никогда не имели отношения к интересам следствия, и требует, чтобы государство-участник доказало противоположное.

9.9 В связи со свиданиями заявитель поясняет, что после каждого такого перевода его семье с трудом удавалось определить его новое место заключения. Заявитель полагает, что лишение права на свидания являлось средством мести по отношению к нему всякий раз, когда он требовал соблюдения какого-либо права и прибегал с этой целью, в частности, к объявлению голодовок. Заявитель уточняет, что его информацию можно подтвердить с помощью журналов учета прибытия и убытия посетителей тюрем. Кроме того, семья заявителя сталкивалась с трудностями при осуществлении права на свидания из-за условий проведения свиданий (с матерью заявителя обращались грубо, заставляя ее снять платок; она была вынуждена проводить долгие часы в ожидании свидания, длившегося несколько минут).

9.10 Что касается утверждений о медицинской помощи, то заявитель обращает внимание Комитета на фигурирующее в его деле медицинское заключение. В связи с обращением, упомянутым государством-участником, заявитель просит государство-участник представить его медицинскую карту.

9.11 По вопросу об административном надзоре заявитель считает, что любое наказание, даже предусмотренное Уголовным кодексом Туниса, может быть квалифицировано как бесчеловечное и унижающее достоинство, если его целью не является, в частности, социальная реинтеграция правонарушителя. При этом заявитель напоминает, в частности,

что возобновление его обучения было сопряжено с ужесточением административного надзора - обязанностью два раза в день являться в полицейский участок, повышенным вниманием к нему университетской полиции и запрещением контактов со студентами. Относительно вызовов в суд заявитель уточняет, что три года, истекшие между двумя вызовами в 1995 и 1998 годах, соответствуют сроку его тюремного заключения после нового ареста в 1995 году. По мнению заявителя, единственная цель административного надзора - обеспечить полиции полное регулирование права бывшего заключенного на свободу передвижения.

9.12 Что касается положения его семьи, то заявитель сообщает о страданиях, пережитых ею в результате полицейского надзора и всевозможного запугивания. Заявитель напоминает о задержании в связи с его арестом двух его братьев (Набиля и Лофти), а также об однодневном аресте его матери. Кроме того, заявитель указывает, что преднамеренные действия властей по его удалению от членов семьи отразились на частотности свиданий.

9.13 В связи с применением статьи 11 Конвенции заявитель полагает, что государство-участник опять-таки ограничивается теоретическим изложением своего юридического арсенала и упоминанием о деятельности Верховного комитета по правам человека и основным свободам, являющегося независимым учреждением. Однако, ссылаясь на документы неправительственных организаций[k], заявитель сообщает о нарушениях, связанных с контролем за процедурой содержания под стражей и задержанием, например о подтасовке дат на ордерах на арест и о негласном содержании под стражей. Заявитель констатирует, что государство-участник не дает ответа на его конкретные утверждения о содержании под стражей в течение более месяца в 1997 году, в течение 56 суток в 1991 году и в течение 18 суток в 1995 году.

9.14 Относительно движения "Нахда" заявитель вновь утверждает, что, вопреки пояснениям государства-участника, эта организация известна своей приверженностью демократическим идеалам и противодействием диктатуре и безнаказанности. Кроме того, заявитель оспаривает обвинения в терроризме, выдвинутые государством-участником против этой организации.

9.15 Наконец, по мнению заявителя, государство-участник стремится полностью взвалить бремя доказывания на потерпевшего, которого обвиняет в инертности и бездействии, прикрывается целым арсеналом законодательных мер, которые теоретически позволяют потерпевшим подавать жалобу, и уклоняется от своей обязанности следить за обязательным преследованием преступлений, включая применение пыток. Заявитель утверждает, что тем самым государство-участник преднамеренно игнорирует тот факт, что в праве и международной судебной практике в области борьбы против пыток ставится особый акцент на роли государств и их обязанностях по обеспечению успешного проведения разбирательства. Однако заявитель констатирует, что государство-участник

возлагает бремя доказывания исключительно на потерпевшего, хотя имеющиеся доказательства (судебные дела, журналы учета задержанных, свиданий и т.п.) находятся только в распоряжении государства-участника, и доступ заявителя к ним невозможен. Ссылаясь на европейскую судебную практику[l], заявитель напоминает, что Европейский суд и Европейская комиссия предлагают государствам в случае получения утверждений о применении пытки или жестокого обращения "проводить эффективное расследование утверждений о жестоком обращении", а не довольствоваться перечислением путей подачи жалобы, теоретически имеющихся в распоряжении потерпевшего.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет рассмотрел сообщение, надлежащим образом учитывая всю информацию, представленную ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

10.2 Комитет принял к сведению замечания государства-участника от 3 апреля и 25 сентября 2003 года, в котором оно оспаривает приемлемость жалобы. Он констатирует, что выдвинутые государством-участником аргументы не дают оснований для пересмотра решения Комитета о приемлемости, в частности из-за отсутствия новой и дополнительной информации от государства-участника по вопросу о расследованиях, оперативно проведенных государством-участником (см. пункт 7.2). Поэтому Комитет не считает себя обязанным пересматривать свое решение о приемлемости.

10.3 Комитет немедленно переходит к рассмотрению жалобы по существу и отмечает, что заявитель инкриминирует государству-участнику нарушения статьи 1, пункта 1 статьи 2 и статей 4, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

10.4 В связи со статьей 12 Конвенции Комитет отмечает, что в соответствии с этой статьей власти обязаны незамедлительно проводить беспристрастное расследование всякий раз, когда имеются разумные основания полагать, что была применена пытка или жестокое обращение, причем мотивы таких подозрений не имеют особого значения[m].

10.5 Комитет констатирует, что заявитель обратился к судье с жалобой на применение к нему пыток в ходе разбирательства по его делу в 1992 и 1995 годах. Заявитель уточняет, что в 1992 году он подал просьбу о проведении медицинского освидетельствования и получил отказ, а в 1995 году просил у судьи первой инстанции Туниса защиты от ежедневных издевательств в тюрьме. Комитет отмечает, что государство-участник оспаривает утверждение заявителя об отказе в медицинском освидетельствовании, не выражая при этом мнения по вопросу об обращении, доведенном заявителем до сведения судьи, и ничего не сообщая о результатах медицинского наблюдения, под которым г-н Абделли якобы находился в период его содержания под стражей. Комитет также принимает к сведению отсутствие комментариев государства-участника в связи с вышеизложенными конкретными утверждениями, касающимися 1995 года. Наконец,

Комитет констатирует наличие подробной и подтвержденной информации заявителя о его голодовках в 1995 году в центральной тюрьме Туниса и 28 ноября - 13 декабря 1997 года в тюрьме Громбальи, объявленных им в знак требования медицинской помощи и протеста против жестокого обращения. Кроме того, заявитель сообщает о письмах, которые были направлены в Главное управление пенитенциарных учреждений после его голодовок и которые не дали никаких результатов. Комитет констатирует, что государство-участник никак не прокомментировало эту информацию. Комитет считает, что всех этих обстоятельств хватило бы для начала расследования, которое не было проведено в нарушение обязательства немедленно приступить к беспристрастному расследованию, предусмотренного статьей 12 Конвенции.

10.6 Комитет также отмечает, что статья 13 Конвенции не требует официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного стремления возбуждать уголовный иск; одно лишь заявление жертвы о доведении соответствующих фактов до сведения государственных властей представляется достаточным для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания потерпевшего добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции[n].

10.7 При этом Комитет констатирует, что, как он уже указывал, заявитель действительно обращался к судьям с жалобами на жестокое обращение в 1992 и 1995 годах, прибегал к голодовкам и направлял в администрацию пенитенциарных учреждений письма с жалобами на условия содержания. Комитет сожалеет, что государство-участник не дало ответа или необходимых разъяснений по этим аспектам. Однако в противоположность судебной практике на основании статьи 13 Конвенции Комитет принимает к сведению позицию государства-участника о том, что заявитель должен был официально воспользоваться внутренними средствами правовой защиты с целью подачи жалобы, в частности путем представления либо справки о подаче жалобы в органы прокуратуры, либо предъявив суду явные следы пытки или жестокого обращения, либо медицинское заключение. Из этого последнего аспекта, на который Комитет хотел бы обратить внимание, следует, что, с одной стороны, заявитель по-прежнему утверждает, что его просьба о проведении медицинского освидетельствования в 1992 году не была удовлетворена, а с другой - что государство-участник оспаривает это утверждение на основании того, что в течение всего периода содержания под стражей заявителю оказывались надлежащие медицинские услуги и обеспечивалось необходимое наблюдение врача, как это предусмотрено внутренним распорядком тюрем. Комитет констатирует, что он имеет дело с категоричным и общим ответом государства-участника, который не вполне касается конкретного утверждения заявителя в связи с направленной судье просьбой о проведении медицинского освидетельствования в 1992 году. Наконец, Комитет ссылается на материалы рассмотрения доклада, представленного Тунисом в

1997 году, где он рекомендовал государству-участнику ввести автоматическое проведение медицинских освидетельствований в случае получения утверждений о нарушениях.

10.8 Опираясь на изложенные выше выводы, Комитет полагает, что указанные недостатки несовместимы с предусмотренным в статье 13 Конвенции обязательством немедленно проводить расследование.

10.9 Наконец, Комитет считает, что он не может принять решения относительно предполагаемых нарушений других положений Конвенции, на которые ссылается заявитель, поскольку он ожидает результатов расследования утверждений, касающихся пыток и жестокого обращения, которое должно быть проведено государством-участником.

11. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что переданные ему факты указывают на нарушение статьей 12 и 13 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

12. В соответствии с пунктом 5 статьи 112 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник провести расследование утверждений о применении к заявителю пыток и жестокого обращения и проинформировать Комитет о принятых на основании этих выводов мерах в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения.

Примечания

[a] С примерами, изложенными государством-участником, можно ознакомиться в материалах дела.

[b] В частности, это предусматривает ознакомление с ценностями прав человека в учебных заведениях правоохранительных органов, в Высшем институте магистратуры и Национальной школе по подготовке и переподготовке руководящего и рядового состава пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений; введение кодекса профессиональной этики руководства органов по правоприменению в области прав человека; и перевод пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений из ведения министерства внутренних дел в ведение министерства юстиции и прав человека.

[c] Создание соответствующего законодательного механизма: вопреки утверждениям заявителя о том, что тунисские власти не криминализировали применение пыток, государство-участник поясняет, что оно безоговорочно ратифицировало Конвенцию против пыток, которая является составной частью внутреннего законодательства Туниса и может применяться в судебных органах; наличие суровых и четких положений уголовного законодательства о пресечении пыток (статья 101-бис Уголовного кодекса Туниса).

[d] Закон от 1 июня 1972 года об Административном суде позволяет признать государство ответственным, даже когда оно совершает официальные действия, если его представители, агенты или должностные лица причинили какому-либо лицу материальный или моральный ущерб. Потерпевшая сторона может потребовать у государства возмещения причиненного ущерба в соответствии со статьей 84 Договорно-обязательственного кодекса; без ущерба для прямой ответственности его должностных лиц перед потерпевшими сторонами.

[e] Административный суд, постановления № 1013 от 10 мая 1993 года и № 21816 от 24 января 1997 года.

[f] Постановление № 4692 от 30 июля 1996 года, опубликованное в Revue de Jurisprudence et Législation (R.J.L.); постановление № 8616 от 25 февраля 1974 года, R.J.L., 1975 год; и постановление № 7943 от 3 сентября 1973 года, R.J.L., 1974 год.

[g] Помимо законодательства, были постепенно созданы институциональные механизмы защиты, такие, как посещения пенитенциарных учреждений без предварительного уведомления председателем Высшего комитета по правам человека и основным свободам и учреждение 31 июля 2000 года должности судьи по исполнению наказаний, отвечающего за осуществление контроля над исполнением наказаний в виде лишения свободы и периодическое посещение пенитенциарных учреждений.

[h] Закон № 99-90 от 2 августа 1999 года внес изменения и дополнения в ряд положений Уголовно-процессуального кодекса, в частности сократив срок задержания в полицейском участке до трех суток с возможностью однократного возобновления на такой же период. Согласно этому Закону, следователи по уголовным делам не вправе задерживать подозреваемого более чем на трое суток без уведомления прокурора, который может дать письменную санкцию на однократное продление срока задержания на тот же период. Следователь по уголовным делам должен проинформировать подозреваемого о применяемой к нему мере пресечения и ее сроке, а также о его правах, предусмотренных законом, в частности о возможности пройти в период содержания под стражей медицинское освидетельствование. Сотрудник полиции также должен проинформировать одного из родственников подозреваемого, его детей, братьев, сестер или супруга/супругу, по его выбору, о примененной к нему мере пресечения. Эти гарантии стали еще более прочными благодаря реформе Конституции от 26 мая 2002 года, в результате которой судебный контроль за содержанием под стражей в полиции стал конституционной нормой, предусматривающей возможность применения такой меры пресечения только при наличии выданного судом ордера.

[i] Закон от 24 апреля 2001 года об условиях содержания под стражей и об обращении с задержанными, который укрепляет гарантии защиты прав задержанных и обеспечивает их подготовку к активной жизни, открывая перед ними возможность заниматься оплачиваемым трудом.

[j] "Le procès-Tournant: A propos des procès militaires de Bouchaucha et de Bab Saadoun en 1992", October 1992; "Pour la réhabilitation de l'indépedance de la justice", April 2000 - December 2001.

[k] Альтернативный доклад МФПЧ в связи со вторым периодическим докладом Туниса Комитету против пыток и коммюнике Международной организации поддержки политических заключенных Туниса от 20 февраля 2003 года.

[l] Guide to Jurisprudence ou Torture and I LL-Treatment- Article 3 of the European Convention for the Protection of Human Rights, Debra Long (APT)); дело *Рибитш против Австрии*; дело *Ассенов против Болгарии*.

[m] Сообщение № 59/1996 (*Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

[n] Сообщение № 6/1990 (*Генри Унай Парот против Испании*) и № 59/1996 (*Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

Сообщение № 189/2001

Представлено: г-ном Буабдаллой ЛТАИЕФОМ (представлен неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон")

От имени: Заявителя

Государство-участник: Тунис

Дата представления: 30 июня 2000 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 17 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 189/2001, представленной Комитету против пыток г-ном Буабдаллой Лтаиефом в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1. Заявителем является г-н Буабдалла Лтаиеф, гражданин Туниса, родившийся 2 июня 1967 года в Габесе (Тунис), проживающий с 18 марта 1999 года в Швейцарии, где он имеет статус беженца. Он утверждает, что стал жертвой нарушения Тунисом положений статьи 1, пункта 1 статьи 2, статей 4, 5, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции. Он представлен неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон".

1.2 Тунис ратифицировал Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания и 23 сентября 1988 года сделал заявление, предусмотренное в статье 22 Конвенции.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель утверждает, что он являлся активным членом исламской организации "Нахда" (ранее МТИ). В июле 1987 года он был арестован, когда находился в кемпинге со скаутами. Заявитель отмечает, что он потребовал у сотрудников службы безопасности

сообщить ему, на каком основании производится его арест, однако в конце концов был вынужден замолчать под угрозой применения оружия. В ходе допроса, как утверждает заявитель, ему не давали пищи, лишали сна, а также запугивали, заставляя его смотреть на пытки других задержанных. Заявитель сообщает, что его родственники, несмотря на обращения в местную полицию, не смогли получить никаких сведений о месте его содержания под стражей, а его отец сам был задержан на целые сутки в связи с попытками узнать о местонахождении сына.

2.2 Как утверждает заявитель, в период его содержания под стражей в помещениях министерства внутренних дел, в казарме Национальной гвардии в Бушуше и в полицейском управлении провинции Габес он подвергся восьми сеансам пыток, которые он подробно описывает.

2.3 Он утверждает, что по отношению к нему применялся метод пытки, обычно называемый "курица на вертеле" (жертву раздевают догола, связывают руки под согнутыми коленями, просовывают под коленями железный стержень и подвешивают в таком положении между двумя столами), при этом его били, в частности по подошвам ступней. Заявитель сообщает, что пытавшие его лица выдыхали ему в лицо табачный дым, чтобы вызвать у него удушье.

2.4 Заявитель также утверждает, что его подвергали пытке в положении "вверх ногами", когда жертву раздевают догола, связывают руки за спиной, подвешивают к потолку головой вниз на веревке за ногу или за две ноги, при этом его били ногами, дубинками и бичами до потери сознания. Заявитель добавляет, что его палачи привязывали к его половому органу веревку, которую дергали, будто желая его оторвать.

2.5 Заявитель утверждает, что по отношению к нему применялась пытка "фалька", при которой жертву привязывают ногами к перекладине, поднимают и бьют по подошвам ступней.

2.6 Заявитель также утверждает, что его подвергли пытке на стуле, когда раздетую догола жертву со связанными за спиной руками привязывают к стулу и бьют по лицу, груди и животу. Заявитель также сообщает, что его мучители вытирали его кровь бумагой, которую затем запихивали ему в рот, чтобы заглушить крики.

2.7 Кроме того, заявителю не давали спать и лишали возможности ходить в туалет и мыться.

2.8 По словам заявителя, в результате этих пыток и жестокого обращения его дважды доставляли в отделение скорой помощи больницы Габеса, однако к нему не пускали посетителей, а также запрещали контакты с семьей и адвокатом.

2.9 В таких условиях, как утверждает заявитель, его принудили к даче признательных показаний и в начале сентября 1987 года заключили в тюрьму "9 апреля", где он был помещен в одиночную камеру и лишен возможности сообщения с внешним миром.

2.10 Затем заявитель предстал перед следственным судьей впервые в присутствии его адвокатов. Однако следственный судья возразил против любого обмена информацией между заявителем и его адвокатами, лишил адвокатов слова, продиктовал своей секретарше текст обвинений[a] в адрес заявителя, однако заявитель и его защитники отказались подписать протокол заседания.

2.11 Дело заявителя затем в течение месяца рассматривалось в Суде по делам о государственной безопасности, и, по словам заявителя, международная пресса единодушно признала его беспрецедентным по своему характеру. Заявитель поясняет, что еще до начала процесса начальник государственной службы безопасности Монсеф Бен Гбила безуспешно пытался принудить к даче ложных свидетельских показаний других задержанных, в частности руководителей движения "Нахда", в обмен на их освобождение. В ходе судебного процесса, по словам заявителя, судья Суда по делам о государственной безопасности Хешми Земмаль заставил его давать ответы в лаконичной форме в ущерб его праву на защиту. К тому же, во время очной ставки заявителя с одним из свидетелей, якобы пострадавшим от насильственных действий со стороны заявителя, этот свидетель, согласно заявителю, неоднократно показывал, что заявитель не является тем лицом, от которого он пострадал. Хотя адвокаты потребовали оправдания обвиняемого за отсутствием улик, судья постановил, что свидетель находился в состоянии шока, вызванного новой встречей с напавшим на него человеком, и 27 сентября 1987 года осудил заявителя к десяти годам тюремного заключения и принудительным работам, а также к применению по отношению к нему режима административного надзора в течение десяти лет[b].

2.12 Заявитель подчеркивает, что, как и в случае других жертв пыток, в ходе следствия по его делу и судебного разбирательства ему не было позволено ни рассказать о том, что он пережил, когда его пытали, ни разоблачить его мучителей. По словам заявителя, судьи грубо вмешивались в ход слушания, запрещая говорить на эту тему даже адвокатам, и страх вновь подвергнуться пыткам, если он будет упоминать об этой проблеме, играл главную роль в систематическом запугивании.

2.13 Заявитель далее сообщает о том, что его неоднократно переводили в различные пенитенциарные учреждения страны: тюрьма Борж Эрруми в Бизерте, где он содержался с 1987 по 1992 год в изоляции вместе с тремя политическими заключенными - Фетхи Джебраном, Мухамедом Шаррадом и Фаузи Сарраем; 1992-1993 годы - перевод в общую камеру; 1993-1994 годы - полная изоляция в крошечной камере; 1994-1996 годы - содержание с двумя руководителями движения "Нахда" Хабибом Эллузом и Ажми

Лурими; затем перевод с тюрьму Эль Кеф и центральную тюрьму Туниса, где он содержался с 1996 по 1997 год.

2.14 Заявитель утверждает, что физические условия содержания и обращение с заключенными со стороны тюремной администрации превратили его заключение в непрерывное страдание. Он сообщает о переполненности камер, отсутствии гигиены, инфекционных заболеваниях и отсутствии возможности получения медицинской помощи. По его словам, карцеры в тюрьме Борж Эрруми были чрезвычайно тесными, темными, не оборудованными ни водопроводом, ни канализацией, с повышенной влажностью, а в качестве пищи он получал кусок хлеба в день и был вынужден носить грязную, зараженную вшами одежду. Он утверждает, что политические заключенные подвергаются дискриминационному обращению и что по отношению к ним применяются меры физического и психического воздействия. В подтверждение своих слов заявитель сообщает, что его неоднократно лишали возможности сообщения с внешним миром и участия в общей молитве. Он добавляет, что ему было отказано в медицинской помощи, несмотря на его неоднократные требования, его угрозы объявить голодовку и отказ выходить из камеры на тюремный двор. Согласно заявителю, продолжительность посещения для членов его семьи была ограничена 10 минутами, при этом женщин принуждали снимать головные платки. Заявитель также утверждает, что в карцере № 2 тюрьмы Борж Эрруми в течение трех суток его полностью обнаженного и со связанными руками и ногами держали привязанным к кровати. Заявитель сообщает, что после того, как он потребовал вызвать врача из-за болей в почках, его вновь подвергали этому наказанию в течение шести дней. Кроме того, охранники давали ему пощечины и избивали кулаками и ногами. Согласно заявителю, в феврале 1994 года начальник тюрьмы жестоко избил его, когда он, будучи скованным наручниками, выдерживал голодовку, и сломал ему при этом правую руку. По возвращении заявителя из больницы начальник тюрьмы приказал вновь поместить его в штрафной изолятор, где он провел в наручниках восемь суток без одежды и одеяла, что привело к обострению болей в почках. В тюрьме Эль Кеф заявитель был водворен в карцер, где ему давали одеяло только с 22.00 до 6.00, несмотря на холодную погоду в этом городе, в результате чего последние три дня он не мог ходить. Наконец, за несколько дней до освобождения заявителя перевели в центральную тюрьму Туниса и посадили в камеру размером 3,5 на 2 метра, в которой кроме него находились еще 24 заключенных. Заявитель говорит, что в камере имелось лишь одно крошечное окошко у потолка и что из-за этого находившимся в камере людям было трудно дышать, при этом камера была забита до такой степени, что заключенные не могли даже сесть.

2.15 Заявитель поясняет, что с целью облегчения своих страданий, включая помещение в одиночный карцер на срок от трех суток до одного месяца и 13 суток, он был вынужден не менее 15 раз выдерживать голодовку продолжительностью от 5 до 28 дней.

2.16 В день своего освобождения, 24 июля 1997 года, заявитель был доставлен в изолятор в Бушуше, где его подвергли допросу о его планах как активиста, а также о его контактах с другими заключенными. Согласно заявителю, этот допрос сопровождался актами психического устрашения и угрозами. Заявитель утверждает, что его освободили в 16.00, вменив ему в обязанность явиться в местную полицию по прибытии в район Габес, где он проживает. Там заявителя подвергли допросу, который продолжался четыре часа. Ему было приказано отмечаться два раза в неделю в районном полицейском управлении и ежедневно - в местном полицейском участке. По словам заявителя, такие меры административного надзора сопровождались полицейскими проверками его и членов его семьи, он был лишен возможности работать и учиться, его отцу было отказано в выдаче паспорта, а у его брата паспорт был конфискован. Наряду с этим заявитель был обязан получать разрешение местной полиции в случае каждого выезда за пределы района его местожительства, при этом каждая просьба в выдаче такого разрешения сопровождалась допросами о его близких и контактах. Заявитель добавляет, что в ноябре 1998 года, во время визита президента Бен Али в провинцию Габес, он был арестован и содержался под стражей в течение 48 часов. По словам заявителя, он понимал, что любой контакт с жителями его квартала приведет к тому, что он сам, а также люди, с которыми он встречался, будут вызваны на допрос.

2.17 В связи с такой ситуацией, как поясняет заявитель, он бежал из Туниса в Швейцарию, где получил статус беженца[c].

2.18 Заявитель представил подробный список лиц, которые подвергали его пыткам и жестокому обращению[d].

2.19 Заявитель сообщает о медицинских осложнениях, ставших следствием применения к нему пыток и жестокого обращения, в частности о проведенной в 1988 году хирургической операции по удалению жировой опухоли, которая развилась на затылочной части его головы в результате сильных сотрясений головы при пытках; о следах от прижигания сигаретами на ногах; о болях в почках, вызванных содержанием в карцере; а также о нарушениях психики: заявитель прилагает медицинскую справку, подтверждающую психоневрологическое расстройство, а также курс медикаментозного и психотерапевтического лечения, который он прошел в швейцарской психиатрической клинике.

2.20 Что касается исчерпания внутренних средств правовой защиты, то заявитель утверждает, что подобными средствами защиты в Тунисе, хотя они и закреплены в законодательстве, на практике воспользоваться невозможно из-за предвзятого отношения судей и иммунитета, которым пользуются нарушители закона. Заявитель добавляет, что органы, призванные стоять на страже прав человека, такие как Верховный комитет по защите прав и основных свобод человека и Конституционный совет, в силу положений их уставов не способны выступать на стороне лиц, подающих жалобы, касающиеся

применения пыток. В обоснование своего утверждения заявитель приводит выдержки из докладов таких неправительственных организаций, как "Международная амнистия", Международная федерация по правам человека (МФПЧ) и Организация по наблюдению за осуществлением прав человека.

Суть жалобы

3.1 Заявитель утверждает, что тунисское правительство нарушило следующие статьи Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания:

Статья 1. Вышеуказанные методы физического воздействия, такие, как "фалька", "курица на вертеле", "вверх ногами", "стул" и т.д., которые применялись к заявителю, являются актами пыток.

Пункт 1 статьи 2. Государство-участник не только не приняло эффективных мер для предотвращения актов пыток, но, напротив, использовало свой административный и, в частности, полицейский аппарат как инструмент пыток, примененных к заявителю.

Статья 4. Государство-участник не квалифицировало все акты пыток, которым был подвергнут заявитель, как уголовные преступления.

Статья 5. Государство-участник не возбудило судебное преследование в отношении лиц, подвергавших заявителя пыткам.

Статья 11. Власти не воспользовались своими надзорными полномочиями для предотвращения актов пыток, которые противоречат положениям соответствующих инструкций.

Статья 12. Государство-участник не провело расследования актов пыток, которым был подвергнут заявитель.

Статья 13. Государство-участник по сути не обеспечило права заявителя на предъявление жалобы компетентным властям.

Статья 14. Государство-участник проигнорировало право заявителя на предъявление жалобы и тем самым лишило его права на компенсацию и реабилитацию.

Статья 15. Заявитель был приговорен 27 сентября 1987 года к тюремному заключению на основании признаний, данных под пыткой.

Статья 16. Вышеизложенные репрессивные меры, такие, как изоляция, нарушение права на получение медицинской помощи и на переписку, ограничение посещений близкими и т.д., использованные государством-участником в отношении заявителя, представляют собой жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения и наказания.

3.2 Заявитель также сообщает об ущемлении его свободы передвижения и его права на труд в период применения по отношению к нему мер административного надзора, а также его права продолжать обучение.

Замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы

4.1 4 декабря 2001 года государство-участник оспаривает приемлемость жалобы и утверждает, что заявитель не использовал и не исчерпал имевшихся внутренних средств правовой защиты.

4.2 Государство-участник сообщает, что заявитель является известным активистом незаконного экстремистского движения "Нахда", разжигающего религиозную и расовую ненависть и проповедующего насилие. Государство-участник уточняет, что заявитель был осужден 27 сентября 1987 года Судом по делам о государственной безопасности к десяти годам тюремного заключения и принудительным работам за совершение террористического акта против Али Бухлила, которому он 21 марта 1987 года выплеснул в лицо и на живот серную кислоту. Согласно государству-участнику, заявитель в ходе того же судебного процесса был признан виновным в соучастии в других террористических актах.

4.3 Государство-участник утверждает, что заявитель мог использовать имевшиеся внутренние средства правовой защиты, поскольку срок давности применительно к деяниям, предположительно имевшим место и квалифицируемым тунисским законодательством как уголовные преступления, составляет десять лет.

4.4 Государство-участник поясняет, что с точки зрения уголовного права истец может, в том числе из-за рубежа, подать иск представителю территориального отделения прокуратуры. Он может также поручить адвокату-тунисцу вчинить указанный иск или просить адвоката-иностранца сделать это с помощью его тунисского коллеги.

4.5 Согласно тем же уголовно-процессуальным нормам, прокурор Республики примет указанный иск и возбудит судебное расследование. Следственный судья по делу выслушает истца в соответствии со статьей 53 Уголовно-процессуального кодекса. В рамках этого слушания он сможет опросить свидетелей, допросить подозреваемых, провести расследование на месте и собрать доказательную документацию. Он сможет также отдать распоряжение о проведении экспертизы и предпринять любые шаги по сбору

доказательств в поддержку или в опровержение иска для выяснения истины и констатации фактов, которые помогут суду обосновать свое решение.

4.6 Государство-участник уточняет, что истец может, кроме того, выступать в роли гражданского истца перед следователем в ходе расследования и требовать компенсации понесенного ущерба в дополнение к уголовному наказанию лиц, допустивших нарушение закона, в результате которого он пострадал.

4.7 Если следственный судья считает, что гражданский иск неприемлем, что соответствующие деяния не являются правонарушением или что имеющихся обвинений против обвиняемого недостаточно, то он принимает постановление об отсутствии оснований для возбуждения уголовного преследования. Если же следователь, напротив, считает, что факты образуют состав преступления, наказуемого тюремным заключением, то он направляет обвиняемого к соответствующему судье, в данном случае обвинительную палату апелляционного суда по уголовным делам. Любые постановления следователя немедленно сообщаются всем сторонам дела, в том числе истцу, выступающему в качестве гражданского истца. После уведомления истца, которое должно быть произведено через 48 часов, истец вправе в течение четырех суток опротестовать решения, наносящие ущерб его интересам. Такая апелляция, поданная в письменном или устном виде, принимается следственным органом. При наличии достаточных оснований для обвинения обвинительная палата направляет обвиняемого в соответствующий судебный орган (уголовный суд или уголовная палата суда первой инстанции), принимая постановления по всем пунктам обвинения, возникшим в ходе разбирательства. Она может также, при необходимости, запросить дополнительную информацию от одного из своих советников или следователя и даже потребовать возбуждения нового дела для получения или предоставления сведений о фактах, еще не являвшихся предметом расследования. Решения обвинительной палаты подлежат незамедлительному исполнению.

4.8 После уведомления решения обвинительной палаты могут быть обжалованы в кассационном порядке истцом, выступающим в качестве гражданского истца. Эта апелляция принимается в случае, если постановлением обвинительной палаты предусматривается прекращение уголовного дела; принимается решение либо о неприемлемости иска со стороны гражданского истца, либо о возбуждении предусмотренного судебного разбирательства; заявляется о некомпетентности занимающегося делом суда или не принимается постановления по одному из пунктов обвинения.

4.9 Государство-участник подчеркивает, что, в соответствии со статьей 7 Уголовно-процессуального кодекса, истец может выступать в качестве гражданского истца в суде, занятом рассмотрением дела (уголовный суд или обвинительная палата в суде первой инстанции) и, в зависимости от конкретных обстоятельств, может подать апелляцию либо

в апелляционный суд, если рассматриваемое правонарушение является обычным преступлением, либо в уголовную палату в апелляционном суде, если речь идет об уголовном преступлении. Истец может также подавать кассационную жалобу.

4.10 Во-вторых, государство-участник подчеркивает, что внутренние средства правовой защиты вполне эффективны.

4.11 По мнению государства-участника, тунисские суды систематически и последовательно реагировали на нарушения закона, и те, кто злоупотреблял законом или нарушал его, строго наказывались. Государство-участник утверждает, что с 1 января 1988 года по 31 марта 1995 года к суду были привлечены 302 полицейских или национальных гвардейца по различным обвинениям, причем 227 из них были обвинены в злоупотреблении служебным положением. Наказания, которые они понесли, варьировались от штрафа до нескольких лет тюремного заключения[e].

4.12 Государство-участник утверждает, что политическая и предвзятая мотивация заявителя, а также его оскорбительные и клеветнические выпады дают основание полагать, что его иск является злоупотреблением правом на обращение с жалобой.

4.13 Государство-участник поясняет, что экстремистское движение, активным членом которого является заявитель, совершило несколько террористических актов, в частности взрыв бомбы в отеле в Монастире в августе 1987 года, в результате которого одному британскому туристу пришлось ампутировать обе ноги. Кроме того, это "движение" является незаконным в соответствии с действующим тунисским законодательством.

4.14 Государство-участник отмечает, что утверждения заявителя ясно показывают его политические цели и подтверждают идеологическую и политическую подоплеку его утверждений. Согласно государству-участнику, об этом также свидетельствуют утверждения участника о том, что в государстве, где народ не имеет права выражать свое мнение по широкому спектру вопросов в жизни общества, законность *де-факто* подрывается отсутствием механизмов демократического контроля. Наряду с этим государство-участник полагает, что данное сообщение содержит клеветнические и оскорбительные выпады в адрес институтов тунисского государства, например утверждение заявителя по поводу того, что все административные органы обслуживают полицейскую машину, что делает государство эффективным инструментом пыток.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1 3 июня 2002 года заявитель оспаривает утверждение государства-участника о том, что заявитель якобы не изъявлял желания обратиться за помощью к тунисской судебной системе, с тем чтобы воспользоваться внутренними средствами правовой защиты. Он прежде всего напоминает о своих безрезультатных попытках, направленных на то, чтобы

соответствующие судебные и пенитенциарные органы рассмотрели его жалобы о жестоком обращении, которые усугубили его положение, став источником страха и стресса. Заявитель вновь упоминает о невыносимо жестком режиме административного надзора, который также был связан с определенным риском репрессий в случае, если бы заявитель обратился с жалобой.

5.2 Заявитель полагает, что сроки рассмотрения жалоб превышают разумные пределы. Заявитель уточняет в этой связи о том, что он уведомил, впрочем безрезультатно, судью о фактах пыток, которым он подвергся, с тем чтобы последний принял необходимые меры по привлечению к ответственности виновных. Он добавляет, что в течение нескольких десятилетий жалобы, касающиеся гибели людей в результате пыток, не получают никакого ответа, а лица, применяющие пытки, продолжают пользоваться покровительством государства.

5.3 Заявитель также полагает, что доступные средства правовой защиты едва ли могли обеспечить эффективную защиту его прав. Заявитель утверждает, что он направил судье жалобу в отношении жестокого обращения и потребовал в этой связи провести медицинскую экспертизу, но эта жалоба не имела никаких последствий. По этой причине заявитель считал невозможным обеспечить защиту своих прав в судебных органах. Заявитель уточняет, что рассмотрение его дела судьей не являлось исключением, и в этой связи приводит выдержку из доклада Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе. Заявитель утверждает, что судебная система не является независимой и не обеспечила никакой защиты его прав, когда он был осужден. Заявитель также приводит выдержки из докладов МФПЧ и Комитета за соблюдение свобод и прав человека в Тунисе в подтверждение своего заявления о безрезультатности жалоб в отношении применения пыток и давлении со стороны властей с целью помешать представлению таких жалоб. Наряду с этим заявитель утверждает, что режим административного надзора, который был установлен для него и который означал необходимость постоянной регистрации в различных органах власти, где его подвергали запугиванию, едва ли создавал благоприятные условия для подачи жалоб.

5.4 Кроме того, заявитель опротестовывает утверждение государства-участника в отношении наличия возможности воспользоваться услугами тунисского адвоката для подачи жалобы из-за границы.

5.5 Заявитель сообщает о фактах грубых нарушений властями принципа свободы и независимости профессии адвоката. Согласно заявителю, адвокаты, которые осмеливаются выступать в роли защитников по жалобам в отношении применения пыток, сами становятся жертвами преследований и других санкций, включая тюремное заключение. Заявитель ссылается в качестве примера на случаи, произошедшие с Ме Неджибом Хосни, Беширом Ессидом и Ануаром Косри, а также приводит выдержки из докладов и заявлений "Международной амнистии", ВОПП, МФПЧ и Международной

комиссии юристов. Заявитель также добавляет, опираясь в каждом случае на эти доклады неправительственных организаций, что жалобы, поданные жертвами пыток, в течение нескольких лет, в частности после принятия в 1988 году статьи 13-бис Уголовно-процессуального кодекса, предусматривающей возможность посещения врачом, не дали никаких результатов. Он также сообщил, что в ряде случаев решение о медицинском освидетельствовании предоставлялось с большим запозданием, когда следы жестокого обращения уже было невозможно установить, и что нередко медицинское освидетельствование проводилось врачами, попустительствующими действиям тюремной администрации, которые не находили никаких отклонений в физическом состоянии задержанных, даже если следы пыток были налицо. Заявитель считает, что в подобных условиях назначение адвоката не будет иметь большого значения. Кроме того, заявитель подчеркивает, что подача жалобы тунисским властям из-за границы сопряжена с опасностью применения по отношению к жалобщику пункта 3 статьи 305 Уголовно-процессуального кодекса Туниса, который гласит, что "подвергаться уголовному преследованию и быть осужденным тунисскими судами может любой тунисец, совершивший за пределами Туниса одно из правонарушений, перечисленных в статье 52-бис Уголовного кодекса, даже если указанные правонарушения не караются в соответствии с законодательством государства, на территории которого они были совершены". Заявитель считает, что факт подачи жалобы из-за границы мог быть приравнен к оскорблению действующего режима и государство-участник могло бы назвать заявителя террористом. Наконец, заявитель поясняет, что его положение просителя убежища, а затем статус политического беженца в Швейцарии не позволяют ему довести до конца возможное разбирательство из-за ограничений, налагаемых на контакты беженца с органами власти его страны. Он поясняет, что прекращение любых отношений со страной происхождения является одним из условий получения статуса беженца и играет важную роль при решении вопроса о лишении права на убежище. По словам заявителя, в праве на предоставление убежища действительно может быть отказано, если беженец снова неожиданно заявляет о защите со стороны страны своего происхождения, например поддерживая тесные контакты с ее органами власти или регулярно посещая ее.

5.6 Заявитель оспаривает пояснения государства-участника в отношении доступных средств правовой защиты.

5.7 Он считает, что государство-участник ограничилось цитированием процедуры, предусмотренной в Уголовно-процессуальном кодексе, которая никогда не применяется на практике, особенно в отношении политических заключенных. Заявитель приводит в подтверждение этого доклады "Международной амнистии", Организации по наблюдению за осуществлением прав человека Всемирной организации против пыток, Национальной консультативной комиссии по правам человека Франции и Национального совета за гражданские свободы в Тунисе. Заявитель ссылается также на заключительные замечания по Тунису Комитета против пыток от 19 ноября 1998 года. Заявитель подчеркивает, что

Комитет против пыток рекомендовал, среди прочего, чтобы государство-участник, во-первых, гарантировало жертвам пыток право обращаться с жалобами, не опасаясь стать объектом репрессий, притеснений, жестокого обращения или всевозможных преследований, даже в случае, если результаты расследования не подтверждают их заявления, и требовать компенсации и получать ее, если эти заявления оказываются достоверными; во-вторых, приняло меры к тому, чтобы автоматически было предусмотрено проведение медицинского освидетельствования по поступлении заявления о жестоком обращении и чтобы в случае смерти при содержании под стражей всегда производилось вскрытие трупа; в-третьих, приняло меры к тому, чтобы результаты всех расследований случаев пыток обнародовались и чтобы эта информация содержала подробные сведения о допущенных правонарушениях, фамилии лиц, их допустивших, даты, названия мест и обстоятельства инцидентов, а также наказание, наложенное на виновных. Кроме того, Комитет отметил, что в значительной части действующее в Тунисе законодательство по защите прав арестованных на практике не применяется. Он также выразил озабоченность глубиной разрыва, существующего между правом и практикой, в том, что касается защиты прав человека, и особую озабоченность сообщениями о систематических пытках и других видах жестокого и унижающего человеческое достоинство обращения, которым силы безопасности и полиции подвергают задержанных и которые в ряде случаев привели к смерти лиц, содержавшихся под стражей. К тому же заявитель напоминает об отсутствии независимости судебного аппарата и органов, призванных осуществлять надзор за применением закона. Наконец, заявитель подчеркивает, что ответ государства-участника в данном случае указывает на то, что не было проведено никакого внутреннего расследования по достаточно подробно изложенным в данной жалобе фактам.

5.8 Заявитель оспаривает утверждения государства-участника, касающиеся эффективности внутренних средств правовой защиты.

5.9 Что касается 302 случаев, когда сотрудники полиции или национальные гвардейцы были, по информации государства-участника, привлечены к судебной ответственности, заявитель указывает на отсутствие убедительных доказательств достоверности этих фактов, информация о которых не публиковалась и не предавалась гласности, на отсутствие связи в данном конкретном случае между 277 делами, на которые ссылается государство-участник, и проблемой злоупотребления служебным положением, а также на то, что государство-участник ссылается на те случаи, которые не наносят ущерба реноме Туниса и, разумеется, не связаны с какими-либо фактами жестокого или унижающего человеческое достоинство обращения. Заявитель отмечает, что случаи, упоминаемые государством-участником, имели место в период 1988-1995 годов и являлись предметом упомянутых выше заключительных замечаний Комитета против пыток. Наконец, опираясь на выдержки из докладов, в частности Национального комитета за соблюдение свобод в Тунисе и "Международной амнистии", заявитель подчеркивает, что должностные лица пользуются иммунитетом и не несут ответственности за акты пыток, а некоторые из

них даже получили повышение по службе. Заявитель добавляет, что Тунис помог тунисским должностным лицам избежать ареста по приказам об аресте, изданным в их отношении за рубежом на основании жалоб жертв пыток.

5.10 Наконец, заявитель отвергает комментарий государства-участника, рассматривающего данную жалобу как злоупотребление правом. По мнению заявителя, квалификация государством-участником данного случая как имеющего отношение к политической деятельности и терроризму, доказывает предвзятость его подхода и, следовательно, невозможность эффективного использования средств правовой защиты в Тунисе. К тому же заявитель подчеркивает, что запрещение пыток и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения является гарантией, не допускающей никаких исключений, в том числе в отношении террористов. Заявитель считает, что в своем ответе на настоящую жалобу государство-участник занимается политической демагогией, не имеющей никакого отношения к юридической сфере и представляющей собой злоупотребление правом.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости

6.1 8 ноября 2002 года государство-участник вновь оспаривает приемлемость жалобы. Государство-участник заявляет, что утверждения заявителя относительно обращения в тунисские суды и использования внутренних средств правовой защиты являются совершенно необоснованными и не подкреплены никакими доказательствами. Оно утверждает, что продолжительность процедур обжалования не превышает разумные сроки и что срок исковой давности гражданского иска, касающегося содержащихся в жалобе утверждений, еще не истек, так как в рассматриваемом случае он составляет десять лет. Государство-участник уточняет, что заявитель, вопреки его утверждениям, имеет возможность нанять адвоката по своему выбору с целью подачи жалобы из-за границы. Государство-участник добавляет, что утверждения заявителя, согласно которым подача жалобы на рассмотрение тунисских властей из другой страны может повлечь за собой применение положений статьи 305.3 Уголовно-процессуального кодекса, позволяющих возбуждать судебное преследование в отношении лиц, совершивших террористические акты, являются абсолютно необоснованными. Государство-участник утверждает, что использование внутренних средств правовой защиты в тунисских судах является в рассматриваемом случае не только возможным, но и эффективным, о чем свидетельствует тот факт, что жертвы нарушений в Тунисе добивались сатисфакции. В-четвертых, государство-участник считает, что заявитель злоупотребляет своим правом на подачу жалобы, пытаясь исказить аргументы, приведенные в ответе государства-участника от 4 декабря 2001 года.

Решение Комитета относительно приемлемости

7.1 На своей двадцать девятой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы и в своем решении от 20 ноября 2002 года признал ее приемлемой.

7.2 Что касается вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты, то Комитет отметил, что государство-участник оспаривает приемлемость жалобы на основании того, что имеющиеся действенные внутренние средства правовой защиты не были исчерпаны. В данном случае Комитет констатировал, что государство-участник предоставило подробное описание как средств правовой защиты, по закону доступных любому заявителю, так и случаев эффективного использования подобных средств правовой защиты применительно к лицам, допустившим злоупотребление законом и нарушившим закон. Тем не менее Комитет счел, что государство-участник недостаточно убедительно продемонстрировало соответствие своей аргументации обстоятельствам, характеризующим дело заявителя, утверждающего, что он пострадал от нарушения своих прав. Комитет не ставил под сомнение представленную государством-участником информацию о фактах судебного преследования и осуждения сотрудников правоохранительных органов за совершение различных нарушений. Вместе с тем Комитет указал, что в данном случае он не может не учитывать, что факты, рассматриваемые в связи с данным делом, имели место в 1987 году, и что, если продолжительность срока исковой давности составляет 10 лет, в данном случае встал вопрос о его истечении в национальных судах, если только срок исковой давности не прерывался или не приостанавливался, о чем государство-участник не представило никакой информации. Кроме того, Комитет отметил, что утверждения заявителя касались фактов, имевших место достаточно давно, которые были публично доведены до сведения судебных органов в присутствии международных наблюдателей. Комитет указал, что на тот момент он не получил информации о каких-либо расследованиях, проведенных по поручению государства-участника. Поэтому Комитет счел, что в данном случае исчерпание внутренних средств правовой защиты вряд ли обеспечит заявителю удовлетворение, и постановил применить положение подпункта b) пункта 5 статьи 22 Конвенции.

7.3 Кроме того, Комитет отметил аргумент государства-участника о том, что жалоба заявителя представляет собой злоупотребление правом на подачу жалоб. Комитет счел, что любое сообщение о применении пыток является серьезным и что только рассмотрение вопроса по существу может позволить определить, являются ли такие обвинения клеветническими. При этом Комитет счел, что политическая и партийная принадлежность заявителя, которую оспаривало государство-участник, не препятствует рассмотрению этой жалобы в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции.

7.4 Комитет убедился, как это предусмотрено пунктом 5 a) статьи 22 Конвенции, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно существа дела

8.1 В своих замечаниях от 3 апреля и 25 сентября 2003 года государство-участник оспаривает обоснованность утверждений заявителя и вновь считает его жалобу неприемлемой.

8.2 В связи с утверждениями о "пособничестве" и инертности государства-участника по отношению к "применению пыток" государство-участник поясняет, что в нем был создан превентивный[f] и устрашающий[g] механизм борьбы против пыток в целях предупреждения любого деяния, посягающего на достоинство и физическую неприкосновенность личности.

8.3 Относительно утверждений о "применении пыток" и "безнаказанности лиц, виновных в применении пыток", государство-участник считает, что заявитель не представил никаких доказательств в обоснование своих утверждений. Оно подчеркивает, что, вопреки утверждениям заявителя, оно приняло все законодательные и практические меры на уровне судебных и административных органов с целью воспрепятствования применению пыток и преследования подозреваемых в их применении лиц на основании статей 4, 5 и 13 Конвенции. Кроме того, по мнению государства-участника, заявитель не привел никаких мотивов, свидетельствующих о бездействии и инертности государства-участника перед лицом имеющихся де-юре и де-факто возможностей обращения в судебные и административные органы (см. пункт 6.1). В связи с решением Комитета по вопросу о приемлемости государство-участник подчеркивает, что заявитель касается не только "фактов", имевших место в 1987 году, но и "фактов", происшедших в 1994, 1996 и 1997 годах, т.е. в период, когда Конвенция против пыток уже была полностью инкорпорирована во внутреннее законодательство Туниса и когда он заявляет о "жестоком обращении", которому он якобы подвергался в ходе содержания под стражей в тюрьме Борж Эрруми, тюрьме Эль-Кеф и тюрьме Туниса. Таким образом, сроки исковой давности не истекли, и поэтому заинтересованному лицу настоятельно необходимо прервать эти сроки, либо действуя непосредственно перед судебными органами, либо предпринимая действия по их прерыванию. Кроме того, государство-участник указывает на имеющиеся в распоряжении заявителя возможности получения компенсации за любой серьезный проступок, совершенный должностным лицом при исполнении служебных обязанностей[h], уточнив, что срок исковой давности составляет 15 лет[i]. Государство-участник напоминает, что суды Туниса систематически принимали меры по восстановлению любого нарушения законов о пресечении применения пыток (см. пункт 4.10). По мнению государства-участника, заявитель лишь выдвинул лживые, противоречивые и даже клеветнические утверждения.

8.4 Что касается утверждений о несоблюдении гарантий судебного разбирательства, то государство-участник считает их необоснованными. По его мнению, власти не лишали заявителя возможности подать жалобу в суд; напротив, заявитель сам решил не использовать внутренние средства правовой защиты. В связи с "обязанностью" судей не учитывать заявления, сделанные под пыткой, государство-участник ссылается на статью 15 Конвенции против пыток и полагает, что подозреваемому надлежит представить судье хоть какие-то доказательства, способные подтвердить, что он сделал свои заявления в условиях нарушения закона. Таким образом, ему следовало принять меры по подготовке доказательств своих утверждений - представить медицинский отчет или заключение, подтверждающие факт подачи жалобы в прокуратуру, или даже предъявить суду видимые следы пытки или жестокого обращения. Однако, по мнению государства-участника, заявитель не счел целесообразным подать жалобу ни в ходе его содержания под стражей, ни в ходе судебного разбирательства, что свидетельствует о действиях, вписывающихся в стратегию незаконного экстремистского движения "Нахда", которая направлена на дискредитацию институтов Туниса через утверждения о том, что он являлся жертвой пыток и жестокого обращения, без использования при этом имеющихся средств защиты.

8.5 Относительно утверждений, касающихся судебного разбирательства, государство-участник указывает, что утверждение заявителя о том, что он не поставил свою подпись под протоколом проводившегося судьей допроса, является ошибочным. По заявлению государства-участника, его адвокат был вызван следственным судьей и выступил по существу дела в соответствии с действующими уголовно-процессуальными нормами. Государство-участник напоминает, что заявитель, среди прочего, был осужден за то, что плеснул в потерпевшего купоросом; как указывает государство-участник, обвиняемый сознался в этом деянии перед следственным судьей и перед трибуналом, которому он выразил сожаление и заявил, что содеянное вызвало у него психические расстройства на почве чувства вины и жестокости своих действий. Что касается утверждения заявителя о том, что он безуспешно предпринимал попытки ходатайствовать о проведении медицинского освидетельствования, то государство-участник сообщает, что одного лишь ходатайства недостаточно для отдачи распоряжения об освидетельствовании; необходимо наличие признаков, оправдывающих проведение такого освидетельствования. Именно поэтому следственный судья отклонил ходатайство заявителя о медицинском освидетельствовании, так как, по мнению государства-участника, на заявителе не было никаких явных следов насилия.

8.6 Что касается утверждений в отношении признаний, то государство-участник считает беспочвенным утверждение заявителя о том, что он был осужден исключительно на основе своих признаний. Оно уточняет, что, согласно последнему пункту статьи 69 и статье 152 Уголовно-процессуального кодекса, признание обвиняемого не может освобождать судью от поиска других доказательств и что признание как элемент доказывания остается на усмотрении судей. Исходя из этого, уголовная практика судов

Туниса постоянно указывает на то, что обвинительный приговор не может быть вынесен исключительно на основе признаний[j]. Кроме того, по информации государства-участника, утверждение заявителя о том, что признания о его причастности к движению "Нахда" были получены у него с помощью пытки, опровергается свидетельством, которое г-н Лтаиеф представил швейцарским властям для получения политического убежища, поскольку это свидетельство выдано "лидером движения "Нахда" и свидетельствует о принадлежности заявителя к этому "движению".

8.7 В отношении утверждений об условиях содержания, и в частности о переводе из одной тюрьмы в другую как о неправомерной мере, государство-участник поясняет, что по действующему законодательству решение о таком переводе принимается в зависимости от различных этапов следствия, числа дел и территориально компетентных судебных органов. Тюрьмы подразделяются на три категории: для предварительного содержания подозреваемых; для содержания лиц, осужденных к наказаниям в виде лишения свободы; тюрьмы полуоткрытого типа для содержания лиц, осужденных за правонарушения к сельскохозяйственным работам. Государство-участник указывает, что, когда предварительно задержанному заявителю был вынесен обвинительный приговор к лишению свободы, а также с учетом потребностей следствия по его делу или по аналогичным делам, он был переведен из одной тюрьмы в другую в соответствии с действующим законодательством. Кроме того, независимо от пенитенциарного учреждения, условия содержания заявителя отвечали установленному распорядку, который введен для обеспечения физической и психической неприкосновенности задержанных. Государство-участник уточняет, что в Тунисе права задержанных тщательно охраняются без проведения каких-либо различий и независимо от стадии уголовного процесса; это отвечает требованиям уважения человеческой личности в соответствии с международными и национальными тунисскими нормами. При этом обеспечивается бесплатная медицинская и психосоциальная помощь, а также свидания с членами семьи. Государство-участник утверждает, что условия содержания заявителя соответствовали тунисскому законодательству для пенитенциарных учреждений, которое отвечает международным нормам в этой области.

8.8 Вопреки утверждениям о том, что последствия для состояния здоровья, от которых страдает заявитель, обусловлены применением пыток, государство-участник настаивает на отсутствии причинно-следственной связи. Оно, в частности, отмечает, что представленное заявителем медицинское заключение о наличии у него нервно-психического расстройства датировано 29 июля 1999 года, т.е. почти через 10 лет после "фактов". Государство-участник также напоминает о психических расстройствах, о которых заявитель говорил судьям (пункт 8.5). Кроме того, государство-участник указывает, что, вопреки своим утверждениям, заявитель в течение периода содержания в гражданской тюрьме Борж Эрруми получал адекватную медицинскую помощь и необходимое лечение.

8.9 В связи с утверждениями о запрете свиданий государство-участник поясняет, что в соответствии с тюремным распорядком заявителя регулярно навещали его братья, дядя, отец и мать, как о том свидетельствуют записи в журналах учета свиданий тех тюрем, где содержался заявитель.

8.10 Что касается утверждений, связанных со статьей 11 Конвенции, то государство-участник отклоняет их и указывает на осуществление регулярного контроля[k] за соблюдением норм, инструкций, методов и практики ведения допроса, а также положений в отношении условий содержания[l] и обращения с арестованными, задержанными или содержащимися в тюрьме лицами[m].

8.11 Что касается утверждений относительно социального положения семьи г-на Лтаиефа, то государство-участник указывает, что его семья не подвергается никакому запугиванию или ограничениям, что она проживает в достойных условиях, а отец заявителя получает пенсию.

Комментарии заявителя

9.1 В своих комментариях от 20 мая 2003 года заявитель пожелал ответить на ряд аспектов, содержащихся в вышеизложенных замечаниях государства-участника.

9.2 По вопросу о превентивном механизме борьбы против пыток заявитель полагает, что государство-участник ограничивается перечислением арсенала законов и мер административного и политического характера, которые, по его мнению, вообще не применяются на практике. В обоснование этого вывода заявитель ссылается на доклады неправительственной организации - Национального совета за гражданские свободы в Тунисе (НССТ)[n].

9.3 В связи с созданием законодательного арсенала борьбы против пыток заявитель отмечает, что статья 110-бис Уголовно-процессуального кодекса была принята в конце 1999 года, особенно в ответ на озабоченность Комитета против пыток тем фактом, что формулировка статьи 101 Уголовного кодекса могла оправдывать серьезные нарушения в плане применения насилия при допросе. Заявитель также утверждает, что эта новая статья не имеет практического применения, и прилагает список жертв репрессий в Тунисе в 1991-1998 годах, составленный неправительственной организацией "Веритэ-Аксьон". Он уточняет, что случаи, упомянутые государством-участником в подтверждение своего стремления бороться с применением пыток, касаются лишь обвинений в превышении власти, жестокого обращения и насильственных действий, а также общеуголовных дел, а не случаев применения пыток с последующей смертью потерпевших и случаев причинения физического и морального ущерба жертвам пыток.

9.4 Относительно применения пыток и безнаказанности заявитель настаивает на том, что мучителям удается избежать наказания и что, в частности, ни одно из лиц, подозреваемых в применении пыток, не стало объектом сколь-либо серьезного разбирательства. Заявитель полагает, что в его случае государство-участник в своих замечаниях осуществило избирательное изложение фактов и пришло к выводу, что утверждение о жестоком обращении относится к 1987 году, в то время как заявитель излагает свою "тюремную Голгофу" в 1987-1997 годах. Кроме того, заявитель указывает, что, тогда как по принципам правого государства и профессиональной этики следует рассматривать любое сообщение об уголовном деянии, которое может быть квалифицировано в качестве преступления, власти Туниса ограничиваются обвинениями предполагаемых жертв в терроризме и подтасовке фактов. Заявитель также представляет список жалоб общественных деятелей Туниса, которые были недавно поданы и проигнорированы властями. Заявитель считает, что ему удалось подробно изложить обстоятельства своего конкретного случая (фамилии, места, даты и виды перенесенного обращения), в то время как государство-участник полностью отрицает применение такого обращения. Заявитель говорил о своих мучителях не потому, что они являются сотрудниками правоохранительных органов, а потому, что ими были совершены конкретные и неоднократные нарушения в отношении его физической и психической неприкосновенности, его частной и семейной жизни. Проведение расследования с целью установить, совершил ли какой-либо сотрудник правоохранительных органов акты пыток или другие деяния, не является нарушением презумпции невиновности, а представляет собой юридическую процедуру, необходимую для расследования дела, и в случае необходимости - его передачи на рассмотрение судебных органов. Что касается процедур судебного обжалования, то заявитель полагает, что государство-участник ограничивается повторным изложением юридических возможностей, имеющихся в распоряжении потерпевших, которые перечислены в предыдущих представлениях, не отвечая при этом на решение вопроса о приемлемости в последнем абзаце пункта 7.2. Заявитель вновь подчеркивает бесполезность теоретически имеющихся правовых процедур, изложенных государством-участником.

9.5 Что касается инертности и бездействия заявителя, то, по его мнению, государство-участник противоречит себе, указывая, что применение пыток по законодательству Туниса квалифицируется как преступление и в силу этого преследуется по закону, в то же время ожидая инициативы со стороны потерпевшего, чтобы начать действовать. Кроме того, заявитель напоминает изложенные выше конкретные действия, предпринятые им для того, чтобы потребовать проведения медицинского освидетельствования и расследования в связи с применением к нему пыток и ссылается на отказ следственного судьи от удовлетворения просьбы о медицинском освидетельствовании и на наличие медицинского заключения о нервно-психическом расстройстве.

9.6 Заявитель утверждает, что его адвокат отказался подписать протокол допроса в присутствии следственного судьи, что свидетельствует о нарушении норм

соответствующей процедуры. Кроме того, он констатирует, что, по его собственному признанию, но в силу не понятных ему юридических соображений государство-участник признает, что следственный судья отклонил его просьбу о проведении медицинского освидетельствования из-за отсутствия явных следов насилия. Заявитель поясняет, что предварительное заключение лица сверх установленных законом сроков с целью сокрытия следов применения пыток, а затем отказ ему в праве на медицинское освидетельствование ввиду отсутствия явных следов пыток полностью соответствуют логике узаконения пыток. Наконец, по мнению заявителя, государство-участник тем самым признает, что оно лишило его возможности предпринять элементарное и очевидное действие в целях начала собирания требуемых доказательств. Заявитель добавляет, что, учитывая крайнюю сложность его дела, которое рассматривалось чрезвычайным судом (судом по делам о государственной безопасности), подобный отказ лишил его последнего средства правовой защиты его интересов. Заявитель указывает, что перед лицом выдвинутых ему тяжких обвинений малейшее сомнение и малейшее утверждение о жестоком обращении должны становиться предметом проверки. Кроме того, отказ следственного судьи от проведения медицинского освидетельствования уменьшал шансы обвиняемого на повторную подачу ходатайства судье (хотят это и было сделано повторно).

9.7 Что касается утверждений относительно его признаний, то заявитель настаивает на том, что сделал признание под пыткой, и, опираясь на доклад НССТ, указывает, что подобная практика применяется в ходе политических процессов и иногда - при расследовании уголовных дел. В связи с попыткой государства-участника усматривать противоречия в его признании в принадлежности к движению "Нахда" (пункт 8.6) заявитель выражает удивление столь странной логикой и поясняет, что он был осужден якобы за нападение с применением купороса, а не за участие в движении "Нахда".

9.8 Относительно условий содержания заявитель полагает, что государство-участник опять-таки прикрывается буквой закона, стремясь опровергнуть его многочисленные, конкретные и подробные сообщения. Заявитель поясняет, что его переводы из одних тюрем в другие ни разу не были продиктованы интересами следствия, и требует от государства-участника доказать обратное.

9.9 Что касается свиданий, то, по мнению заявителя, лишение его права на свидания являлось средством мести по отношению к нему всякий раз, когда он требовал соблюдения какого-либо права и прибегал с этой целью, в частности, к объявлению голодовок. Заявитель поясняет, что сам порядок проведения свиданий, а именно жестокое обращение с членами его семьи в помещении для свиданий и со стороны местной полиции по их возвращении домой, является нарушением внутренних и международных правовых норм.

9.10 Что касается утверждений о медицинской помощи, то заявитель обращает внимание Комитета на имеющееся в его деле медицинское заключение и уточняет, что документ

был выдан лишь через 10 лет после событий, поскольку именно тогда представилась первая возможность сделать это. Заявитель также констатирует, что государство-участник, с одной стороны, признает наличие у него психических расстройств, но исключительно ввиду якобы гнетущего его чувства вины, а не из-за перенесенных пыток, а с другой - отказывается представить материалы, позволяющие убедиться в его деятельном раскаянии перед судом. В связи с вопросом об обращении с ним, который был затронут государством-участником, заявитель требует от государства-участника представить его медицинскую карту.

9.11 По вопросу об административном надзоре заявитель считает, что любое наказание, даже предусмотренное Уголовным кодексом Туниса, может быть квалифицировано как бесчеловечное и унижающее достоинство, если его целью не является, в частности, социальная реинтеграция осужденного. При этом заявитель напоминает, что он, среди прочего, был произвольно лишен возможности продолжать обучение в течение и особенно после отбытия своего 10-летнего срока заключения. Заявитель сожалеет о том, что, помимо напоминания о возобновлении обучения, государство-участник ограничилось огульным отрицанием его утверждений без всякого расследования и доказательств. По мнению заявителя, единственная цель административного надзора - обеспечить полиции полное регулирование права бывшего заключенного на свободу передвижения.

9.12 Что касается положения его семьи, то заявитель сообщает о страданиях, пережитых ею в результате полицейского надзора и всевозможного запугивания, жестокого обращения в ходе свиданий и изъятия паспортов на несколько лет; эта ситуация продолжается до сих пор.

9.13 Относительно применения статьи 11 Конвенции заявитель полагает, что государство-участник вновь ограничивается теоретическим изложением своего юридического арсенала и ссылкой на деятельность Высшего комитета по правам человека и основным свободам, который не является самостоятельным учреждением. При этом, ссылаясь на документы неправительственных организаций[o], заявитель сообщает о нарушениях в системе контроля за соблюдением процедур задержания и содержания под стражей - таких, как подтасовка дат на ордерах на арест и негласное содержание под стражей. Заявитель констатирует, что государство-участник не дает ответа на его конкретные утверждения, связанные с содержанием под стражей в течение более двух месяцев.

9.14 Что касается движения "Нахда", то заявитель указывает, что эта организация, вопреки пояснениям государства-участника, известна своей приверженностью демократическим идеалам и противодействием диктатуре и безнаказанности. Кроме того, заявитель оспаривает обвинения в терроризме, которые выдвинуты ей государством-участником и которые являются элементом сфабрикованного дела.

9.15 Наконец, по мнению заявителя, государство-участник стремится полностью взвалить бремя доказывания на потерпевшего, обвиняя его в инертности и бездействии, прикрывается целым арсеналом законодательных мер, которые теоретически позволяют потерпевшим подавать жалобу, и уклоняется от своей обязанности следить за обязательным преследованием преступлений, включая применение пыток. Заявитель утверждает, что тем самым государство-участник преднамеренно игнорирует тот факт, что в праве и в международной судебной практике в области борьбы против пыток ставится особый акцент на роли государств и их обязанностях по обеспечению успешного проведения разбирательства. Однако заявитель констатирует, что государство-участник возлагает бремя доказывания исключительно на потерпевшего, хотя имеющиеся доказательства (судебные дела, журналы учета задержанных, свиданий и т.п.) находятся только в распоряжении государства-участника, и доступ заявителя к ним невозможен. Ссылаясь на европейскую судебную практику[p], заявитель напоминает, что Европейский суд и Европейская комиссия предлагают государствам в случае получения утверждений о применении пытки или жестокого обращения "проводить эффективное расследование утверждений о жестоком обращении", а не довольствоваться перечислением путей подачи жалобы, теоретически имеющихся в распоряжении потерпевшего.

Рассмотрение по существу

10.1 Комитет рассмотрел жалобу, надлежащим образом учитывая всю информацию, представленную ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

10.2 Комитет принял к сведению замечания государства-участника от 3 апреля и 25 сентября 2003 года, в котором оно оспаривает приемлемость жалобы. Он констатирует, что выдвинутые государством-участником аргументы не дают оснований для пересмотра решения Комитета о приемлемости, в частности из-за отсутствия новой или дополнительной информации от государства-участника по вопросу о расследованиях, оперативно проведенных государством-участником (см. пункт 7.2). Поэтому Комитет не считает себя обязанным пересматривать свое решение о приемлемости.

10.3 Комитет немедленно переходит к рассмотрению жалобы по существу и отмечает, что заявитель инкриминирует государству-участнику нарушения статьи 1, пункта 1 статьи 2 и статей 4, 5, 11, 12, 13, 14, 15 и 16 Конвенции.

10.4 Комитет отмечает, что в соответствии со статьей 12 Конвенции власти обязаны незамедлительно проводить беспристрастное расследование всякий раз, когда имеются разумные основания полагать, что была применена пытка или жестокое обращение, причем мотивы таких подозрений не имеют особого значения[q].

10.5 Комитет констатирует, что, по словам заявителя, в 1987 году он обратился к следственному судье с жалобой на применение пыток и просил его распорядиться о

проведении соответствующего медицинского освидетельствования, но эта просьба не была удовлетворена. Кроме того, Комитет отмечает, что государство-участник признает, что следственный судья отклонил жалобу заявителя о проведении освидетельствования на основании того, что заявитель не имел видимых следов применения насилия. Комитет считает, что факты, имевшие место с 1987 года, представляют собой нарушение длящегося характера, которое продолжалось после ратификации государством - участником Конвенции. Комитет полагает, что ответ государства-участника об отсутствии видимых следов насилия не является конструктивным ответом на жалобы заявителя в связи с применением пытки, в результате которой, согласно определению пытки статьи 1 Конвенции, причиняется "сильная боль и страдание, физическое или нравственное", которое способно оставлять хоть и не явные, но реальные следы насилия. В этой связи Комитет отмечает представленное заявителем свидетельство о наличии у него нервно-психического расстройства. Наконец, Комитет принимает к сведению подробную и обоснованную информацию заявителя об объявлении им голодовок в период содержания под стражей в 1987-1997 годах не менее 15 раз продолжительностью от 5 до 28 дней в знак протеста против жестокого обращения. Комитет констатирует, что государство-участник не прокомментировало эту информацию. Он считает, что всех этих обстоятельств хватило бы для начала расследования, которое не было проведено в нарушение обязательства немедленно приступить к беспристрастному расследованию, предусмотренному статьей 12 Конвенции.

10.6 Комитет отмечает, что, кроме того, статья 13 Конвенции не требует официального представления жалобы на применение пыток в соответствии с процедурой, предусмотренной внутренним законодательством, равно как и наличия четко выраженного стремления возбуждать уголовный иск; одно лишь заявление жертвы о доведении соответствующих фактов до сведения государственных властей представляется достаточным для возникновения обязательства рассматривать такое заявление в качестве хотя и косвенного, но недвусмысленного желания потерпевшего добиваться проведения быстрого и беспристрастного расследования, как того требует данное положение Конвенции[r].

10.7 При этом Комитет констатирует, что, как он уже указывал, заявитель, по его словам, действительно жаловался следственному судье на жестокое обращение и объявлял голодовки в знак протеста против условий содержания. Однако, в противоположность судебной практике на основании статьи 13 Конвенции, Комитет принимает к сведению позицию государства-участника о том, что заявитель должен был официально воспользоваться внутренними средствами правовой защиты с целью подачи жалобы, в частности, путем представления либо справки о подаче жалобы в органы прокуратуры, либо предъявив суду явные следы пытки или жестокого обращения, либо представив медицинское заключение. Из этого последнего аспекта, на который Комитет хотел бы обратить внимание, следует, что, по утверждению заявителя, следственный судья отказал ему в просьбе о проведении медицинского освидетельствования и что государство-

участник объясняет это решение отсутствием явных следов насилия. Комитет напоминает, что ответ государства-участника не вполне соответствует конкретному утверждению заявителя о применении пыток, оставивших реальные следы, в частности нервно-психического характера. Наконец, Комитет ссылается на материалы рассмотрения доклада, представленного Тунисом в 1997 году, в ходе которого он рекомендовал государству-участнику автоматически проводить медицинские осмотры после получения утверждений о нарушениях.

10.8 С учетом изложенных выше выводов Комитет полагает, что указанные нарушения несовместимы с предусмотренным в статье 13 Конвенции обязательством оперативно проводить расследование.

10.9 Наконец, Комитет считает невозможным принять решение по вопросу о предполагаемых нарушениях других положений Конвенции, на которые ссылался заявитель, поскольку он ожидает результатов расследования утверждений, касающихся применения пыток и жестокого обращения, которое должно быть проведено государством-участником.

11. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции, считает, что переданные ему факты указывают на нарушение статей 12 и 13 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

12. В соответствии с пунктом 5 статьи 112 своих правил процедуры Комитет настоятельно призывает государство-участник провести расследование утверждений о применении к заявителю пыток и жестокого обращения и проинформировать Комитет о принятых на основании этих выводов мерах в течение 90 дней с даты препровождения настоящего решения.

Примечания

[a] В жалобе не уточняются обвинения, выдвинутые против заявителя.

[b] В жалобе не уточняются детали обвинения против заявителя.

[c] Заявитель въехал на территорию Швейцарии 18 марта 1999 года. Дата получения им статуса беженца не уточняется.

[d] Можно ознакомиться в материалах дела.

[e] С примерами, приведенными государством-участником, можно ознакомиться в материалах дела.

[f] В частности, это предусматривает ознакомление с ценностями прав человека в учебных заведениях правоохранительных органов, в Высшем институте магистратуры и Национальной школе по подготовке и переподготовке руководящего и рядового состава пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений; введение кодекса профессиональной этики руководства органов по правоприменению в области прав человека; перевод пенитенциарных и исправительно-трудовых учреждений из ведения министерства внутренних дел в ведение министерства юстиции и прав человека.

[g] Создание соответствующего законодательного механизма: вопреки утверждениям заявителя о том, что тунисские власти не криминализировали применение пыток, государство-участник поясняет, что оно безоговорочно ратифицировало Конвенцию против пыток, которая является составной частью внутреннего законодательства Туниса и может применяться в судебных органах; наличие суровых и четких положений уголовного законодательства о пресечении пыток (статья 101-бис Уголовного кодекса Туниса).

[h] Закон от 1 июня 1972 года об Административном суде позволяет признать государство ответственным, даже когда оно совершает официальные действия, если его представители, агенты или должностные лица причинили какому-либо лицу материальный или моральный ущерб. Потерпевшая сторона может потребовать у государства возмещения причиненного ущерба в соответствии со статьей 84 Договорно-обязательственного кодекса; без ущерба для прямой ответственности его должностных лиц перед потерпевшими сторонами.

[i] Административный суд, постановления № 1013 от 10 мая 1993 года и № 21816 от 24 января 1997 года.

[j] Постановление № 4692 от 30 июля 1996 года, опубликованное в Revue de Jurisprudence et Législation (R.J.L); постановление № 8616 от 25 февраля 1974 года, R.J.L., 1975 год; и постановление № 7943 от 3 сентября 1973 года, R.J.L., 1974 год.

[k] Помимо законодательства, были постепенно созданы институциональные механизмы защиты, такие, как посещения пенитенциарных учреждений без предварительного уведомления председателем Высшего комитета по правам человека и основным свободам и учреждение 31 июля 2000 года должности судьи по исполнению наказаний, отвечающего за осуществление контроля над исполнением наказаний в виде лишения свободы и периодическое посещение пенитенциарных учреждений.

[l] Закон № 99-90 от 2 августа 1999 года внес изменения и дополнения в ряд положений Уголовно-процессуального кодекса, в частности сократив срок задержания в полицейском участке до трех суток с возможностью однократного возобновления на такой же период. Согласно этому Закону, следователи по уголовным делам не вправе задерживать подозреваемого более чем на трое суток без уведомления прокурора, который может дать письменную санкцию на однократное продление срока задержания на тот же период. Следователь по уголовным делам должен проинформировать подозреваемого о применяемой к нему мере пресечения и ее сроке, а также о его правах, предусмотренных законом, в частности о возможности пройти в период содержания под стражей медицинское освидетельствование. Сотрудник полиции также должен проинформировать одного из родственников подозреваемого, его детей, братьев, сестер или супруга/супругу, по его выбору, о примененной к нему мере пресечения. Эти гарантии стали еще более

прочными благодаря реформе Конституции от 26 мая 2002 года, в результате которой судебный контроль за содержанием под стражей в полиции стал конституционной нормой, предусматривающей возможность применения такой меры пресечения только при наличии выданного судом ордера.

[m] Закон от 24 апреля 2001 года об условиях содержания под стражей и обращении с задержанными укрепляет гарантии защиты прав лиц, содержащихся под стражей, и позволяет готовить их к жизни в обществе, обеспечивая им возможность заниматься оплачиваемым трудом.

[n] "Pour la réhabilitation de l'indépendence de la justice", April 2000 - December 2001.

[o] Альтернативный доклад МФПЧ в связи со вторым периодическим докладом Туниса Комитету против пыток и коммюнике Международной организации поддержки политических заключенных Туниса от 20 февраля 2003 года.

[p] Guide to Jurisprudence on Torture and I11-Treatment - Article 3 of the European Convention for the Protection of Human Rights, Debra long (APT); дело *Рибитш против Австрии*; дело *Ассенов против Болгарии*.

[q] Сообщение № 59/1996 (*Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

[r] Сообщения № 6/1990 (*Генри Унай Парот против Испании*) и № 59/1996 (*Инкарнасьон Бланко Абад против Испании*).

Сообщение № 196/2002

Представлено: М.А.М. (представлен адвокатом г-ном Ингмаром Сальстремом)

Предполагаемая жертва: М.А.М.

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 3 января 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 14 мая 2004 года,

завершив рассмотрение сообщения № 196/2002, представленного Комитету против пыток г-ном М.А.М. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является М.А.М., гражданин Бангладеш, родившийся 1 января 1968 года и в настоящее время проживающий в Швеции, где он обратился с просьбой о предоставлении убежища. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Бангладеш[a] в том случае, если ему откажут в предоставлении статуса беженца, будет представлять собой нарушение Швецией[b] статьи 3 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет 7 января 2002 года препроводил данную жалобу государству-участнику. Согласно пункту 9 правила 108 третьего пересмотренного варианта правил процедуры Комитета (rev.3) Комитет просил государство-участник не высылать заявителя в Бангладеш до тех пор, пока его дело не будет рассмотрено Комитетом. 12 февраля 2002 года государство-участник информировало Комитет о том, что оно приняло решение отложить приведение в исполнение решения о высылке заявителя в Бангладеш.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель принадлежит к одному из меньшинств, проживающих в Бангладеш, права которого он отстаивал через политическую организацию "Шанти Бахини". В ходе одного из совещаний "Шанти Бахини" в ноябре 1989 года, в работе которого участвовал заявитель, на помещение, где проходило совещание, совершили нападение военнослужащие, и несколько участников были ранены или убиты. 7 мая 1990 года полиция арестовала заявителя и содержала его под стражей в течение шести дней. В ходе полицейских допросов его предположительно пытали: подвергали электрошоку, прижигали кожу сигаретами, кололи иголками и избивали руками и ногами до потери сознания. 19 ноября 1990 года он бежал из страны в Швецию, где обратился с просьбой о предоставлении убежища. 4 октября 1991 года Миграционный совет отклонил просьбу заявителя. Он обжаловал это решение в Апелляционном совете по делам иностранцев, который 8 апреля 1993 года отклонил его ходатайство и отдал распоряжение о депортации заявителя в Бангладеш. Затем заявитель скрывался, и возможность привести в исполнение решение о его высылке появилась лишь 5 августа 1995 года.

2.2 По возвращении в Бангладеш заявитель был арестован и обвинен в ведении политической деятельности в Швеции. В течение четырех дней содержания под стражей его, предположительно, избивали до потери сознания, а один полицейский заливал ему в нос теплую воду. Заявитель утверждает также, что он подвергался жестокому обращению, в результате чего пострадали его гениталии, что его заставляли пить мочу и что полицейские угрожали зарезать его.

2.3 Заявитель стал членом молодежного крыла Национальной партии Бангладеш (именуемой далее НПБ) в 1996 году. Он распространял брошюры, организовывал демонстрации и иными способами протестовал против политики правительства "Народной лиги". Он входил также в состав бюро мирпурского отделения НПБ.

2.4 Заявитель утверждает, что за его политическую деятельность по линии НПБ ему были предъявлены ложные обвинения в совершении различных преступлений и что это обычная практика обращения с политическими оппонентами правительства. 10 ноября 1998 года произошло столкновение между сторонниками НПБ и сторонниками "Народной лиги" и полицией. Заявитель был арестован и содержался под стражей в течение пяти дней за насильственные действия против полиции и за то, что он препятствовал полицейским выполнять свои обязанности. В ходе допросов полицейские якобы привязывали заявителя к креслу, били ногами, а также прикладами винтовок и палками. Он утверждает, что несколько раз терял сознание во время таких допросов. После рассмотрения дела заявителя в местном суде его освободили под залог. 18 августа 1999 года заявитель был приговорен к 20 месяцам тюремного заключения и штрафу в размере 50 000 така. Впоследствии заявитель бежал в Швецию, где 4 ноября 1999 года[c] он подал в Национальный иммиграционный совет прошение о предоставлении ему убежища

(теперь этот орган называется Миграционным советом, и далее будет использоваться именно это название).

2.5 18 октября 2000 года Миграционный совет отклонил прошение заявителя о предоставлении ему убежища. Заявитель обратился с апелляцией в Апелляционный совет по делам иностранцев, который 18 мая 2001 года отклонил его прошение о предоставлении ему статуса беженца и принял решение о его депортации в Бангладеш. Апелляционный совет по делам иностранцев обосновал свое решение выводом о том, что политическая деятельность и предполагаемое преследование заявителя по политическим мотивам не являются достаточным основанием для предоставления убежища, поскольку в Бангладеш обеспечена свобода выражения политических убеждений, а НПБ является легальной политической партией. Хотя Совет не высказал сомнений по поводу того, что заявитель подвергался пыткам в 1990, 1995 и 1998 годах, заявитель тем не менее находился в период якобы имевших место пыток в 1992 году в Швеции и соответственно подвергаться пыткам в тот период не мог. Это заставило Совет усомниться в достоверности данных, представленных заявителем. Кроме того, хотя члены Совета были осведомлены о случаях применения полицией насилия к лицам, содержащимся под стражей в Бангладеш, Совет не счел, что заявитель особенно рискует подвергнуться насилию в связи с преследованием по политическим мотивам и что обращение с заключенными в целом не является основанием для предоставления убежища.

2.6 Адвокат направил Совету новую информацию с двумя новыми прошениями, которые были отклонены соответственно 20 сентября и 29 октября 2001 года. Он утверждал, что заявитель будет арестован сразу после возвращения в Бангладеш, поскольку, как следует из факса, полученного от его адвоката в Бангладеш, он находится под следствием по подозрению в убийстве и был осужден и приговорен 3 сентября 2001 года к пожизненному заключению за измену и антигосударственную деятельность.

2.7 По заявлению местной психиатрической службы Швеции, заявитель имеет суицидальные наклонности. В медицинском свидетельстве, выданном Центром для жертв пыток (именуемым далее ЦЖП), указывается, что заявитель страдает синдромом посттравматического стресса и что у него было обнаружено несколько шрамов, которые подкрепляют его заявление о том, что он подвергся пыткам.

Жалоба

3. По утверждению заявителя, имеются серьезные основания предполагать, что в случае его возвращения в Бангладеш он подвергнется пыткам. Он утверждает, что его депортация в Бангладеш будет представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции. В обоснование своих опасений он ссылается на предыдущие случаи его задержания и применения к нему пыток в порядке наказания за политическую деятельность, которой он занимался в Бангладеш. Он указывает далее, что власти Бангладеш постоянно нарушают

права человека, особенно права своих политических оппонентов и лиц содержащихся под стражей.

Представление государства-участника

4.1 13 мая 2002 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа жалобы.

4.2 По вопросу о приемлемости государство-участник отмечает, что все внутренние средства правовой защиты были, очевидно, исчерпаны, однако заявитель может в любое время обратиться в Апелляционный совет по делам иностранцев с новой просьбой, касающейся предоставления ему вида на жительство. Совет обязан рассмотреть такую просьбу при условии приобщения к делу новых обстоятельств, требующих принятия иного решения.

4.3 Государство-участник не согласно с тем, что возвращение заявителя в Бангладеш повлечет за собой нарушение статьи 3 Конвенции. Хотя общее положение в области прав человека в Бангладеш не является идеальным и неоднократно поступали сообщения о пытках, применяемых полицией, Конституция Бангладеш запрещает пытки и жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение, а судебные органы демонстрируют достаточно высокую степень независимости, критикуя, например, полицию за нарушение законодательных норм, регулирующих условия содержания под стражей, и злоупотребление своими полномочиями.

4.4 Что касается упомянутого заявителем риска подвергнуться пыткам в Бангладеш, то государство-участник обращает внимание на тот факт, что ряд положений Закона об иностранцах отражают принцип, закрепленный в пункте 1 статьи 3 Конвенции, и что шведские иммиграционные органы при рассмотрении ходатайств о предоставлении убежища применяют критерий, аналогичный тому, который применяется Комитетом в соответствии с Конвенцией. О применении такого критерия в данном случае свидетельствует тот факт, что внутренние компетентные органы ссылаются на раздел 3 главы 3 Закона об иностранцах и на статью 3 Конвенции.

4.5 Государство-участник отмечает, что заявитель в первую очередь сам обязан собрать и представить доказательства в поддержку своих утверждений[d]. Крайне важное значение при оценке ходатайства о предоставлении убежища имеет достоверность представленной заявителем информации. Шведские иммиграционные органы провели с заявителем двухчасовое собеседование прежде чем приняли решение по данному делу. Таким образом, Совет имел вполне достаточно времени для представления важных дополнительных замечаний, которые вместе с фактами и имеющейся по данному делу документацией обеспечивали надежную основу для оценки необходимости обеспечения защиты заявителя в Швеции.

4.6 Государство-участник напоминает о том, что, хотя согласно медицинским свидетельствам заявитель подвергался пыткам, цель рассмотрения Комитетом его жалобы заключается в установлении того, рискует ли заявитель подвергнуться пыткам по его возвращении[e].

4.7 Государство-участник понимает, что судя по всему жалоба основывается, в частности, на утверждении о том, что заявитель рискует подвергнуться пыткам по возвращении в Бангладеш вследствие якобы предъявленного ему обвинения в убийстве и судебного решения, вынесенного 3 сентября 2001 года. Оно отмечает, что единственным доказательством этого является факс, предположительно полученный заявителем от его адвоката из Бангладеш. После поступления запроса от государства-участника его посольство в Дакке поручило одному адвокату расследовать это дело. Адвокат, изучивший документацию всех пяти городских и районных судов Дакки, не обнаружил никаких судебных решений, касающихся заявителя, которые были бы вынесены в 2001 году в связи с обвинениями в убийстве, предательстве или антигосударственной деятельности. Этот факт подтвердило также посольство Соединенных Штатов в Бангладеш.

4.8 Посольство попыталось также связаться с адвокатом заявителя, но получило от лица, представившегося его братом, информацию о том, что адвокат временно выехал из города. И наконец, посольство было проинформировано домовладельцем о том, что лицо с фамилией заявителя по адресу, указанному в факсе, поступившем от адвоката заявителя, не проживало. Таким образом, государство-участник ставит под сомнение информацию заявителя о предъявлении ему обвинения в убийстве и вынесении приговора по статьям о предательстве и антигосударственной деятельности. Оно добавляет, что, если бы суд вынес такое решение, заявитель мог бы обжаловать его в любом вышестоящем суде. Кроме того, заявитель не представил никаких документов, касающихся судебного решения и ордера на арест, а также апелляционной жалобы на это решение, которая, как он утверждает, была подана его адвокатом.

4.9 Государство-участник отмечает, что события, которые предположительно привели к выезду заявителя из Бангладеш, непосредственно связаны, очевидно, с его активной поддержкой НПБ. Таким образом, при оценке данного дела крайне важно иметь в виду, что с 1 октября 2001 года НПБ является правящей партией в Бангладеш. По мнению государства-участника, такая смена политической власти означает, что утверждение заявителя о том, что он рискует подвергнуться пыткам по возвращении в Бангладеш, не является более обоснованным, и что теперь заявителю тем более сложно обосновать свои утверждения[f].

4.10 Государство-участник добавляет, что причин, по которым заявитель ранее подвергался пыткам, более не существует, поскольку впервые он подвергся пыткам в 1990 году за членство в организации, к которой он, очевидно, уже больше не

принадлежит, а в других случаях его пытали за участие в деятельности НПБ, которая в настоящее время является правящей партией в Бангладеш.

4.11 Государство-участник отмечает ряд несоответствий и изъянов в показаниях заявителя, которые, по его мнению, имеют важное значение для оценки достоверности сведений заявителя. Во-первых, на собеседовании в связи с решением вопроса о предоставлении убежища заявитель, несмотря на то, что ему было предложено изложить мотивы, по которым он подал свое заявление, не упомянул о злоупотреблениях, допущенных бангладешской полицией, до тех пор, пока инспектор, проводивший собеседование, не поднял вопрос о пытках, после чего заявитель обрисовал - и то весьма туманно - общую картину случившегося. В частности, несмотря на то, что инспектор просил его рассказать о других случаях ареста, помимо ареста 10 ноября 1998 года, он не упомянул о том, что он подвергался аресту и пыткам в связи с его высылкой из Швеции в Бангладеш в 1995 году.

4.12 Во-вторых, если первоначально заявитель говорил о трех случаях применения к нему пыток, то впоследствии в связи с медицинским обследованием он упомянул о четвертом случае, имевшем место в 1992 году. Однако этот четвертый случай приходится на тот период, когда заявитель фактически проживал в Швеции.

4.13 В-третьих, заявитель представил противоречивую информацию о своей жизни в Бангладеш после его возвращения из Швеции в 1995 году. Если из записей, сделанных в медицинском центре в Рогсведе 11 января 2000 года, вытекает, что заявитель провел шесть месяцев в заключении после возвращения в Бангладеш в 1995 году, а затем скрывался, то из записей, сделанных в психиатрической клинике следует, что на протяжении четырех лет - с 1995 года по 1999 год - он работал помощником в магазине. Ни в каких других материалах, представленных заявителем шведским властям, не упоминается о том, что он шесть месяцев провел в заключении.

4.14 Государство-участник делает вывод о том, что автор жалобы не обосновал свое заявление о том, что имеются серьезные основания полагать, что он рискует подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Бангладеш, и что приведение в исполнение постановления о его высылке не будет, таким образом, представлять собой нарушение статьи 3 Конвенции.

Дополнительные замечания заявителя и государства-участника

5.1 23 апреля 2004 года адвокат представил замечания на представление государства-участника. Он подтверждает предыдущую аргументацию заявителя и добавляет, что заявитель утверждает, что он по-прежнему входит в организацию "Шанти Бахини" и что поэтому его разыскивает бангладешская полиция и власти.

5.2 В вербальной ноте от 29 апреля 2004 года государство-участник оспаривает тот факт, что заявитель может ссылаться на свое членство в организации "Шанти Бахини" как на новое обстоятельство. Во-первых, это новое обстоятельство не следует принимать во внимание, поскольку заявитель ранее не упоминал о нем в своем сообщении Комитету, хотя он, должно быть, имел возможность это сделать. Во-вторых, столь позднее упоминание о новом обстоятельстве дела позволяет усомниться в правдивости утверждения заявителя на этот счет. В-третьих, заявитель не представил никаких доказательств в подкрепление своей жалобы, и, в-четвертых, государство-участник располагает информацией о мирном соглашении, подписанном между "Шанти Бахини" и бангладешским правительством 2 декабря 1997 года, а также о том, что в 1999 году организация "Шанти Бахини" была официально упразднена. Таким образом, заявитель не обосновал свое утверждение о том, что, поскольку он якобы является членом организации "Шанти Бахини", ему будет угрожать опасность применения пыток при высылке в Бангладеш.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В этом отношении Комитет удостоверился, как того требует пункт 5 a) статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает также, что государство-участник не отрицает исчерпания внутренних средств правовой защиты, хотя и утверждает, что в данных обстоятельствах заявитель может в любое время подать Апелляционному совету по делам иностранцев новое прошение о предоставлении ему вида на жительство и что такое прошение должно быть рассмотрено Советом при условии приобщения к делу новых обстоятельств, которые могут потребовать принятия нового решения. Комитет считает, что заявитель, обратившись в соответствии с внутренним законодательством в высший апелляционный орган Швеции, исчерпал имеющиеся и эффективные внутренние средства правовой защиты. Поскольку Комитет не усматривает каких-либо других препятствий для объявления данного сообщения приемлемым, он объявляет его приемлемым и приступает к его рассмотрению по существу.

Рассмотрение сообщения по существу

6.2 Комитет должен решить вопрос о том, станет ли принудительное возвращение заявителя в Бангладеш нарушением предусмотренного в пункте 1 статьи 3 Конвенции обязательства государства-участника не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что этому

лицу может угрожать там применение пыток. Из этого следует, что в соответствии с правовой практикой Комитета и несмотря на содержащиеся в пункте 3 утверждения заявителя, касающиеся положения в Бангладеш, наличие в каком-либо государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что какое-либо конкретное лицо рискует подвергнуться пыткам по его возвращении в эту страну; к делу должны быть приобщены дополнительные основания, указывающие на то, что именно данному лицу будет угрожать опасность пыток. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-либо лицо не может рассматриваться как лицо, рискующее подвергнуться пыткам с учетом его конкретных обстоятельств.

6.3 Комитет принимает во внимание полученную от заявителя информацию об общем положении в области прав человека в Бангладеш, в частности о повторяющихся случаях насильственных действий полиции в отношении заключенных и политических оппонентов. Комитет отмечает, что государство-участник, хотя и соглашается с фактом поступления неоднократных сообщений о применении полицией пыток, тем не менее считает, что судебные органы этой страны демонстрируют высокую степень независимости.

6.4 Комитет отмечает, что главной причиной, по которой заявитель опасается лично подвергнуться пыткам в случае его возвращения в Бангладеш, является то, что ранее он уже подвергался пыткам за его членство в "Шанти Бахини" и в оппозиционной НПБ и что он рискует подвергнуться тюремному заключению по возвращении в Бангладеш на том основании, что он был якобы приговорен к пожизненному тюремному заключению.

6.5 Комитет отмечает также, что причин, по которым заявитель ранее подвергся пыткам, более не существует: его впервые подвергли пыткам в 1990 году за принадлежность к организации ("Шанти Бахини"), но он не представил доказательств в подтверждение того, что по-прежнему принадлежит к этой организации, а позднее за участие в деятельности НПБ, которая тогда была оппозиционной, а теперь является правящей партией в Бангладеш. Этот факт имеет дополнительное значение для данного дела, поскольку события, которые якобы вынудили его покинуть Бангладеш, были непосредственно связаны с его деятельностью в поддержку указанной партии. Кроме того, хотя в сообщениях о нарушениях прав человека в Бангладеш по-прежнему упоминается широко распространенная практика жестокого обращения полиции с заключенными, заявитель не представил какой-либо информации или доводов в обоснование того, что он лично рискует подвергнуться такому обращению в случае заключения его в тюрьму по возвращении в Бангладеш. Помимо этого, Комитет не убежден в том, что заявитель рискует подвергнуться тюремному заключению по возвращении в Бангладеш, поскольку он не обосновал своих заявлений, касающихся судебного решения, предположительно

вынесенного 3 сентября 2001 года, или утверждения о том, что против него ведется следствие по обвинению в убийстве.

6.6 В свете вышесказанного Комитет считает, что заявитель не доказал наличия предсказуемой и реальной опасности применения пыток лично к нему по смыслу статьи 3 Конвенции.

6.7 Комитет против пыток, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, приходит к заключению о том, что высылка заявителя в Бангладеш государством-участником не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Для Бангладеш Конвенция вступила в силу 4 ноября 1998 года, однако это государство-участник не ратифицировало статью 22 Конвенции.

[b] Для Швеции Конвенция вступила в силу 26 июня 1987 года, и это государство-участник ратифицировало положения, определяющие компетенцию Комитета по статье 22 Конвенции.

[c] Адвокат указывает во втором абзаце на второй странице первоначального сообщения, что заявитель обратился с просьбой о предоставлении ему убежища 4 ноября 1999 года, однако ниже, в четвертом абзаце, говорится о том, что он обратился с просьбой о предоставлении убежища 20 ноября 1990 года.

[d] Государство-участник ссылается на дело № 150/1999 *С.Л. против Швеции*, соображения, принятые 11 мая 2001 года, пункт 6.4, и дело № 122/1998 *М.Р.П. против Швейцарии*, соображения, принятые 24 ноября 2000 года, пункт 6.5.

[e] Государство-участник ссылается на дело № 61/1996 *X., Y. и Z. против Швеции*, соображения, принятые 6 мая 1998 года, пункт 11.2.

[f] Государство-участник ссылается на дело № 96/1997 *А.Д. против Нидерландов*, решение, принятое 12 ноября 1999 года, пункт 7.4.

Сообщение № 199/2002

Представлено:	г-жой Ханан Ахмед Фуад Абд эль-Халек Аттиа (представлена г-ном Бу Йоханссоном из Шведского центра консультативной работы с беженцами)
Предполагаемая жертва:	Заявительница
Государство-участник:	Швеция
Дата представления жалобы:	28 декабря 2001 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 17 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 199/2002, представленной Комитету против пыток г-жой Ханан Ахмед Фуад Абд эль-Халек Аттиа в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявительницей является г-жа Ханан Ахмед Фуад Абд эль-Халек Аттиа, гражданка Египта, родившаяся 13 июля 1964 года. В настоящее время она проживает в Швеции. Она утверждает, что ее выдача Швецией Египту явится нарушением статьи 3 Конвенции. Она представлена адвокатом.

1.2 14 января 2002 года в соответствии с пунктом 9 правила 108 правил процедуры Комитета государству-участнику было предложено не высылать заявительницу в Египет, пока ее жалоба находится на рассмотрении Комитета. Было отмечено, что эта просьба может быть пересмотрена в свете подробной информации, представленной государством-участником в отношении местонахождения супруга заявительницы и условий его содержания под стражей. 18 января 2002 года после обращения Комитета Шведский совет по вопросам миграции постановил приостановить исполнение решения о высылке вплоть до дальнейшего указания, в результате чего в настоящее время заявительница остается в Швеции на законном основании.

Факты в изложении заявительницы

2.1 В 1982 году супруг заявительницы г-н А. был арестован на основании его семейных связей со своим кузеном, арестованным по подозрению в соучастии в покушении на бывшего президента Египта Анвара Садата. До его освобождения в марте 1983 года г-н А., как утверждается, подвергался "пыткам и другим видам физического насилия". Г-н А., активист исламского движения, завершил образование в 1986 году и вступил в брак с заявительницей. Ему удалось уклониться от полицейского розыска, однако он столкнулся с такими трудностями, как, например, арест его адвоката, когда он пытался возбудить в 1991 году гражданский иск против министерства внутренних дел за причиненные ему страдания во время тюремного заключения.

2.2 В 1992 году г-н А. по соображениям безопасности перебрался из Египта в Саудовскую Аравию, а затем - в Пакистан, где к нему присоединилась заявительница вместе с детьми. После трудностей, связанных с продлением паспортов и их последующей конфискацией египетским посольством в Пакистане, семья перебралась в Сирию по поддельным суданским документам. Там их навестили родственники из Египта, которых по их возвращении в Египет арестовали и лишили паспортов, для того чтобы узнать местонахождение г-на А. В декабре 1995 года семья перебралась в Иран по тем же суданским документам.

2.3 В 1998 году Высшим военным трибуналом Египта в отсутствие г-на А. было проведено судебное разбирательство по обвинению его в террористической деятельности вместе с сотней других лиц, проходящих по тому же делу. Он был признан виновным в принадлежности к исламской фундаменталистской группе "Аль-Джихад" и в попытке свержения правительства Египта и приговорен без права на обжалование к 25 годам тюремного заключения. В 2000 году, обеспокоенные тем, что улучшение отношений между Египтом и Ираном может привести к выдаче г-на А. Египту, он и его семья приобрели авиабилеты в Канаду по документам подданных Саудовской Аравии и 23 сентября 2000 года обратились за предоставлением убежища во время транзитной остановки в Стокгольме, Швеция.

2.4 В своем ходатайстве о предоставлении убежища он заявил, что его приговорили к "пожизненному тюремному заключению" заочно и что в случае возвращения он будет казнен, как уже были казнены другие обвиняемые. Заявительница утверждает, что в случае возвращения она будет помещена под стражу на долгие годы за то, что она является супругой г-на А., и за вину в соучастии. 23 мая 2001 года Совет по вопросам миграции запросил по данному вопросу мнение Шведского совета по делам национальной полиции (Специальное отделение), и впоследствии Специальное отделение провело собеседование с г-ном А. 3 октября 2001 года Совет по вопросам миграции провел "углубленное расследование обстоятельств дела" в присутствии г-на А., заявительницы и их адвоката. 30 октября 2001 года Шведский совет по делам национальной полиции (Специальное отделение) информировал Совет по вопросам миграции о том, что г-н А.

является одним из руководителей организации, занимающейся совершением террористических актов, и несет ответственность за деятельность этой организации. В этой связи 12 ноября 2001 года дело г-на А. и заявительницы было передано правительству для вынесения решения в соответствии с разделом 11 (2) (2) главы 7 Закона об иностранцах. На основании имеющейся в его распоряжении информации Совет пришел к заключению о том, что г-н А. может рассматриваться в качестве лица, имеющего право на получение статуса беженца, однако оценка Специального отделения, которую у Совета не было основания подвергать сомнению, предполагала принятие совершенно иного решения. Таким образом, надлежащую оценку возможной потребности г-на А. в защите с учетом анализа Специального отделения должно было произвести правительство. 13 ноября 2001 года Апелляционный совет по делам иностранцев, которому было передано данное дело, поддержал проведенный Советом по вопросам миграции анализ дела по существу и согласился с тем, что решение по данному вопросу должно принять правительство.

2.5 18 декабря 2001 года правительство отклонило ходатайства г-на А. и заявительницы о предоставлении убежища. Причины принятия этих решений не были включены в текст настоящего решения по просьбе государства-участника и с согласия Комитета. Вследствие этого был отдан приказ о депортации г-на А. незамедлительно и заявительницы, как только это станет возможным. 18 декабря 2001 года г-н А. был депортирован, в то время как заявительница скрылась из-под полицейского надзора; ее местонахождение остается неизвестным.

Жалоба

3.1 Заявительница утверждает, что ее дело непосредственно связано с делом ее мужа г-на А., который отрицает какую-либо причастность к террористической деятельности. Она заявляет, что будет представлять значительный интерес для египетских властей, поскольку они будут считать, что она располагает ценной информацией о муже и его деятельности. В этой связи существует явная угроза того, что она будет взята под стражу и что египетские власти попытаются получить у нее информацию посредством применения физического насилия и пыток.

3.2 Заявительница подвергает критике отсутствие сведений относительно содержания и источников информации Специального отделения, касающейся г-на А., отмечая, что в любом случае намерение египетских властей взять его под стражу на основании его предыдущих убеждений является очевидным. Заявительница подвергает сомнению надежность гарантии безопасности, предоставленной египетскими властями. Ей ничего не известно ни о ее содержании, ни о ее авторе. В любом случае египетские власти скорее всего будут преследовать свои собственные цели, чем соблюдать гарантии, предоставленные иностранным государствам. В одном из последующих обращений заявительница ссылается на заявление (о безотлагательных мерах) организации

"Международная амнистия" от 10 января 2002 года, в котором говорится, что заявительнице угрожает применение пыток в случае возвращения в Египет, учитывая ее родственные связи. Кроме того, организация считает гарантии безопасности недостаточными, поскольку о местонахождении г-на А. после его прибытия в Египет 18 декабря 2002 года ничего не известно, и о нем ничего не сообщили семье, адвокату или кому бы то ни было.

3.3 Заявительница настаивает на том, что, в отличие от Конвенции о статусе беженцев, Конвенция против пыток не содержит какой-либо оговорки об исключении на основании обеспечения безопасности, и, таким образом, ее защита является абсолютной. Кроме того, решение о высылке не может быть обжаловано, в то время как новое ходатайство предусматривает представление новых обстоятельств, а такие обстоятельства отсутствуют.

3.4 В целом заявительница ссылается на выпущенный в 2000 году государственным департаментом Соединенных Штатов доклад, в котором говорится о том, что в Египте основополагающие права человека соблюдаются недостаточно. Она утверждает, что силы безопасности подвергают жестокому обращению и пыткам лиц, подозреваемых в связях с террористами, и производят массовые аресты таких лиц. Организация "Международная амнистия" в своем докладе за 1997 год предполагает, что ряд женщин был подвергнут нарушениям прав человека, включая произвольное помещение под стражу по причине семейных уз.

Представления государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 В представлении от 8 марта 2002 года государство-участник оспаривает как приемлемость, так и существо жалобы. Оно считает, что утверждение о наличии серьезных причин опасаться пыток в случае возвращения заявительницы в Египет - с учетом предоставленных гарантий безопасности и других аргументов по существу - лишено минимальных оснований, необходимых для того, чтобы эта жалоба являлась приемлемой по статье 22 Конвенции[a].

4.2 В отношении существа сообщения государство-участник излагает конкретные механизмы Закона об иностранцах от 1989 года, которые применяются в случаях, подобных случаю заявительницы. В то время как ходатайства о предоставлении убежища обычно рассматриваются Советом по вопросам миграции, а затем Апелляционным советом по делам иностранцев, при определенных обстоятельствах каждый из этих органов может передать дело на рассмотрение правительства, приложив свое собственное мнение. Такое положение применяется, если какое-либо дело расценивается как имеющее важное значение для безопасности государства, либо каким-нибудь иным образом для безопасности в целом, либо для отношений государства с какой-нибудь иностранной

державой (раздел 11 (2)(2) главы 7 Закона). В случае передачи дела Советом по вопросам миграции сначала оно направляется в Апелляционный совет по делам иностранцев, который выносит по нему свое собственное заключение.

4.3 Иностранец, который в иных случаях рассматривается как нуждающийся в защите из-за обоснованного опасения преследования со стороны властей или других лиц на основании причин, перечисленных в Конвенции о статусе беженцев (в соответствии с разделом 2 главы 3 Закона), может вместе с тем быть лишен права на получение вида на жительство при определенных исключительных обстоятельствах с учетом оценки предыдущей деятельности иностранца и требований безопасности страны (раздел 4 главы 3 Закона). Однако ни одному лицу, которое рискует подвергнуться пыткам, не может быть отказано в выдаче вида на жительство (раздел 3 главы 3 Закона). Кроме того, если какому-либо лицу отказано в выдаче вида на жительство и в отношении него принято решение о высылке, на стадии приведения этого решения в исполнение производится оценка ситуации во избежание того, чтобы выдаваемое лицо подвергалось, среди прочего, пыткам или другим жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания.

4.4 Государство-участник напоминает резолюцию 1373 Совета Безопасности от 28 сентября 2001 года, которая обязывает все государства-члены отказывать в убежище тем, кто финансирует, планирует, поддерживает или совершает террористические акты или предоставляет убежище. Совет призвал государства-члены принимать надлежащие меры согласно международным стандартам в области прав человека и правовым нормам в отношении беженцев, обеспечивать, чтобы лица, ищущие убежище, не планировали террористических актов, не содействовали им и не участвовали в их совершении. В ней также содержался призыв к государствам-членам обеспечивать в соответствии с международным правом, чтобы исполнители и организаторы террористических актов или их пособники не злоупотребляли статусом беженца. В этом контексте государство-участник ссылается на заявление Комитета от 22 ноября 2001 года, в котором Комитет выразил уверенность в том, что действия государств-участников в ответ на угрозу международного терроризма будут соответствовать их обязательствам в соответствии с Конвенцией.

4.5 По поводу данного конкретного дела государство-участник подробно излагает информацию, полученную ее службами безопасности в отношении г-на А., в которой предполагается, что он представляет собой серьезную угрозу с точки зрения безопасности. По просьбе государства-участника эта информация, доведенная до сведения адвоката заявительницы в контексте конфиденциальной процедуры, предусмотренной в статье 22 Конвенции, не приводится в настоящем решении Комитета, которое является открытым для ознакомления.

4.6 Государство-участник отмечает, что 12 декабря 2002 года после передачи данного дела из Совета по вопросам миграции и Апелляционного совета по делам иностранцев государственный секретарь его министерства иностранных дел встретился с представителем египетского правительства в Каире, Египет. По просьбе государства-участника и с согласия Комитета подробности, касающиеся личности собеседника, не фигурируют в тексте настоящего решения. Поскольку государство-участник рассматривало вопрос о том, чтобы исключить г-на А. из-под защиты, предоставляемой Конвенцией о беженцах, цель визита состояла в определении возможности для возвращения г-на А. и его семьи в Египет без нарушения международных обязательств Швеции, включая обязательства, связанные с Конвенцией. После тщательного рассмотрения возможности получения заверений со стороны египетских властей, касающихся дальнейшего обращения с г-ном А., правительство государства-участника посчитало возможным и целесообразным узнать, могут ли быть получены гарантии того, что обращение с г-ном А. и его семьей после их возвращения в Египет будет соответствовать нормам международного права. Без таких гарантий возвращение в Египет не могло рассматриваться в качестве приемлемой альтернативы. 13 декабря 2002 года требуемые гарантии были предоставлены указанным официальным собеседником.

4.7 18 декабря 2001 года государство-участник подробно изложило свои основания для отказа в предоставлении убежища г-ну А. и заявительнице. Эти основания не включены в текст данного решения по просьбе государства-участника и с согласия Комитета.

4.8 В ответ на просьбу Комитета о предоставлении информации, касающейся местонахождения и условий содержания под стражей г-на А. (см. пункт 1.2 выше), государство-участник сообщает, что в настоящее время он содержится в тюрьме Тора в Каире и находится под стражей в ожидании готовящегося судебного процесса. Согласно сообщениям, эта тюрьма соответствует относительно высоким стандартам и, как утверждается, он содержится в одной из камер, обычно предназначенных для преступников из числа лиц, осужденных за совершение ненасильственных преступлений. 23 января 2002 года с согласия египетских властей шведский посол в Египте встретился с г-ном А. в кабинете начальника тюрьмы. На заключенном не было ни наручников, ни кандалов. Он был одет в обычную одежду, а его волосы и борода были коротко подстрижены. Он выглядел как нормально питающийся человек, и у него отсутствовали следы физического насилия. Не было признаков того, что он не может говорить свободно, и он сообщил послу о том, что у него нет жалоб на обращение с ним в тюрьме. Отвечая на вопрос о том, не подвергается ли он каким-либо видам насилия, г-н А. не предъявил никаких претензий. Когда ему сообщили о гарантиях египетских властей не выносить ему смертного приговора и не подвергать его казни, он отреагировал на это с явным облегчением.

4.9 10 февраля 2002 года шведское национальное радио сообщило о посещении одним из его корреспондентов г-на А. в кабинете одного из старших администраторов тюрьмы Тора. Г-н А. был одет в темно-синий пиджак и брюки, и у него отсутствовали какие-либо внешние признаки применения физического насилия. Он испытывал определенные трудности при ходьбе, которые, как он объяснил, являлись результатом застарелых болей в спине. Он жаловался на то, что ему не разрешают читать и не всегда разрешают слушать радио и заниматься физическими упражнениями.

4.10 7 марта 2002 года шведский посол вновь посетил г-на А. в тюрьме Тора. Каких-либо следов применения пыток у него не наблюдалось. Он сообщил, что его проблемы со спиной доставляют ему достаточное беспокойство и что ему оказывают медицинскую помощь в этой связи, а также по поводу гастрита и язвенной болезни. Недавно он обратился с просьбой о переводе в тюремную больницу для получения более эффективного медицинского ухода и надеется, что его просьба будет удовлетворена. По просьбе посла он снял рубашку и майку и повернулся вокруг, позволив убедиться в отсутствии следов пыток.

4.11 В отношении применения Конвенции государство-участник ссылается на неизменную правовую практику Комитета, предполагающую наличие предсказуемого, реального и персонального риска применения пыток в отношении какого-либо лица. Степень такого риска должна быть выше чисто теоретической угрозы или подозрения, однако наличие подтверждения ее высокой вероятности не является обязательным. Оценивая такой риск, определение которого предусмотрено в шведском законодательстве, большое значение имеют гарантии, выданные египетским правительством. Из-за отсутствия правовой практики Комитета в этих вопросах государство-участник ссылается на соответствующие решения европейских органов, предусмотренных Европейской конвенцией о правах человека.

4.12 В деле *Эйлор-Дэвис против Франции* (решение от 20 января 1994 года) было сочтено, что гарантии принимающей страны, Соединенных Штатов Америки, являлись достаточными, чтобы исключить риск того, что заявитель будет приговорен к смертной казни. Смертная казнь могла быть назначена лишь в том случае, если бы на ней настаивал государственный обвинитель. Напротив, в деле *Чахал против Соединенного Королевства* (решение от 15 ноября 1996 года) суд не был убежден в том, что полученные от индийского правительства гарантии в том, что сикхский сепаратист "будет пользоваться такой же правовой защитой, как и любой другой гражданин Индии, и что у него нет никаких оснований опасаться какого-либо жестокого обращения со стороны индийских властей", позволят обеспечить его безопасность. Суд не ставил под сомнение добрые намерения правительства Индии, однако у него сложилось впечатление о том, что, несмотря на усилия, предпринимаемые, в частности, правительством и судами Индии в целях осуществления реформы, нарушения прав человека сотрудниками сил безопасности в Пенджабе и других частях Индии представляют собой долгосрочную и затянувшуюся

проблему. Таким образом, прецедентное право позволяет предположить, что гарантии могут быть признаны в том случае, если в отношении властей принимающего государства можно сделать вывод о том, что они контролируют ситуацию.

4.13 Применяя такую аналогию, данное дело в большей степени соответствует делу *Эйлора-Дэвиса*. Гарантии были предоставлены высокопоставленным представителем египетского правительства. Государство-участник отмечает, что для того, чтобы гарантии были эффективными, необходимо, чтобы они были предоставлены тем, кто, как ожидается, имеет возможность обеспечить их соблюдение, что, по мнению государства-участника, имеет место в данном случае, учитывая занимаемую представителем должность. Кроме того, на состоявшейся в декабре встрече государственного секретаря Швеции и египетского должностного лица до сведения последнего было доведено, какое значение для Швеции представляет достигнутая договоренность: поскольку статья 3 имеет абсолютный характер, ему были предоставлены подробные объяснения, касающиеся необходимости в эффективных гарантиях. Государственный секретарь подтвердил важность соблюдения Швецией ее международных обязательств, в том числе по Конвенции, в результате чего необходимым являлось выполнение конкретных условий, для того чтобы депортация стала возможной. Таким образом, необходимо было получить письменные гарантии того, что будет проведено беспристрастное судебное разбирательство, что он не будет подвергнут пыткам или другим видам жестокого обращения и что он не будет приговорен к смертной казни или казнен. На судебном разбирательстве будет присутствовать посол Швеции в Каире, а также будет предоставлена возможность регулярно посещать г-на А., даже после завершения рассмотрения его дела в суде. Кроме того, его семья не должна подвергаться никаким видам преследования. Было разъяснено, что Швеция оказалась в трудном положении и что несоблюдение гарантий Египтом окажет серьезное воздействие на другие находящиеся на рассмотрении европейских судов дела в будущем.

4.14 Государство-участник представляет подробное описание этих гарантий. Подробности были исключены из текста настоящего решения по просьбе государства-участника и с согласия Комитета. Государство-участник отмечает, что указанные гарантии являются гораздо более весомыми, чем гарантии, предусмотренные в деле *Чахала*, и что они сформулированы в гораздо более утвердительных и позитивных выражениях. Государство-участник также отмечает, что Египет является государством - участником Конвенции, что его Конституция запрещает пытки и что акты пыток или приказы в отношении их совершения являются тяжкими преступлениями в соответствии с уголовным правом Египта.

4.15 Государство-участник отмечает, что заявительница опасается того, что она подвергнется недопустимому с точки зрения Конвенции обращению в результате того, что она является супругой г-на А. Она не представила отдельного заявления о своей политической деятельности либо о содержании под стражей или жестоком обращении в

Египте. В этой связи и с учетом полученных гарантий был сделан соответствующий вывод о том, что она не может претендовать на статус беженки. Вместе с тем, учитывая ее тесную связь с г-ном А., а также общую ситуацию в Египте, ее можно рассматривать в качестве лица, нуждающегося в защите, которая распространяется на нее в соответствии с полученными гарантиями. Для оценки перспективы соблюдения этих гарантий естественный интерес вызывает вопрос о том, в какой мере соответствующие гарантии соблюдаются в отношении г-на А., и в свете результатов такого контроля можно предположить, что эти гарантии будут также являться эффективными и в отношении заявительницы. В этой связи государство-участник отмечает, что дело г-на А. и заявительницы вызывает большой интерес как на международном уровне, так и внутри Швеции. Следует полагать, что египетские власти, зная об этом, проявят достаточную заинтересованность в том, чтобы не допустить какого-либо жестокого обращения с заявительницей.

4.16 В заключение государство-участник отмечает, что его усилия в данном деле обеспечивают полное соблюдение его международных обязательств в области прав человека, включая обязательства по Конвенции, и свидетельствуют о соблюдении его обязательств в соответствии с резолюцией 1373 Совета Безопасности. Заявительница не предъявила в сложившихся обстоятельствах достаточных оснований для того, чтобы опасаться пыток в случае возвращения, и, таким образом, ее высылка не будет представлять собой нарушения Конвенции.

Комментарии заявительницы по представлениям государства-участника

5.1 В письме от 20 января 2003 года заявительница ответила на представления государства-участника. Она утверждает, что г-н А. не участвовал в какой-либо террористической деятельности и что в данном случае не может применяться резолюция 1373. В любом случае она не может иметь приоритетного значения по отношению к другим международным обязательствам, таким, как Конвенция. В Пакистане он участвовал в гуманитарных миссиях Красного Полумесяца Кувейта, а в Иране занимался изучением ислама в университете, для того чтобы получать стипендию и таким образом поддерживать свою семью. Заявительница далее оспаривает аспекты представленной шведским Специальным отделением информации, касающейся предполагаемой деятельности г-на А.

5.2 По мнению заявительницы, в докладе Специального отделения не доказано, что он участвовал в террористической деятельности. В любом случае не имеется никаких сведений о том, что он совершал подобные действия в Швеции. Их адвокат не имел возможности ознакомиться с докладом, поскольку весь текст, за исключением первого предложения и заключения о том, что он представляет собой угрозу для национальной безопасности, был вымаран, и поэтому опровергнуть приведенные в нем выводы было очень трудно. Аналогичным образом решение от 18 декабря 2001 года, в котором

отклоняется ходатайство о предоставлении убежища и содержится приказ о высылке и которое было выполнено в отношении г-на А. в тот же день и было сообщено заявительнице только на следующий день, не содержит подробностей в отношении информации, представленной Специальным отделением.

5.3 В отношении заверений египетских властей заявительница утверждает, что они не являются достаточно конкретными, и остается неизвестным, насколько серьезными являлись усилия египетской стороны в отношении гарантий осуществления заверений, особенно учитывая тот факт, что они были предоставлены на следующий день после того, как были затребованы. Заявительница отмечает, что шведская сторона не запросила у египетских властей информацию относительно каких-либо планов, касающихся характера обращения как во время, так и после прибытия, равно как и какой-либо гарантии относительно возможности для проведения регулярных инспекционных визитов. Что касается конституционных и законодательных запретов на пытки, то заявительница отмечает, что практическая реальность состоит в том, что органы безопасности часто прибегают к пыткам.

5.4 Что касается посещения г-н А. радиокорреспондентом, то этот корреспондент сообщил адвокату заявительницы о том, что он поинтересовался у г-н А., подвергался ли тот пыткам, на что г-н А. сказал, что он не может ответить на этот вопрос. По мнению адвоката, можно с достаточной достоверностью предположить, что пыткам он подвергался и что он смог дать понять об этом корреспонденту, в то время как в присутствии посла, по его мнению, этого делать не следовало. Кроме того, находящийся в Египте адвокат г-на А., по-видимому, считает, что он подвергался пыткам.

5.5 Заявительница оспаривает точку зрения государства-участника по поводу правовой практики европейских органов. Она считает свое дело более сопоставимым с делом *Чахала*, в котором гарантии, предоставленные Индией, не были сочтены адекватными. Индия, в отличие от Египта, является демократическим государством с эффективной судебной системой. Аппарат безопасности в целом контролируется, и опасность подвергнуться пыткам ограничена относительно небольшой зоной Пенджаба. В Египте, напротив, пытки являются широко распространенными и практикуются многими учреждениями, особенно службами безопасности. Если гарантии Индии были признаны неадекватными, то гарантии Египта не могут таковыми являться a fortiori. Кроме того, по мнению заявительницы, должность и обязанности предоставившего заверения представителя снижают эффективность данных заверений. Заявительница также считает, что предоставленные правительством Египта гарантии являются скорее сравнимыми с гарантиями, предложенными в деле *Чахала*, чем превышающими их.

5.6 Что касается защитного эффекта публичной осведомленности, то заявительница утверждает, что, несмотря на широкий общественный резонанс, ситуация г-на А. отнюдь не улучшилась, и что в любом случае остается неясным, насколько продолжительным

окажется его воздействие. Таким образом, заявительница считает, что нельзя возлагать особые надежды на защитное воздействие данного фактора.

5.7 В заключение заявительница отмечает, что предоставленные Египтом гарантии являются неадекватными и недостаточными в свете опыта г-на А., мониторинга его ситуации и реалий осуществляемой службами безопасности Египта практики. Они не могут устранить значительных оснований полагать, что она, будучи супругой предполагаемого террориста, подвергнется риску применения пыток в Египте с целью получения информации о г-не А. или оказания на него воздействия.

Дополнительные представления сторон

6.1 В дополнительном представлении от 27 сентября 2002 года государство-участник представило Комитету обновленную информацию относительно положения г-на А. После описанных выше посещений шведское посольство в Египте продолжало осуществлять, как правило, ежемесячные посещения г-на А., которые состоялись 14 апреля, 27 мая, 24 июня, 22 июля и 9 сентября 2002 года. Во время третьего посещения в апреле он был соответствующим образом одет и на вид хорошо себя чувствовал, учитывая обстоятельства. Он свободно двигался и не выглядел осунувшимся. На вопрос о том, не уклоняются ли египетские власти от выполнения заключенного соглашения и не подвергают ли его жестокому обращению, он первоначально ответил уклончиво, заявив, что единственной проблемой для него является отсутствие информации, касающейся повторного судебного разбирательства его дела. Когда его вновь спросили о том, как с ним обращаются, он ответил, что он не подвергался физическому насилию или каким-либо другим видам жестокого обращения. Он пожаловался только на проблемы со сном из-за болей в спине. За день до этого его осмотрел врач и пообещал провести тщательное обследование. И наконец, когда его спросили, является ли непринужденная атмосфера, сложившаяся во время визита, подтверждением того, что у него все нормально и обращаются с ним хорошо, он утвердительно кивнул.

6.2 Во время четвертой встречи со шведским послом в мае общая атмосфера визита соответствовала ситуации во время предыдущего посещения; он выглядел нормально и чувствовал себя хорошо. Он сообщил сотрудникам посольства, что у него была почечная инфекция, по поводу которой ему было назначено лечение. Боли в спине очевидно беспокоили его меньше, и ему пообещали провести рентгеновское обследование. Он жаловался на общие условия содержания в тюрьме, такие, как отсутствие нормальных кроватей или туалетов в камере. Члены семьи должны были скоро получить разрешение на свидание с ним.

6.3 Во время пятого посещения в июне, на котором вновь присутствовал посол, г-н А. выглядел нормально и мог свободно двигаться. Он не казался похудевшим. В отношении состояния его здоровья не было получено никакой новой информации. Он вновь

пожаловался на боли в спине и сказал, что ему обещали предоставить медицинский уход. За день до этого его навещали родственники, и был установлен порядок его регулярных свиданий с родственниками и адвокатом один раз в две недели. Он знал о возложенных на посольство задачах и положительно реагировал на встречи с его сотрудниками. Ему было известно о том, какую информацию хотело получить посольство, и он давал прямые ответы на вопросы посла. Уходя, посетители видели его спокойно и непринужденно беседующим с двумя тюремными надзирателями.

6.4 Во время шестого свидания с послом в июле г-н А. выглядел хорошо, был одет в чистую одежду и не испытывал проблем при движении. Атмосфера была непринужденная, а тюремные условия, очевидно, такими же, как и ранее. В отношении его здоровья и обращения с ним не обнаружилось никаких новых сведений. Он сказал, что с ним обращаются неплохо и что позднее в этот день у него ожидается свидание с семьей. Состоявшееся в сентябре седьмое свидание с послом также носило непринужденный характер. Состояние здоровья г-на А. не изменилось, в начале месяца он прошел рентгеновское обследование и ожидал его результатов. Условия содержания под стражей не изменились. Один раз в две недели он мог видеться со своей семьей. За месяц до этого его допрашивали, однако ему не сообщили никаких новых сведений в отношении повторного судебного разбирательства его дела.

7.1 22 октября 2002 года заявительница ответила на дополнительное представление государства-участника. 23 января 2002 года родители ее мужа навестили г-на А. в тюрьме Тора в присутствии египетского адвоката. Ее свекровь утверждает, что он перемещался с трудом и что тюремный служащий поддерживал его при ходьбе. Он выглядел бледным, ослабленным, находился в состоянии шока и на грани нервного срыва. У него якобы были опухшие веки глаз, щеки и ноги, а нос был увеличен и кровоточил. Он сказал, что во время транспортировки в тюрьму его связали и подвесили вниз головой, а затем постоянно содержали с повязкой на глазах и подвергали допросу с применением усиленных методов, включая электрошок. Он сказал, что ему сообщили о том, что гарантии, предоставленные шведскому правительству, ничего не значат. Затем, как утверждается, это свидание было прервано из-за прибытия шведского посла.

7.2 Родители г-на А. предали гласности эти наблюдения. Они предпринимали безуспешные усилия вновь встретиться с ним, и им сообщили, что это зависит от их поведения. 16 апреля им вдруг разрешили вновь посетить его в тюрьме. Он якобы прошептал своей матери, что его опять пытали электрошоком после январского свидания и около десяти дней содержали в одиночном заключении. Его руки и ноги были связаны у него за спиной, и он не мог отправлять свои естественные потребности. Он сказал, что он сообщил о пытках шведскому послу и что тюремные служащие заставляли его отказаться от дальнейших свиданий с послом. Он заявил, что надзиратели сказали ему, что скоро вернется его жена и угрожали подвергнуть ее и его мать сексуальному надругательству. Он сказал, что его содержали в одиночном заключении в камере размером в 2 $м^2$ без окон,

без отопления и света и что даже, когда его не связывали, ему разрешали посещать туалет один раз в сутки, в результате чего у него возникли проблемы с почками.

7.3 Начиная с апреля родителям предоставили ежемесячные свидания, а с июля - один раз в две недели, которые проводились не в том месте, где с г-ном А. встречался шведский посол. Часто последующие свидания запрещались по различным причинам. Должностные лица, очевидно, заставляли родителей не предавать гласности информацию о г-не А. и способствовать возвращению заявительницы. Родители якобы не могут предоставить более подробную информацию, опасаясь что это может отрицательно сказаться на положении г-на А.

7.4 Соглашаясь с наличием расхождений между отчетами о посещениях, представленными государством-участником, и сведениями, полученными от родителей, заявительница указывает на наличие ряда совпадающих моментов, например, касающихся условий содержания под стражей и определенной уклончивости ответов г-на А. Дипломатические контакты неизбежно носят официальный характер, и г-н А. не хотел в присутствии надзирателей сообщать какие-либо сведения, которые могли отрицательно отразиться на его положении. Международные нормы в подобных ситуациях скорее предусматривают частные контакты с заключенным без присутствия надзирателей, а в случае возникновения подозрений в том, что в отношении заключенного применялись пытки, должна существовать возможность его обследования квалифицированным медицинским персоналом. Несоблюдение этих норм снижает ценность наблюдений государства-участника. Согласно утверждению заявительницы, дипломатические представители государства-участника не имеют медицинской подготовки, для того чтобы установить следы применения пыток, и могут исказить свою интерпретацию фактов в пользу своего правительства. Родители и члены семьи, напротив, гораздо лучше знают особенности поведения своего сына и родственника, и он может сообщить им какие-то сведения шепотом, так, чтобы их не слышали тюремные служащие. Что касается посещения корреспондента шведского радио, то ему удалось увидеть только лицо и руки г-на А. В любом случае он жаловался на боли в спине и передвигался с трудом и не ответил на прямой вопрос о том, подвергался ли он пыткам.

7.5 В этой связи заявительница настаивает на том, что государство-участник не представило доказательств того, что г-н А. не подвергался пыткам. Совершенно ясно, что заинтересованность органов безопасности государства в получении информации, если это необходимо, даже посредством применения пыток, перевешивает более широкие внешнеполитические интересы, связанные с соблюдением предоставленных им международных гарантий. Поскольку г-н А. по-прежнему находится под следствием при обстоятельствах, предположительно по обвинению в нападениях на египетское посольство в Исламабаде, Пакистан, в 1995 году и на туристический автобус в Луксоре, Египет, в 1997 году, то она считает вполне вероятным, что ее поместят по стражу,

подвергнут допросам и пыткам для того, чтобы получить у нее информацию или заставить ее мужа сотрудничать со следователями.

8.1 29 января 2003 года заявительница представила информационную записку организации "Международная амнистия", датированную январем 2003 года, в которой выражается мнение, что заявительница окажется под угрозой применения пыток в случае ее возвращения и что предоставленные гарантии не являются эффективными. Организация также ссылается на примеры других родственников политических заключенных, которые якобы были помещены под стражу и подвергнуты жестокому обращению. Кроме того, заявительница ссылается на совет, полученный от Томаса Хаммарберга, генерального секретаря Международного центра им. Улофа Пальме, который лично считает, что контроль за положением г-на А. являлся проблематичным.

9.1 26 марта 2003 года государство-участник представило обновленную информацию о своих контактах с г-ном А., состоявшихся после его предыдущего представления. После посещения, состоявшегося в сентябре 2002 года, шведское посольство продолжало следить за его состоянием, посетив его в ноябре 2002 года, в январе 2003 года и в марте 2003 года. Во время восьмого посещения, которое состоялось 4 ноября 2002 года с участием посла и других официальных лиц, г-н А. свободно двигался и производил впечатление здорового человека, а также сообщил, что его спина была обследована в этот день утром. Было намечено проведение дальнейшего обследования специалистом. По его собственному мнению, возможности для получения медицинского ухода улучшились в результате посещений сотрудниками посольства. Он подтвердил, что его не подвергали физическому насилию, и пожаловался, что, несмотря на то, что он является осужденным заключенным, его содержат в той части тюрьмы, которая предназначена для содержания неосужденных лиц. Он не получал информации относительно повторного судебного разбирательства его дела. Оценивая состоявшуюся встречу, посол заключает, что нет никаких оснований для вывода о том, что египетские власти нарушили свое соглашение, хотя содержание под стражей, безусловно, является тяжелым психическим испытанием.

9.2 Девятое посещение г-на А. послом и его сотрудниками состоялось 19 января 2003 года. Г-н А. выглядел хорошо и, насколько это было возможно, соблюдал рамадан. С декабря он больше не содержался отдельно от других заключенных. Заключенные имели возможность довольно свободно перемещаться в течение дня, но их запирали в камерах на ночь в период с 4 часов вечера до 8 часов утра. Он с удовольствием пользовался возможностью совершать прогулки во внутреннем дворике тюрьмы. Хотя по ночам камера была переполнена, ситуация постепенно улучшилась. Дальнейшие обследования спины были намечены в тюремной больнице. Никакой дополнительной информации о повторном судебном разбирательстве его дела ему сообщено не было, и его адвокат встречался с ним только один раз. Вместе с тем его семья посещала его каждые две недели. Согласно оценке посла, он стал более откровенным и расслабленным.

Наиболее серьезное беспокойство ему, очевидно, доставляла неопределенность по поводу будущего повторного судебного разбирательства и вынесения приговора.

9.3 Десятое посещение, в котором участвовал один из руководящих сотрудников министерства иностранных дел из Стокгольма вместе с послом и другими сотрудниками посольства, состоялось 5 марта 2003 года и продолжалось более часа в непринужденной обстановке. Начальник тюрьмы информировал посетителей о том, что г-н А. содержится в секции тюрьмы, предназначенной для осужденных лиц, отбывающих тюремное заключение сроком от 3 до 25 лет. Г-н А. казался довольным, что его вновь посетили. Он хорошо выглядел и, очевидно, не испытывал трудностей при ходьбе. Он сказал, что в январе 2003 года его перевели в другое помещение из-за проблем со здоровьем и что ему была проведена ЯМР-томография спины. Обладая подготовкой фармацевта, он сам мог проводить назначенное ему лечение. Он сказал, что с ним обращаются так же, как и с другими заключенными. Что касается юридической представленности, то он нанял нового адвоката, который пытается добиться смягчения его приговора.

9.4 Далее государство-участник подробно рассматривает некоторые утверждения, сделанные г-ном А., принятые им меры посредством представления на них ответов и предлагает Комитету сделать различные выводы с учетом изложенных обстоятельств. По просьбе государства-участника и с согласия Комитета подробная информация по этим вопросам была исключена из текста настоящего решения.

9.5 В контексте данного дела государство-участник обращает внимание Комитета на промежуточный доклад[b], представленный в июле 2002 года Специальным докладчиком Комиссии по правам человека по вопросу о пытках и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения и наказания в соответствии с резолюцией 56/143 от 19 декабря 2001 года. В этом докладе Специальный докладчик призвал все государства "к обеспечению того, чтобы во всех соответствующих ситуациях лица, которых они намерены выдать в связи с предъявленными им обвинениями в терроризме или другими преступлениями, не передавалась другому государству до тех пор, пока его правительство не представит осуществляющим экстрадицию органам недвусмысленные гарантии в отношении того, что лица, о которых идет речь, не будут подвергнуты пыткам или каким-либо иным формам жестокого обращения после их выдачи, и что для наблюдения за обращением с этими лицами создана соответствующая система, которая должна в полной мере обеспечить уважение их человеческого достоинства" (пункт 35). Государство-участник настаивает в свете представленной информации на том, что оно действовало в соответствии с рекомендациями Специального докладчика. До принятия решения о высылке г-на А. гарантии были получены у такого лица в египетской администрации, которое может наиболее оптимальным образом обеспечить их эффективность. Предоставленные гарантии соответствуют содержанию требований, изложенных Специальным докладчиком. Кроме того, был задействован механизм контроля, который функционировал на протяжении более одного года.

9.6 Государство-участник делает вывод о том, что, поскольку гарантии, касающиеся г-на А., достигли своей цели, можно предположить, что предоставленные заявительнице заверения защитят ее от пыток со стороны египетских властей. Таким образом, заявительница не обосновала своего утверждения о том, что имеются веские основания полагать, что в случае возвращения она подвергнется риску применения пыток. В данных обстоятельствах приведение в исполнение приказа о высылке соответственно не будет представлять собой нарушения статьи 3.

10.1 В письме от 23 апреля 2003 года заявительница, хотя и признавая, что посещения действительно имели место, настаивает на том, что выводы о хорошем обращении с г-ном А. являются неоправданными, поскольку контроль не осуществлялся в соответствии с общепризнанными международными нормами. В частности, визиты проходили в присутствии посторонних, а медицинские обследования не проводились; таким образом, он не имел возможности говорить свободно. Г-н А. якобы сказал своей матери, что в январе 2003 года он понял, что жестокое обращение будет продолжаться, независимо от того, будет ли он пытаться хранить молчание, и поэтому он сообщил об этом. По мнению заявительницы, этот инцидент также доказывает, что показания родителей г-на А. не являются преувеличением и более точно отражают реальные условия пребывания в заключении. В обоснование этих утверждений заявительница ссылается на вопросы, поднятые государством-участником в пункте 9.4 выше.

10.2 Заявительница отмечает отсутствие какой-либо информации относительно сроков фактического проведения повторного судебного разбирательства. Остается неизвестным, могут ли выдвинутые против г-на А. обвинения быть доказанными в ходе судебного разбирательства, предусматривающего надлежащие процессуальные гарантии. По мнению заявительницы, не вызывает удивления тот факт, что египетские должностные лица отрицают применение пыток. Вместе с тем, по ее мнению, трудно понять, почему был использован детектор лжи, если полученные с его применением свидетельские показания не могут использоваться в суде. Хотя государство-участник ссылается на проводившиеся медицинские обследования, их результаты не были представлены, а их объективность может быть поставлена под сомнение.

10.3 Что касается ссылки на выдвинутое Специальным докладчиком требование "недвусмысленных гарантий", то заявительница утверждает, что представленная информация о жестоком обращении показывает, что гарантии не являлись адекватными, вопреки призыву Специального докладчика. Таким образом, заявительнице, которая связана тесными узами со своим супругом, наблюдала за его деятельностью в изгнании и судьба которой будет неизбежно связана с его деятельностью, реально и с достаточной степенью уверенности грозит применение пыток. В этой связи ее выдача Египту будет являться нарушением статьи 3 Конвенции.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

11.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение относительно его приемлемости или неприемлемости в соответствии со статьей 22 Конвенции. Исходя из требований пункта 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился в том, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. В отношении приведенного государством-участником аргумента о том, что данная жалоба является недостаточно обоснованной для целей приемлемости, Комитет считает, что заявительница показала наличие достаточно спорного случая, для того чтобы приступить к его рассмотрению по существу. При отсутствии каких-либо других препятствий для приемлемости жалобы, упомянутых государством-участником, Комитет соответственно приступает к рассмотрению сообщения по существу.

12.1 Вопрос, находящийся на рассмотрении Комитета, состоит в том, чтобы установить, будет ли возвращение заявительницы в Египет являться нарушением государством-участником его обязательства по статье 3 Конвенции, в соответствии с которым оно не должно высылать или возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что оно может подвергнуться опасности применения пыток со стороны египетских властей. В этой связи Комитет ссылается на свою постоянную практику принятия решения по данному вопросу во время своего рассмотрения жалобы, а не во время представления жалобы[c]. Из этого следует, что промежуточные события, происходящие в период между представлением жалобы и ее рассмотрением Комитетом, могут иметь существенное значение для вынесения Комитетом решения по любому вопросу, возникающему в связи со статьей 3.

12.2 Комитет должен установить, есть ли серьезные основания полагать, что заявительнице лично будет угрожать опасность подвергнуться пыткам по ее возвращении в Египет. Насколько можно судить, Комитету не предлагается принимать решение о том, являлась ли высылка г-на А. из Швеции нарушением обязательств государства-участника по статье 3 или по любым другим статьям Конвенции или подвергался ли он пыткам со стороны египетских властей. Оценивая опасность для заявительницы, Комитет (в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции) должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая наличие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем Комитет напоминает, что цель оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли тому или иному лицу непосредственно угрожать опасность подвергнуться пыткам в стране, куда оно возвращается. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не является достаточным основанием, для того чтобы установить, будет ли тому или иному лицу угрожать опасность подвергнуться пыткам по его возвращении; для доказательства того,

что ему или ей будет лично угрожать такая опасность, должны существовать дополнительные основания. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека не означает, что лицо не может рассматриваться как находящееся под угрозой подвергнуться пыткам в его конкретной ситуации.

12.3 В рассматриваемом деле Комитет отмечает, что супруг заявительницы г-н А. был возвращен в Египет в декабре 2001 года, почти за два года до рассмотрения Комитетом настоящего дела. Комитет отмечает, что содержание г-на А. под стражей с тех пор контролируется регулярными посещениями, осуществляемыми послом государства-участника, сотрудниками посольства и высокопоставленными представителями государства-участника, а также членами его семьи, и что его медицинское обслуживание и условия содержания под стражей, как сообщается, являются надлежащими. Комитет отмечает, что заявительница обосновывает свое утверждение в отношении опасности подвергнуться пыткам исключительно своими родственными связями со своим супругом г-ном А., и утверждает, что именно поэтому она будет подвергнута пыткам. По этому поводу Комитет ссылается на свою предыдущую правовую практику, когда он отверг утверждение о пытках, основанное на родственных связях с одним из руководителей предположительно террористической организации - семейные узы сами по себе являются в целом не достаточными для обоснования жалобы по статье 3[d]. С учетом прошедшего времени Комитет также удовлетворен предоставлением гарантий против насильственного обращения[e], которые распространяются также на заявительницу и осуществление которых в настоящее время регулярно контролируется властями государства-участника in situ. Кроме того, при рассмотрении данного дела Комитет учитывает тот факт, что Египет, являясь государством - участником Конвенции, связан прямым обязательством обращаться надлежащим образом с находящимися под его юрисдикцией заключенными и что любое несоблюдение будет являться нарушением Конвенции. С учетом вышеупомянутых обстоятельств Комитет считает, что для заявительницы в настоящее время отсутствует какая-либо личная опасность подвергнуться пыткам в случае ее возвращения в Египет.

13. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что заявительница не обосновала своего утверждения о том, что она подвергнется пыткам по возвращении в Египет, и поэтому заключает, что возвращение заявительницы в эту страну не будет являться нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] См., например, *Y. против Швейцарии*, дело № 18/1994, решение, принятое 17 ноября 1994 года.

[b] A/57/173 (2 июля 2002 года).

[c] См., например, *Х.М.Х.И. против Австралии*, дело № 177/2001, решение, принятое 1 мая 2002 года.

[d] См., например, *М.В. против Нидерландов*, дело № 201/2002, решение, принятое 30 мая 2003 года.

[e] Комитет против пыток рассмотрел положения, регулирующие предоставленные гарантии.

Сообщение № 203/2002

Представлено: А.Р. (представлен адвокатом г-ном Р. Химджой)

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Нидерланды

Дата представления жалобы: 14 марта 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 14 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 203/2002, представленной Комитету против пыток г-ном А.Р. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Автором жалобы является А.Р., иранский гражданин, родившийся 30 июня 1966 года, проживающий в настоящее время в Нидерландах и ожидающий депортации в Иран. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Иран станет нарушением Нидерландами статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Его представляет адвокат.

1.2 22 марта 2002 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику для комментариев.

Факты в изложении заявителя

2.1 Адвокат заявителя утверждает, что после иранской революции в 1979 году заявитель вступил в политическую партию - Союз федаинов Ирана. Еще в средней школе он принимал активное участие в деятельности этой организации. В январе 1983 года он был арестован по подозрению в распространении нелегальных листовок и организации беспорядков и в течение 25 дней содержался под стражей. В этот период, как он утверждает, его жестоко избивали. После освобождения он был исключен из школы.

2.2 Заявитель продолжал заниматься политической деятельностью, которая заключалась в распространении нелегальных листовок и посещении нелегальных собраний. В июле 1983 года он был вновь арестован и предстал перед Революционным судом, который приговорил его к двум годам тюремного заключения. В первые две недели пребывания в тюрьме его подвергали допросам, пыткам и жестокому обращению. Дважды была инсценирована его смертная казнь: ему завязывали глава, ставили к стене и стреляли. Затем в течение полутора месяцев его содержали в одиночной камере. В конце срока заключения от заявителя потребовали подписать обещание, что под страхом смерти он никогда более не будет заниматься политической деятельностью.

2.3 После освобождения заявителя призвали на военную службу, во время которой он, по его словам, подвергался дискриминации: на фронте его заставляли выполнять самые опасные задания. Завершив военную службу, он начал учебу в одном из частных университетов, поскольку ему не разрешили учиться в обычном университете, а затем поступил на работу. В 1989 году он возобновил политическую деятельность в группе сторонников Союза федаинов. Они распространяли листовки и политическое периодическое издание, писали лозунги на стенах и собирали деньги для помощи семьям политических заключенных.

2.4 Вечером 30 апреля 1994 года они занимались распространением листовок и написанием лозунгов в ряде районов Тегерана. На следующее утро заявитель заметил, что некоторые лозунги не были дописаны, и он узнал, что два члена группы не доложили о выполнении своего задания. Опасаясь провала группы, заявитель бежал из Тегерана. Позднее он узнал, что власти провели обыск на его квартире, забрали его личные вещи, в том числе нелегальные листовки и другие политические материалы. Он также узнал о том, что власти задержали и допрашивали его отца, выпустив его при условии, что он сообщит властям о местонахождении заявителя. 21 июня 1994 года заявитель бежал из Ирана.

2.5 Прибыв в Нидерланды, заявитель принял участие в ряде политических мероприятий, включая создание организации иранских беженцев под названием "Набард", которая занималась освещением положения в области прав человека в Иране. Хотя его имя в документах не фигурировало, он участвовал в написании и публикации сообщений от имени этой организации. "Набард" имела тесные связи с группой федаинов во Франции и с оппозиционными группировками в Иране. В 1996 году его брат, получивший убежище в Швеции, рассказал заявителю о том, что власти перехватили письмо заявителя отцу, которого затем задержали за то, что он не сообщил властям о получении этого письма.

2.6 14 июля 1994 года заявитель подал ходатайство о предоставлении ему убежища в Нидерландах. 30 августа 1994 года статс-секретарь министерства юстиции отклонил его ходатайство. В рамках повторного рассмотрения, проведенного по просьбе заявителя, первоначальное решение было подтверждено, а последующая апелляция в Окружной суд

Гааги отклонена 11 февраля 1997 года. Суд установил, что заявитель не имел никаких проблем с властями Ирана в период с 1985 по 1994 год и что нет никаких объективных свидетельств, подтверждающих, что его соратники были арестованы в мае 1994 года.

2.7 16 июня 1997 года заявитель подал второе ходатайство о получении статуса беженца, к которому на этот раз были приложены письмо адвоката и иранские документы, датированные маем 1994 года и выданные, как утверждается, Революционной прокуратурой: повестка о вызове в суд и копия документа, свидетельствующего о том, что жилище заявителя опечатано. Это ходатайство было также отклонено, поскольку власти Нидерландов усомнились в подлинности иранских документов. В ходе повторного рассмотрения первоначальное решение было подтверждено, а апелляция, поданная в Окружной суд Гааги, была оставлена без удовлетворения 23 февраля 2001 года. Суд констатировал, что первое ходатайство об убежище было рассмотрено всесторонним образом, и постановил, что иранские документы не являются подлинными, вследствие чего рассказ заявителя вызывает сомнения. Суд также отметил, что никакой связи между политической деятельностью заявителя в Иране и последующей деятельностью в Нидерландах нет.

2.8 18 февраля 2002 года Полиция по делам иностранцев уведомила заявителя о том, что ему надлежит покинуть Нидерланды.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что ему угрожает применение пыток, если власти Нидерландов вышлют его в Иран, и что его возвращение в Иран станет нарушением статьи 3 Конвенции. По его словам, ранее, во время содержания под стражей, он подвергался пыткам вследствие его политической деятельности в Иране, и с учетом его последующей политической деятельности как в Иране, так и в Нидерландах ему будет вновь угрожать применение пыток, если он вернется в Иран. В этой связи он также ссылается на общую ситуацию в области прав человека в Иране, в частности на поступающие сообщения о применении там пыток.

3.2 Заявитель утверждает, что власти Нидерландов необоснованно сделали вывод о том, что у него не было никаких проблем с властями Ирана в период между 1985 и 1994 годами и что нет никакой связи между его политической деятельностью в Иране и политической деятельностью в Нидерландах. Он заявляет, что власти Нидерландов не рассмотрели надлежащим образом его первое ходатайство об убежище.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения

4.1 Нотой от 6 мая 2002 года государство-участник проинформировало Комитет о том, что оно не возражает против приемлемости жалобы; его замечания по существу жалобы были препровождены нотой от 23 сентября 2002 года.

4.2 Государство-участник утверждает, что возвращение заявителя не будет противоречить обязательствам Нидерландов по статье 3 Конвенции. Оно подробно излагает правовую процедуру подачи и рассмотрения ходатайств о получении статуса беженца в Нидерландах, а также сообщает о возможных путях обжалования административных и судебных решений. Соответствующие законодательные рамки приема и высылки иностранцев определены в Законе об иностранцах 1965 года, а также в дополнительных нормативных и подзаконных актах. Власти проводят беседу с просителями убежища дважды, причем во второй раз основное внимание уделяется тем причинам, по которым соответствующее лицо покинуло страну происхождения. На этих беседах может присутствовать адвокат. Проситель убежища получает текст отчета, составленного после этих бесед, и ему дается два дня для внесения исправлений и добавлений. Затем от имени статс-секретаря министерства юстиции сотрудник Службы по вопросам иммиграции и натурализации (СИН) принимает решение. В случае отклонения ходатайства проситель может подать апелляцию. В случае подтверждения prima facie обоснованности угрозы преследований Консультативный комитет пересматривает решение в первой инстанции и проводит беседу с просителем. На эту беседу приглашается представитель УВКБ для изложения его мнений. Формулируется рекомендация для статс-секретаря министерства юстиции, который принимает окончательное решение. Отклонение апелляции можно обжаловать в Окружном суде. Никаких других процедур обжалования не предусмотрено.

4.3 Государство-участник сообщает, что министерство иностранных дел Нидерландов периодически издает доклады о положении в конкретных странах происхождения для содействия тому, чтобы СИН объективно оценивала ходатайства об убежище.
С 1994 года по начало 1995 года с учетом подготовленного в 1991 году доклада, в котором выражалось беспокойство в связи с положением в области прав человека в Иране, просители убежища из этой страны могли рассчитывать на получение временного вида на жительство. Эта практика была прекращена после публикации обновленного доклада, в котором констатировалось улучшение общей ситуации в Иране.

4.4 Касаясь биографии заявителя, государство-участник обобщает сведения, которые заявитель сообщил СИН на первой и второй беседах, проведенных в рамках рассмотрения каждого из двух его ходатайств о получении статуса беженца, а также в рамках соответствующих административных и судебных процедур. Оно, в частности, отмечает,

что представленные заявителем иранские документы были тщательно изучены министерством иностранных дел и не признаны подлинными.

4.5 Касаясь жалобы по статье 3, государство-участник отмечает, что Комитету надлежит принять решение о том, имеются ли конкретные основания, которые подтверждают, что соответствующему лицу лично угрожает применение пыток в случае его возвращения в Иран[a]. Серьезные основания в этой связи предполагают нечто большее, чем простую возможность применения пыток, но для выполнения условий этого положения не требуется того, чтобы угроза была весьма вероятной[b]. Государство-участник утверждает, что общее положение в области прав человека в Иране не таково, что всем лицам, возвращающимся в Иран, угрожает применение пыток. Во-первых, оно отмечает в отношении заявителя, что поддержка им запрещенной политической организации федаинов не является сама по себе достаточным основанием полагать, что он будет подвергнут пыткам по возвращении; в последних докладах по Ирану не сообщается о каких-либо случаях осуждения членов Союза федаинов. Во-вторых, после освобождения заявителя из тюрьмы в 1985 году у него не возникало никаких серьезных проблем с властями Ирана, и он, как представляется, ничего не опасался, поскольку оставался в стране до 1994 года. Государство-участник отмечает, что после его освобождения из тюрьмы заявитель прошел обычную службу в армии, что свидетельствует о том, что он не вызывал у властей каких-либо подозрений. Государство-участник отмечает, что проблемы, которые, по словам заявителя, возникли после его освобождения из тюрьмы, являются сравнительно несерьезными.

4.6 Касаясь деятельности заявителя в мае 1994 года, государство-участник отмечает, что он не представил никаких конкретных доказательств ареста кого-либо из его соратников. Кроме того, нет никаких объективных доказательств, подтверждающих арест отца заявителя - единственное свидетельство поступило от его родственников.

4.7 Государство-участник утверждает, что политическая деятельность заявителя в Нидерландах не создает лично для него угрозу быть подвергнутым пыткам после возвращения в Иран, поскольку нет ни фактов, ни свидетельств в подтверждение того, что иранские власти осведомлены о его деятельности в Нидерландах.

4.8 И наконец, государство-участник отрицает, что заявителю не было представлено реальной возможности для изложения его дела во время рассмотрения его первого ходатайства о предоставлении убежища. Его второе ходатайство содержит лишь более подробное, но по сути не измененное описание событий. В любом случае новые материалы, например представленные заявителем документы, были надлежащим образом изучены и учтены властями. Иранские документы не были признаны подлинными, поскольку они не соответствуют принятым в Иране стандартам составления и оформления подобных документов.

4.9 По мнению государства-участника, нет никаких оснований считать, что над заявителем нависла предсказуемая, реальная и личная угроза быть подвергнутым пыткам после возвращения в Иран и что высылка автора из Нидерландов в Иран явится нарушением статьи 3 Конвенции.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1 В своих датированных 2 января 2003 года комментариях к замечаниям государства-участника заявитель утверждает, что ни одно из его ходатайств не рассматривалось Консультативным комитетом, упоминаемым в замечаниях государства-участника. По его мнению, хотя характер правительственного доклада 2001 года по Ирану отличался от характера докладов за предшествующие годы, его тон был на деле весьма негативным. Заявитель отвергает утверждение государства-участника о том, что нет никаких сообщений о недавних случаях осуждения членов Союза федаинов, и замечает, что нельзя делать вывод о том, что сторонники федаинов не подвергают себя серьезному риску. Он подчеркивает, что эта группа действует в Иране подпольно и что соответственно выявить и привлечь к суду ее членов не так-то просто.

5.2 Заявитель повторяет, что он сталкивался с проблемами в период между 1985 и 1994 годами, и это свидетельствует о том, что власти Ирана по-прежнему относятся к нему с подозрением.

5.3 Ответ заявителя сопровождается письмом с выражением поддержки от "Международной амнистии". В нем излагаются сведения об Уголовном кодексе Ирана, последствиях деятельности запрещенных оппозиционных организаций, а также информация о предполагаемых нарушениях при отправлении правосудия в Иране. В письме упоминаются случаи применения смертных казней и пыток в отношении членов оппозиционных политических движений в Иране за последние годы, хотя в последнее время случаи подобного обращения с членами Союза федаинов и не отмечались. Подчеркивается, что условием освобождения заявителя из тюрьмы в 1985 году был его отказ от участия в политической деятельности и что за нарушение данного им обещания он будет, как ему сказали, приговорен к смертной казни. В письме далее отмечается, что представленные заявителем иранские документы, которые государство-участник не считает подлинными, были изучены экспертом по иранским юридическим документам, который подтвердил их подлинность. Кроме того, утверждается, что политическая деятельность заявителя как в Иране, так и в Нидерландах была весьма активной и что в Нидерландах его фамилия неоднократно упоминалась в местных средствах массовой информации; заявителю и не надо доказывать, что власти Ирана осведомлены о его деятельности в Нидерландах.

Дополнительные замечания государства-участника

6.1 Нотой от 14 апреля 2003 года государство-участник направило Комитету свои дополнительные замечания. Оно заявляет, что нет никаких доказательств того, что заявителю лично угрожает применение пыток в случае возвращения в Иран и что его аргументы основаны лишь на домыслах и предположениях. Государство-участник повторяет, что, как свидетельствуют собранные сведения, заявитель не играл ведущую роль в Союзе федаинов и не сталкивался с серьезными проблемами в Иране после 1985 года. Оно напоминает о том, что иммиграционные и судебные органы Нидерландов занимались делом автора в течение семи лет и что суд дважды подтверждал законность решений соответствующих органов.

6.2 Государство-участник ссылается на решение Комитета от 28 ноября 2002 года относительно сообщения 204/2002 "Х.К.Х. против Швеции", в котором Комитет отметил, что для установления факта нарушения статьи 3 Конвенции "нужно присовокупить дополнительные основания в подтверждение наличия угрозы лично для данного лица".

6.3 Касаясь подлинности иранских документов, рассмотренных экспертом от имени заявителя, государство-участник отмечает, что упомянутые этим экспертом документы отличаются по датам от документов, представленных заявителем, и что имя и фамилия лица, к которому относились данные документы, были опущены. Государство-участник также утверждает, что оно приняло во внимание общую ситуацию в Иране при рассмотрении вопроса о том, что может угрожать лично заявителю после его возвращения в Иран.

Вопросы для рассмотрения в Комитете

7.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. Как это предусмотрено в пункте 5 а) статьи 22 Конвенции, Комитет убедился, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник не высказало каких-либо возражений относительно приемлемости сообщения. Поэтому Комитет констатирует отсутствие каких-либо препятствий для приемлемости сообщения и приступает к его рассмотрению по существу.

7.2 Комитету надлежит определить, будет ли принудительное возвращение заявителя в Иран являться нарушением обязательств государство-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать и не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Формулируя свое заключение, Комитет должен принять во внимание все

соответствующие соображения, включая существование в соответствующем государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. В то же время преследуемая цель заключается в установлении того, будет ли соответствующему лицу лично угрожать применение пыток в стране, в которую оно будет выслано. В соответствии с практикой Комитета существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека не является само по себе достаточным основанием для определения того, будет ли данному лицу угрожать применение пыток после возвращения в такую страну. Отсутствие такой практики также не означает, что нельзя считать, что тому или иному лицу угрожает применение пыток.

7.3 Комитет напоминает свое замечание общего порядка по статье 3, в соответствии с которым Комитету надлежит оценить наличие "серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток" в случае его высылки, и при оценке степени риска применения пыток "должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений". Требовать "высокой степени вероятности" риска нельзя, но необходимо убедиться в том, что такая опасность "угрожает лично автору и является реальной"[c]. В этой связи в своих предшествующих решениях Комитет определял, что угроза пыток должна быть "предсказуемой, реальной и личной"[d].

7.4 Оценивая угрозу применения пыток в рассматриваемом случае, Комитет принимает к сведению утверждения заявителя о том, что власти Ирана уже подвергали его пыткам и тюремному заключению вследствие его участия в деятельности Союза федаинов. Этот факт государство-участник не оспаривает. Однако предполагаемые акты пытки имели место в 1983 году, т.е. приблизительно 20 лет назад. Комитет отмечает, что в соответствии с его замечанием общего порядка по статье 3 уместной считается информация, касающаяся, в частности, вопроса о том, подвергался ли заявитель пыткам в прошлом, и если да, то идет ли речь о недавнем прошлом[e]. О случае с автором этого сказать нельзя.

7.5 В замечании общего характера Комитета говорится также о необходимости определить, занимался ли автор на территории или за пределами соответствующего государства политической или иной деятельностью, которая могла бы поставить его в "особенно уязвимое положение" с точки зрения опасности подвергнуться пыткам[f]. В рассматриваемом случае заявитель утверждает, что при его освобождении он подписал документ о том, что не будет более заниматься политической деятельностью, и что после его освобождения власти преследовали его. Несмотря на это, он, по его словам, продолжал заниматься политической деятельностью в Иране, вполне обоснованно покинул Иран в 1994 году и продолжал свою политическую деятельность в Нидерландах, о чем могут быть осведомлены власти Ирана. Заявитель утверждает также, что он представил властям документы, выданные Революционной прокуратурой и

свидетельствующие об интересе к нему со стороны иранских властей об опасностях, подстерегающих его в Иране.

7.6 Комитет учитывает, что все аргументы заявителя и представленные в их поддержку свидетельства были рассмотрены судами государства-участника. Комитет напоминает свое решение о том, что он не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов. В соответствии со своим замечанием общего порядка, хотя Комитет имеет полномочия на свободную оценку фактов, возникающих в обстоятельствах каждого дела, он должен в значительной степени опираться на заявления органов государства-участника по фактической стороне дела. В данном случае Комитет не может считать, что в этом отношении государство-участник провело ненадлежащее рассмотрение дела заявителя. Исходя из сказанного выше, Комитет полагает, что заявитель не доказал, что ему лично будет угрожать предсказуемая и реальная опасность быть подвергнутым пыткам после его возвращения в Иран.

8. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток делает вывод о том, что высылка заявителя в Иран не станет нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Государство-участник ссылается на решение Комитета от 13 ноября 1998 года по жалобе № 91/1997 *А. против Нидерландов* и решение Комитета от 20 мая 1998 года по жалобе № 94/1997 *К.Н. против Швейцарии*.

[b] Государство-участник ссылается на соображения Комитета от 10 ноября 1997 года относительно жалобы № 28/1995 *Э.А. против Швейцарии* и на его замечание общего порядка об осуществлении статьи 3.

[c] Замечание общего порядка № 1 (1996 год).

[d] Соображения Комитета от 28 ноября 2002 года относительно сообщения № 204/2002 *Х.К.Х. против Швеции*.

[e] Пункт 8 b).

[f] Пункт 8 e).

Сообщение № 209/2002

Представлено:	М.О. (представлен адвокатом г-жой Бирте Фалкесгаард-Ларсен)
Предполагаемая жертва:	Заявитель
Государство-участник:	Дания
Дата представления жалобы:	24 мая 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 209/2002, представленной Комитету против пыток г-ном М.О. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является гражданин Алжира г-н Милуд Отман, в настоящее время проживающий в Дании в ожидании своей высылки в Алжир. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Алжир явилось бы нарушением Данией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Его представляет адвокат[a].

1.2 5 июня 2002 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику. 7 марта 2003 года в соответствии с пунктом 1 правила 108 Правил процедуры Комитета и в ответ на запоздалую просьбу адвоката от 7 февраля 2003 года государству-участнику было предложено не высылать заявителя в Алжир до рассмотрения его дела Комитетом.

Факты в изложении заявителя

2.1 В период приблизительно 1991-1998 годов заявитель был военнослужащим алжирской армии и служил в звании капрала на оружейном складе. Он утверждает, что в 1994 году к нему обратились представители Алжирской исламской группы (АИГ) с просьбой работать на них. Он отказался. В 1994 году по неуточненным причинам его

заключили в военную тюрьму. Информации о том, был ли заявитель предан суду или осужден, а также относительно точных сроков его выхода из тюрьмы не представлено.

2.2 Заявитель утверждает, что в 1996 году власти узнали о его прежних контактах с АИГ и что в 1998 году он был вновь арестован и заключен в тюрьму по подозрению в поставке АИГ оружия, боеприпасов и продовольствия. Силы безопасности Алжира якобы допрашивали и пытали его, и он, не будучи в состоянии перенести пытки, признался, что работал на АИГ. Он, в частности, утверждает, что его сильно били по гениталиям, что его гениталии, плечи, руки и ноги подвергали электрошоку и что ему угрожали применением репрессивных мер к его матери в случае его отказа от сотрудничества. Он заявляет, что его физическое состояние настолько ухудшилось, что он был переведен в военный госпиталь, откуда ему удалось бежать. Поскольку на момент побега он все еще был военнослужащим, он стал после этого дезертиром.

2.3 В 1999 году заявитель прибыл в Данию и 28 декабря 1999 года подал ходатайство о предоставлении убежища в Иммиграционную службу Дании (ИСД). 2 марта 2001 года его ходатайство было отклонено, а 21 августа 2001 года Апелляционный совет по делам беженцев (Апелляционный совет) подтвердил решение ИСД. Апелляционный совет пришел к выводу о недостоверности свидетельств заявителя относительно причин подачи ходатайства о предоставлении убежища и нашел в изложении событий некоторые несоответствия. Совет посчитал эти свидетельства недостаточными для доказательства того факта, что в Алжире к заявителю применялись пытки. Апелляционный совет принял к сведению доклад, подготовленный организацией "Международная амнистия", представитель которой не обнаружила у заявителя признаков психического расстройства, хотя следы на его теле соответствовали некоторым из описанных им видов пыток. Апелляционный совет пришел к заключению о том, что представленные свидетельства не дают оснований для принятия решения о предоставлении убежища.

2.4 Впоследствии заявитель был подвергнут психологическому освидетельствованию, по результатам которого был сделан вывод о том, что он страдает посттравматическим стрессовым расстройством и что у него наличествуют признаки диссоциации, часто наблюдаемые у лиц, подвергавшихся пыткам. В подготовленной в этой связи справке отмечалось, что, когда поднимались волнующие заявителя темы, он обычно прекращал участвовать в беседе и что ему случалось переживать в сознании вспышки воспоминаний о прошлом. В справке указывалось, что заявитель не способен концентрироваться на некоторых вопросах из страха вновь подвергнуться пыткам и что он с трудом переносит ситуации, когда ему задают вопросы лица мужского пола, так как именно мужчины подвергали его пыткам. В справке был также сделан вывод о том, что посттравматическое стрессовое расстройство отразилось на его способности последовательно излагать события во время беседы. 14 сентября 2002 года заявитель, сославшись на справку психолога, подал в Апелляционный совет ходатайство о возобновлении дела. 24 января 2003 года его ходатайство было отклонено.

2.5 Заявитель объясняет отмечавшиеся несоответствия в его описании событий несколькими факторами. Он говорит, что, во-первых, предоставленный ему переводчик говорил на восточном наречии арабского языка, которое он с трудом понимал. По его словам, его первый язык - французский. Во-вторых, он утверждает, что страдает посттравматическим стрессовым расстройством, о чем свидетельствует справка психолога, и сообщает, что, рассказывая свою историю датским властям, он вновь пережил в сознании кошмар пыток, что породило у него чувство большой тревоги. Он заявляет, что факт его задержания датскими властями травмировал его, и ему стало гораздо труднее давать убедительные и последовательные описания пережитых им событий. Заявитель ссылается на вышеупомянутую справку психолога, в которой делается вывод о том, что явное неправдоподобие его рассказа можно объяснить его психологической диссоциацией.

2.6 Наконец, заявитель ссылается на страновой доклад УВКБ по Алжиру от 11-12 июня 2001 года, в котором говорится, что пытки в Алжире широко распространены и что при возвращении в Алжир дезертиры, подобные заявителю, подвергаются преследованиям и пыткам.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что в случае его возвращения в Алжир ему будет угрожать опасность подвергнуться пыткам и что его возвращение явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции. По его словам, ранее он подвергался пыткам в Алжире и, учитывая его ложное признание по поводу оказания помощи АИГ, а также общее положение с соблюдением прав человека в Алжире, в случае возвращения опасность подвергнуться пыткам ему угрожала бы вновь.

Замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы и существа дела

4.1 В своих замечаниях от 24 марта 2003 года государство-участник оспаривает приемлемость жалобы и делает заявления по ее существу. В связи с вопросом о приемлемости оно утверждает, что заявитель не обосновал prima facie факта нарушения статьи 3[b] и что его жалоба должна быть объявлена неприемлемой.

4.2 Что касается существа дела, то государство-участник утверждает, что возвращение заявителя в Алжир не являлось бы нарушением статьи 3 Конвенции. Оно напоминает, что 16 февраля 2000 года он заполнил на арабском языке форму ходатайства, в которой привел информацию о причинах подачи ходатайства о предоставлении ему убежища в Дании. Его консультировали относительно важности предоставления всей соответствующей информации. 11 декабря 2000 года сотрудники ИСД провели с ним беседу с помощью переводчика, которого заявитель, по его словам, понимал. Отчет об этой беседе был проверен вместе с заявителем. 2 марта 2001 года ИСД отклонила

ходатайство о предоставлении убежища, и заявитель подал апелляционную жалобу в Апелляционный совет. В мае 2001 года Апелляционный совет решил приостановить процедуру, с тем чтобы "Международная амнистия" могла организовать медицинское освидетельствование заявителя. Соответствующий отчет был представлен 20 июня 2001 года (см. пункт 2.3).

4.3 21 августа 2001 года Апелляционный совет отклонил апелляционную жалобу. Он сделал вывод о том, что заявитель изложил основания для подачи ходатайства о предоставлении убежища непоследовательно и неправдоподобно. Было признано, что данное им описание отъезда из Алжира и обращения с ним со стороны алжирских властей, включая подробности его тюремного заключения, вопроса о том, осуждался ли он за какое-либо преступление, а также информация по поводу его военной службы, носили противоречивый и неправдоподобный характер. Это обстоятельство, а также отчет организации "Международная амнистия" побудили Апелляционный совет отклонить апелляционную жалобу. Совету не были представлены свидетельства, на основе которых он мог бы сделать вывод о том, что заявителю в случае возвращения в Алжир угрожала бы опасность преследования.

4.4 Государство-участник предоставило описание состава, полномочий и процедур Апелляционного совета. Решения этого органа являются окончательными и не подлежат судебному обжалованию. Это обусловлено вынесенным в 1997 году решением Верховного суда Дании, в котором отмечалось, что Апелляционный совет является экспертным органом квазисудебного характера. При вынесении своих решений он руководствуется индивидуальной оценкой просителя убежища, которая рассматривается с учетом общего положения в стране происхождения. Для получения убежища проситель должен в соответствии с Конвенцией 1951 года о статусе беженцев четко обосновать свои опасения по поводу преследования, подкрепив их объективными свидетельствами. Совет придает большое значение тому, может ли податель ходатайства правдоподобно описать свое положение. Он также изучает доклады о положении в области прав человека в соответствующих странах. Из разных источников, включая правительственные и неправительственные организации и источники Организации Объединенных Наций, собирается справочная информация. Кроме того, при решении вопроса о предоставлении убежища Совет обращает внимание на то, могло ли соответствующее лицо в прошлом подвергаться пыткам, но это обстоятельство может и не иметь решающего значения.

4.5 Государство-участник утверждает, что заявитель добивается того, чтобы Комитет рассмотрел соответствующие свидетельства в обоснование его требования о предоставлении убежища, хотя хорошо известно, что Комитет не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов. Апелляционный совет имел возможность напрямую контактировать с заявителем и подробно рассмотреть все соответствующие свидетельства. Он не счел свидетельства заявителя правдоподобными и не видит объективных оснований для опасений по поводу того, что в случае возвращения

в Алжир его подвергнут пыткам. Государство-участник ссылается на решения Комитета по статье 3, в которых признается необходимость в значительной мере опираться на заявления правительственных органов по фактической стороне дела.

4.6 Государство-участник заявляет, что в отношении утверждений, формулируемых в соответствии со статьей 3 Конвенции, бремя доказывания лежит на заявителе. Оно ссылается на принятое Комитетом Замечание общего порядка № 1, в котором говорится, что для оценки наличия "серьезных оснований полагать, что лицу может угрожать применение пыток", при определении степени риска применения пыток "должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений", хотя при такой оценке не следует брать за основу критерий "высокой степени вероятности". Податель ходатайства должен показать, что ему будет угрожать применение пыток и что такая опасность угрожает "лично ему и является реальной".

4.7 Государство-участник утверждает, что в данном случае вышеприведенное требование не соблюдается. Оно отмечает, что согласно принятому Комитетом Замечанию общего порядка № 1 и его правовой практике, нужно принимать во внимание достоверность утверждений заявителя и любые несоответствия в его свидетельствах. Государство-участник довольно обстоятельно изучило различные несоответствия в представленном заявителем описании пережитых им событий. Например, вначале заявитель заявил, что вылетел в Москву, а оттуда - в Берлин и заплатил каким-то своим знакомым за то, чтобы те наняли для него грузовой автомобиль для поездки в Данию. Позднее он сказал, что после прилета в Россию он добрался вначале паромом до Германии, а затем до Дании. Что касается его военной службы, то в своем ходатайстве о предоставлении убежища заявитель сообщил, что служил в армии в 1991-1994 годах. Однако во время беседы с сотрудниками ИСД он сказал, что находился в рядах вооруженных сил с 1990 года по 1998 год. Кроме того, вначале заявитель говорил датским властям, что бежал из Алжира после освобождения из тюрьмы и возвращения на военную службу, а впоследствии заявил, что покинул страну, бежав прямо из военного госпиталя. По мнению государства-участника, такие несоответствия нельзя расценивать как незначительные: речь идет о существенных фактических несоответствиях, которыми правительство вправе руководствоваться при оценке достоверности заявлений.

4.8 Государство-участник добавляет, что во время контактов с властями заявитель ни разу не поднял вопроса о каких-либо языковых трудностях. Он заполнил форму ходатайства на арабском языке и мог бы, если бы предпочел, сделать это на французском языке. Оно также отмечает, что, вынося свое решение о невозобновлении дела заявителя, Апелляционный совет принял во внимание справку психолога и тот факт, что в ней не содержалось никаких новых материалов или информации.

4.9 Государство-участник заявляет, что оно не могло установить факта применения пыток к заявителю, но что, согласно правовой практике Комитета, даже если бы этот факт имел место, при рассмотрении его дела он был бы лишь одним из элементов. И в данном случае, особенно учитывая отсутствие доверия к заявителю, свидетельств, которые указывали бы на опасность применения к нему пыток в случае возвращения в Алжир, представлено не было.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника

5.1 В своих комментариях по замечаниям государства-участника от 30 мая 2003 года заявитель оспаривает данное правительством толкование отчета организации "Международная амнистия". Он утверждает, что в отчете, который был подготовлен не психологами, а врачами, признавалось отсутствие "непосредственных" признаков психических проблем. "Международная амнистия" проводила проверку с целью оценки не его психологического состояния, а физических следов на его теле, и эти следы были признаны соответствующими описанным им пыткам. Он заявляет, что Апелляционный совет был не прав, придя к заключению, что в справке психолога не содержится никаких новых материалов, которые оправдывали бы возобновление дела: эта справка является не только новым, но и единственным свидетельством его психологического состояния. Он повторяет, что несоответствия в данных им описаниях объяснены именно в справке психолога.

Вопросы, стоящие перед Комитетом

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли оно приемлемым с точки зрения статьи 22 Конвенции. Комитет, как того требует пункт 5 a) статьи 22, удостоверился в том, что данный вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет отмечает, что государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты. Государство-участник возражает против признания жалобы приемлемой исходя из того, что заявитель не обосновал prima facie факта нарушения статьи 3, но, по мнению Комитета, автор предоставил в обоснование своей жалобы достаточно информации для ее рассмотрения по существу. Поскольку Комитет не видит каких-либо дополнительных препятствий для признания сообщения приемлемым, он объявляет жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

6.2 Комитету необходимо определить, можно ли считать принудительное возвращение заявителя в Алжир нарушением обязательств государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или не возвращать ("refouler") какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Чтобы прийти к какому-либо заключению, Комитету нужно принять в расчет все надлежащие соображения, включая наличие в соответствующем государстве

постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Вместе с тем цель состоит в определении того, существует ли именно для соответствующего лица риск подвергнуться пыткам в стране, куда оно может быть выслано. Согласно правовой практике Комитета сам факт существования в той или иной стране постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека не может считаться достаточной основой для определения того, может ли соответствующему лицу грозить опасность применения пыток по возвращении в эту страну. Отсутствие такой практики также не означает невозможности отнесения этого лица к категории лиц, подвергающихся опасности применения пыток.

6.3 Комитет ссылается на свое Замечание общего характера по статье 3, где говорится, что Комитет должен оценивать наличие "серьезных оснований полагать, что автору может угрожать применение пыток" в случае его возвращения и что при оценке степени риска применения пыток "должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений". Этот риск не обязательно должен отличаться "высокой степенью вероятности", но опасность должна "угрожать лично автору и являться реальной". При вынесении более ранних решений в этой связи Комитет постоянно приходил к заключению, что риск применения пыток должен быть "прогнозируемым, реальным и личным".

6.4 Оценивая риск применения пыток в данном случае, Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что ранее алжирские власти применяли к нему пытки и подвергали тюремному заключению. Результаты его медицинского освидетельствования согласуются с этими утверждениями, хотя и не исключают других возможных причин телесных повреждений заявителя. В связи со справкой психолога Комитет отмечает, что в ней был признан факт наличия у заявителя посттравматического стрессового расстройства и сказано, что этот факт согласуется с его утверждением о применении к нему в прошлом пыток. В справке также признано, что несоответствия в рассказе заявителя можно объяснить пытками, которым он подвергался в прошлом. Комитет принимает к сведению утверждение заявителя о том, что единственным официальным психологическим свидетельством его психического состояния является именно эта справка. Он также отмечает, что датские власти изучили эту справку при рассмотрении ходатайства заявителя о возобновлении его дела и не нашли в ней новой информации.

6.5 Датские власти полностью рассмотрели соответствующие свидетельства и, согласно правовой практике Комитета, фактическим выводам, сделанным правительственными органами, необходимо придавать должное значение. В настоящем случае в представленном заявителем описании пережитых им событий отмечается большое число несоответствий. Датские власти сделали вывод о неискренности заявителя, который, по мнению Комитета, является разумным и никоим образом не произвольным. В этой связи Комитет обращает внимание на пункт 8 его Замечания общего характера № 1, в соответствии с которым Комитет при определении того, будет ли заявителю по

возвращении грозить опасность применения пыток, обращает особое внимание на достоверность утверждений заявителя и на наличие в его заявлении соответствующих фактических неувязок.

6.6 Первоначальное представление заявителя и его последующие разъяснения по поводу несоответствий, отмеченных государством-участником в его представлении, не позволяют Комитету принять какого-либо взвешенного решения относительно степени вероятности применения к нему пыток по возвращении. С учетом вышесказанного Комитет делает вывод, что заявитель не доказал, что риск применения пыток был бы прогнозируемым, реальным и личным по смыслу статьи 3 Конвенции.

7.1 Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток приходит к заключению, что возвращение заявителя в Алжир не являлось бы нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] В письме от 21 ноября 2002 года первый адвокат заявителя сообщил, что он его уже не представляет. Письмом от 26 ноября 2002 года нынешний адвокат заявителя проинформировал о приеме дела к работе и предоставил дополнительную подробную информацию относительно утверждений заявителя. Полномочия нового адвоката подтверждены должным образом.

[b] Делается ссылка на принятое Комитетом Замечание общего порядка об осуществлении статьи 3.

Сообщение № 210/2002*

Представлено: В.Р.

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Дания

Дата представления жалобы: 13 мая 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 17 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 210/2002, представленной Комитету против пыток г-ном В.Р. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1. Заявителем является гражданин Российской Федерации г-н В.Р., который на момент подачи жалобы проживал в Дании. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Российскую Федерацию явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции против пыток со стороны Дании. Он не представлен адвокатом.

Изложение фактов

2.1 6 ноября 1992 года заявитель и его супруга въехали на территорию Дании и сразу же подали ходатайство о предоставлении убежища. 5 ноября 1993 года Совет по делам беженцев Дании подтвердил более раннее решение Управления по вопросам иммиграции, в соответствии с которым заявитель и его семья должны были покинуть Данию к 20 ноября 1993 года. Заявитель и его семья уехали из Дании и вернулись в Россию[a].

---

* В соответствии с правилом 104 правил процедуры Комитета г-н Яковлев не участвовал в рассмотрении настоящей жалобы.

2.2 Заявитель утверждает, что 26 июля 1994 года, по возвращении в Российскую Федерацию из Дании, он был арестован и обвинен в незаконном пересечении границы, участии в подрывной деятельности и клевете на представителей власти. Согласно его утверждениям, власти держали его под стражей с 26 июля 1994 года по 20 января 1998 года и подвергали различным формам пыток, в том числе пропускали газ через трахею, пока его не вырывало, и заставляли есть суп прямо из миски, предварительно связав ему руки за спиной. Он утверждает, что в январе 1996 года его приговорили к трем с половиной годам тюремного заключения за незаконное пересечение границы и участие в подрывной деятельности. После освобождения он стал членом Союза граждан, в рамках которого занимался деятельностью, связанной с проблематикой гражданских прав. Он утверждает, что в результате этой деятельности вступил в конфликт с властями, которые вновь лишили его свободы и подвергли пыткам.

2.3 15 июля 1999 года заявитель и его супруга с ребенком вторично прибыли в Данию, а на следующий день подали ходатайство о предоставлении убежища. 19 декабря 2001 года Иммиграционная служба Дании отказала ему в предоставлении убежища. 21 марта 2002 года Совет по делам беженцев подтвердил это решение, и заявителю и его семье было предложено покинуть Данию. Заявитель обратился в Совет по делам беженцев с просьбой возобновить его дело, так как, согласно его утверждениям, медицинское заключение Департамента судебной медицины от 21 декабря 2000 года ("заключение от 21 декабря 2000 года") было неправильным. Он также сообщил, что пыткам подвергалась и его супруга и что во время слушаний в Совете она пережила в сознании вспышки воспоминаний о прошлом, так как один из членов Совета напомнил ей одного сотрудника российской милиции. 27 июня 2002 года Совет по делам беженцев рассмотрел его ходатайство, но возобновить дело о предоставлении убежища отказался.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что, поскольку в случае возвращения в Российскую Федерацию ему реально угрожала бы опасность подвергнуться пыткам, его принудительное возвращение явилось бы нарушением статьи 3 Конвенции. Он подкрепляет свои опасения по поводу пыток утверждением о том, что ранее он им уже подвергался, что он являлся активным членом Союза граждан и что его уже осуждали за совершение уголовного преступления.

3.2 По словам заявителя, заключение от 21 декабря 2000 года, которым Совет по делам беженцев в значительной мере руководствовался при принятии своего решения не предоставлять ему убежища, не было тщательно подготовленным документом и могло толковаться по-разному. Он утверждает, что авторы заключения не отрицают факта наличия у него хронического посттравматического стрессового расстройства, вызванного последствиями применения пыток. Он также заявляет, что в этом заключении содержится упоминание о шрамах на его теле, которые образовались в результате совершения в прошлом актов пыток.

3.3 Кроме того, согласно его утверждению, даже если он и страдает параноидальным психозом (как указывается в вышеупомянутом заключении), по возвращении в Российскую Федерацию он будет заключен в тюрьму - где, по его словам, применение пыток к заключенным является обычной практикой властей - или помещен в закрытое психиатрическое учреждение.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа сообщения и комментарии заявителя

4.1 Вербальной нотой от 12 сентября 2002 года государство-участник представило свои соображения по поводу приемлемости и существа сообщения. Оно утверждает, что заявитель не обосновал prima facie для целей приемлемости сообщения. Если Комитет не отклонит сообщения на этом основании, то, по утверждению государства-участника, с точки зрения существа дела нарушения положений Конвенции допущено не было.

4.2 Государство-участник подробно характеризует организационную структуру Совета по делам беженцев и применяемую им процедуру принятия решений и, в частности, сообщает, что заявителю, как это обычно практикуется, был выделен адвокат, который, как и сам заявитель, до заседания Совета имел возможность изучить материалы дела и справочные материалы. На слушаниях также присутствовал устный переводчик и представитель Иммиграционной службы Дании.

4.3 Касаясь вопроса о применении статьи 3 Конвенции к существу дела, государство-участник подчеркивает, что в соответствии с пунктом 5 Замечания общего характера об осуществлении статьи 3, которое было принято Комитетом 21 ноября 1997 года, бремя аргументированного изложения дела лежит на заявителе. Ссылаясь на это Замечание общего характера, государство-участник указывает, что Комитет не относится к числу апелляционных, квазисудебных или административных органов, а является наблюдательным органом. В настоящем сообщении не содержится никакой информации, которая уже не была бы обстоятельно рассмотрена Иммиграционной службой Дании и Советом по делам беженцев. Государство-участник утверждает, что, по его мнению, заявитель пытается использовать Комитет в качестве апелляционного органа, чтобы добиться новой оценки жалобы, которая уже была тщательно рассмотрена иммиграционными органами Дании.

4.4 Что касается вопроса о существовании серьезных оснований полагать, что в случае возвращения в Российскую Федерацию заявителю может угрожать применение пыток, то государство-участник ссылается на весь текст решения Совета по делам беженцев. В решении Совета по делам беженцев от 21 марта 2002 года говорилось, что заявитель и его супруга не сумели "убедительно и правдоподобно доказать, что после их возращения в Россию в 1994 году и до их выезда в 1999 году они подвергались актам насилия, дающим основания для предоставления убежища, и что по возвращении риск подвергнуться таким

актам будет настолько высоким, что им можно было бы на этом основании выдать вид на жительство в соответствии с разделом 7 Закона об иностранцах".

4.5 Государство-участник отмечает, что оценка Совета по делам беженцев согласуется с практикой Комитета, в соответствии с которой совершенные в прошлом акты пытки рассматриваются в качестве одного из элементов, принимаемых во внимание при изучении вопроса о том, будет ли заявителю угрожать риск применения пыток при возвращении в его страну происхождения. В этой связи Совет придает решающее значение заключению от 21 декабря 2000 года, в котором, в частности, говорится, что при освидетельствовании заявителя очевидных физических или психических последствий применения пыток, о которых он заявлял, обнаружено не было. Поэтому заявление заявителя о применении к нему пыток Совет во внимание не принял.

4.6 Письменный перевод заключения от 21 декабря 2000 года представлен не был, но представитель государства-участника устно перевел его[b]. Во время освидетельствования автор утверждал, что он подвергался различным формам пыток. По итогам освидетельствования был сделан вывод об отсутствии признаков недавнего насилия. Что касается признаков применения насилия в прошлом, то на его спине и на его левой ступне было обнаружено по небольшому шраму неспецифического характера. Кроме того, на внешней стороне его передних зубов имелись фиссуры. Сообщается, что эти изменения могут быть вызваны химическими ожогами, но в остальном они не представляли собой чего-то особенного. Был сделан вывод, что у автора сообщения наблюдаются значительные изменения личности, которые можно рассматривать в качестве результата хронического развития посттравматического стрессового расстройства, но, скорее всего, это расстройство следует диагностировать как параноидальный психоз (психическое расстройство, сопровождаемое манией преследования). В заключительной части документа департамента судебной медицины делался вывод о том, что очевидных физических или психических последствий применения пыток, о которых заявлялось в данном случае, непосредственно не обнаружено.

4.7 После того, как утверждения автора о применении к нему пыток были отклонены, Совет признал, что это решающим образом ослабило его позицию. Он далее отметил, что утверждения супруги автора сообщения были менее убедительными и что, несмотря на неоднократные вопросы, она смогла объяснить причины принятия окончательного решения о выезде лишь в общих чертах. Совет пришел к выводу, что он не может согласиться с утверждениями автора и его супруги по поводу мотивов, побудивших их просить о предоставлении убежища. Хотя он не отверг полностью их утверждений по поводу того, что автор сообщения осуществлял в интересах Союза граждан деятельность в сфере гражданских прав, что у него были определенные конфликты с властями и что их дом подвергался обыску, всесторонне оценив представленную информацию, Совет пришел к выводу о том, что автор сообщения и его супруга не сумели доказать убедительным и правдоподобным образом, что после их возвращения в 1994 году и до их

выезда в 1999 году они подвергались актам насилия, дающим основания для предоставления убежища, или что по их возвращении они вновь подвергнутся такому риску.

4.8 Государство-участник ссылается на утверждение о том, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено, даже несмотря на то, что в заключении от 21 декабря 2000 года не исключается возможность того, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством. Государство-участник утверждает (как указано в предыдущих пунктах), что при освидетельствовании заявителя было обнаружено, что он страдает значительным изменением личности, которое может быть результатом посттравматического стрессового расстройства, но наиболее вероятным диагнозом является параноидальный психоз. В связи с этим государство-участник утверждает, что медицинская информация, доказывающая факт применения пыток к заявителю, отсутствует.

4.9 По словам государства-участника, обращаясь в Совет по делам беженцев с просьбой о возобновлении его дела, заявитель, в частности, указал, что он не согласен с заключением от 21 декабря 2000 года, поскольку его психическое состояние можно объяснить последствиями пыток, а освидетельствование, проведенное врачами до подготовки этого заключения, было недостаточно тщательным. Государство-участник отмечает, что отказываясь возобновить его дело 27 июня 2002 года, Совет по делам беженцев пришел к выводу о том, что новой информации, которая могла бы служить основой для формулирования предположения о неправильности заключения от 21 декабря 2000 года, не появилось[c]. По мнению государства-участника, один лишь факт несогласия заявителя с содержащимся в заключении выводом не может привести к его изменению.

4.10 Отклонив утверждения заявителя о применении к нему в прошлом пыток, Совет по делам беженцев счел заявление заявителя неправдоподобным и необоснованным. Это касается и утверждений супруги заявителя, в отношении которых Совет сделал вывод о том, что, несмотря на неоднократные вопросы, она смогла объяснить причину принятия окончательного решения о выезде лишь в общих чертах. Государство-участник также ссылается на тот факт, что в нескольких случаях показания заявителя и его супруги были не очень убедительными. Например, государство-участник ссылается на меморандум министерства иностранных дел от 26 ноября 2001 года, который упоминается в решении Совета по делам беженцев. Министерству было предложено прокомментировать подлинность копии судебного решения, которое якобы было вынесено по делу заявителя в январе 1996 года. Хотя оно не смогло установить, подлинным ли было это судебное решение, им был сделан вывод о том, что некоторые из отраженных в копии вопросов носили необычный характер. Там не было ссылок на применяемые положения уголовного законодательства, срок назначенного наказания исчислялся не целыми годами, а частями года, что является необычным фактом, а наказание было вынесено в виде тюремного заключения, а не в виде обычного для подобных случаев пребывания в исправительно-

трудовом лагере. Кроме того, государство-участник ссылается на утверждение, сформулированное заявителем в связи с его просьбой в адрес Совета о пересмотре его дела, согласно которому его супруга подвергалась пыткам, и во время проведения слушаний в Совете она пережила в сознании внезапные вспышки воспоминаний о прошлом, поскольку один из членов Совета напомнил ей одного сотрудника российской милиции. Представители Совета отметили, что во время слушаний супруга заявителя не показалась им похожей на человека, находящегося в состоянии шока, и что этот аргумент не может привести к отмене его решения.

4.11 Государство-участник ссылается на заявление Совета по делам беженцев о том, что он не может полностью отвергнуть утверждения заявителя по поводу того, что он осуществлял деятельность в интересах Союза граждан, что у него были определенные конфликты с властями и что его дом подвергался обыску. Вместе с тем государство-участник утверждает, что оно следует применяемой Комитетом практике, согласно которой "угроза подвергнуться тюремному заключению как таковая не является достаточной, для того чтобы привести в действие защиту, предусмотренную статьей 3 Конвенции"[d].

4.12 Кроме того, государство-участник утверждает, что заявитель не доказал, что власти его страны-происхождения разыскивают его и что в случае возвращения ему будет угрожать опасность ареста[e].

4.13 В заключение государство-участник подчеркивает, что Российская Федерация ратифицировала Конвенцию 3 марта 1987 года и признала компетенцию Комитета против пыток принимать и обрабатывать индивидуальные сообщения в соответствии со статьей 22 Конвенции. В связи с этим оно утверждает, что заявителю не грозит опасность возвращения в государство, не являющееся государством - участником Конвенции, где он не имел бы возможности обратиться к Комитету за защитой[f].

5.1 В ноябре 2002 года заявитель прокомментировал представление государства-участника. Он повторил свои прежние утверждения и оспорил выводы Совета по делам беженцев. Он представил подробные аргументы в доказательство подлинности судебного решения, вынесенного против него в январе 1996 года, и передал медицинские заключения, чтобы доказать, что его жена является неуравновешенной. Он утверждал, что Совет по делам беженцев проигнорировал ее утверждение о том, что в период содержания под стражей в милиции в 1995 году она подверглась изнасилованию.

5.2 Заявитель не представил подробной информации по делу его супруги. Его супруга подробно рассказала о событиях, происшедших после их возвращения в 1994 году в Российскую Федерацию, в своем ходатайстве о предоставлении убежища от 16 сентября 1999 года и 20 сентября 1999 года, а также во время дополнительной беседы, состоявшейся 9 ноября 1999 года. Она утверждала, что после их возвращения она

подверглась задержанию и в течение четырех дней содержалась под стражей, будучи разлученной со своим ребенком. После возвращения домой ее вновь допросили и нанесли удар по голове. Впоследствии ей было предъявлено обвинение в выезде за пределы Российской Федерации без разрешения и вынесен приговор с отсрочкой исполнения. В беседе с ней, состоявшейся 9 ноября, она утверждала, что до 1995 года ее еженедельно вызывали в милицию на допрос. В ходе той же ноябрьской беседы 1999 года она также утверждала, что в ноябре 1995 года была изнасилована несколькими милиционерами. В январе 1999 года и во время проведения обыска в их доме ее супруг и сын подверглись побоям.

5.3 Заявитель утверждает, что, хотя государство-участник и не полностью отвергает его заявление о том, что он осуществлял деятельность в интересах Союза граждан, что у него были определенные конфликты с властями и что его дом подвергался обыску, оно должно знать, что факт применения к нему в прошлом пыток - вполне вероятный факт. В связи с этим он прилагает информацию различных неправительственных организаций о применении пыток к активистам-правозащитникам и заключенным в Российской Федерации. Он также утверждает, что методы, которые применяются при совершении актов пыток, таковы, что после из применения нередко остается мало физических следов или вообще их не остается. Наконец, он представил копию медицинского заключения клинического психолога из Норвегии, которое было датировано 25 ноября 2002 года и в котором он характеризовался как "жертва пыток".

5.4 Письмом от 12 августа 2003 года заявитель проинформировал Комитет о том, что, хотя он и его семья после регистрации его жалобы Комитетом провели какое-то время в Норвегии, опасаясь быть высланными датскими властями, впоследствии они вернулись в Данию, где живут у друзей (даты не указаны). Он также прилагает другое письмо психолога от 18 апреля 2000 года, в котором говорится, что у заявителя отмечаются "серьезные симптомы посттравматического стрессового расстройства (нарушение сна, стресс, психотравматические страдания), которые являются результатом тюремного заключения и применения пыток в его стране происхождения".

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в том или ином сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли сообщение приемлемым согласно статье 22 Конвенции. В связи с этим он в соответствии с требованиями пункта 5 a) статьи 22 Конвенции удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты. Хотя государство-участник утверждает, что заявитель не обосновал prima facie дела для целей приемлемости, Комитет отмечает, что оно не привело четкой мотивировки

этой своей оценки. Более того, Комитет не видит никаких оснований для того, чтобы в соответствии с правилом 107 его правил процедуры признать это сообщение неприемлемым.

6.2 Комитет должен решить, будет ли принудительное возвращение заявителя в Российскую Федерацию нарушением обязательства государства-участника по пункту 1 статьи 3 Конвенции не высылать или не возвращать (refouler) какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток. Для формулирования такого вывода Комитет должен принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако преследуемая при этом цель заключается в том, чтобы определить, будет ли конкретно данному лицу грозить опасность подвергнуться применению пыток в стране, в которую оно возвратится. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека в стране само по себе не дает достаточных оснований для того, чтобы делать вывод о том, что данному конкретному лицу по возвращении в эту страну будет угрожать опасность применения пыток, необходимо наличие дополнительных оснований, которые свидетельствовали бы о том, что опасность будет угрожать данному лицу лично. И наоборот, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что какое-то лицо не может быть признано находящимся в опасности подвергнуться пыткам с учетом конкретных обстоятельств его дела.

6.3 Комитет отмечает, что главный аргумент заявителя связан с тем, каким образом Совет по делам беженцев выносил свое решение о непредоставлении ему убежища, и в частности с его толкованием медицинского заключения от 21 декабря 2000 года, с помощью которого прояснялся вопрос о том, подвергался ли он пыткам. Комитет не убежден доводами заявителя о том, что в случае его возвращения в Российскую Федерацию в настоящее время он может лично подвергнуться реальной угрозе применения пыток.

6.4 Поэтому, действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток делает вывод, что высылка заявителя в Российскую Федерацию не являлась бы нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Точная дата их возвращения не указана.

[b] 5 ноября 2003 года государство-участник представило копию этого документа на английском языке Комитету для рассмотрения.

[c] Оно также отмечает ссылки Совета на то, что в соответствии с действующими правилами заявитель может опротестовать заключение, и сообщает, что заявитель ранее опротестовал психиатрический отчет клиники судебной психиатрии, который был составлен для целей подготовки заключения Департамента судебной медицины. Клиника ответила, что она не может удовлетворить просьбу заявителя о внесении изменений в заключение, так как заявитель и клиника расходятся в своих выводах.

[d] Государство-участник ссылается на дело *И.А.О. против Швеции*, жалоба № 65/1997, соображения, принятые 19 мая 1998 года.

[e] Оно ссылается на дело *К.Н. против Швейцарии*, жалоба № 94/1997, соображения, принятые 19 мая 1998 года.

[f] *Тахир Хусейн Хан против Канады*, жалоба № 15/1994, соображения, принятые 18 ноября 1994 года. *Балабу Мутомбо против Швейцарии*, жалоба № 13/1993, соображения, принятые 27 апреля 1994 года и *С.К. против Дании*, жалоба № 143/1999, соображения, принятые 3 сентября 2000 года.

Сообщение № 213/2002

Представлено: Г-ном Э.Х.В.М.

Предполагаемая жертва: Заявитель

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 17 мая 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 14 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение сообщения № 213/2002, представленного Комитету против пыток г-ном Э.Х.В.М. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции

1.1 Заявитель - гражданин Коста-Рики Э.Х.В.М., родившийся в сентябре 1956 года. В настоящее время он нелегально проживает на территории Швеции после отклонения ходатайства о предоставлении убежища Швецией 19 февраля 2002 года. Он утверждает, что его депортация в Коста-Рику представляла бы собой нарушение Швецией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее - "Конвенция"). Он не представлен адвокатом.

1.2 Государство-участник ратифицировало Конвенцию 8 января 1986 года и тогда же сделало заявление, предусмотренное в статье 22 Конвенции. Конвенция вступила в силу для государства-участника 26 июня 1987 года.

1.3 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции 1 июля 2002 года Комитет препроводил сообщение государству-участнику.

Факты в изложении заявителя

2.1 В 1975 году заявитель, будучи студентом факультета театрального искусства Университета Коста-Рики, вступил в молодежную организацию Прогрессивной народной (коммунистической) партии Коста-Рики. В качестве активиста объединения "Прогрессивная коста-риканская молодежь" (ПКМ) он участвовал в ряде студенческих мероприятий политического и культурного характера.

2.2 В 1975 году во время проведения политического собрания студентов заявитель впервые был задержан. Вместе с другими участниками его препроводили в тюрьму города Сан-Хуан-де-Тибас, где, по утверждению автора, он был подвергнут физическим и психологическим пыткам - оскорбления, угрозы, пинки, таскание за волосы, удары по ребрам и плевки.

2.3 После того как заявителю удалось бежать из тюрьмы, он перебрался в провинцию Лимон. По его утверждению, его неоднократно задерживали, причем он содержался в бесчеловечных условиях, в кишащих крысами камерах, без пищи, без одеяла и без места для сна, а сокамерниками его были уголовники, осужденные за совершение преступлений. Согласно его утверждениям, множество раз его задерживали и потом вроде бы отпускали на свободу, но лишь затем, чтобы дать ему отойти на 50 метров, а затем вновь задержать. В конце концов, ему удалось бежать и вернуться в Сан-Хосе.

2.4 В Сан-Хосе заявитель вновь занялся политической деятельностью в университете. По его утверждению, его несколько раз арестовывали, причем в период задержания он подвергался угрозам убийства, избиениям и пыткам в виде прижигания сигаретами. Как он заявляет, после одного из задержаний он был доставлен в главную следственную тюрьму министерства общественной безопасности, где его подвергли многочисленным физическим и нравственным истязаниям, включая побои с нанесением ударов ногами и руками, погружение в холодную воду в предрассветные часы и принуждение к совершению половых актов со своими мучителями.

2.5 Заявитель утверждает, что из-за принадлежности к коммунистической партии он не смог получить работу в труппе Национального театра и был отстранен от занятий в классах актерского мастерства. По его утверждению, он также подвергался открытым нападкам за свою бисексуальную ориентацию.

2.6 Как утверждает заявитель, ему пришлось бежать в Венесуэлу, где он жил два года до возвращения в Коста-Рику в 1982 году. По возвращении на родину он основал подпольный театр, из помещения которого ретранслировались передачи запрещенной радиостанции "Радио Венсеремос", рупора Фронта национального освобождения им. Фарабундо Марти (ФНОФМ). Он утверждает, что в 1985 году сотрудники служб

безопасности ворвались в его дом, избили его и отвезли его в тюрьму города Сан-Хуан-де-Тибас, где он был подвергнут физическим и психологическим пыткам.

2.7 Заявитель утверждает, что в одну из ночей в начале 90-х годов он был вновь арестован, избит и принужден заниматься фелляцией с одним из охранников под оскорбительные комментарии второго. Затем третий охранник жестоко избил заявителя ногами. С телесными повреждениями и ранами на лице и на теле заявитель был доставлен в больницу, причем ему угрожали смертью, если он расскажет о случившемся. Когда его отпустили, он подал заявления в прокуратуру Сан-Педро-де-Монтес-де-Ока и в прокуратуру Сан-Хосе, однако, по его утверждению, они не были приняты к рассмотрению.

2.8 Как утверждает заявитель, в период между 1992 и 1993 годами, когда он принимал деятельное участие в кампании по защите прав крестьян провинции Лимон, на которых оказывалось давление, с тем чтобы они продавали свои земли по низким ценам, он был задержан в ходе операции, проводившейся совместно полувоенными антикрестьянскими группировками и подразделениями национальной полиции. Согласно его заявлению, он был доставлен в тюрьму Лимона, где его бросили в камеру, загаженную испражнениями, били и погружали в ледяную воду. Выйдя на свободу, он узнал, что на его дом был совершен налет, а его личные вещи уничтожены.

2.9 По утверждению заявителя, в период 1994-1997 годов он задерживался свыше 30 раз и четырежды представал перед судом, причем ему инкриминировались, в частности, незаконное ношение огнестрельного оружия, изготовление взрывчатых веществ, захват земли, угрозы при отягчающих обстоятельствах и покушение на убийство.

2.10 Он указывает также, что как его собственная жизнь, так и жизнь его сожителя П.А.М. - транссексуала, превращенного из женщины в мужчину, который являлся соратником в его политической деятельности, - подвергались опасности. Как указывает заявитель, его дом несколько раз обстреливался и, хотя он обращался в полицию за защитой, его просьбы оставались без внимания. Заявитель утверждает, что в целях самозащиты ему пришлось установить на окнах в гостиной металлические ставни.

2.11 Заявитель утверждает, что в 1995 году на него было совершено покушение, в результате которого он получил пулевое ранение левой руки, причем ружье стрелявшему передал одетый в форму полицейский.

2.12 17 мая 1997 года заявитель окончательно покинул Коста-Рику. Вместе с П.А.М. он направился в Канаду, где они попросили убежище. В Канаде заботу о них взял на себя Канадский центр для жертв пыток, предоставивший им правовую, языковую, медицинскую и психиатрическую помощь. Однако канадские власти отклонили их ходатайство о предоставлении убежища.

2.13 12 июля 2000 года заявитель и П.А.М. перебрались в Швецию, где сразу же запросили убежище. Однако шведские власти отклонили их ходатайство. Как указывает заявитель, в настоящее время во избежание депортации из Швеции ему приходится скрываться, поскольку он уже исчерпал все имеющиеся в государстве-участнике внутренние средства правовой защиты.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его депортация в Коста-Рику представляла бы собой нарушение Швецией статьи 3 Конвенции, поскольку в этой стране ему может снова угрожать применение пыток.

3.2 Заявитель далее утверждает, что решение было принято шведскими властями чисто механически, что оно является предвзятым, что чиновники проявили полное бездушие и черствость и учли не все доведенные до их сведения обстоятельства, а лишь некоторые из них. Он также указывает на необъективность процесса рассмотрения ходатайства, поскольку он велся на шведском языке, причем автору лишь эпизодически предоставлялись услуги переводчиков, к тому же неквалифицированных, в связи с чем он сталкивался с затруднениями в плане уяснения смысла выносимых определений и изложения доводов на своем родном языке.

Замечания государства-участника относительно приемлемости сообщения и существа дела

4.1 В представлении от 15 октября 2002 года государство-участник изложило свои замечания в отношении приемлемости и по существу сообщения. По поводу приемлемости сообщения и со ссылкой на требование пункта 5 a) статьи 22 Конвенции государство-участник выразило уверенность, что Комитет убедится в том, что данное сообщение не рассматривалось и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

4.2 Что касается предусмотренного в пункте 5 b) статьи 22 Конвенции требования в отношении приемлемости, то государство-участник признает факт исчерпания всех имеющихся внутренних средств правовой защиты. Первое собеседование с заявителем было проведено Шведским иммиграционным советом на следующий же день после его прибытия в Швецию, а второе - 26 июля 2000 года. 26 сентября 2000 года Иммиграционный совет отклонил ходатайство заявителя о предоставлении убежища и распорядился выслать заявителя в его страну происхождения. Заявитель обжаловал это решение, однако 19 февраля 2002 года Апелляционный совет по делам иностранцев отклонил его апелляцию.

4.3 Вместе с тем государство-участник утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции, поскольку отсутствуют минимально необходимые подтверждения, позволяющие считать сообщение совместимым с положениями статьи 22 Конвенции. В качестве примера государство-участник ссылается на дело *У. против Швейцарии*[a].

4.4 На случай, если Комитет объявит сообщение приемлемым, государство-участник заявляет по существу жалобы, что высылка заявителя в Коста-Рику не будет являться нарушением статьи 3 Конвенции. Государство-участник напоминает, что, согласно юриспруденции Комитета, при определении применимости статьи 3 Конвенции следует учитывать следующее: a) общее положение с правами человека в стране и b) угрожающую лично заявителю опасность подвергнуться пыткам в стране, в которую он возвратится.

4.5 В отношении общего положения с правами человека в Коста-Рике государство-участник утверждает, что там не существует постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Данное утверждение государства-участника основывается на сообщениях о положении в области прав человека в этой стране, на заключительных замечаниях Комитета по первоначальному докладу Коста-Рики от 2001 года, на том обстоятельстве, что в данной стране узаконены гомосексуальные отношения, в которые по взаимному согласию вступают взрослые лица, и на том факте, что Коста-Рика ратифицировала ряд международно-правовых актов в области прав человека, в том числе Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Государство-участник утверждает, что пытки, которым якобы подвергался заявитель, имели место в довольно отдаленном прошлом и что с тех пор положение с правами человека в Коста-Рике заметно улучшилось.

4.6 В отношении угрожающей лично заявителю опасности оказаться подвергнутым пыткам государство-участник утверждает, что обстоятельства, на которые ссылается заявитель, не служат достаточным подтверждением факта наличия для него лично предсказуемой и реальной опасности применения пыток в Коста-Рике. В этой связи государство-участник ссылается на правовую практику Комитета применительно к толкованию статьи 3 Конвенции[b].

4.7 Государство-участник также утверждает, что определяющую роль при принятии решения о предоставлении убежища играет правдивость заявителя и что соответствующие национальные органы власти, безусловно, более компетентны в плане определения степени достоверности его заявлений. В этой связи государство-участник подчеркивает, что в показаниях заявителя прослеживаются неточности и неясности, что отчасти ставит под сомнение достоверность его жалобы.

4.8 Государство-участник, во-первых, утверждает, что в своих показаниях Шведскому иммиграционному совету и Апелляционному совету по делам иностранцев и в сообщении, направленном Комитету, заявитель, говоря о случаях ареста и применения пыток в период проживания в Коста-Рике, является непоследовательным. Шведскому иммиграционному совету и канадским властям заявитель указал, что организация "Акаина" 33 раза возбуждала судебное преследование в его отношении, тогда как в Шведском апелляционном совете по делам иностранцев и в сообщении Комитету он показал, что его арестовывали свыше 30 раз. Наконец, что касается обстоятельств, при которых в 1995 году в него стреляли, заявитель показал Шведскому иммиграционному совету и канадским властям, что неизвестный угрожал выстрелить в П.А.М., однако заявитель вмешался и сам получил пулю. В то же время в Шведском апелляционном совете по делам иностранцев и в сообщении Комитету он показал, что неизвестный покушался на его жизнь и выстрелил в него.

4.9 В отношении оснований, по которым заявитель утверждает, что по возвращении в Коста-Рику ему может угрожать применение пыток, государство-участник указывает, что участие заявителя в земельных спорах, которые вели крестьяне, имело место в довольно отдаленном прошлом. Государство-участник ссылается на доклады по правам человека, из которых следует, что с 1999 года положение в этой области заметно улучшилось.

4.10 Государство-участник также утверждает, что, согласно информации, представленной самим заявителем, наиболее серьезный инцидент, а именно случай, когда в него стреляли, произошел в 1995 году. Однако государство-участник констатирует, что заявитель покинул Коста-Рику лишь в мае 1997 года, причем совершенно легально и без каких-либо затруднений. Это позволяет сделать вывод, что даже в 1997 году заявитель не испытывал никакой настоятельной необходимости в неотложной защите.

4.11 Государство-участник далее утверждает, что заявитель не доказал факта существования риска преследования со стороны коста-риканских властей и что в любом случае, даже если будет сочтено, что заявитель подвергается на сегодняшний день риску преследования, последний будет исходить от организаций, с которыми автор конфликтовал по различным причинам. Вместе с тем государство-участник заявляет, что подобного рода преследование выходит за рамки Конвенции[c], добавляя при этом, что нет никаких признаков, указывающих на неспособность Коста-Рики обеспечить заявителю надлежащую защиту от такого преследования. К тому же Коста-Рика ратифицировала Конвенцию и сделала заявление по статье 22, так что заявитель мог бы воспользоваться в своей стране происхождения защитой, предусмотренной положениями Конвенции.

Комментарии заявителя относительно аргументов государства-участника

5.1 В письме от 25 ноября 2002 года заявитель прокомментировал замечания государства-участника, сославшись при этом на факты, не отраженные в первоначальном

сообщении, и высказав новые утверждения, также не фигурирующие в его первоначальном представлении. Что касается общего положения с правами человека в Коста-Рике, то заявитель приводит выдержку из сообщения для прессы, изданного Прогрессивной народной партией Коста-Рики 18 октября 2002 года, в котором вскрываются факты политического преследования ее лидеров со стороны сотрудников государственных органов. Заявитель также приводит выдержки из написанного им самим документа, с которым можно ознакомиться на его сайте в Интернете и который посвящен положению с правами человека в Коста-Рике.

5.2 Кроме того, заявитель ссылается на заключение Центральноамериканского центра изучения и защиты прав человека (СИПАК/ПЧ), в котором говорится о дискриминации и насилии, которым подвергаются гомосексуалисты в Коста-Рике, а также об отсутствии у них возможности вступать в брак с лицами одного с ними пола.

5.3 Что касается угрожающей лично заявителю опасности подвергнуться пыткам по возвращении в Коста-Рику, то он объясняет свой страх предполагаемым отсутствием эффективных средств защиты со стороны государственных ведомств. По их линии ему не была обеспечена защита ни до, ни после совершения актов пыток, жертвой которых он оказался, а его судебные иски против сотрудников полиции не были приняты к рассмотрению.

5.4 Что касается обстоятельств, при которых в 1995 году в него стреляли, заявитель вновь повторяет, что речь шла о покушении на убийство, никак не комментируя противоречие, на которое ссылается государство-участник.

5.5 В отношении обстоятельств, при которых он покинул Коста-Рику, заявитель указывает, что он оставался в стране до 1997 года в стремлении исчерпать все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. Он также вновь повторяет, что в этот период он подвергался опасности, а посему ему пришлось установить на окнах в его доме металлические ставни. Опять же в целях самозащиты он перемещался по стране из одного региона в другой.

5.6 В отношении проходившей в Швеции процедуры рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища заявитель впервые утверждает, что в ходе собеседования 26 июля 2000 года ему не было разрешено предъявить документы, которые он желал подать, поскольку они были составлены на испанском языке, что сотрудница иммиграционного ведомства и назначенный автору адвокат были настроены враждебно и позволяли себе грубости, что слушание дела "с самого начала и до конца шло по заранее намеченному и дирижируемому сценарию" и что в составленной сотрудницей иммиграционного ведомства записи его показаний имеются неточности и упущены некоторые факты, доведенные им до ее сведения. Заявитель далее утверждает, что за год и восемь месяцев ему удалось пообщаться со своим адвокатом лишь 2 часа 15 минут. Он

также утверждает, что явное нежелание компетентных органов государства-участника надлежащим образом изучить его дело представляет собой акт дискриминации.

5.7 Как указывает заявитель, он и по сей день продолжает вести из-за границы свою политическую деятельность, поскольку имеет собственный сайт в Интернете, на котором появляются обличительные материалы, а посему его безопасности по-прежнему угрожает опасность.

Дополнительное представление заявителя

6. 23 сентября 2003 года заявитель направил дополнительное представление, содержащее, в частности, психиатрический отчет от 14 сентября 1998 года, который был подготовлен Д.Е.П. - работающим в Торонто психиатром - и в котором подтверждается, что заявитель страдает посттравматическим стрессовым расстройством.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

7.1 До рассмотрения любой жалобы, содержащейся в каком-либо сообщении, Комитет против пыток должен принять решение относительно его приемлемости или неприемлемости на основании статьи 22 Конвенции. Поэтому в соответствии с требованием пункта 5 a) статьи 22 Конвенции Комитет убедился в том, что данный вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет также отмечает, что государство-участник признает факт исчерпания всех имеющихся внутренних средств правовой защиты.

7.2 Что касается дополнительного представления заявителя от 23 сентября 2003 года, то Комитет отмечает, что оно было подано после истечения крайнего шестинедельного срока, указываемого в соответствии с пунктом 6 правила 91 правил процедуры Комитета в письме Комитета от 21 октября 2001 года, в котором заявителю было предложено представить свои комментарии в связи с замечаниями государства-участника в отношении приемлемости сообщения и по существу дела до 29 ноября 2002 года. Поэтому Комитет считает, что новые аргументы, содержащиеся в дополнительном представлении заявителя от 23 сентября 2003 года, были направлены с опозданием и в этой связи не могут быть рассмотрены Комитетом.

7.3 Комитет констатирует отсутствие каких-либо обстоятельств, которые препятствовали бы признанию жалобы приемлемой, и переходит к рассмотрению дела по существу.

8.1 Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, представленной ему сторонами, в соответствии с пунктом 4 статьи 22 Конвенции.

8.2 Комитету предстоит решить вопрос о том, будет ли являться депортация заявителя в Коста-Рику нарушением обязательства государства-участника в соответствии со статьей 3 Конвенции не высылать или не выдавать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

8.3 Комитет должен решить, существуют ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Коста-Рику заявителю будет угрожать личная опасность подвергнуться применению пыток. При вынесении такого решения Комитет должен, согласно пункту 2 статьи 3 Конвенции, принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих или массовых нарушений прав человека. Однако Комитет напоминает, что цель вынесения определения заключается в установлении того, угрожает ли лично данному лицу опасность применения пыток в стране, в которую оно возвратится. Из этого следует, что существование в стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека само по себе не является достаточным основанием для вывода о том, что по возвращении в эту страну конкретному лицу будет угрожать применение пыток; должны существовать дополнительные основания, позволяющие утверждать, что данное лицо лично будет подвергаться такой опасности. Аналогичным образом, отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что то или иное лицо не может подвергаться опасности применения пыток в его конкретных обстоятельствах.

8.4 В рассматриваемом случае Комитет принимает к сведению замечания государства-участника относительно общего положения с правами человека в Коста-Рике и факт того, что Коста-Рика сделала заявление по статье 22 Конвенции. Комитет также принимает к сведению сообщения, свидетельствующие об улучшении положения крестьян, вовлеченных в земельные конфликты. Комитет отмечает, что информация, представленная заявителем в опровержение этого мнения, почерпнута главным образом из материалов, написанных самим заявителем.

8.5 Комитет принимает к сведению указанные государством-участником разночтения и неясности в рассказе заявителя, которые последний не пояснил. Комитет также отмечает, что заявитель не представил достаточных доказательств в подтверждение своих утверждений, будто он подвергался пыткам в Коста-Рике.

8.6 Комитет далее принимает к сведению замечания государства-участника относительно того, что наиболее серьезный инцидент, о котором утверждает заявитель, имел место в 1995 году, между тем как он покинул Коста-Рику лишь в мае 1997 года. Комитет также отмечает, что соответствующий ответ заявителя является весьма расплывчатым и что им не было представлено доказательств в подтверждение утверждения о том, что в свое время коста-риканскими государственными органами ему не была обеспечена защита.

8.7 Что касается проблем, с которыми заявитель якобы столкнулся в Коста-Рике по причине своей бисексуальной ориентации, то Комитет отмечает, что риск оказаться подвергнутым в будущем пыткам в Коста-Рике не основывается на причинах, выходящих за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. По мнению Комитета, представленные заявителем сообщения не позволяют установить факт наличия обоснованных оснований предполагать, что заявителю непосредственно угрожает личная опасность подвергнуться применению пыток в случае высылки в Коста-Рику. В свете вышеизложенного Комитет считает, что представленная заявителем информация не свидетельствует о наличии веских оснований полагать, что ему лично угрожает опасность подвергнуться применению пыток в случае возвращения в Коста-Рику.

9. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток считает, что заявитель не представил доказательств в подтверждение своего утверждения о том, что по возвращении в Коста-Рику он будет подвергнут пыткам, и поэтому делает вывод, что его депортация в эту страну не будет являться нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] *У. против Швейцарии*, жалоба № 18/1994, решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятое 17 ноября 1994 года, пункт 4.2.

[b] *Ш.М.Р. и М.М.Р. против Швеции*, жалоба № 103/1998, решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятое 5 мая 1999 года, пункты 9.7 и 9.4; *С.Л. против Швеции*, жалоба № 150/1999, решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятое 11 мая 2001 года, пункт 6.4.

[c] *Г.Р.Б. против Швеции*, жалоба № 83/1997, решение Комитета против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятое 15 мая 1998 года, пункт 6.5.

Сообщение № 214/2002

Представлено:	М.А.К. (представлен адвокатом г-ном Рейнхардом Марксом)
Предполагаемая жертва:	Заявитель
Государство-участник:	Германия
Дата представления:	10 сентября 2002 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 мая 2004 года,

рассмотрев жалобу № 214/2002, представленную Комитету против пыток в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание информацию, представленную ему заявителем и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Автором жалобы является М.А.К., гражданин Турции курдского происхождения, 1968 года рождения, который в настоящее время проживает в Германии и ожидает высылки в Турцию. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Турцию представляло бы собой нарушение Федеративной Республикой Германией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 11 сентября 2002 года Комитет препроводил жалобу государству-участнику на предмет получения его замечаний и в соответствии с пунктом 1 правила 108 Правил процедуры Комитета просил его не высылать заявителя в Турцию, пока его жалоба рассматривается Комитетом. Вместе с тем Комитет указал, что эта просьба может быть пересмотрена в свете замечаний государства-участника относительно приемлемости жалобы и ее существа. Государство-участник удовлетворило эту просьбу.

1.3 11 ноября 2002 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости жалобы и одновременно обратилось к Комитету с предложением отозвать его просьбу о принятии временных мер в соответствии с пунктом 7 правила 108 Правил процедуры Комитета. В своих комментариях от 23 декабря 2002 года, касающихся замечаний государства-участника относительно приемлемости жалобы, адвокат просил Комитет сохранить в силе его просьбу о принятии временных мер до окончательного решения по этой жалобе. 4 апреля 2002 года Комитет, действуя через своего Докладчика по новым сообщениям и временным мерам, решил не отзывать свою просьбу о принятии временных мер.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель прибыл в Германию в декабре 1990 года и 21 января 1991 года обратился с просьбой о предоставлении политического убежища, утверждая, что в 1989 году в Мазгирте он в течение недели находился под арестом и подвергался пыткам со стороны полиции по той причине, что критиковал поведение вышестоящих начальников во время прохождения военной службы. Как сторонник РПК он подвергался преследованиям, и в Турции его жизнь находилась в опасности. 20 августа 1991 года Федеральное агентство по признанию иностранных беженцев (Bundesamt für die Anerkennung ausländischer Flüchtlinge) отклонило просьбу заявителя по причине неувязок в его заявлениях.

2.2 Заявитель обжаловал решение Федерального агентства в Административном суде Висбадена, который 7 сентября 1999 года отклонил его апелляцию. 17 апреля 2001 года Высший административный суд земли Гессен отказался выдать специальное разрешение на обжалование этого судебного постановления.

2.3 7 декабря 2001 года власти города Ханау издали распоряжение о высылке заявителя вместе с уведомлением о предстоящей депортации. Распоряжение о высылке основывалось на том факте, что в силу судебного приказа окружного суда Грос-Герау от 16 января 1995 года заявитель был приговорен к тюремному заключению сроком на четыре месяца с отсрочкой исполнения наказания за участие в блокаде скоростной автомагистрали, организованной сторонниками РПК в марте 1994 года.

2.4 17 января 2001 года заявитель обратился в Федеральное агентство с просьбой вновь провести рассмотрение его дела, утверждая, что в 1994 году в Нидерландах он прошел подготовку в лагере РПК с целью прохождения службы в вооруженных силах РПК в юго-восточной части Турции, т.е. выполнения обязанности, от которой он был освобожден по его последующей просьбе. Он далее утверждал, что турецким властям известно о его деятельности, связанной с РПК, в частности о его участии в блокаде скоростной автомагистрали, поскольку он был осужден за коллективное создание помех для дорожного движения.

2.5 В своем решении от 6 февраля 2002 года Федеральное агентство отклонило просьбу о повторном рассмотрении ходатайства о предоставлении убежища, отметив, что заявитель мог бы указать эти новые доводы в ходе первоначального разбирательства и что представленная им информация не является достоверной. 26 февраля 2002 года заявитель обжаловал это решение в Административном суде Франкфурта, который на момент первоначального представления жалобы продолжал рассматривать его дело.

2.6 21 марта 2002 года Административный суд Франкфурта отклонил просьбу заявителя о предварительном судебном приостановлении действия распоряжения о его депортации в Турцию главным образом на основаниях, идентичных тем, на которые ссылалось Федеральное агентство.

2.7 16 апреля 2002 года в Федеральном агентстве была проведена беседа с заявителем, в ходе которой он указал, что до прохождения подготовки в лагере РПК в Нидерландах он был представлен общественности на курдском фестивале "Халим-Денер", организованном в сентябре 1994 года в Нидерландах, в составе группы из 25 "будущих партизан". Он не поднимал этот вопрос в ходе первоначального рассмотрения просьбы о предоставлении убежища, поскольку опасался понести наказание за членство в РПК (РПК является незаконной организацией согласно немецкому законодательству).

2.8 18 июня 2002 года Административный суд Франкфурта отклонил просьбу заявителя пересмотреть судебное постановление об отказе в предварительном судебном приостановлении действия распоряжения о его депортации. Суд вновь указал, что последние представленные заявителем материалы, а также различная подробная информация, содержащаяся в описании его предполагаемой деятельности в составе РПК, ставят под сомнение достоверность его показаний. Например, было поставлено под сомнение утверждение о том, что РПК публично представила своих будущих партизан, зная, что турецкие секретные службы внимательно следят за такими мероприятиями, как, например, фестиваль "Халим-Денер". Кроме того, после политической и идеологической подготовки в Европе члены РПК обязаны, как правило, сразу же проходить военную подготовку в юго-восточной части Турции.

2.9 22 июля 2002 года заявитель подал в Федеральный конституционный суд конституционную жалобу на решения, принятые 21 марта и 18 июня 2002 года Административным судом Франкфурта, указав на нарушения его защищаемых конституцией прав на жизнь и личную неприкосновенность, равенство перед законом, а также его права быть заслушанным в суде. Кроме того, он обратился с просьбой о срочном принятии временного решения, обеспечивающего защиту от высылки в период рассмотрения его дела в Федеральном конституционном суде. В своем решении от 30 августа 2002 года, подготовленном группой из трех судей, Федеральный конституционный суд отклонил жалобу, а также срочную просьбу на основании того, что "заявитель протестует только против оценки фактов и доказательств судами более низкой

инстанции, конкретно не указывая на какие-либо нарушения его основных прав или прав, эквивалентных основным правам".

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что существуют веские основания полагать, что ему лично будет угрожать применение пыток в Турции и что в этой связи Германия нарушит положения статьи 3 Конвенции, если он будет возвращен в Турцию. В обоснование своего утверждения он указывает на то, что практика применения пыток, как признал Комитет, носит в Турции систематический характер.

3.2 Заявитель утверждает, что Федеральное агентство и немецкие суды придали чрезмерное значение тем несоответствиям в его показаниях в ходе первоначального рассмотрения просьбы о предоставлении убежища, которые, по сути, не имели отношения к его последующей просьбе о повторном рассмотрении его дела на основе новой информации. Он признает, что он не сообщил о своей деятельности в составе РПК в ходе первоначального рассмотрения его дела. Однако он имел веские основания ожидать, что турецким властям известно о его участии в блокаде скоростной автомагистрали, а это давало достаточные основания для его признания в качестве беженца. Его участие в этой блокаде может быть без особого труда установлено на основе того, что он был осужден по обвинению в коллективном создании помех для дорожного движения, поскольку в судебных материалах, которыми обмениваются немецкие и турецкие власти, указана дата совершения уголовного преступления. В отсутствие свидетелей прохождения им курсов подготовки РПК, что он вынужден был скрывать, он просит толковать сомнения в его пользу. Он ссылается на Замечание общего порядка № 1, в котором предусматривается, что для целей статьи 3 Конвенции при оценке риска применения пыток "не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности".

3.3 Кроме того, заявитель ссылается на письменные свидетельские показания г-на Ф.С. от 6 июля 2002 года, в котором свидетель указывает, что в 1994 году он совершил поездку на курдский фестиваль в Нидерланды вместе с заявителем, который публично объявил о своем участии в движении РПК.

3.4 Заявитель объясняет очевидные несоответствия между проводимой РПК политикой конфиденциальности и публичным представлением 25 будущих партизан в присутствии 60 000-80 000 человек на фестивале "Халим-Денер" тем, что в марте 1994 года Абдулла Оджалан организовал кампанию по демонстрации присутствия и потенциала этой организации в целях активизации ее политики во всей Европы. Его освобождение от обязанности проходить военную подготовку РПК являлось лишь временным в ожидании окончательного решения, которое должно было быть принято в мае 1995 года. В любом случае несоответствия в официальной политике РПК не могут быть поставлены ему в вину.

3.5 Касаясь бремени доказывания в рамках контексте национальных процедур судопроизводства, заявитель утверждает, что согласно статье 86 Судебного процессуально-административного кодекса административные суды должны изучать факты по делу ex officio. Поэтому по действующим процедурам он не был обязан доказывать свое членство в РПК. Заявитель считает, что, сообщив о прохождении курсов подготовки РПК в период с сентября 1994 года по январь 1995 года, он выполнил свою обязанность сотрудничать с судами.

3.6 Что касается имеющихся у турецких властей сведений о его членстве в РПК, то, как утверждает заявитель, не может быть никаких сомнений в том, что турецкая секретная служба наблюдала за событиями, происходившими на фестивале Халим-Денер в 1994 году. Кроме того, он видел по турецкому телевидению арестованного турецкой полицией инструктора по имени Йилмаз, занимавшегося с ним в Маастрихтском лагере. Согласно сообщениям, Йилмаз согласился сотрудничать с турецкими властями, в связи с чем существует опасность установления личности стажеров, проходивших подготовку в этом лагере. Далее заявитель утверждает, что, по сообщению одного из его земляков, турецкие военные задержали еще одного стажера по кличке Сектар, проходившего подготовку в том же лагере, с которым он поддерживал тесные отношения в период обучения. По мнению заявителя, имеются достаточные основания полагать, что Сектар был доставлен в полицию для проведения допроса и подвергся пыткам, цель которых заключалась в получении от него информации о членах РПК.

3.7 В заключение заявитель утверждает, что по возвращении в Турцию он будет арестован в аэропорту турецкой полицией и передан для допроса специальным полицейским органам, которые подвергнут его зверским пыткам. С учетом мнений, высказанных Комитетом ранее, он делает вывод, что Комитет уже констатировал случаи применения пыток турецкой полицией, когда у властей имелась информация о сотрудничестве подозреваемого с РПК.

3.8 Заявитель указывает, что, даже если вступив в РПК, он совершил бы уголовное преступление по законам Германии, это не может освобождать государство-участника от выполнения обязательств в соответствии со статьей 3 Конвенции.

3.9 Заявитель утверждает, что он исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты. В настоящее время его жалоба в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования не рассматривается.

Замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы

4.1 11 ноября 2002 года государство-участник представило свои замечания по вопросу о приемлемости жалобы и просило Комитет объявить ее неприемлемой на том основании, что внутренние средства правовой защиты исчерпаны, как это предусмотрено в пункте 5 статьи 22 Конвенции, не были.

4.2 Государство-участник утверждает, что внутренние средства правовой защиты, которые должны быть исчерпаны, включают такое средство, как обращение с конституционной жалобой, на что было указано Европейским судом по правам человека в ряде случаев, касающихся Германии[a]. Хотя заявитель подал конституционную жалобу 22 июля 2002 года, он не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты, поскольку эта жалоба не была в достаточной степени обоснована и не могла быть принята к рассмотрению. В частности, заявитель не указал, в каком смысле обжалуемые им решения нарушают его права, охраняемые Конституцией. Из ratio decidendi решения Федерального конституционного суда от 30 августа 2002 года явствует, что он "возражает (возражал) только против оценки фактов и доказательств судами более низкой инстанции".

4.3 Государство-участник утверждает, что внутренние средства правовой защиты не могут быть исчерпаны посредством подачи неприемлемой жалобы, которая в принципе не может удовлетворять критериям приемлемости, предусмотренным национальным процессуальным законодательством[b]. В данном случае государство-участник не видит каких-либо обстоятельств, оправдывающих освобождение от выполнения требования, касающегося исчерпания внутренних средств правовой защиты, поскольку конституционная жалоба в сочетании с ходатайством о вынесении временного решения, до тех пор, пока Федеральный конституционный суд не вынесет окончательного решения, является для заявителя эффективным средством правовой защиты.

Комментарии заявителя по замечаниям государства-участника относительно приемлемости сообщения

5.1 В своем ответе от 9 декабря 2002 года заявитель оспаривает то, как государство-участник истолковало решение Конституционного суда от 30 августа 2002 года. Он утверждает, что Суд эксплицитно или имплицитно объявил его конституционную жалобу неприемлемой, отмечая, что Суд не проводил различия между такими аспектами, как приемлемость и обстоятельства дела. Вместе с тем, поскольку заявитель удовлетворил критериям приемлемости, содержащимся в статье 93 Закона о Федеральном конституционном суде, указав основные нарушенные с его точки зрения права и пояснив, каким образом суды низшей инстанции нарушили эти права, получается, что Федеральный конституционный суд отверг его жалобу не как неприемлемую, "а со ссылкой на обстоятельства дела".

5.2 Заявитель утверждает, что конституционная жалоба является не дополнительной мерой обжалования, а чрезвычайным средством правовой защиты, позволяющим Конституционному суду определить, нарушаются ли основные права судами низшей инстанции в тех случаях, когда последние не выполняют своего долга, заключающегося в гарантии осуществления таких основных прав. Однако вопрос о том, охватывает ли требование об исчерпании всех имеющихся внутренних средств правовой защиты это

конкретное средство, и вопрос о том, удовлетворяется ли это требование в случае подачи конституционной жалобы, которая отклоняется как неприемлемая, являются, с точки зрения заявителя, несущественными уже потому, что его конституционная жалоба не была объявлена Федеральным конституционным судом неприемлемой.

5.3 Заявитель утверждает, что соблюдение конкретных специфических положений Конституции Германии не является главным требованием при подаче жалобы в соответствии с основанной на договорах общей процедурой, каковой является предусмотренная статьей 22 Конвенции процедура подачи индивидуальных жалоб.

5.4 И наконец, заявитель утверждает, что норма, касающаяся исчерпания внутренних средств правовой защиты, должна применяться с определенной степенью гибкости и что должны быть исчерпаны лишь эффективные средства правовой защиты. При отсутствии приостанавливающего действия конституционная жалоба не может считаться эффективным средством правовой защиты, когда речь идет о грядущей депортации.

Дополнительные замечания государства-участника относительно приемлемости жалобы

6.1 10 марта 2003 года государство-участник представило свои дополнительные замечания по вопросу о приемлемости жалобы. Допуская, что Федеральный конституционный суд четко не указал, была ли конституционная жалоба неприемлемой или недостаточно обоснованной, государство-участник повторяет, что из формулировки постановляющей части решения Федерального конституционного суда от 30 августа 2002 года явствует, что конституционная жалоба заявителя была недостаточно обоснованной и поэтому неприемлемой. Таким образом, заявитель не выполнил процедурных требований в отношении подачи конституционной жалобы.

6.2 Государство-участник отвергает аргумент заявителя о том, что конституционная жалоба не имеет приостанавливающего действия, и указывает, что такое действие может быть заменено таким средством, как ходатайство о неотложном предоставлении временной судебной защиты, предусмотренное в статье 32 Закона о Федеральном конституционном суде.

Решение о приемлемости

7.1 На своей тридцатой сессии Комитет рассмотрел вопрос о приемлемости жалобы и убедился в том, что данное дело не рассматривалось и не рассматривается в соответствии с какой-либо другой процедурой международного расследования или урегулирования. Ввиду того, что, по утверждению государства-участника, заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты, поскольку поданная им конституционная жалоба не удовлетворяла процедурным требованиям, касающимся обоснования претензий,

Комитет счел, что он как международная инстанция, осуществляющая надзор за соблюдением государствами-участниками своих обязательств по Конвенции, не может высказываться по конкретным процедурным требованиям в отношении подачи конституционной жалобы в Федеральный конституционный суд, кроме случаев, когда подача какой-либо жалобы явно не совместима с требованием исчерпания всех имеющихся внутренних правовых средств защиты, предусмотренным в пункте 5 b) статьи 22 Конвенции.

7.2 Комитет отметил, что заявитель обратился с жалобой в Федеральный конституционный суд 22 июля 2000 года, а 30 августа 2002 года Суд принял официальное решение об отклонении данной жалобы. В отсутствие явного факта несоблюдения требования, содержащегося в пункте 5 b) статьи 22 Конвенции, Комитет, с учетом обстоятельств данного дела и в соответствии с общими принципами международного права, считает, что заявитель исчерпал все имеющиеся внутренние средства правовой защиты.

7.3 Соответственно 30 апреля 2003 года Комитет постановил, что рассматриваемая жалоба является приемлемой.

Замечания государства-участника по существу дела

8.1 В вербальной ноте от 24 февраля 2003 года государство-участник представило свои замечания по существу жалобы и отметило, что заявитель не обосновал того, что в случае его депортации в Турцию ему лично будет угрожать применение пыток.

8.2 Ссылаясь на Замечание общего порядка № 1 Комитета относительно толкования статьи 3 Конвенции, государство-участник подчеркивает, что на заявителе лежит бремя аргументированного изложения дела для установления факта существования риска того, что он лично может подвергнуться пыткам. Оно считает, что курдское происхождение заявителя или тот факт, что он является сторонником РПК, для этого недостаточны.

8.3 Государство-участник отмечает, что наличие разных версий степени жестокости пыток, которым якобы подвергался заявитель после его ареста в Турции, вызывает сомнения относительно достоверности его слов. Вначале для Федерального агентства он говорил, что подвергался оскорблениям и что его бросили в грязную воду, а позднее Административному суду Висбадена, он сообщил, что ему связали руки за спиной и подвесили за палку, продетую сзади между спиной и руками.

8.4 По мнению государства-участника, автор не доказал свое членство в РПК или участие в какой-либо серьезной политической деятельности в период ссылки.
В частности, в письме г-на Ф.С. говорится лишь, что заявитель участвовал в культурной и политической деятельности в Германии, но не уточняется характер какой-либо подобной

деятельности. Кроме того, государство-участник отмечает, что одно лишь заявление о принадлежности к РПК в отсутствие подтверждения того, что заявитель играл видную роль в этой организации, не является как таковое достаточным для обоснования факта существования риска того, что он лично может подвергнуться пыткам. В 2001 году в ходе "кампании самооговора" более 100 000 человек объявили себя членами РПК, однако после этого не поступало сообщений ни об одном случае последующего преследования со стороны турецких властей.

8.5 Соглашаясь с тем, что в случае прохождения подготовки для выполнения какой-либо руководящей роли в рамках РПК члену этой партии по возвращении в Турцию может грозить личная опасность, государство-участник отрицает, что заявитель когда-либо проходил такую подготовку; он не сообщал об этом в ходе слушания его дела в Административном суде Висбадена в 1999 году. Государство-участник считает приведенное заявителем пояснение, согласно которому он не хотел разглашать факт своего участия, как того требует РПК и поскольку членство в РПК наказуемо по немецкому законодательству, неправдоподобным вследствие: a) несоответствия между утверждаемой конфиденциальностью его подготовки и тем фактом, что заявитель якобы был представлен широкой курдской общественности на фестивале "Халим-Денер"; b) маловероятности того, что заявитель расценил бы неотвратимую угрозу пыток "меньшим из двух зол" по сравнению с осуждением за членство в РПК в Германии; c) того факта, что, несмотря на отклонение его ходатайства о предоставлении убежища Административным судом Висбадена 7 ноября 1999 года, в своей апелляции в Высший административный суд земли Гессен он не сообщил о прохождении подготовки в рамках РПК; и d) явной необходимости дополнить его утверждение для нового ходатайства о предоставлении убежища после того, как распоряжение о высылке от 7 декабря 2001 года стало окончательным и приобрело обязательную силу.

8.6 Государство-участник отмечает, что, даже если предположить, что на фестивале в 1994 году заявитель действительно был представлен как "будущий партизан", он не продолжил прохождение подготовки, не говоря уже об участии в боевых действиях в юго-восточной части Турции, в результате чего он не мог занять какое-либо видное положение в РПК.

8.7 Не исключая возможности того, что факт осуждения заявителя за "участие в коллективном создании помех для дорожного движения" был доведен до сведения турецких властей в соответствии с процедурой международного обмена судебными материалами, государство-участник отмечает, что место совершения правонарушения можно определить лишь косвенно на основе информации, касающейся компетентного суда. Даже если об его участии в блокировании автомагистрали и могло быть известно из-за этой информации, такой малозначительный поступок вряд ли мог послужить основой для каких-либо мер со стороны турецких властей.

8.8 Касаясь бремени доказательства в ходе разбирательств на национальном уровне, государство-участник отмечает, что обязанность немецких судов расследовать обстоятельства дела касается лишь поддающихся проверке фактов. Федеральное агентство и суды выполнили эту обязанность, указав на несоответствия в изложении событий заявителем и предоставив ему возможность разъяснить эти несоответствия в ходе двух слушаний в Федеральном агентстве и одного в Административном суде Висбадена.

Комментарии заявителя

9.1 27 марта и 10 мая 2003 года заявитель представил свои комментарии к замечаниям государства-участника по существу жалобы, отметив, что вопрос, который должен решить Комитет, состоит не в том, являются ли утверждения, сделанные им в ходе первого рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища, правдоподобными, а в том, можно ли рассматривать осведомленность турецких властей о прохождении им курса подготовки РПК в качестве основания того, что по возвращении в Турцию ему лично будет явно угрожать применение пыток.

9.2 Заявитель объясняет несоответствия между своим первым и последующими утверждениями для немецких властей тем, что, согласно Закону о процедуре подачи и рассмотрения ходатайств о предоставлении убежища 1982 года (заменен в 1992 году), его первые показания в иммиграционной полиции носили предварительный характер. По словам полицейского переводчика, они должны были ограничиваться одной страницей рукописного текста и содержать общее изложение причин подачи ходатайства о предоставлении убежища. В письме своего представителя от 7 февраля 1991 года, а также в ходе собеседования, состоявшегося 5 мая 1991 года, заявитель подробно разъяснил, что после прохождения военной службы он стал сторонником РПК и был арестован совместно с другими активистами РПК в ходе демонстрации. В письме говорилось также, что после ареста сотрудники полиции подвергли его и других лиц пыткам с целью получить информацию о других сторонниках РПК.

9.3 Заявитель напоминает, что от жертв пыток редко требуют абсолютной точности; его показания в ходе первого рассмотрения ходатайства о предоставлении убежища не следует использовать в качестве основания для того, чтобы ставить под сомнение правдоподобность его последующих утверждений.

9.4 Касаясь второго рассмотрения ходатайства об убежище, заявитель отмечает, что в своем решении от 18 июня 2002 года Административный суд Франкфурта сам признал дилемму, стоявшую перед заявителем, который не мог раскрыть факт своего членства в РПК, не подвергшись уголовным преследованиям в Германии. Поэтому его расчет на то, что он может быть признан в качестве беженца не на основе его членства в РПК, а на основе участия в блокировании автомагистрали, был вполне правдоподобным и согласовался с судебной практикой, преобладавшей на момент рассмотрения его дела в

Административном суде Висбадена и состоявшей в том, что ищущие убежище курды, которые участвовали в блокировании дорог под эгидой РПК, обычно получали статус беженцев.

9.5 Касаясь прекращения подготовки в рядах РПК после завершения курса в Нидерландах, заявитель ссылается на письмо Международной ассоциации за права человека курдов (ИМК) от 16 февраля 2003 года, где подтверждается, что РПК действительно осуществляла подготовку бойцов в Нидерландах в 1989 году и что участники курсов зачастую получали распоряжение отправляться по домам и дожидаться дальнейших указаний или даже освобождались от обязанности проходить военную подготовку в Турции.

9.6 Признавая, что Комитет обычно требует доказательств членства в РПК, заявитель утверждает, что требование относительно представления доказательств следует применять разумно, учитывая исключительный характер обстоятельств. Он вновь указывает, что при оценке угрозы применения пыток, наличие которой должен обосновать заявитель, не следует применять критерий высокой степени вероятности; эта степень должна лежать где-то между возможностью и однозначной определенностью. Он отмечает, что его слова подтверждаются письменным заявлением и дополнительными письменными показаниями Ф.С. от 4 апреля 2003 года, где описывается, как на фестивале "Халим-Денер" заявитель был представлен в качестве будущего партизана. В заключение он указывает, что его утверждения являются достаточно достоверными, чтобы перенести бремя доказательства на государство-участник.

9.7 Заявитель ссылается на ряд постановлений немецких судов, в которых, по его словам, признается тот риск применения пыток, которому подвергаются лица, подозреваемые в причастности к РПК, в случае депортации в Турцию. И этот риск не становится меньше оттого, что он не участвовал в боевых действиях на стороне РПК. Наоборот, турецкая полиция попыталась бы, в том числе посредством пыток, получить от него информацию о других участниках, проходивших курс подготовки, и об активистах РПК в Германии и других европейских странах.

9.8 Заявитель повторяет, что турецким властям известно о том, что он проходил подготовку РПК, поскольку он был членом сравнительно небольшой группы будущих партизан. Он напоминает, что Комитет неоднократно констатировал, что членство в оппозиционном движении может привлечь внимание страны происхождения к заявителю и поставить его лично под угрозу применения пыток.

9.9 Ссылаясь на доклады различных организаций, и в частности Турецкого фонда прав человека, заявитель утверждает, что, несмотря на усилия нового турецкого правительства, предпринимаемые в целях вступления в Европейский союз, пытки в Турции по-прежнему

носят широко распространенный и систематический характер, особенно в отношении лиц, подозреваемых в том, что они являются членами РПК.

Дополнительное представление государства-участника и комментарии заявителя

10.1 29 октября 2003 года государство-участник оспорило достоверность утверждений заявителя и тот факт, что ему угрожает применение пыток в Турции. В своем представлении оно отмечает, что заявитель рассказал Федеральному агентству по признанию иностранных беженцев о предполагаемом применении жестоких пыток не 2 мая 1991 года, а лишь спустя восемь с половиной лет при рассмотрении апелляции. В связи с этим возникают серьезные сомнения в его искренности, которые дополняются еще и его неспособностью пояснить масштабы и степень активности проводимой им в ссылке политической деятельности в интересах РПК.

10.2 Государство-участник оспаривает обоснованность надежд заявителя на то, что он будет признан беженцем лишь вследствие его осуждения за участие в блокировании автомагистрали. Оно приводит два судебных решения, в соответствии с которыми просителям убежища было отказано в статусе беженца при аналогичных обстоятельствах.

10.3 Касаясь критерия доказанности, государство-участник утверждает, что в отличие от рассматриваемого случая заявители должны излагать факты по своему делу достоверно и доходчиво.

10.4 В заключение государство-участник заявляет, что положение в области прав человека в Турции значительно улучшилось. Правительство Турции продемонстрировало свое намерение упростить процедуру беспрепятственного возвращения бывших членов или сторонников РПК и обеспечить уважение их основных прав, приняв 29 июля 2003 года Закон о социальной реинтеграции. Кроме того, была существенно ограничена сфера применения статьи 169 Уголовного кодекса Турции, в результате чего было прекращено уголовное преследование многочисленных лиц, поддерживающих РПК. За последние три года не получено ни одного сообщения о том, что какой-либо не получивший статуса беженца проситель убежища, вернувшийся в Турцию из Германии, был подвергнут пыткам "в связи с его предыдущей деятельностью". Государство-участник указывает на то, что оно проконтролирует ситуацию, в которой окажется заявитель после его возвращения.

11.1 30 января 2004 года заявитель повторил, что несоответствия в его первом ходатайстве об убежище не имеют значения для оценки его новых утверждений в рамках второй процедуры. Его второе ходатайство об убежище основано на его участии в организованной РПК подготовке, а также на том, что об этом знают турецкие власти.

11.2 По мнению заявителя, государство-участник допускает, что члену РПК, прошедшему подготовку для выполнения руководящих функций в этой организации, может угрожать опасность после возвращения в Турцию. Соответственно, оно должно признать обоснованность его утверждения о том, что его деятельность в РПК и его представление в качестве будущего партизана создают для него такую опасность.

11.3 Касаясь причин позднего разглашения его участия в организованной РПК подготовке, заявитель повторяет, что с учетом единообразной практики административных судов земли Гессен, где он проживает, он имел основания надеяться на то, что его признают беженцем на основе его участия в блокировании автомагистрали. Иные решения административных судов в других районах государства-участника либо были приняты совсем недавно, либо были неизвестны ему на момент первого разбирательства ходатайства об убежище.

11.4 Заявитель утверждает, что в любом случае позднее разглашение упомянутой деятельности не подрывает его искренность в целом. Он ссылается на то, что сомнения должны трактоваться в его пользу, отмечая, что он достоверно и доходчиво представил достаточные доказательства в подтверждение своего участия в организованной РПК подготовке.

11.5 Касаясь общего положения в области прав человека в Турции, заявитель отмечает, что: a) вооруженный конфликт между турецкой армией и отрядами РПК/Кадек продолжается; b) по данным Турецкого фонда прав человека, в 2003 году количество выявленных случаев применения пыток возросло до 770; c) несмотря на сокращение максимальной продолжительности содержания без связи с внешним миром до четырех суток, пытки по-прежнему широко и систематически применяются, хотя такие их формы, как избиения и "палестинская виселица", были заменены на более скрытые методы, не оставляющие никаких следов, например на одиночное заключение или отказ в доступе к чистой питьевой воде и надлежащим санитарным условиям; d) ни одна из 20 жалоб на предполагаемое применение пыток, которые были представлены в 2003 году Группой Измирской адвокатской ассоциации по предотвращению пыток, расследована не была; и e) принятый в 2003 году Закон о социальной реинтеграции обязывает бывших членов РПК сообщать имеющуюся у них информацию о других членах РПК, и лица, которые отказываются сделать это, зачастую подвергаются со стороны властей жестокому обращению.

11.6 Заявитель делает вывод о том, что нет никаких достаточных гарантий того, что он не будет подвергнут пыткам после возвращения либо во время первых бесед в полиции, либо в том случае, если он откажется сотрудничать с турецкими властями, не согласившись сообщать информацию о РПК.

11.7 Основное разбирательство просьбы заявителя о повторном рассмотрении его ходатайства об убежище до сих пор продолжается в Административном суде Франкфурта. Поскольку это разбирательство не имеет приостанавливающего действия, оно не помешало бы его депортации, если бы Комитет решил отозвать просьбу о принятии временных мер. Поскольку маловероятно, что Административный суд Франкфурта распорядится повторно рассмотреть ходатайство заявителя об убежище после того, как он отклонил его просьбу о временной отсрочке, его высылку может предотвратить лишь окончательное решение Комитета с констатацией нарушения статьи 3.

Последующие замечания государства-участника

12.1 15 марта 2004 года государство-участник подтвердило, что Административный суд Франкфурта не принял решения по поданной заявителем апелляции на решение Федерального агентства от 6 февраля 2002 года не рассматривать повторно ходатайство об убежище и что эта апелляция не имеет никакого приостанавливающего действия. Хотя заявитель вправе подать новую просьбу о судебной отсрочке, подобная просьба будет иметь мало шансов на успех, если она не будет основана на новых фактах.

12.2 Государство-участник напоминает о том, что оно выполняет просьбу Комитета не высылать заявителя до принятия окончательного решения по его жалобе несмотря на окончательное отклонение его первого ходатайства об убежище, на отказ Федерального агентства повторно рассмотреть ходатайство об убежище и на отклонение Административным судом Франкфурта просьбы заявителя об отсрочке. В этом контексте государство-участник просит Комитет принять в ближайшее время решение по существу жалобы.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

13.1 Вопрос, стоящий перед Комитетом, состоит в том, стало бы принудительное возвращение автора в Турцию нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать или не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

13.2 Комитет должен решить, согласно пункту 1 статьи 3, имеются ли серьезные основания полагать, что по возвращении в Турцию автору будет угрожать применение пыток. При вынесении этого решения Комитет должен в соответствии с пунктом 2 статьи 3 принять во внимание все относящиеся к делу обстоятельства, включая существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. В этой связи Комитет принимает к сведению аргумент государства-участника о том, что правительство Турции приняло меры для улучшения положения в области прав человека, в частности приняв в 2003 году Закон о социальной

реинтеграции, прекратив уголовное преследование многочисленных лиц, поддерживающих РПК. Оно также принимает к сведению аргумент заявителя о том, что недавние законодательные изменения не привели к снижению числа выявленных случаев применения пыток в Турции (770 случаев в 2003 году) и далее ссылается на свои выводы и рекомендации в отношении второго периодического доклада Турции, в которых он выразил озабоченность по поводу "многочисленных и непрерывно поступающих сообщений о том, что в Турции, очевидно, до сих пор широко распространены пытки и другие жестокие, бесчеловечные или унижающие достоинство виды обращения с лицами, содержащимися под стражей в полицейских учреждениях"[c].

13.3 Вместе с тем цель данного определения состоит в установлении того, подвергнется ли заявитель лично риску применения пыток в Турции после своего возвращения. Даже если в Турции и существует постоянная практика грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека, ее существование как таковое не является достаточным основанием для определения того, что по возвращении в страну заявителю будет угрожать применение пыток; должны существовать конкретные основания, свидетельствующие о наличии риска, грозящего лично ему. В то же время отсутствие постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека не означает, что какому-либо лицу не может угрожать применение пыток с учетом его конкретных обстоятельств.

13.4 В данном случае Комитет отмечает, что государство-участник указало на недостаточность доказательств того, что заявитель проходил подготовку в лагере РПК в Нидерландах в 1994 году, и на то, что он сообщил об этом лишь на поздних этапах рассмотрения его ходатайства о предоставлении убежища. Кроме того, он принимает к сведению разъяснения заявителя относительно сложности отыскания свидетелей из рядов РПК, его опасения, связанные с раскрытием факта предполагаемого членства в РПК, наказуемого в соответствии с законодательством Германии, а также документацию и показания, представленные им в порядке обоснования своих утверждений.

13.5 Касаясь бремени доказательства, Комитет напоминает, что бремя аргументированного изложения дела, как правило, лежит на заявителе и что при оценке степени риска применения пыток должны анализироваться основания, выходящие за пределы одних лишь умозрительных предположений или подозрений. Хотя при оценке риска не следует брать за основу критерий высокой степени вероятности, Комитет считает, что заявитель не представил достаточно серьезных доказательств, которые оправдывали бы перенесение бремени доказательства на государство-участник. В частности, он отмечает, что показания Ф.С. лишь согласуются с утверждением заявителя о том, что на фестивале "Халим-Демер" он был представлен как "будущий партизан", но не подтверждают это утверждение, факт прохождения подготовки в учебном лагере или членство в РПК. Письмо Международной ассоциации за права человека курдов от 16 февраля 2003 года, в котором говорится, что не исключена вероятность того, что заявитель действительно был временно освобожден от прохождения

военной подготовки в рядах РПК в Турции, также не доказывает эти утверждения. В отсутствие убедительных доказательств того, что заявитель проходил подготовку в лагере РПК, Комитет приходит к заключению, что заявитель не имеет оснований надеяться на то, что в связи с этими утверждениями сомнения должны быть истолкованы в его пользу. Кроме того, Комитет отмечает, что он не правомочен высказываться по поводу норм доказывания, которыми руководствуются немецкие суды.

13.6 Касаясь осуждения заявителя в связи с участием в блокировании автомагистрали сторонниками РПК в марте 1994 года, Комитет считает, что даже если турецким властям и известно об этих событиях, то такое участие не может считаться видом деятельности, который мог бы сделать заявителя особенно уязвимым с точки зрения риска применения пыток, которым он мог бы подвергнуться по возвращении в Турцию.

13.7 Что касается утверждений заявителя о том, что после ареста он подвергался пыткам в полицейском участке в Мазгирте (Турция), Комитет отмечает, что эти утверждения касаются событий, происшедших в 1989 году, т.е. событий, не имевших место в недавнем прошлом[d]. Кроме того, заявитель не представил никаких медицинских свидетельств, которые подтверждали бы наличие возможных последствий или каким-либо иным образом подкрепляли его утверждения о том, что его пытали сотрудники турецкой полиции.

13.8 Комитет подчеркивает, что существенный вес должны иметь фактические обстоятельства, установленные немецкими властями и судами, и отмечает, что в Административном суде Франкфурта еще не завершено рассмотрение просьбы заявителя о возобновлении процедуры предоставления убежища. Вместе с тем с учетом того, что Высший административный суд Гессена принял окончательное решение об отклонении первого ходатайства заявителя об убежище, последние утверждения заявителя о его предполагаемом участии в организованной РПК подготовке не были достаточным образом подкреплены (см. пункт 13.5) для обоснования нового откладывания решения Комитета по его жалобе до получения результатов разбирательства в Административном суде Франкфурта. В этой связи Комитет отмечает, что обе стороны просили Комитет вынести окончательное решение по жалобе (см. пункты 11.7 и 12.2), и подчеркивает, что заявитель исчерпал внутренние средства правовой защиты в рамках процедуры предоставления временной отсрочки и что лишь эта часть второго разбирательства ходатайства об убежище имела приостанавливающее действие.

13.9 Комитет приходит к заключению, что в конкретных обстоятельствах данного дела заявитель не обосновал наличие прогнозируемой, реальной и личной угрозы подвергнуться пыткам в случае возвращения в Турцию. Комитет приветствует готовность государства-участника проследить за положением заявителя по его возвращении в Турцию и просит информировать Комитет о его ситуации.

14. Действуя в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, Комитет против пыток приходит к заключению, что решение государства-участника о возвращении заявителя в Турцию не является нарушением статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] *Джилали против Германии*, заявление № 48437/99; *Тиеме против Германии*, заявление № 38365/97; *Тейшлер против Германии*, заявление № 47636/99; *Тамель Адель Аллауи и др. против Германии*, заявление № 44911/98.

[b] См. статью 92 Закона о Федеральном конституционном суде.

[c] Комитет против пыток, тридцатая сессия (28 апреля - 16 мая 2003 года), "Выводы и рекомендации Комитета против пыток: Турция", документ Организации Объединенных Наций CAT/C/CR/30/5 от 27 мая 2003 года, пункт 5 a).

[d] См. Комитет против пыток, Замечание общего порядка 1: осуществление статьи 3 Конвенции в контексте статьи 22, 21 ноября 1997 года, пункт 8 b)

Сообщение № 215/2002

Представлено: Х.А.Г.В. (представлен адвокатом)

Предполагаемая жертва: Х.А.Г.В.

Государство-участник: Швеция

Дата представления сообщения: 22 июля 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 11 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение сообщения № 215/2002, представленной Комитету против пыток г-ном Х.А.Г.В. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв к сведению всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Автор жалобы - Х.А.Г.В., гражданин Колумбии, родившийся в 1962 году. В своей жалобе от 22 июля 2002 года он утверждает, что его депортация в Колумбию станет нарушением со стороны Швеции статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее - "Конвенция"). Он представлен адвокатом.

1.2 Государство-участник ратифицировало Конвенцию 8 января 1986 года, сделав тогда же заявление согласно статье 22 Конвенции. Конвенция вступила в силу для государства-участника 26 июня 1987 года.

1.3 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции 23 июля 2002 года Комитет передал данную жалобу государству-участнику, чтобы то изложило свои замечания, а также просил, в соответствии с пунктом 1 статьи 108 своих правил процедуры, приостановить высылку заявителя в Колумбию до завершения рассмотрения его обращения Комитетом. Тем не менее Комитет отметил, что эта просьба может быть пересмотрена с учетом новых доказательств, представленных государством-участником, или в силу гарантий и мер защиты, предлагаемых колумбийскими властями. 23 июля

2002 года заявитель был выслан в Колумбию. В своем письме от 30 октября 2002 года государство-участник сообщило, что оно не может удовлетворить просьбу Комитета, поскольку тогда, когда правительство получило его просьбу о принятии защитных мер, высылка уже была фактически произведена.

Факты, изложенные Комитету

2.1 Заявитель утверждает, что он состоял членом движения "Колумбийские революционные вооруженные силы" (КРВС), а также Объединенного профцентра трудящихся (ОПТ). Он утверждает, что на протяжении 90-х годов он неоднократно подвергался задержаниям и пыткам[a] сотрудниками колумбийской полиции, которые, как он утверждает, неоднократно избивали его, пытали его электрошоком в области гениталий, в результате чего он терял сознание, и клали ему на голову пластиковые пакеты с водой, закрывавшие ему нос и рот. Автор утверждает, что несколько раз ему удавалось совершить побег из тюрьмы.

2.2 Заявитель сообщает, что ему удалось выехать из Колумбии по поддельному паспорту, потому что он уже разыскивался полицией, и что 25 марта 1998 года под чужим именем он прибыл в Швецию.

2.3 26 мая 1998 года заявитель, назвавшись Селимо Торрес Ромеро, ходатайствовал о предоставлении ему постоянного вида на жительство в Швеции. Позднее, 24 июля 1998 года, под этим именем он был арестован в качестве подозреваемого по делу о торговле наркотиками. В ходе полицейского дознания вскрылось его настоящее имя.

2.4 24 сентября 1998 года районный суд Соллетуны приговорил заявителя к шести годам тюремного заключения и к высылке с территории страны, признав его виновным в торговле наркотиками[b]. Заявитель обжаловал приговор в апелляционном суде Свеи, который своим решением от 26 февраля 1999 года отклонил жалобу. В тот же день он был помещен в тюрьму, а 23 июля 2002 года он был условно освобожден из заключения.

2.5 Помимо этого 13 октября 1998 года под именем Хосе Анхель Груесо Варгас заявитель просил о предоставлении убежища. 25 марта 1999 года Миграционный совет Швеции отклонил ходатайство, посчитав, что он обратился с ним только тогда, когда был вынесен приговор, предусматривающий его высылку с территории Швеции. Заявитель обжаловал это решение в Апелляционном совете по делам иностранцев Швеции, который своим решением от 20 ноября 2000 года отклонил эту жалобу[c].

2.6 17 июля 2002 года заявитель подал жалобу в Европейский суд, которая была отозвана через несколько дней[d].

Жалоба

3.1 В своем первоначальном представлении заявитель утверждает, что его депортация в Колумбию станет нарушением Швецией статьи 3 Конвенции, поскольку в указанной стране ему грозит опасность вновь подвергнуться пыткам.

3.2 Заявитель утверждает, что решение об отказе в убежище, принятое шведскими властями, не было мотивировано, поскольку в нем лишь констатировалось, что правительство Колумбии осуществляет программы, которые могут обеспечить защиту г-на Груесо Варгаса, при этом не учитывается то, что заявитель подвергался пыткам в Колумбии. Кроме того, он утверждает, что шведские власти обосновывали свой отказ отсутствием доверия к сообщениям заявителя, который в подтверждение применения к нему пыток представил медицинские заключения.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В своих замечаниях от 30 октября 2002 года государство-участник утверждает, что необходимо отметить, что то же дело было представлено на рассмотрение другого международного механизма, поскольку заявитель подал жалобу еще и в Европейский суд по правам человека. Оно также сообщает, что заявитель решил отозвать свою жалобу, когда жалоба еще не была официально зарегистрирована, поскольку по этой процедуре не были приняты меры по его защите.

4.2 Государство-участник признает, что все внутренние средства защиты были исчерпаны, и тем не менее утверждает, что сообщение должно быть признано неприемлемым в силу положения подпункта b) пункта 5 статьи 22 Конвенции за недостаточной обоснованностью жалобы.

4.3 В случае же, если Комитет признает сообщение приемлемым, государство-участник утверждает, по существу жалобы, что выдворение заявителя в Колумбию не представляет собой нарушения статьи 3 Конвенции. Оно напоминает, что в соответствии с правовой практикой Комитета при применении статьи 3 Конвенции необходимо учитывать: a) общее положение с правами человека в данной стране и b) угрозу, которой подвергается сам заявитель в стране, в которую он высылается.

4.4 Государство-участник сообщает, что ему известно об общем положении с правами человека в Колумбии, и считает, что об этом не стоит чрезмерно распространяться, и поэтому ограничивается рассмотрением риска подвергнуться пыткам, существующего для самого заявителя по возвращении в Колумбию. Оно утверждает, что обстоятельства, изложенные заявителем, недостаточны в качестве доказательства того, что он столкнется с предсказуемой, реальной и личной опасностью подвергнуться пыткам в Колумбии, и в

этой связи ссылается на юриспруденцию Комитета, касающуюся толкования статьи 3 Конвенции[e].

4.5 Государство-участник также сообщает, что достоверность сообщений заявителя имеет чрезвычайную важность при принятии решения по ходатайству о предоставлении убежища и что органы страны, проводившие слушания, естественно, имеют все необходимое для того, чтобы оценить их достоверность. В этой связи государство-участник считает, что сведения, сообщенные заявителем Миграционному совету и Апелляционному совету по делам иностранцев, вызывают сомнения в их достоверности. Государство-участник подчеркивает, что заявитель ходатайствовал о предоставлении убежища через несколько дней после того, как районный суд Соллотуны признал его виновным в совершении преступления торговли наркотиками и постановил о его высылке с территории страны. Оно также указывает, что заявитель не сообщил своего настоящего имени, которое стало известно позднее в ходе следствия, а также что все это вместе взятое заставило миграционные власти не считать достоверными утверждения заявителя о том, что в случае его депортации в Колумбии ему грозит опасность подвергнуться пыткам.

4.6 По мнению государства-участника, нелогично, чтобы лицо, ходатайствующее о защите, рисковало своими отношениями с этой новой страной, совершив преступление, которое, к тому же, было совершено через три месяца после его въезда в Швецию. Оно также отмечает, что судебные органы признали его виновным и что в соответствии с данными полицейского дознания заявитель купил кокаин в Колумбии до выезда из этой страны и что указанный наркотик был ввезен в Швецию его племянником. По мнению государства-участника, такое поведение несовместимо с поиском убежища.

4.7 Государство-участник считает, что заявитель не представил каких бы то ни было доказательств своей политической деятельности в Колумбии, о которой он говорит. Согласно представленным ему данным, заявитель привлекался в Колумбии к ответственности за ограбление, а ранее он не сообщал шведским миграционным органам о том, что он подвергался пыткам и, соответственно, о продолжительности и местах его заключения. Государство-участник утверждает, что единственные представленные им доказательства - акты медицинского освидетельствования, в которых, однако, лишь указывается возможность того, что заявитель подвергался пыткам.

4.8 В другом письме от 8 июля 2003 года государство-участник сообщает Комитету, что от колумбийских властей оно получило материалы, из которых следует, что после его возвращения заявитель был задержан на непродолжительное время за преступление "побега из-под стражи" и что, кроме того, он проходит подозреваемым по нескольким другим делам о преступлениях, не имеющих какого бы то ни было политического характера.

Замечания заявителя относительно аргументов государства-участника

5.1 Своим письмом от 17 апреля 2003 года адвокат заявителя изложил комментарии к замечаниям государства-участника. Он сообщает, что ему не удалось получить доказательств, касающихся политической деятельности заявителя, как и актов пыток, которым тот подвергался в Колумбии[f].

5.2 Заявитель утверждает, что г-жа Карин Берг, жена автора, один раз приезжала к нему после его депортации и ареста в Колумбии. Кроме того, он представил копию данных колумбийскому суду показаний Эктора Москеры, который в 1994 году заявил о том, что он подвергался пыткам. Адвокат утверждает, что Эктор Москера - и есть заявитель[g].

5.3 Заявитель сообщает, что по его прибытии в аэропорт Боготы он был арестован и что 30 июля 1999 года, когда он находился в Швеции, 3-й окружной суд по уголовным делам Картаго приговорил его к восьми месяцам тюремного заключения за "побег из-под стражи", что доказывает то, что он подвергался преследованиям. Он также сообщает, что он выехал под чужим именем из-за страха быть арестованным колумбийскими властями, а также что он не совершал преступления, за которое он был судим и приговорен к наказанию в Швеции.

5.4 Заявитель сообщает, что в соответствии с шведским законодательством, если международная организация ходатайствует о применении мер защиты, исполнение меры высылки должно быть приостановлено. Он также указывает, что его адвокат уведомил власти государства-участника о тех мерах защиты, о применении которых было направлено ходатайство Комитету, и что процедура высылки не завершается до тех пор, пока иностранец не принят властями страны, в которую он высылается. Поэтому высылка могла быть приостановлена в момент остановки по пути следования в Мадриде.

5.5 Автор также сообщает, что, когда он был депортирован, он действительно подвергался реальному и затрагивающему его лично риску подвергнуться пыткам в Колумбии и что если этого не произошло, то только из-за обстоятельств дела, таких, как полученная им активная помощь, равно как и меры, принятые в международном плане, для того чтобы привлечь к этому делу внимание государства-участника[h]; поэтому он был освобожден из-под стражи сравнительно быстро, однако эта опасность сохраняется и нельзя исключать того, что он все еще может быть подвергнут преследованиям. Он утверждает, что в настоящее время он боится, что военизированные группы схватят его и подвергнут его пыткам или убьют его.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любые утверждения, содержащиеся в той или иной жалобе, Комитет против пыток должен решить, является ли жалоба приемлемой по

статье 22 Конвенции. В этой связи Комитет отмечает сообщение государства-участника о том, что жалоба заявителя должна быть признана неприемлемой в силу того, что она уже была направлена Европейскому суду по правам человека. В этой связи Комитет отмечает, что жалоба была отозвана до рассмотрения этим органом. Поэтому Комитет считает, что положения подпункта a) пункта 5 статьи 22 Конвенции не препятствуют рассмотрению сообщения.

6.2 Комитет далее отмечает, что государство-участник признает факт исчерпания внутренних средств правовой защиты и поэтому считает, что нет никаких препятствий для признания приемлемости жалобы. Поэтому он объявляет жалобу приемлемой и приступает к ее рассмотрению по существу.

7.1 Комитет рассмотрел жалобу в свете всей информации, представленной сторонами в соответствии с положениями пункта 4 статьи 22 Конвенции.

7.2 Комитет должен решить, является ли депортация заявителя в Колумбию нарушением предусмотренного в статье 3 Конвенции обязательства государства-участника не высылать и не возвращать какое-либо лицо другому государству, если существуют серьезные основания полагать, что ему может угрожать там применение пыток.

7.3 Комитет должен определить, имеются ли обоснованные мотивы полагать, что заявитель мог лично сталкиваться с опасностью быть подвергнутым пыткам по возвращению в Колумбию. Для того чтобы сделать такой вывод, Комитету необходимо в соответствии с положениями пункта 2 статьи 3 Конвенции принять к сведению все имеющие отношение к делу соображения, в том числе существование в данном государстве постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Тем не менее Комитет напоминает, что цель заключается в установлении того, имелась ли опасность лично для данного лица быть подвергнутым пыткам в стране по возвращении в нее. Из этого вытекает, что существование в данной стране постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека как таковое не служит достаточным основанием признания наличия опасности того, что данное лицо будет подвергнуто пыткам по возвращении в эту страну; должны иметься и другие мотивы, указывающие, что именно данное лицо подвергается этой опасности. Равным образом отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что данному лицу не угрожает применение пыток в его конкретных обстоятельствах.

7.4 В данном случае Комитет принимает к сведению замечания государства-участника о том, что заявитель не подтвердил своего участия в политической деятельности в Колумбии и что лично он не сталкивался с реальной опасностью быть подвергнутым пыткам, в том числе в свете полученных сообщений колумбийских властей, из которых следовало, что заявитель был задержан на непродолжительное время и отмечает

отсутствие свидетельств того, что по возвращении в Колумбию он подвергся пыткам. Кроме того, Комитет отмечает, что, как сообщил его адвокат, в настоящее время заявитель находится на свободе, будучи условно освобожден из-под стражи.

7.5 Комитет также отмечает обстоятельства, побудившие власти государства-участника усомниться в необходимости обеспечения защиты заявителя. Кроме того, как представляется, заявитель не представил достаточных доказательств того, что он подвергался пыткам в Колумбии[i]. Ввиду вышеизложенного Комитет считает, что информация, представленная заявителем, не подтверждает наличия достаточных оснований считать, что по возвращении в Колумбию лично ему угрожает там применение пыток.

8. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что заявитель не обосновал своих утверждений о том, что в случае его возвращения в Колумбию ему будет угрожать применение пыток, и в силу этого заключает, что его депортация в эту страну не являлась нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Примечания

[a] Ни в своем первоначальном сообщении, ни в своих последующих замечаниях заявитель не сообщает ни дат, ни мест, в которых он подвергался таким пыткам.

[b] Преступление состояло в контрабанде килограмма кокаина из Колумбии в Швецию с целью его продажи на территории государства-участника.

[c] Шведский Апелляционный совет по делам иностранцев также установил, что заявитель въехал на территорию Швеции по подложным документам и под этим чужим именем ходатайствовал в 1998 году о предоставлении разрешения на работу, утверждая, что у него имеются близкие отношения с женщиной-шведкой, притом что заявитель был женат и имел семью в Колумбии. По мнению Совета, все это существенно подрывало достоверность его утверждения о необходимости его защиты государством-участником.

[d] Дата не указывается.

[e] *С.М.Р. и М.М.Р против Швеции*, сообщение № 103/1998, решение, принятое 5 мая 1999 года, пункты 9.7 и 9.4; *С.Л. против Швеции*, сообщение № 150/1999, решение, принятое 11 мая 2001 года, пункт 6.4.

[f] В конце своего письма адвокат заявителя указывает, что это сообщение может быть дополнено новой информацией, которая, однако, так и не поступила от него по настоящий момент.

[g] [Заявитель направил копию объявления о розыске, разосланного администрацией колумбийской тюрьмы, однако секретариат имеет сомнения относительно его подлинности.]

[h] 24 июля 2002 года Специальный докладчик по вопросу о пытках направил правительству Колумбии просьбу об уделении неотложного внимания делу заявителя.

[i] [Примечание: только медицинские справки.]

Сообщение № 228/2003

Представлено: Т.М. (представлен адвокатом г-жой Гуннель Стенберг)

Предполагаемая жертва: Т.М.

Государство-участник: Швеция

Дата представления жалобы: 6 марта 2003 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 18 ноября 2003 года,

завершив рассмотрение жалобы № 228/2003, представленной Комитету против пыток г-ном Т.М. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему автором жалобы, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение Комитета в соответствии со статьей 22 Конвенции

1.1 Заявителем является г-н Т.М., гражданин Бангладеш, 1973 года рождения, который на момент представления жалобы ожидал высылки из Швеции в Бангладеш. Он утверждает, что его высылка в Бангладеш будет представлять собой, с учетом конкретных обстоятельств, нарушение Швецией статей 2, 3 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

Факты в изложении автора

2.1 Заявитель въехал в Швецию 26 сентября 1999 года и сразу же обратился с просьбой о предоставлении убежища. Во время собеседования в Иммиграционном совете, проведенного в тот же день, он заявил, что в 1991 году стал членом Бангладешской партии свободы (далее "БПС"), которая предположительно является нелегальной политической партией, и в 1994 году начал активную деятельность, выражавшуюся в организации митингов и демонстраций и участии в них. Он заявил, что в 1997 году после того, как его освободили под залог три дня спустя после ареста за незаконное хранение

оружия, он ушел в подполье и скрывался в течение двух лет. Когда политическая ситуация ухудшилась, он обратился к человеку, занимавшемуся контрабандой людьми, с тем чтобы тот помог ему выехать из Бангладеш.

2.2 29 сентября 1999 года Иммиграционный совет провел вторую беседу с заявителем, в ходе которой последний утверждал, что с 1994 по 1997 годы он являлся секретарем партийной организации города Дакки. По его словам представители правительства подвергают членов партии преследованиям и жестокому обращению и что он тоже, будучи известным партийным деятелем, подвергался преследованиям. Он заявил, что в 1997 году был ложно обвинен в убийстве, хранении оружия и взяточничестве. По его словам, будучи арестованным, он подвергался пыткам, его били ногами и дубинками, и он продолжает страдать от полученной в результате этого травмы спины. Усилиями партии он был освобожден под залог, после чего стал скрываться за пределами Дакки. Он утверждает, что не знает, был ли он признан виновным в совершении преступлений, в отношении которых ему были предъявлены обвинения. В последующих письменных представлениях и с целью прояснить "недоразумения" адвокат заявителя отметил, что вышеуказанная партия была легальной, но, поскольку правительство препятствовало ее деятельности, она действовала в подполье. По утверждению адвоката, обвинения во взяточничестве на самом деле были обвинениями в незаконном вымогательстве денег заявителем - обвинениями, которые были выдвинуты полицией под давлением со стороны правящей в то время партии "Народная лига".

2.3 8 октября 1999 года Иммиграционный совет отклонил его заявление, обнаружив множество проблем, связанных с достоверностью представленной документации, а также отметил тот факт, что заявитель не сообщил данных о своей личности. Что касается существа заявления, то было указано, что БПС была в Бангладеш вполне законной партией, а заявитель не занимался какой-либо запрещенной политической деятельностью. Зная о некоторых политически мотивированных обвинениях, Совет пришел к выводу о том, что система уголовного правосудия в Бангладеш тем не менее обеспечивает достаточные гарантии справедливого судебного разбирательства любых уголовных обвинений. Совет отметил, что заявитель был освобожден после трех дней лишения свободы, не смог представить каких-либо документальных свидетельств в поддержку своих утверждений о том, что против него были выдвинуты обвинения, и сообщил весьма расплывчатые сведения относительно каких-либо судебных дел, возбужденных после его освобождения. Поэтому он пришел к выводу о том, что заявитель не привел каких-либо оснований, позволяющих полагать, что он находился под угрозой наказания по политическим мотивам.

2.4 Заявитель обжаловал это решение в Апелляционном совете по делам иностранцев, представив документы, которые, по его утверждениям, являлись копиями четырех судебных протоколов, направленных его бангладешским адвокатом, и заявление, изложенное в письме от 16 октября 1999 года, согласно которому в отношении заявителя

все еще продолжалось заочное судебное разбирательство, а автор заявления был назначен "адвокатом подсудимого". В заявлении также утверждалось, что политическая ситуация в Бангладеш является критической, что полиция разыскивает заявителя с целью его ареста, а члены Народной лиги покушаются на его убийство. Заявитель представил документ от 14 октября 1999 года, который был охарактеризован как справка БПС от "секретаря отделения" Центрального исполнительного комитета партии, где говорилось о том, что заявитель находился под арестом и подвергался пыткам в течение трех дней, что его жизнь находится под угрозой и что его "могут убить правительственные головорезы, если [он] вернется домой".

2.5 10 декабря 1999 года Апелляционный совет по делам иностранцев отклонил его апелляцию, отметив, что принадлежать к БПС, легальной партии, деятельность которой не запрещена, и ее поддержка не являются основаниями для предоставления убежища. Равным образом и ситуация в Бангладеш не являлась такой, чтобы преследование со стороны частных лиц осуществлялось при поддержке властей или чтобы власти из-за отсутствия желания, или возможности не принимали соответствующие меры против такого преследования. Что касается якобы выдвинутых ложных обвинений, то Совет, основываясь на своем знании судебной системы Бангладеш, пришел к выводу о том, что дело заявителя было бы урегулировано на приемлемых и законных основаниях. Что касается утверждения о жестоком обращении после ареста, то Совет согласился с тем, что полиция могла осуществлять подобные действия, но при этом он отверг довод о том, что такие действия были санкционированы правительством или властями, что ставило бы вопрос об угрозе преследований или жестокого обращения в случае возвращения. После вынесения Апелляционным советом своего решения заявитель стал скрываться, пока не был обнаружен и задержан 4 марта 2003 года.

2.6 20 декабря 2002 года заявитель вновь обратился в Апелляционный совет по делам иностранцев, утверждая, что во время его ареста в январе 1997 года он подвергался различным формам жестоких пыток, получив вследствие этого физические и психические травмы. После его отъезда члены Народной лиги якобы угрожали его семье. В случае возвращения он будет арестован и, с учетом предположительно широко распространенной практики пыток при проведении уголовных расследований, "весьма маловероятно", что ему удастся избежать такого обращения. В результате пыток, которым он якобы подвергался, он страдает от синдрома посттравматического стресса (СПТС) в такой степени, что в случае возвращения возникнет "большая опасность" того, что он покончит жизнь самоубийством. Он представил справки от психиатра о состоянии своего психического здоровья, а также подробные заключения судебных медиков, сделанные в Швеции, в которых говорилось, что в 1997 году заявитель подвергался пыткам.

2.7 16 января 2003 года Совет отклонил это заявление на основании содержащихся в статье 3 Конвенции норм и Замечания общего порядка Комитета относительно их применения. Он отметил, что заявитель ждал три года после того, как распоряжение о его

высылке стало окончательным, прежде чем подать первую жалобу по поводу актов пыток во время его содержания под стражей в 1997 году. Вместе с тем, руководствуясь принципом возложения частичного бремени доказывания, он заключил, что медицинские свидетельства подтверждают утверждение о применении пыток. Что касается вопроса о существовании угрозы пыток в настоящее время, то Совет пришел к выводу о том, что по прошествии шести лет и с учетом неспособности заявителя доказать, что он все еще разыскивается властями Бангладеш, а также того факта, что партия, которая предположительно подвергала его преследованиям, потеряла власть, в данный момент нет оснований опасаться такого обращения. Что касается состояния его здоровья, то Совет отметил, что он никогда ранее не жаловался на вдруг возникшие психологические проблемы, а также не представил свидетельств того, что в Швеции он обращался за помощью к какому-либо психиатру. Поэтому, по его мнению состояние его психического здоровья главным образом объясняется его неустроенностью в Швеции, что является результатом его отказа подчиниться распоряжению о высылке и продолжающегося нелегального присутствия в стране.

2.8 4 марта 2003 года заявитель был арестован, после того как в полицию поступило сообщение о том, что он совершил поджог психиатрической клиники, в которую он обратился для прохождения лечения. Утром 7 марта 2003 года Комитетом была получена жалоба. Позднее, 7 марта 2003 года, его защитница сообщила, что заявитель был вывезен из Швеции в тот же день во второй половине дня, не имея при себе медикаментов для лечения психических заболеваний и без необходимой одежды. Она утверждала, что накануне вечером заявитель пытался покончить с собой пластмассовым ножом.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что в случае возвращения он будет подвергнут пыткам и что его возвращение будет нарушением статей 2, 3 и 16 Конвенции. Он утверждает, что по возвращении он будет арестован и подвергнут длительному судебному разбирательству и что на это не повлияла смена правительства, в частности потому, что никакой амнистии объявлено не было. Заявитель ссылается на доклад по правам человека государственного департамента Соединенных Штатов Америки за 2001 год, неуточненные доклады "Международной амнистии" и последний доклад министерства иностранных дел Швеции, которые касаются общего положения в области прав человека в Бангладеш; тем самым он подтверждает тезис о том, что полиция регулярно и безнаказанно прибегает к пыткам при проведении расследований и что поэтому над ним нависнет "очень серьезная угроза" подвергнуться пыткам в случае возвращения и ареста. Он утверждает, что лишь в исключительных случаях сотрудники полиции подвергаются наказаниям за применение пыток. В качестве доказательства "почти полной безнаказанности", которой пользуются сотрудники полиции, и предполагаемого нежелания страны уважать свои обязательства по Конвенции он ссылается на некий указ об освобождении от наказания в отношении

деяний, совершенных военнослужащими вооруженных сил в период с 16 октября [предположительно 2002 года] по 24 января 2003 года.

3.2 Заявитель также утверждает, что его выдворение из Швеции в обстоятельствах, описанных в пункте 2.8 выше, нарушает статью 16 Конвенции.

3.3 Заявитель утверждает, что этот же вопрос не был представлен для рассмотрения в рамках другой процедуры международного расследования или урегулирования.

Замечания государства-участника относительно приемлемости и существа жалобы

4.1 В своем письме от 12 мая 2003 года государство-участник оспорило приемлемость и существо жалобы. Соглашаясь с тем, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны, оно тем не менее заявляет, что, с учетом представлений по существу дела, заявитель не обосновал для целей приемлемости свои утверждения по смыслу статьи 3. Что касается утверждения о том, что его высылка, кроме того, станет нарушением статей 2 и 16, то государство-участник отмечает, что в статье 2 содержится требование о том, чтобы каждое государство-участник принимало эффективные меры для предупреждения актов пыток, и что высылка не может рассматриваться как акт, умышленно причиняющий боль или страдания такой степени тяжести, чтобы он подпадал под содержащееся в статье 1 определение пытки для одной из перечисленных там целей. Таким образом, данное утверждение несовместимо с положениями Конвенции, недостаточно обосновано для целей приемлемости, а сам заявитель не имеет достаточного статуса жертвы для того, чтобы направлять такую жалобу. Что касается статьи 16, то государство-участник ссылается на правовую практику Комитета в отношении того, что обязательство, касающееся недопущения принудительного возвращения, не распространяется на такие ситуации, в которых опасность жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения[a] может существовать, и поэтому считает данное утверждение несовместимым с положениями Конвенции.

4.2 Что касается отдельного утверждения о том, что особые обстоятельства высылки заявителя явились нарушением статьи 16 с учетом его физического и психического состояния, то государство-участник ссылается на традиционный довод в пользу того, что цель настоящей статьи заключается в защите лиц, лишенных свободы или находящихся под фактической властью или контролем лица, несущего ответственность за обращение или наказание. Поскольку заявитель не может быть жертвой в этом смысле, данная статья неприменима. Кроме того, на основании причин, которые раскрываются ниже, это заявление также является недостаточно обоснованным для целей приемлемости.

4.3 По существу дела государство-участник заявляет, что, учитывая общую ситуацию в области прав человека в Бангладеш и представленные свидетельства, заявителю не удалось доказать наличие личной и серьезной опасности подвергнуться пыткам по смыслу

определения, содержащегося в статье 1, вследствие чего его высылка противоречила бы статье 3. Что касается общей ситуации, то государство-участник согласно с тем, что она проблематична, но указывает на то, что в более длительной перспективе она постепенно улучшается. После того, как в 1991 году было введено демократическое правление, никаких сообщений о систематических преследованиях инакомыслящих не поступало, а правозащитным группам, как правило, разрешается заниматься своей деятельностью. Националистическая партия Бангладеш (НПБ) вернулась к власти (после того, как она удерживала власть с 1991 по 1996 год и находилась в оппозиции к Народной лиге с 1996 по 2001 год) после выборов, состоявшихся 1 октября 2001 года, которые были объявлены свободными и справедливыми. Вместе с тем насилие является неотъемлемым элементом политической жизни, когда сторонники различных партий организуют столкновения во время митингов, а полиция, согласно сообщениям, часто прибегает к произвольным арестам и применяет насилие во время допросов. Случаи пыток редко становятся объектом расследований, и полиция, сотрудники которой якобы используются правительством в политических целях, неохотно проводит расследования в отношении лиц, связанных с правительством. Если суды низшей инстанции поддаются давлению со стороны органов исполнительной власти, то суды высшей инстанции в целом независимы, и в делах, получающих широкую огласку, выносят решения против правительства. Случаи заочного судопроизводства иногда имеют место, хотя права на повторное слушание дела в случае возвращения соответствующего лица не существует.

4.4 В 2002 году члены Апелляционного совета по делам иностранцев государства-участника посетили Бангладеш, где они встречались с адвокатами, членами парламента и органов исполнительной власти, представителями местных посольств и международных организаций и не обнаружили свидетельств какого-либо институционального преследования. Хотя политические активисты могут подвергаться арестам и преследованиям со стороны полиции, политические преследования представляют собой редкое явление на низовом уровне. Судебные дела, основанные на ложных обвинениях, возбуждаются часто, но они направлены, главным образом, против партийных лидеров. Преследований можно избежать, переехав в другой район страны. Государство-участник отмечает, что Бангладеш является участницей Конвенции и с 2001 года - Международного пакта о гражданских и политических правах.

4.5 Обращаясь к реальной, личной и предсказуемой угрозе применения пыток, которой заявитель может подвергнуться по смыслу статьи 3 в случае возвращения, государство-участник указывает, что его органы власти прямо применяют соответствующие положения Конвенции. Кроме того, компетентные органы находятся в преимущественном положении при оценке подаваемых заявлений, особенно с учетом опыта, накопленного в процессе положительного рассмотрения 629 из 1 427 дел по статье 3 за более чем 10-летний период. Поэтому решения Иммиграционного совета и Апелляционного совета по делам иностранцев, с аргументацией которых государство-участник согласно, следует учитывать. Ссылаясь на правовую практику Комитета,

государство-участник подчеркивает, что имевших место в прошлом случаев пыток недостаточно для установления того, что в будущем в нарушение статьи 3 может существовать опасность применения пыток.

4.6 Государство-участник отмечает, что, по утверждению самого заявителя, ложные обвинения против него и злоупотребления со стороны полиции явились следствием мощного правительственного давления. Предполагаемые пытки имели место более шести лет назад, а с января 1997 года заявитель не проявлял политической активности. С учетом того, что политическая обстановка в Бангладеш значительно изменилась после того, как заявитель прибыл в Швецию, особенно в связи с поражением правительства Народной лиги на выборах 2001 года и его заменой "Лигой анти-Авами", куда вошли партия заявителя (БПС) и еще одна партия, между которыми установились хорошие отношения, в настоящее время нет оснований подозревать, что к заявителю будет проявлен интерес, мотивированный политическими соображениями. Даже если бывшие оппоненты и попытаются найти его, любое жестокое обращение с их стороны будет результатом действий частных сторон, осуществляемых без согласия или попустительства государства, а поэтому не будет подпадать под действие статьи 3.

4.7 Что касается "судебных протоколов" и заявления, поданного в Апелляционный совет по делам иностранцев, то государство-участник отмечает, что оно не может установить, являются ли они обоснованным доказательством факта возбуждения против заявителя в 1997 году судебного разбирательства, которое продолжалось до октября 1999 года. Не было представлено никаких доказательств, позволяющих предположить, что это дело, возбужденное в период нахождения у власти Народной лиги, продолжается до сих пор. Даже и в этом случае это не являлось бы доказательством наличия реальной и непосредственной угрозы подвергнуться пыткам, и общее положение в области прав человека не указывает на то, что ipso facto все лица, подлежащие аресту по возвращении в Бангладеш на основании уголовных обвинений, подвергаются серьезной угрозе применения пыток. Таким образом, учитывая значительные изменения личных обстоятельств заявителя и обстановки в его стране после 1997 года, ему не удалось привести необходимые доводы согласно Конвенции в подтверждение того, что его высылка нарушила его права по статье 3.

4.8 Что касается утверждений в соответствии со статьями 2 и 16, если они будут признаны приемлемыми Комитетом, то государство-участник ссылается на два дела, в которых фигурировали медицинское подтверждение СПТС и заявление о том, что состояние здоровья является препятствием для высылки. В деле *Г.Р.Б. против Швеции* Комитет пришел к выводу о том, что ухудшение состояния здоровья, возможно вызванное депортацией, не было равносильно приписываемому государству-участнику обращению, запрещенному статьей 16, тогда как в деле *С.В. против Канады* Комитет посчитал заявление недостаточно обоснованным[b]. Государство-участник ссылается на правовую практику Европейского суда по правам человека в отношении аналогичных положений, в

соответствии с которыми жестокое обращение должно соответствовать минимальному уровню жестокости, и утверждает, что существует высокий порог, не позволяющий говорить о том, что в данном деле можно поднимать вопрос об ответственности государства-участника за причинение ущерба. В настоящем деле нет никаких исключительных обстоятельств, в связи с которыми приведение в исполнение распоряжения о высылке позволяло бы ставить такие вопросы.

4.9 Государство-участник отмечает, что медицинские справки, представленные заявителем, подтверждают диагноз СПТС, причем в заключении от 16 декабря 2002 года, предположительно сделанном на основе осмотра, проведенного 31 июля 2002 года, говорится о том, что заявитель находился в глубокой депрессии и имел суицидальные настроения. Однако 29 октября 2002 года степень этой угрозы самоубийства была признана "трудно поддающейся оценке". Государство-участник отмечает, что вопросы психического здоровья были впервые подняты в новом заявлении о предоставлении вида на жительство, поданном в декабре 2002 года, три года спустя после прибытия заявителя и через два года после его побега; это позволяет предположить, что ухудшение его психического состояния явилось результатом отказа во въезде в Швецию и его неустроенности и незаконного характера пребывания в стране. Согласно имеющейся информации, он не пытался получить и не получал никакой регулярной медицинской помощи и не подвергался психиатрическому лечению. Нельзя также говорить о том, что медицинскую помощь, в которой, как утверждается, он нуждается, невозможно получить в Бангладеш. Даже если его утверждение о том, что он боится вернуться в Бангладеш, поскольку страдает от СПТС, и имеет отношение к оценке по смыслу статьи 16, с чем государство-участник не согласно, заявителю не удалось убедительно обосновать это опасение.

Замечания заявителя по представлениям государства-участника

5.1 В письме от 15 мая 2003 года адвокату предполагаемой жертвы было предложено изложить свои замечания по представлениям государства-участника в течение шести недель и указано, что если это не будет сделано, то Комитет будет рассматривать данное дело на основе имеющейся у него информации. Никаких замечаний такого характера получено не было.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в жалобе, Комитет против пыток должен решить, являются ли они приемлемыми или неприемлемыми по смыслу статьи 22 Конвенции. В соответствии с требованием, содержащимся в пункте 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования. Комитет также

отмечает, что государство-участник согласно с тем, что внутренние средства правовой защиты были исчерпаны.

6.2 Поскольку заявитель утверждает, что государство-участник нарушит статьи 2 и 6, подвергая его угрозе возможного жестокого обращения в Бангладеш, Комитет отмечает, что сфера действия обязательства о недопущении принудительного возвращения, закрепленного в статье 3, не распространяется на виды обращения, предусматриваемые статьей 16. Таким образом, утверждения по смыслу статей 2 и 16 относительно высылки заявителя являются неприемлемыми ratione materiae. Кроме того, что касается утверждения по смыслу статьи 16 относительно обстоятельств высылки заявителя, то Комитет, ссылаясь на свою правовую практику, отмечает, что ухудшения состояния физического или психического здоровья того или иного лица в результате депортации, за неимением других факторов, как правило, недостаточно для того, чтобы представлять собой унижающее достоинство обращение в нарушение статьи 16[c]. В отсутствии исключительных обстоятельств и с учетом того факта, что адвокат не возразил на аргумент государства-участника о том, что ему не были представлены доказательства того, что заявителю в Бангладеш не могла быть оказана надлежащая медицинская помощь, Комитет считает, что последнему не удалось в достаточной мере обосновать это утверждение для целей приемлемости, вследствие чего оно должно быть признано неприемлемым.

6.3 Что касается утверждения заявителя относительно пыток по смыслу статьи 3 для целей признания приемлемости, то Комитет считает, что, в свете информации заявителя о применявшихся к нему ранее пытках, он обосновал свою жалобу, которая в случае ее подтверждения по существу станет свидетельством нарушения статьи 3. При отсутствии каких-либо других препятствий для признания приемлемости данной жалобы Комитет переходит к рассмотрению ее существа.

7.1 Вопрос, стоящий перед Комитетом, заключается в том, чтобы установить, является ли возвращение заявителя в Бангладеш нарушением обязательства государства-участника по статье 3 Конвенции не высылать и не возвращать какое-либо лицо в другое государство, если существуют серьезные основания полагать, что там ему может угрожать применение пыток.

7.2 Комитет должен установить наличие существенных оснований для того, чтобы считать, что по возвращении в Бангладеш заявителю будет угрожать применение пыток. При оценке такой опасности Комитет должен принять в расчет все соответствующие соображения по смыслу пункта 2 статьи 3 Конвенции, включая существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых нарушений прав человека. Однако Комитет отмечает, что цель такой оценки состоит в том, чтобы установить, будет ли данному лицу лично угрожать применение пыток в стране, в которую оно вернется. Из этого следует, что существование постоянной практики грубых, вопиющих и массовых

нарушений прав человека в той или иной стране само по себе не является достаточным основанием полагать, что соответствующее лицо окажется под угрозой применения к нему пыток по возвращении в эту страну; для доказательства наличия личной угрозы должны существовать дополнительные основания. Аналогичным образом отсутствие постоянной практики грубых нарушений прав человека не означает, что тому или иному лицу не может угрожать применение пыток с учетом его конкретных обстоятельств.

7.3 В рассматриваемом деле Комитет отмечает, что Апелляционный совет по делам иностранцев согласился с (запоздалым) утверждением заявителя о том, что в январе 1997 года он подвергался пыткам. Однако Комитет отмечает, что дело заявителя было основано на утверждении о том, что против него, как политического активиста БПС, были выдвинуты ложные обвинения и что он явился жертвой насилия от рук полиции в результате политического давления со стороны органов находившегося тогда у власти правительства. Комитет отмечает, что эту практику подтверждают документы, полученные из нескольких источников. Однако с учетом того, что со времени предположительно имевших место пыток прошло шесть лет и, что еще важнее, того факта, что политическая партия заявителя в настоящее время входит в состав правительства Бангладеш, Комитет считает, что заявителю не удалось доказать, что во время его высылки существовали серьезные основания полагать, что ему угрожает реальная и личная опасность подвергнуться пыткам.

8. Комитет против пыток, действуя на основании пункта 7 статьи 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, считает, что заявителю не удалось обосновать свое утверждение о том, что по возвращении в Бангладеш он будет подвергнут пыткам, и поэтому приходит к выводу о том, что передача заявителя этой стране не является нарушением государством-участником статьи 3 Конвенции.

Особое мнение члена Комитета г-на Фернандо Мариньо Менендеса
(частично несогласное)

Я хотел бы заявить о своем несогласии с решением Комитета, объявившего эту жалобу неприемлемой ratione materiae на основании того, что утверждение заявителя о возможном нарушении статей 2 и 16, в случае его высылки, не имеет отношения к Конвенции (пункт 2 статьи 22).

С одной стороны, не следует оставлять без внимания тот факт, что высылка, причиняющая субъекту тяжелую боль или тяжкое страдание, будь то физическое или душевное, может само по себе явиться пыткой по смыслу статьи 1 Конвенции, если, например, она осуществляется в соответствии с дискриминационной политикой.

В любом случае правильной формой реагирования на утверждение о нарушении статьи 2 в рассматриваемой жалобе стало бы признание ее неприемлемой на основании того, что она является явно необоснованной (правила процедуры, правило 107 b)), в случае, если это было бы целью Комитета.

С другой стороны, высылка может сама по себе явиться жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видом обращения и наказания, и в этой связи Конвенция также налагает обязательства на государства-участники.

Другими словами, задача заключается не в том, чтобы лишь рассмотреть, каким образом государства соблюдают свои обязательства в соответствии со статьей 3 Конвенции, но в том, каким образом они соблюдают все свои обязательства в соответствии с договоренностью, главная цель которой заключается (шестой пункты преамбулы) в том, чтобы "повысить эффективность борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире".

Другое соображение связано с тем, что в соответствии с пунктом 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года при толковании договора наряду с контекстом следует учитывать "любые соответствующие международные нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками"; это положение имеет значение в той степени, в которой оно применяется к возможно существующим общим нормам международного права, запрещающим жестокое, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение.

Если придерживаться правовой практики Комитета по делу *Б.С. против Канады* (дело № 166/2000, решение, принятое 14 ноября 2001 года), то, по моему мнению, было бы более оправданно сделать вывод о том, что в жалобе подняты проблемы по существу, касающиеся возможного нарушения статьи 16, которые должны быть рассмотрены на этапе рассмотрения жалобы по существу, а не на этапе рассмотрения вопроса о приемлемости.

[Подпись]

Г-н Фернандо Мариньо Менендес

Примечания

[a] *Б.С. против Канады*, дело № 166/2000, решение принято 14 ноября 2001 года.

[b] Дело № 83/1997, решение принято 15 мая 1998 года, и дело № 49/1996, решение принято 15 мая 2001 года.

[c] Там же.

B. Решения о неприемлемости

Сообщение № 202/2002

Представлено: Хелле Йенсен (представлена адвокатом г-ном Тиге Триером и г-ном Бентом Соренсеном)

Предполагаемая жертва: Г-жа Хелле Йенсен

Государство-участник: Дания

Дата представления жалобы: 15 января 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 5 мая 2004 года,

завершив рассмотрение сообщения № 202/2002, представленного Комитету против пыток г-жой Хелле Йенсен в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявительницей, ее адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение о приемлемости:

1. Заявительницей является г-жа Хелле Йенсен, гражданка Дании, проживающая в настоящее время в северо-западной Зеландии. Она утверждает, что является жертвой нарушения пункта 1 статьи 1, а также статей 12 и 16 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Ее представляет адвокат.

Изложенные факты

2.1 29 апреля 1998 года заявительница была арестована у себя дома в северо-западной Зеландии, и ей было предъявлено обвинение в контрабандной торговле сигаретами в соответствии со статьей 289 датского Уголовного кодекса и подпунктом (2) статьи 73 (3) датского Закона о таможне. Позднее, в соответствии с подпунктом (1) статьи 191 (2) и

статьей 21 Уголовного кодекса, ей было также предъявлено обвинение в "попытке участия", выразившейся в согласии на "получение и распространение" гашиша.

2.2 30 апреля 1998 года заявительница предстала перед судьей Окружного суда Калуннборга. По предложению начальника полиции суд распорядился о взятии заявительницы под стражу и помещении ее в одиночную камеру на основании статей 762 (3) iii) и 770 a) Закона об отправлении правосудия (далее - "Закон"). Суд счел, что заявительницу следует держать в камере одиночного заключения по причине существования разумных оснований подозревать ее в том, что она виновна в предъявленных ей обвинениях и попытается помешать расследованию путем установления контактов с другими проходящими по делу лицами. Установленный срок содержания под стражей до суда истекал 26 мая 1998 года, а срок одиночного заключения - 12 мая 1998 года. 4 мая 1998 года Высокий суд Восточной Дании поддержал решение Окружного суда на основании изложенных им соображений.

2.3 11 мая 1998 года окружной суд рассмотрел вопрос о целесообразности дальнейшего содержания заявительницы в одиночной камере. Адвокат заявил, что эта мера является несоразмерно суровой, так как у заявительницы имеется трое детей - трехлетние близнецы и ребенок 7 лет. Однако Окружной суд постановил продлить ее одиночное заключение до 26 мая 1998 года, поскольку основания для такого заключения оставались в силе. 13 мая 1998 года Высокий суд поддержал это решение на основаниях, изложенных Окружным судом.

2.4 26 мая 1998 года Окружной суд рассмотрел вопрос о целесообразности продления содержания под стражей до суда в режиме одиночного заключения. Адвокат заявил протест против продления содержания под стражей, поскольку "здоровье задержанной существенно ухудшилось за время содержания под стражей до суда с 30 апреля 1998 года по настоящее время, что подтверждается состоянием задержанной и двумя медицинскими заключениями. Однако Окружной суд постановил оставить ее в одиночном заключении до 23 июня 1998 года "с учетом сложности этого дела и того факта, что некоторые сопричастные к этому лица еще не задержаны…". 28 мая 1998 года Высокий суд поддержал решение Окружного суда.

2.5 28 мая 1998 года по просьбе адвоката заявительницы тюремный врач представил рапорт о ее состоянии здоровья. Этот врач лечил заявительницу с 15 по 28 мая 1998 года, а врач-терапевт экстренной помощи - 22 мая 1998 года. В рапорте было сделано заключение о том, что заявительница, по всей видимости, близка к психическому надлому… "Состояние здоровья заключенной может быть целиком объяснено следствием инкарцерации и одиночного заключения. Я самым настоятельным образом рекомендую, чтобы ее одиночное заключение было немедленно прекращено и чтобы был рассмотрен вопрос об альтернативном размещении заключенной в другом месте, с тем чтобы она могла больше общаться со своими детьми. Я усматриваю угрозу здоровью заключенной и

буду пристально наблюдать за ней". Этот рапорт был представлен в Высокий суд, когда тот рассматривал апелляцию заявительницы на решение Окружного суда от 26 мая 1998 года. 29 мая 1998 года заявительница была помещена в окружную больницу Никобинга, Зеландия. Она выписалась на следующий день, так как хотела быть поближе к своим детям.

2.6 18 июня 1998 года содержание заявительницы в одиночном заключении было прекращено. 19 июня 1998 года тюремный врач представил другой рапорт начальнику полиции Калунборга. В нем говорилось, "что прекращение содержания г-жи Йенсен в одиночном заключении имеет исключительную важность; это должно было быть сделано раньше с учетом состояния ее здоровья, и я исхожу из того, что ее одиночное заключение прекращено вчера вечером". В заключение он ссылается на рапорт, представленный в тот же самый день психотерапевтом, в котором тот "считает своим долгом ясно заявить, что г-жа Йенсен не только должна быть освобождена из одиночного заключения, но и выпущена из тюрьмы на время дальнейшего расследования до окончательного решения суда. В противном случае все участвующие стороны должны быть готовы к возможному ухудшению психического состояния г-жи Йенсен, которое может поразить ее на всю жизнь". Эти заключения фигурировали в ходе слушаний в Окружном суде 22 июня 1998 года. Суд постановил освободить автора сообщения из одиночного заключения, но продлил срок досудебного содержания до 20 июля 1998 года. Он также постановил, что с согласия заявительницы в течение всего времени пребывания в тюрьме ее будет осматривать судебный психиатр, обращаясь с ней как с амбулаторным пациентом.

2.7 9 июля 1998 года консультант департамента судебно-медицинской психиатрии окружной больницы Никобинга, Зеландия, изложил свое мнение о психическом состоянии заявительницы, заключив, что "единственным подходящим способом лечения является скорейшее воссоединение [автора сообщения] с ее детьми, либо у ее родителей, либо в одном из учреждений тюремно-испытательной службы, а также оказание ей соответствующей психотерапевтической помощи в этой обстановке". 14 июля 1998 года это заключение было рассмотрено в Окружном суде, который решил продлить срок содержания заявительницы под стражей до суда, но одновременно решил, с ее согласия, перевести ее для этого в другое место содержания под стражей в Линге, находящееся в ведении тюремно-испытательной службы, вместе с ее тремя детьми. Она была переведена туда 17 июля 1998 года и оставалась в этом месте до суда над ней, состоявшегося 29 октября 1998 года.

2.8 30 апреля 2001 года представитель заявительницы профессор Бент Соренсен, эксперт в области идентификации и расследования случаев пыток, направил письмо главному прокурору (далее "ГП") с требованием провести расследование предположений о том, что заявитель подвергалась психологическим пыткам в виде ее содержания в одиночном заключении. 14 августа 2001 года ГП ответил, что он не видит оснований для проведения такого расследования, так как, по его мнению, "нет никаких оснований

полагать, что содержание под стражей до суда в одиночном заключении имело своей целью получение информации или признания от обвиняемой или третьей стороны, что явилось бы актом пытки по определению, содержащемуся в Конвенции против пыток". Несмотря на две последующие просьбы о проведении расследования ГП, отказался пересмотреть свое решение.

Жалоба

3.1 Г-жа Йенсен утверждает, что государство-участник нарушило пункт 1 статьи 1 и статью 16 Конвенции, подвергнув ее психологической пытке и актам жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания в виде содержания ее в одиночном заключении с 29 апреля по 18 июня 1998 года, несмотря на медицинские свидетельства о пагубном воздействии заключения на ее психическое здоровье.

3.2 Заявительница настаивает на том, что государство-участник нарушило статью 12 Конвенции, поскольку ГП не провел безотлагательное и беспристрастное расследование утверждений о совершении психологических пыток, как о том просил ее представитель.

3.3 Заявительница утверждает, что она исчерпала внутренние средства правовой защиты, поскольку в последнем письме, направленном главному прокурору, ее представитель указал, что в случае, если тот не ответит на его письмо, он будет считать внутренние средства правовой защиты исчерпанными. Представитель заявителя не получил никакого ответа на свое письмо.

Представление государства-участника относительно приемлемости и существа дела

4.1 В представлении от 26 апреля 2002 года государство-участник оспаривает приемлемость жалобы и заодно аргументы заявительницы по существу дела. Оно ссылается на статью 762 Закона об уголовной процедуре, который в момент нахождения заявителя в тюрьме предусматривал досудебное содержание под стражей. В соответствии с применимыми положениями этого закона суд, по предложению полиции, принимает решение о том, следует ли содержать обвиняемого под стражей до суда. Это решение должно определить срок досудебного содержания под стражей, которое должно быть как можно более коротким и не может превышать четырех недель. Этот срок может быть продлен, но не более, чем на четыре недели подряд. Распоряжение о содержании под стражей может быть обжаловано в вышестоящем суде. Наконец, закон предусматривает, что досудебное содержание под стражей должно быть прекращено, если это необходимо, по решению суда, когда обвинения сняты или оснований для содержания под стражей больше не существует. Если суд сочтет, что расследование не ведется достаточно быстро или дальнейшее досудебное содержание под стражей нецелесообразно, суд может прекратить его.

4.2 Государство-участник ссылается на статью 770 Закона об отправлении правосудия, которая предусматривает содержание под стражей в одиночном заключении. Согласно этой статье, необходимы разумные основания для того, чтобы подозревать обвиняемого в совершении преступления, преследуемого в судебном порядке, которое, согласно закону, может караться тюремным заключением на срок не менее полутора лет. Соразмерность является предварительным условием любого решения о начале или продолжении досудебного содержания под стражей в режиме одиночного заключения. Государство-участник отмечает, что положения о досудебном содержании под стражей в режиме одиночного заключения были существенно дополнены Законом № 428 от 31 мая 2002 года. Эти новые положения вступили в силу 1 июля 2000 года. Цель поправки состояла в том, чтобы ограничить применение и продолжительность досудебного содержания под стражей в режиме одиночного заключения; она предусматривает более конкретные критерии для начала и продолжения одиночного заключения, а также более короткие сроки такого заключения[a].

4.3 Государство-участник оспаривает приемлемость жалобы на том основании, что были исчерпаны не все внутренние средства правовой защиты. Во-первых, заявитель могла бы обратиться в апелляционный совет за разрешением на обжалование решений Высокого суда в Верховном суде. Согласно статье 973 Закона, Совет мог бы дать такое разрешение на апелляцию, "если апелляция касается вопросов принципиального характера или уместна в силу каких-либо иных конкретных причин". В обоснование своей апелляции она могла бы заявить, что ее досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения противоречит Конвенции. Государство-участник отмечает, что Европейский суд по правам человека постановил, что просьба апелляционного совета о разрешении на апелляцию является средством правовой защиты, которое должно быть исчерпано при рассмотрении вопроса о приемлемости какой-либо жалобы в соответствии с Европейской конвенцией[b].

4.4 Во-вторых, хотя заявительница и была осуждена, она могла бы обратиться с иском о возмещении ущерба в соответствии со статьей 1018 a) (2) или h) Закона. В соответствии со статьей 1018 a) (2) лицо, арестованное или содержавшееся под стражей до суда в рамках уголовного преследования, имеет право на возмещение ущерба, нанесенного ему во время задержания, если "лишение свободы, применявшееся в связи с данным делом, несоразмерно с результатами судебного преследования, или если возмещение сочтено оправданным в силу иных конкретных причин". Тот факт, что досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения предположительно нанесло ущерб заявительнице, мог бы являться конкретным основанием для требования компенсации. В соответствии со статьей 1018 h) любое лицо может требовать компенсации в связи с уголовной процедурой на основании общих норм деликтного права.

4.5 Иск о возмещении ущерба в соответствии со статьей 1018 a) (2) рассматривается областной прокуратурой, но при этом можно направить апелляцию главному прокурору,

а иск в соответствии со статьей 1018 h) рассматривается главным прокурором, но при этом апелляцию можно направить в министерство юстиции. В обоих случаях заявитель в случае отклонения апелляции имела бы возможность в соответствии со статьей 1018 f) (1) подать иск в суд. Для демонстрации того, что это средство правовой защиты имеется в распоряжении и является действенным в ситуации, в которой находится заявительница, государство-участник приводит пример аналогичного случая, связанного с решением Верховного суда от 5 сентября 2000 года, когда лицо, которому был вынесен оправдательный приговор по уголовному делу, подало иск о возмещении ущерба за потерю работы и постоянную инвалидность, явившихся следствием досудебного содержания под стражей в режиме одиночного заключения, приведшего к психическому заболеванию[c]. В обоснование своего иска истец заявил, в частности, что он подвергался пыткам в нарушение статьи 3 Европейской конвенции о правах человека. Верховный суд пришел к выводу, что досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения явилось основной причиной психического заболевания истца и принял решение о выплате ему компенсации.

4.6 По существу дела государство-участник заявляет, что для того, чтобы то или иное деяние можно было квалифицировать как пытку, оно должно отвечать всем условиям, перечисленным в пункте 1 статьи 1 Конвенции. Государство-участник утверждает, что из текста статьи 1 нельзя заключить, что досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения, в принципе, подпадает под определение "пытки" по смыслу статьи 1. Хотя в заключительных замечаниях Комитета по третьему периодическому докладу Дании отмечено, что Комитет обеспокоен практикой одиночного заключения, в частности, в качестве превентивной меры в период досудебного содержания под стражей, он не заявлял, что досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения в принципе подпадает под определение пытки[d]. Такой вывод нельзя сделать и исходя из юридической практики Комитета.

4.7 Государство-участник утверждает, что одиночное заключение не применяется и не применялось в данном конкретном случае для того, чтобы получить информацию или признание у заявительницы, подвергнуть ее наказанию за какое-либо совершенное ею деяние или за деяние, в совершении которого она подозревается, запугать ее или принудить ее или третье лицо, или по какой-либо причине подвергнуть ее дискриминации на каком-либо основании. В соответствии с действующими правилами досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения применяется, если существует "конкретная причина предполагать в связи с обстоятельствами данного дела, что обвиняемое лицо будет затруднять ведение судебного дела, в частности устраняя улики или предупреждая других лиц или оказывая на них влияние", и что "существуют конкретные основания предполагать, что содержание под стражей само по себе недостаточно для того, чтобы воспрепятствовать задержанному оказывать влияние на других обвиняемых через других заключенных или воздействовать на других лиц угрозами или иным аналогичным образом"[e]. Если решение о досудебном содержании под

стражей в режиме одиночного заключения принимается в каких-либо иных целях, это явится нарушением положений Закона и будет противоправным актом.

4.8 Государство-участник не считает, что одиночное заключение в период досудебного содержания под стражей является в принципе нарушением статьи 16 Конвенции. Статья 16 дополняет статью 1, и обе статьи соответствуют первой фразе статьи 7 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее "МПГПП"). Статья 7 предусматривает, что "никто не должен подвергаться пыткам или жестоким, бесчеловечным или унижающим его достоинство обращению или наказанию". По мнению государства-участника, из Замечания общего порядка № 20 Комитета по правам человека можно сделать логический вывод о том, что одиночное заключение во время досудебного содержания под стражей в принципе не является нарушением статьи 7 МПГПП, поскольку, как гласит Замечание общего порядка, длительное содержание в одиночной камере задержанного или заключенного *может быть приравнено* к актам, запрещенным статьей 7 (выделено курсивом дополнительно), что в *конкретных* случаях зависит от обстоятельств конкретного дела.

4.9 Государство-участник допускает, что могут существовать случаи, в которых одиночное заключение в период досудебного содержания под стражей может являться "жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство видом обращения и наказания". Оно ссылается на принцип, которого придерживается Европейский суд по правам человека при рассмотрении возможности нарушений статьи 3 Европейской конвенции о правах человека ("Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинству обращению или наказанию"). В деле *Раш против Дании* было заявлено, что "при рассмотрении применения такой меры, как одиночное заключение, должно соблюдаться равновесие между императивами расследования и воздействием, которое изоляция может оказать на лицо, содержащееся под стражей. Поэтому при применении одиночного заключения власти должны следить за тем, чтобы его продолжительность не была чрезмерной"[f]. В соответствии с Европейской конвенцией одиночное заключение во время досудебного содержания под стражей может, в некоторых случаях, являться "бесчеловечным обращением"[g].

4.10 Опровергая утверждение о нарушении пункта 1 статьи 1 и статьи 16, государство-участник описывает условия содержания заявительницы в одиночном заключении. Размер ее тюремной камеры составляет примерно 8 $м^2$, в ней имеются телевизор и радио. Есть возможность брать для чтения газеты и книги, которые можно заказать в Калуннборгской публичной библиотеке. Дважды в день (утром и вечером) проводятся упражнения на улице, при этом продолжительность каждого такого занятия составляет полчаса. Есть возможность заниматься на тренажерах в гимнастическом зале.

4.11 Государство-участник утверждает, что заявительница не была полностью отрезана от контактов с другими людьми в течение ее 50-дневного содержания под стражей в

режиме одиночного заключения. Она ежедневно контактировала с персоналом тюрьмы; девять раз ее навещали родители и дети; дважды - социальный работник; шесть раз - тюремный врач; дважды - врач экстренной медицинской помощи; и три раза - психотерапевт. Она могла поддерживать контакты со своим адвокатом, священником или с кем-либо из представителей тюремно-испытательной службы. С 29 по 30 мая 1998 года она была помещена на лечение в окружную больницу Никобинга, Зеландия; ее трижды привозили в окружной суд в связи с требованиями о продлении одиночного заключения.

4.12 По утверждению государства-участника выдвинутое против заявительницы обвинение в контрабанде было связано с особо отягчающими вину обстоятельствами. На слушании дела 30 апреля 1998 года заявительница была обвинена в контрабанде около 1,1 млн. сигарет. Эти данные впоследствии были уточнены, и решением Высокого суда она была осуждена за участие в контрабандном обороте 6,6 млн. сигарет. Это расследование было обстоятельным и трудным. По делу проходило еще несколько лиц, некоторые из которых все еще скрываются от правосудия. По этой причине возникли опасения, что заявительница может предупредить или каким-либо иным способом установить контакт с этими лицами, помешав тем самым расследованию. Кроме того, одиночное заключение было прекращено сразу же после окончания расследования, т.е. 18 июня 1989 года, хотя его срок истекал лишь 23 июня 1998 года. В течение 50-дневного периода окружной и Высокий суд шесть раз рассматривали вопрос об адекватности условий одиночного заключения, а именно 30 апреля, 4, 11, 13, 26 и 28 мая 1998 года. В этой связи государство-участник заявляет, что суды постоянно стремились соблюдать равновесие между императивами расследования и потребностями заявительницы.

4.13 В связи с вопросом о психическом здоровье заявительницы государство-участник подчеркивает, что в Окружной суд была представлена только устная информация о ее психологическом состоянии, когда принималось решение от 26 мая 1998 года. До этой даты ни письменной, ни устной информации о состоянии ее психического здоровья не представлялось. Отчет от 28 мая 1998 года был представлен в Высокий суд в то же самый день, когда выносилось решение по этому вопросу, однако суд не счел, что эта информация позволяет признать дальнейшее содержание под стражей автора сообщения в одиночном заключении несоразмерным. Последующий отчет от 19 июня 1998 года был представлен на следующем заседании суда 22 июня 1998 года, когда одиночное заключение заявительницы уже закончилось. Тем не менее суд постановил провести освидетельствование ее специалистом судебно-медицинской психиатрии, чей отчет был представлен на заседании, состоявшемся 14 июля 1998 года. Суд согласился с содержавшейся в отчете рекомендацией и постановил, чтобы заявительницу поместили в альтернативное место заключения в "Хафвей хаус" в Линге, где она могла бы находиться вместе со своими детьми.

4.14 В связи с утверждениями о нарушении статьи 12 государство-участник утверждает, что характерной особенностью жалоб, ранее рассматривавшихся Комитетом по этой статье, является то, что обвинение было предъявлено исполнительным властям, совершившим действия, которые могли бы квалифицироваться как пытки или жестокое обращение, и которые имели место в связи с арестом или содержанием под стражей[h]. Вместе с тем государству-участнику не известно ни об одном случае, когда бы статья 12 упоминалась в связи с решением судебных властей. Государство-участник утверждает, что решение о досудебном содержании под стражей в режиме одиночного заключения было принято независимым и беспристрастным судом в рамках процедуры, полностью гарантирующей право истца на справедливое разбирательство. По его мнению, нет никаких оснований для интерпретации статьи 12 таким образом, что орган административной власти, в данном случае ГП, обязан проводить расследование в случае, если задержанный недоволен решением суда по его делу. Такое положение дел явно противоречило бы принципу независимости судов. В той степени, в какой статья 12 применима к обстоятельствам автора настоящего сообщения, государство-участник повторяет свои вышеприведенные комментарии о том, что при вынесении решения о содержании под стражей в режиме одиночного заключения суды руководствуются критерием соразмерности.

Комментарии заявительницы

5.1 В представлении от 13 октября 2003 года заявительница утверждает, что обращение в Апелляционный совет за разрешением на подачу апелляции является лишь теоретической возможностью. Протоколы Совета показывают, что в 1996 году (когда он был учрежден) и в 1999 году никаких разрешений на подачу апелляции в случаях, касавшихся досудебного содержания под стражей и одиночного заключения, не давалось и, чтобы такое разрешение было дано, необходимо доказать наличие чрезвычайных обстоятельств, как, например, юный возраст или существовавшие ранее проблемы с психическим здоровьем. Более того, решения в тех немногих случаях, касавшихся содержания в одиночном заключении, когда разрешение на апелляцию в Верховный суд было дано, вряд ли будут отменены. Таким образом, утверждает заявительница, исчерпание внутренних средств правовой защиты не является необходимым, поскольку "установлено, что применение этих внутренних средств … неоправданно затягивается или вряд ли окажет эффективную помощь предполагаемой жертве"[i].

5.2 Заявительница считает, что в ее нижеприведенном ответе по существу дела показано, что ответственность за нарушение ее прав несет не только датский суд, но и тюремные власти и полиция Калуннборга за необеспечение ее освобождения из одиночного заключения, когда еще в начале мая 1998 года медицинские эксперты подтвердили огромный психологический ущерб, нанесенный ей одиночным заключением. К тому же в компетенцию ГП входит проведение расследований в местных полицейских округах, таких как Калуннборг.

5.3 В ответ на аргумент о том, что она должна была бы добиваться компенсации, заявительница говорит, что целью подачи ею жалобы в Комитет является не получение компенсации, а установление того факта, что государство-участник нарушило ее права по Конвенции. Дания является "дуалистским" государством, которое предпочло не включать положения Конвенции в датскую систему права. Соответственно, датские суды не обладают полномочиями разбирать жалобы граждан, основанные на положениях Конвенции. Таким образом, подача в датский суд жалобы с целью установления факта нарушения ее прав по Конвенции было бы безрезультатным и сделало бы неэффективным такое средство правовой защиты, как иск о возмещении ущерба в соответствии со статьей 1018 a) (2) за предполагаемое нарушение Конвенции. Заявительница также отмечает, что датские суды упорно отказываются признать, что болезнь лица в период содержания под стражей в полиции может приводить к нарушению Конвенции и статьи 3 Европейской конвенции о правах человека.

5.4 В ответ на аргумент о том, что ее утверждения не отвечают требованиям пункта 1 статьи 1, заявительница говорит о том, что медицинские заключения, представленные в виде заявлений нескольких врачей-терапевтов весной 1998 года, свидетельствует о том, что она действительно испытывала "сильную боль и страдания" по смыслу указанного положения. Утверждается, что обнаруженные у нее серьезные симптомы обычно появляются у тех, кто долгое время содержался в одиночном заключении. Она ссылается на исследования, проведенные датской НПО "Isolations-gruppen", которая выступает за прекращение практики одиночного заключения, с целью показать, что лица, содержащиеся в таком заключении, в большей степени склонны покончить жизнь самоубийством. Следовательно, государству-участнику было известно о "сильной боли и страданиях", обычно испытываемых лицами, содержащимися в одиночном заключении, и в частности в случае заявителя. Кроме того, ему было известно о том, что у заявительницы имеется трое маленьких детей - факт, способный лишь усугубить ее боль и страдания, испытываемые в одиночном заключении. Г-жа Йенсен утверждает, что ее заявление о том, что государству-участнику было известно о недостатках законодательства, регламентирующего порядок одиночного заключения в период до суда во время ее содержания под стражей, подтверждается последующими изменениями, внесенными в соответствующие положения этого Закона.

5.5 Заявительница согласна с тем, что целью этого Закона не является получение признаний или информации, однако вопрос о том, соблюдено ли третье требование статьи 1, зависит не от формулировки или цели соответствующего закона, а скорее от его действия в конкретном случае. Допрашивая заявительницу 4 и 5 июня 1998 года в отсутствие ее адвоката, полиция Калуннборга вышла за рамки того, что ее адвокат разрешил полицейским спрашивать у нее в его отсутствие. Еще до этих допросов несколько врачей подтвердили ухудшающееся психическое состояние заявительницы. Утверждается также, что проводивший допрос следователь полиции, несмотря на отсутствие каких-либо доказательств, пытался принудить заявительницу к признанию

того, что она является сообщницей в контрабанде гашиша. На этом основании утверждается, что полиция Калуннборга (будучи одним из органов государственной власти) использовала инструмент одиночного заключения для получения информации и признаний таким образом, который как раз и требуется для доказательства совершения акта пытки в нарушение статьи 1.

5.6 Заявительница ссылается на заключительные замечания Комитета по нескольким докладам государств с целью показать, что статьи 1 и 16 могут быть истолкованы как содержащие общий запрет на досудебное содержание под стражей в режиме одиночного заключения. Так, в заключительных замечаниях по четвертому периодическому докладу Дании Комитет заявил, что: "…c) государству-участнику следует продолжать отслеживать последствия одиночного заключения для задержанных и следить за действенностью нового законопроекта, который сократил количество оснований, приводящих к возможному применению одиночного заключения, и его продолжительность"[j]. Из заключительных замечаний Комитета ясно следует, что одиночное заключение, особенно в случаях досудебного содержания под стражей, рассматривается как имеющее серьезные психические и психологические последствия для задержанного; государствам-участникам предлагается отменить эту практику. Хотя отмена предпочтительнее, в заключительных замечаниях Комитета говорится, что одиночное заключение должно применяться только в исключительных случаях и в течение непродолжительного времени.

5.7 С целью продемонстрировать пагубное воздействие такого заключения заявительница ссылается на другие надзорные органы, в том числе на Европейский комитет по предупреждению пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (КПП), который подготовил несколько докладов по этому вопросу. В докладе КПП датскому правительству по итогам его визита в Данию с 28 января по 4 февраля 2002 года говорится, в частности, что "одиночное заключение может, при некоторых обстоятельствах, рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение; в любом случае все формы одиночного заключения должны быть как можно более короткими". Комитет по правам человека, который рассматривал вопрос об одиночном заключении при рассмотрении индивидуальных жалоб, докладов государств и замечаний общего порядка, также выражал свою озабоченность в связи с этой практикой. При рассмотрении четвертого периодического доклада Дании он отметил, в частности, "что одиночное заключение является суровым наказанием, которое влечет за собой серьезные психологические последствия и может быть оправдано только в случаях крайней необходимости; содержание в одиночной камере, кроме как в исключительных обстоятельствах и в течение ограниченных сроков, противоречит пункту 1 статьи 10 Пакта. Дании надлежит пересмотреть практику применения одиночного заключения и обеспечить, чтобы она применялась только в случаях крайней необходимости"[k].

5.8 Заявительница ссылается также на случай из практики Европейского суда по правам человека, в частности на судебное решение по делу *Макглинчи и другие против Соединенного Королевства*[l], в котором Суд постановил, что статья 3 предусматривает "обязанность государства обеспечивать, чтобы заключенное под стражу лицо содержалось в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы способ и метод применения этой меры не подвергал его страданиям или испытаниям, степень которых превышает допустимый уровень страданий, связанных с пребыванием в заключении, и чтобы, учитывая практическое предназначение тюремного заключения, его здоровье и благополучие должным образом оберегались посредством, среди прочего, оказания ему требуемой медицинской помощи"[m].

5.9 Что касается заявления о том, что в распоряжении Окружного суда имелось лишь устное свидетельство, когда 26 мая 1998 года он принимал решение о целесообразности продолжения досудебного содержания под стражей заявителя в режиме одиночного заключения, то последний утверждает, что тюремные власти должны были ex officio обеспечить осмотр заявительницы врачом, а затем, узнав о перенесенной ею серьезной психологической травме, обратиться к прокурору с просьбой прекратить ее содержание в режиме одиночного заключения. По мнению заявительницы, ответственность государства-участника за нарушение статей 1 и 16 начинается с 15 мая 1998 года, когда полиция Калуннборга не приняла во внимание заключение тюремного врача, в котором тот выразил мнение, что: "у заключенной наблюдаются явные признаки психической нестабильности, которые могут быть объяснены на основе общих представлений о реакции нормальных людей на инкарцерацию и одиночное заключение. На мой взгляд, существует риск того, что это состояние может ухудшиться, в связи с чем необходимо как можно скорее решить вопрос, связанный с этой заключенной". 22 мая 1998 года, даже после того, как врач службы экстренной медицинской помощи и психотерапевт заключили, что заявительница находится "…в состоянии сильнейшего психологического стресса, вызванного одиночным заключением" и "проявляет признаки клаустрофобии, находится в состоянии, близком к психическому расстройству, и сильно переживает", полиция Калуннборга продолжала игнорировать тот факт, что одиночное заключение оказывало пагубное воздействие на заявительницу.

5.10 Заявительница признает серьезность всей преступной операции, однако подчеркивает, что она была лишь периферийным и незначительным ее участником и, следовательно, вряд ли могла располагать обширными сведениями о незаконных операциях, которые были организованы ее бывшим супругом и его сообщниками. Более того, она пошла навстречу полиции, назвав имя одного подозреваемого, которого полиция не смогла задержать, продолжая в то же самое время утверждать, что перевод заявительницы из одиночного заключения может повредить ведущемуся полицией расследованию, так как она может попытаться вступить в контакт с подозреваемыми, которые еще не арестованы.

5.11 В отношении условий содержания под стражей в одиночном заключении заявительница отмечает, что ее камера была размером 8 м^2, без окон и без радио, что доступ к телевизору был платным и что ее никогда не информировали о возможности получения каких-либо книг в местной библиотеке. Хотя ее и навещали несколько раз родственники, форма и продолжительность этих свиданий были недостаточными для того, чтобы избавить ее от естественной фрустрации, переживаний и тревоги.

5.12 В связи с аргументацией государства-участника относительно статьи 12 заявительница утверждает, что Конвенция имеет обязательную силу для всех государственных властей в Дании, включая тюремные власти и прокуроров. Следовательно, расследование вопроса о том, каким образом полиция и тюремные власти Калуннборга вели ее дело, неоднократно продлевая ее одиночное заключение, несмотря на заключения врачей о его пагубном воздействии на нее, никак не повлияло бы на независимость датской судебной системы. Таким образом, по мнению заявительницы, когда ее представитель, являющийся экспертом по вопросам идентификации и расследования пыток, выразил свое профессиональное мнение Главному прокурору и запросил провести расследование по поводу этих утверждений, такое расследование должно было быть предпринято в соответствии со статьей 12 Конвенции.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

6.1 Прежде чем рассматривать любое утверждение, содержащееся в той или иной жалобе, Комитет должен принять решение о том, является ли она приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции. Согласно требованию пункта 5 a) статьи 22 Конвенции, Комитет удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках других процедур международного расследования или урегулирования.

6.2 В связи с вопросом об исчерпании внутренних средств правовой защиты и первоначальным аргументом заявителя о том, что отсутствие ответа на письмо, направленное ее представителем Главному прокурору, в котором заявлялось, что в случае неполучения ответа он будет исходить из того, что внутренние средства правовой защиты считаются исчерпанными, Комитет полагает, что в обязанности ГП не входит информирование адвоката о возможных или имеющихся в наличии средствах правовой защиты в связи с предполагаемым нарушением и что на основе отсутствия ответа на письмо со стороны ГП не может быть сделан такой вывод.

6.3 Комитет принимает к сведению аргументы государства-участника о том, что, не подав ходатайство о разрешении на апелляцию в Верховный суд и/или о выплате компенсации в соответствии с Законом об отправлении правосудия, заявительница не исчерпала внутренние средства правовой защиты. По мнению автора сообщения, оба средства правовой защиты были бы неэффективны, поскольку ходатайство о разрешении

на подачу апелляции является лишь "теоретической возможностью", а в ходатайстве о предоставлении компенсации она не могла бы сослаться на свои права по Конвенции. По вопросу о компенсации Комитет не убежден, что в обстоятельствах данного дела компенсация является средством правовой защиты, которым должна была бы воспользоваться заявительница для целей исчерпания внутренних средств правовой защиты. Что касается ходатайства о разрешении на подачу апелляции, то Комитет отмечает, что, хотя, по словам заявительницы, ходатайство о разрешении на апелляцию являлось бы лишь теоретической возможностью, она признает, что такое разрешение на подачу апелляции в ряде случаев предоставлялось. Комитет считает, что одни лишь сомнения в эффективности того или иного средства правовой защиты не освобождают автора сообщения от необходимости добиваться его исчерпания. В силу этой причины Комитет считает, что жалоба является неприемлемой вследствие неисчерпания внутренних средств правовой защиты, как того требует пункт 5 a) статьи 22 Конвенции.

7. Таким образом, Комитет постановляет:

a) признать данную жалобу неприемлемой; и

b) признать возможность пересмотра настоящего решения в соответствии с правилом 109 правил процедуры Комитета по получении просьбы от заявительницы или от ее имени, в которой содержалась бы информация о том, что оснований для неприемлемости более не существует;

c) препроводить настоящее решение заявительнице, ее представителю и государству-участнику.

Примечания

[a] Государство-участник отсылает Комитет к объяснению, содержащемуся в четвертом периодическом докладе Дании (CAT/C/55/Add.2), пункты 117-123.

[b] Заявление № 45485/99, *Али Ланевала против Дании*.

[c] Danish Law Reports 2000, p. 2385, Supreme Court, U 2000, p. 2385 H.

[d] См. Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 44 (A/52/44).

[e] Статьи 762 (1) iii) и 770 a) (1) ii) Закона, соответственно.

[f] Заявление № 10263/83, решение от 11 марта 1985 года.

[g] Согласно государству-участнику, Европейский суд придерживался этого принципа в следующих случаях: дело № 38321/97, *Эрдем против Германии*, решение от 9 декабря 1999 года, и дело № 25498/94, *Мессина против Италии*, решение 8 от июня 1999 года.

[h] Государство-участник ссылается на дело *Радивое Ристич против Югославии*, жалоба № 113/1998 от 11 мая 2001 года; дело *Халед М'Барек против Туниса*, жалоба № 60/1996 от 10 ноября 1999 года; дело *Энкарнасьон Бланко Абад против Испании*, жалоба № 59/1996 от 14 мая 1998 года; дело *Анри Унаи Паро против Испании*, жалоба № 6/1990 от 2 мая 1995 года; и дело *Кани Халими-Недзиби против Австрии*, жалоба № 8/1991 от 18 ноября 1993 года.

[i] *Л.О. против Канады*, жалоба № 95/1997 от 19 мая 2000 года. Государство-участник также ссылается на дело *Т.П.С. против Канады*, жалоба № 99/1997 от 16 мая 2000 года.

[j] CAT/C/55/Add.2.

[k] CCPR/C/DNK/99/4.

[l] Заявление № 50390/99.

[m] Она также ссылается на дело *Прайс против Соединенного Королевства*, решение от 10 июля от 2001 года, в котором Суд постановил, что "при рассмотрении вопроса о том, является ли обращение унижающим достоинство по смыслу статьи 3 одним из факторов, который суд примет во внимание, является вопрос о том, заключалась ли его цель в унижении соответствующего лица, хотя отсутствие любой такой цели не может окончательно исключить наличие факта нарушения статьи 3".

Сообщение № 225/2003

Представлено:	Р.С. (представлен г-ном Хансом Могенсеном из адвокатской фирмы "Хенрик Кристенсен")
Предполагаемая жертва:	Р.С.
Государство-участник:	Дания
Дата представления жалобы:	19 ноября 2002 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 19 мая 2004 года,

завершив рассмотрение сообщения № 225/2003, представленного Комитету против пыток г-ном Р.С. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение в соответствии с пунктом 7 статьи 22 Конвенции.

1.1 Заявителем является г-н Р.С., гражданин Индии, который на момент представления первоначального сообщения проживал в Дании, где он обратился с ходатайством о предоставлении убежища. Его нынешнее местонахождение неизвестно. Он утверждает, что его возвращение в Индию - в том случае, если ему откажут в статусе беженца, - будет представлять собой нарушение Данией статьи 3 Конвенции. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 В соответствии с пунктом 3 статьи 22 Конвенции Комитет 21 ноября 2002 года препроводил жалобу государству-участнику.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель вырос в Билге (Индия) в районе Пхиллаура штата Пенджаб, где он жил на ферме вместе со своими родителями и двумя братьями. Все члены его семьи - сикхи. Заявитель ходил в школу на протяжении семи лет, а затем стал работать на семейной ферме. Хотя его дядя и старший брат вступили в Федерацию сикхских студентов и

Халистанские силы командос (ХСК), сам заявитель не был членом ни одной из политических или религиозных организаций. В 1994 году дядя заявителя был убит сотрудниками полиции. ХСК провозгласили цель добиться независимости Пенджаба.

2.2 В 1995 году старший брат заявителя возвратился в Индию из Германии, где он подал ходатайство о предоставлении убежища. После его возвращения он был арестован полицией и содержался под стражей в течение 10-12 дней. Впоследствии, вплоть до исчезновения (дата не указана), он еще несколько раз подвергался задержанию. 15 сентября 1997 года к заявителю обратилась полиция, желая получить информацию о том, где находится его брат. После того как заявитель ответил, что ему ничего не известно о местонахождении брата, он был арестован и содержался под стражей в течение 10 дней. Заявитель утверждает, что в период задержания он подвергался пыткам. В апреле 1998 года полиция вновь обратилась к заявителю за сведениями о местонахождении его брата, причем ему якобы угрожали смертью в случае отказа предоставить эти сведения.

2.3 Впоследствии заявитель несколько раз задерживался полицией и подвергался пыткам. Его били палкой, пытали электрическим током и подвешивали вниз головой. По словам заявителя, проблемы с полицией возникли у него потому, что он передавал сообщения, которыми его брат обменивался с людьми из соседней деревни. В общей сложности его задерживали 10-12 раз до июня 1999 года, когда при содействии нанятого им пособника ему удалось сбежать в Данию.

2.4 Заявитель прибыл в Данию 17 июля 1999 года, не имея при себе действующих проездных документов. На следующий день он обратился с ходатайством о предоставлении убежища. Его брат уже проживал в Дании с 1998 года и получил вид на жительство на основании пункта 1 статьи 7 закона об иммиграции. Заявитель обратился с просьбой о предоставлении ему вида на жительство на тех же основаниях, однако Датский иммиграционный совет 12 февраля 2001 года отклонил его ходатайство.

2.5 После этого заявитель обратился в Датский совет по делам беженцев, который 28 июня 2001 года отклонил его ходатайство. По мнению большинства членов Совета, возвращение заявителя в Индию не угрожало ему преследованием, поскольку он не являлся членом политической организации в Индии и не занимался никакой значимой политической деятельностью. Они сочли также маловероятным, что заявитель подвергался пыткам, пока он находился под стражей, поскольку описание им событий было довольно расплывчатым, а его утверждения не подкреплялись выводами доклада датского Института судебной медицины (ИСМ) от 16 ноября 2000 года. В этом докладе говорится, что у заявителя имелся ряд телесных травм, не соответствующих описанным пыткам, но что болевые ощущения в его левом плече могли быть вызваны описанными пытками. ИСМ пришел также к выводу, что заявитель страдает врожденным психическим расстройством и в то же время не демонстрирует никаких симптомов

посттравматического стрессового синдрома. Эти выводы подкрепляются докладом клиники судебной психиатрии от 30 октября 2000 года.

2.6 Ходатайствуя о пересмотре дела, адвокат заявителя представил еще один медицинский отчет - отчет медицинской группы организации "Международная амнистия" от 28 сентября 2001 года, в котором говорится, что некоторые физиологические признаки согласуются с описанными заявителем пытками. 22 июля 2002 года Датский совет по делам беженцев отклонил просьбу о пересмотре дела, и заявитель, таким образом, больше не мог оставаться в Дании на законных основаниях.

Жалоба

3. Заявитель опасается, что в случае возвращения в Индию он будет арестован и во время содержания под стражей будет подвергаться пыткам или жестокому обращению из-за того, что он и его брат были связаны с Федерацией сикхских студентов и Халистанскими силами командос. Поскольку заявитель уже неоднократно подвергался задержанию и пыткам, есть основания опасаться, что после возвращения в Индию его вновь ожидает подобная участь, и в этой связи его депортация Данией станет нарушением статьи 3 Конвенции.

Представление государства-участника

4.1 19 мая 2003 года государство-участник представило свои замечания относительно приемлемости и существа дела. Оно утверждает, что ходатайство на основании статьи 3 следует признать неприемлемым, поскольку у заявителя primae facie нет оснований для подачи жалобы. В качестве альтернативы жалобу следует отклонить как необоснованную.

4.2 По фактам дела государство-участник утверждает, что заявитель проходил собеседование через переводчика и мог обратиться с ходатайством о предоставлении убежища на своем родном языке. После отклонения его ходатайства заявитель направил жалобу в Комитет против пыток и в тот же день обратился с просьбой о предоставлении ему вида на жительство по гуманитарным мотивам в Датскую иммиграционную службу, которая препроводила ее министерству по вопросам беженцев, иммиграции и интеграции. В письме от 12 марта 2003 года министерство сообщило, что оно не видит оснований откладывать депортацию заявителя. В то же время на момент подачи государством-участником своего представления заявитель еще не был депортирован, а министерство еще не приняло решения по его ходатайству о предоставлении вида на жительство по гуманитарным мотивам.

4.3 Что касается внутренних иммиграционных процедур, то государство-участник сообщило, что при рассмотрении просьб о предоставлении убежища датские иммиграционные органы оценивают положение в области прав человека в принимающей

стране, а также опасность того, что просящие убежища лица могут подвергнуться в этой стране преследованию. Таким образом, заявитель использует Комитет лишь в качестве апелляционного органа, с тем чтобы добиться пересмотра своего ходатайства, поскольку датские иммиграционные органы уже провели оценку того, существуют ли достаточные основания считать, что заявителю после возвращения в Индию грозят пытки.

4.4 В любом случае заявитель никак не обосновал свои опасения оказаться жертвой пыток в случае возвращения. Описание пережитых им пыток является неточным, и оно не подтверждается результатами обследования, проведенного сотрудниками Института судебной медицины в одном из крупнейших центров по реабилитации жертв пыток. Что касается отчета медицинской группы организации "Международная амнистия" от 28 сентября 2001 года, в котором сделан вывод, что обнаруженные у заявителя симптомы согласуются с его утверждениями о том, что он стал жертвой пыток, то государство-участник напоминает, что в отчете не исключается и вероятность того, что обнаруженные у заявителя симптомы стали следствием не тюремного заключения и пыток, а иных причин.

4.5 Считая доказательства применения пыток недостаточными, государство-участник в то же время обращается к практике Комитета, указывая на то, что, даже если к заявителю и применялись пытки, это не может служить достаточным основанием для вывода о том, что заявитель может вновь стать их жертвой после возвращения в Индию.

4.6 Наконец, по мнению государства-участника, мало вероятно, что в Индии заявитель подвергнется преследованиям, поскольку его мать живет в этой стране без каких-либо проблем и поскольку сам заявитель после своего последнего освобождения из-под стражи смог сдать в аренду свое имущество до отъезда в Данию.

Замечания заявителя

5. В записках от 23 и 29 октября 2003 года адвокат сообщил секретариату, не указав при этом никаких подробностей, что его клиент "исчез" и что Комитету следует принимать решение на основе уже полученной информации.

Вопросы и процедуры их рассмотрения в Комитете

Рассмотрение вопроса о приемлемости

6.1 Прежде чем рассматривать какие-либо утверждения, содержащиеся в той или иной жалобе, Комитет против пыток должен решить, является ли жалоба приемлемой согласно статье 22 Конвенции. В связи с этим Комитет в соответствии с требованиями пункта 5 а) статьи 22 Конвенции удостоверился в том, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования

или урегулирования. Комитет отмечает, что само государство-участник не оспаривает факта исчерпания внутренних средств правовой защиты.

6.2 Что касается утверждения государства-участника о том, что жалобу, поданную на основании статьи 3, следует объявить неприемлемой, поскольку заявитель не смог продемонстрировать наличие оснований primae facie для подачи жалобы, то Комитет принимает к сведению информацию заявителя о его политической деятельности, тот факт, что он выступал в роли связного между своим политически активным братом и жителями соседней деревни в Пенджабе и что он был помещен под стражу полицией вследствие политической деятельности своих родственников и своей собственной деятельности и подвергался пыткам. Он принимает также к сведению медицинские заключения, в которых не раскрываются причины имеющихся у заявителя физических и психологических симптомов и которые поэтому не могут рассматриваться в качестве убедительного доказательства в обоснование его жалобы. Заявитель не подкрепил свое утверждение о том, что он занимался активной политической деятельностью, какими-либо документальными или иными соответствующими доказательствами, а также не представил никаких доказательств, позволяющих понять, почему политическая группа, которой, по его словам, он передавал послания, также являлась объектом преследований со стороны полиции. Даже если принять во внимание тот факт, что заявитель подвергался пыткам в прошлом, Комитет не имеет оснований считать, что в настоящее время ему лично угрожает опасность подвергнуться такому обращению со стороны полиции в случае возвращения в Индию. С учетом данных обстоятельств Комитет отмечает, что жалоба в ее нынешнем виде не дает оснований предъявлять каких-либо убедительных претензий в соответствии с Конвенцией.

6.3 Поэтому Комитет считает, руководствуясь положениями статьи 22 Конвенции и правила 107 b) своих пересмотренных правил процедуры, что данная жалоба является явно необоснованной и, следовательно, неприемлемой.

7. Соответственно Комитет постановляет:

a) признать жалобу неприемлемой; и

b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

Сообщение № 229/2003

Представлено:	Х.С.В. (представлен адвокатом г-ном Бертилем Малмлёфом)
Предполагаемая жертва:	Заявитель
Государство-участник:	Швеция
Дата представления жалобы:	24 апреля 2003 года (первоначальное представление)

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 12 мая 2004 года,

принимает следующее решение о приемлемости.

1.1 Заявителем является г-н Х. С. В., иранский гражданин 1948 года рождения, в настоящее время проживающий в Швеции в ожидании депортации в Иран. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Иран будет являться нарушением Швецией статьи 3 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Он представлен адвокатом.

1.2 25 апреля 2001 года Комитет препроводил данное сообщение государству-участнику для представления замечаний и в соответствии с пунктом 1 правила 108 правил процедуры Комитета просил не возвращать заявителя в Иран, пока его жалоба находится на рассмотрении Комитета. Государство-участник выполнило эту просьбу.

Изложенные факты

2.1 Заявитель являлся высокопоставленным офицером в армии бывшего шаха Персии. После иранской революции 1979 года он бежал в Турцию, а затем проживал в Болгарии. В период с 1993 по 1996 год после прибытия его жены и дочери в Швецию он несколько раз безуспешно обращался к шведским властям с просьбой о предоставлении ему вида на жительство и в конечном итоге 4 февраля 1997 года получил временное разрешение на проживание и работу. 1 июня 1999 года заявитель получил постоянный вид на жительство.

2.2 17 марта 2000 года окружной суд Норрчёпинга признал заявителя виновным в совершении ряда правонарушений, связанных с наркотиками, и приговорил его к пяти годам лишения свободы. Он также принял постановление о выдворении заявителя из Швеции и запретил ему возвращаться в страну до 1 января 2015 года. Принимая такое постановление, суд запросил заключение Шведского иммиграционного совета, который сообщил об отсутствии каких-либо препятствий для исполнения постановления о выдворении. Заявитель не обжаловал решение окружного суда.

2.3 Заявитель начал отбывать срок своего тюремного заключения 6 апреля 2000 года; 25 апреля 2003 года он был досрочно освобожден. В этот период ассоциация, выступающая в защиту прав детей, чьи родители подлежат выдворению из страны, подала два ходатайства в правительство с просьбой отменить постановление о выдворении заявителя на основании главы 7 раздела 16 Закона об иностранцах 1989 года, с тем чтобы сохранить единство семьи; эти ходатайства были отклонены соответственно 25 октября 2001 года и 15 августа 2002 года. 24 апреля 2003 года по итогам проведенной Шведским миграционным советом оценки риска правительство отклонило и аналогичное ходатайство заявителя.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что его принудительное возвращение в Иран станет нарушением Швецией статьи 3 Конвенции, поскольку с учетом тех должностей, которые он занимал, находясь на воинской службе, а также открыто высказывавшихся им политических взглядов ему по возвращении в страну реально угрожает арест, пытки, а возможно, и смертная казнь.

3.2 В обоснование своей претензии заявитель ссылается на организацию "Международная амнистия" и другие международные правозащитные организации, по данным которых в Иране нередки случаи преследований, произвольных арестов, пыток и жестокого обращения, несправедливых, а иногда и тайных судебных разбирательств, лишения свободы и казней представителей политической оппозиции.

3.3 Заявитель утверждает, что в Иране у него нет ни родственников, ни друзей, ни жилья и что за 21 год, прошедший с момента отъезда, он ни разу не возвращался в эту страну. В Швеции проживают все его друзья и вся его семья, в том числе трое детей, которых он может никогда больше не увидеть, поскольку в 2015 году ему исполнится 67 лет.

3.4 Заявитель утверждает, что его дело не рассматривалось и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования и что он исчерпал все внутренние средства правовой защиты.

Замечания государства-участника относительно приемлемости

4.1 13 июня 2003 года государство-участник заявило, что данное сообщение не может считаться приемлемым, поскольку заявитель не исчерпал всех внутренних средств правовой защиты и никак не подкрепил свои утверждения.

4.2 Государство-участник описывает соответствующее внутреннее законодательство[a] следующим образом: выдворение по причине совершения уголовного правонарушения представляет собой особую форму наказания, которая может быть предписана судом в том случае, если виновное лицо приговорено к более серьезному наказанию, чем штраф, и если с учетом характера совершенного правонарушения и других обстоятельств можно опасаться того, что виновное лицо совершит новые уголовные правонарушения в Швеции, или если тяжесть правонарушения требует выдворения совершившего его лица. Рассматривая целесообразность выдворения иностранца, суд должен учитывать семейные обстоятельства лица, продолжительность его проживания в Швеции, а также те препятствия, которые могут существовать для приведения в исполнение постановления о выдворении, например, наличие веских оснований считать, что по возвращении в страну своего происхождения лицо может быть приговорено к высшей мере наказания, подвергнуто пыткам или другим бесчеловечным или унижающим достоинство видам обращения и наказания. Решение суда первой инстанции может быть обжаловано (при наличии разрешения может быть подана последующая кассационная жалоба в Верховный суд). В соответствии с разделом 16 главы 7 Закона об иностранцах правительство, исходя из обстоятельств, которых не было во время вынесения постановления о выдворении, может частично или полностью отменить решение или постановление о выдворении за совершенное уголовное правонарушение и предоставить временное разрешение на проживание или работу.

4.3 Государство-участник утверждает, что заявитель не исчерпал все внутренние средства правовой защиты, поскольку он не подал апелляцию на решение окружного суда от 17 марта 2000 года. За день до истечения срока подачи апелляции он даже заявил, что согласен с вынесенным ему приговором как с точки зрения срока лишения свободы, так и постановления о выдворении; таким образом, он открыто отказался от своего права на подачу апелляции.

4.4 Ссылаясь на решение Европейской комиссии по правам человека, принятое по аналогичному делу[b], государство-участник утверждает, что подача апелляции в Апелляционный суд (а также возможность подачи последующей кассационной жалобы в Верховный суд) является эффективным и довольно оперативным средством правовой защиты, которое не должно подменяться чрезвычайным защитным средством, предусмотренным в разделе 16 главы 7 Закона об иностранцах. Заявитель никак не доказал, что он не мог сослаться на возможность применения к нему пыток и вынесения

ему смертного приговора в ходе уголовного апелляционного процесса и что для этой цели ему потребовалось задействовать чрезвычайную процедуру.

4.5 Государство-участник считает, что заявитель в любом случае не смог для целей приемлемости обосновать свое утверждение о том, что по возвращении в Иран он рискует стать жертвой пыток. Государство-участник делает вывод о том, что в силу явной необоснованности сообщения оно является неприемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции, а также правилом 107 b) пересмотренных правил процедуры Комитета[c].

Комментарии заявителя по представлениям государства-участника

5.1 29 июня 2003 года заявитель, комментируя замечания государства-участника, указал, что он не обжаловал решение окружного суда, поскольку государственный прокурор предупредил его, что в этом случае он обжалует оправдательный приговор, вынесенный супруге заявителя, которой первоначально также были предъявлены обвинения в связанных с наркотиками правонарушениях, и что существует большая вероятность того, что по итогам рассмотрения дела в апелляционном порядке она не будет оправдана. Поскольку заявитель не хотел рисковать будущим своей супруги и своих детей, он был вынужден отказаться от своего права на подачу апелляции, которая в любом случае имела мало шансов на успех.

5.2 Заявитель повторяет свои аргументы в отношении тех опасностей, которым он лично может подвергнуться, и общего положения с правами человека в Иране. Он утверждает, что государство-участник не сможет гарантировать его безопасность в случае его возвращения в эту страну.

Дополнительное представление государства-участника и последующие комментарии заявителя

6.1 23 сентября 2003 года государство-участник отвергло как необоснованные утверждения заявителя относительно обстоятельств, заставивших его отказаться от своего права на обжалование решения окружного суда Норрчёпинга, и вновь подчеркнуло, что сообщение является неприемлемым в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции, поскольку не были исчерпаны внутренние средства правовой защиты, и в любом случае в соответствии с пунктом 2 статьи 22 Конвенции как явно необоснованное.

6.2 Государство-участник представило перевод выступления государственного прокурора в деле заявителя, свидетельствующего о том, что он никогда не обсуждал с заявителем своих намерений в отношении возможного обжалования решения окружного суда, поскольку: a) заявитель не говорит на шведском языке; b) он никогда не вступает в контакт с адвокатами, с тем чтобы не раскрывать перед ними свои намерения в отношении возможного обжалования; c) хотя он не исключает, что адвокат заявителя

связывался с ним, пытаясь выяснить, не рассматривает ли он возможность самостоятельного обжалования, он не помнит о подобных контактах; d) он был удовлетворен вынесенным заявителю приговором и постановлением о его выдворении и, взвесив все факты, решил не обжаловать вынесенный супруге оправдательный приговор; и e) он не смог бы обжаловать вынесенный супруге заявителя оправдательный приговор, если бы заявитель подал апелляцию на приговор и постановление о выдворении в последний день отведенного на это трехнедельного периода, поскольку в таком случае у обвинения не было бы дополнительной недели для того, чтобы подать встречное ходатайство об обжаловании оправдательного приговора.

7. В своем представлении от 9 октября 2003 года заявитель повторяет аргумент, изложенный в пункте 5.1 выше, и признает, что о намерении прокурора обжаловать вынесенный его жене оправдательный приговор в том случае, если бы он подал апелляцию на вынесенный ему приговор, ему, по всей видимости, сообщил его адвокат. Хотя адвокат не помнит, связывался ли он с прокурором по данному вопросу, сам прокурор в своем заявлении в Комитет не исключает такой возможности.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

8.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен решить, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В этой связи Комитет удостоверился, как того требует пункт 5 a) статьи 22 Конвенции, что этот вопрос не рассматривался и не рассматривается в рамках какой-либо другой процедуры международного расследования или урегулирования.

8.2 Комитет принял к сведению возражение государства-участника против признания сообщения приемлемым в соответствии с пунктом 5 b) статьи 22 Конвенции, поскольку заявитель не исчерпал внутренние средства правовой защиты. Он также принял к сведению представленное заявителем и оспариваемое государством-участником объяснение, согласно которому он не обжаловал вынесенный ему приговор, поскольку прокурор предупредил его, что в случае подачи заявителем апелляции против вынесенного ему окружным судом приговора и постановления о выдворении он обжалует оправдательный приговор, вынесенный супруге заявителя.

8.3 В то же время Комитету нет необходимости решать, исчерпал ли заявитель внутренние средства правовой защиты при обстоятельствах рассматриваемого дела, поскольку его утверждение о том, что в случае возвращения в Иран ему угрожают пытки из-за того, что до иранской революции 1979 года он служил в армии шаха, в отсутствие каких-либо доказательств является чистой спекуляцией, не отвечающей даже самым элементарным требованиям к обоснованию жалоб для целей определения их приемлемости. В этой связи в соответствии со статьей 22 Конвенции и правилом 107 b)

своих пересмотренных правил процедуры Комитет приходит к выводу, что сообщение является явно необоснованным[d] и, следовательно, неприемлемым.

9. Соответственно Комитет постановляет:

a) признать сообщение неприемлемым;

b) довести это решение до сведения государства-участника и заявителя.

Примечания

[a] Речь, в частности, идет о главе 4 шведского Закона об иностранцах (1989 год).

[b] European Commission of Human Rights, decision on the admissibility of application No. 36800/97 *(Heidari v. Sweden).*

[c] Государство-участник ссылается на сообщение № 216/2002, *Х.И.А. против Швеции*, решение о приемлемости, принятое 2 мая 2003 года, пункт 6.2.

[d] См. сообщение № 216/2002, *Х.И.А. против Швеции*, решение о приемлемости, принятое 2 мая 2003 года, пункт 6.2.

Сообщение № 236/2003

Представлено:	А.Т.А. (представлен адвокатом г-ном Клаусом-Францем Рюстом)
Предполагаемая жертва:	Заявитель
Государство-участник:	Швейцария
Дата представления жалобы:	23 сентября 2003 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 11 ноября 2003 года,

принимает следующее решение о приемлемости.

1. Заявителем является гражданин Того г-н А.Т.А. Он утверждает, что в результате высылки Швейцарией в Того ему будет угрожать применение пыток в нарушение статьи 3 Конвенции против пыток. Его представляет адвокат.

Факты в изложении заявителя

2.1 В 1996 году заявитель, принадлежащий к этническому меньшинству эве, присоединился к "Союзу сил за перемены" (ССП).

2.2 27 апреля 2000 года заявитель играл в футбольной команде ССП в матче против команды, представлявшей правящую политическую партию. Команда ССП выиграла, а заявитель забил решающий гол. В тот же вечер к нему домой пришли два солдата. Когда он попытался бежать, солдаты, по его словам, открыли по нему огонь, однако ему удалось скрыться.

2.3 Заявитель утверждает, что в Того служба безопасности, контролируемая этническим большинством кабие, совершает частые нарушения прав человека, национальной Конституции и внутригосударственных законов о защите прав и свобод граждан.

2.4 Заявитель покинул Того, прибыл в Европу и 30 мая 2000 года попросил убежище в Швейцарии. 11 октября 2000 года Федеральное управление по делам беженцев отклонило его ходатайство и приняло решение об его депортации из Швейцарии. 19 ноября 2001 года Комиссия по рассмотрению апелляций просителей убежища отклонила его

апелляцию и 15 июля 2003 года подтвердила решение Федерального управления по делам беженцев о депортации заявителя. 18 сентября 2003 года Комиссия по рассмотрению апелляций просителей убежища отклонила его ходатайство о пересмотре решения от 15 июля 2003 года.

Жалоба

3.1 Заявитель утверждает, что после его возвращения в Того он будет арестован и подвергнут пыткам за то, что он просил убежище в другой стране, а также за "публичное унижение правительства" во время футбольного матча.

3.2 Заявитель просит Комитет ходатайствовать о принятии временных мер защиты для приостановления выполнения решения швейцарских властей о депортации.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в жалобе, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данная жалоба приемлемой в соответствии со статьей 22 Конвенции.

4.2 Комитет отмечает, что информация, представленная заявителем в обоснование его жалобы, носит общий и расплывчатый характер и не свидетельствует о том, что в случае возвращения в Того лично заявителю будет угрожать какая-либо неминуемая опасность подвергнуться пыткам. Однако сообщение о членстве в политической партии, в данном случае ССП, и неконкретные утверждения о том, что в него стреляли, когда он пытался скрыться, не убеждают Комитет в том, что в случае жалобщика выполнены минимальные требования приемлемости. С учетом этих обстоятельств Комитет отмечает, что представленная заявителем жалоба не дает никаких оснований выдвигать претензии в связи с положениями Конвенции.

4.3 Поэтому, исходя из статьи 22 Конвенции и правила 107 b) его пересмотренных правил процедуры, Комитет полагает, что данная жалоба явно необоснованна и, следовательно, неприемлема.

5. Соответственно Комитет постановляет:

a) признать данную жалобу неприемлемой; и

b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

Сообщение № 243/2004

Представлено:	С.А. (представлен адвокатом г-ном Ингмаром Сальстрёмом)
Предполагаемая жертва:	С.А.
Государство-участник:	Швеция
Дата представления жалобы:	4 января 2004 года

Комитет против пыток, учрежденный в соответствии со статьей 17 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

на своем заседании 6 мая 2004 года,

завершив рассмотрение сообщения № 243/2004, представленного Комитету против пыток г-ном С.А. в соответствии со статьей 22 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания,

приняв во внимание всю информацию, представленную ему заявителем, его адвокатом и государством-участником,

принимает следующее решение о приемлемости:

1.1 Заявителем является г-н С.А., гражданин Бангладеш, родившийся 15 февраля 1966 года и в настоящее время проживающий в Швеции, где он обратился с просьбой о предоставлении убежища. Он утверждает, что его принудительное возвращение в Бангладеш[a] в том случае, если ему откажут в предоставлении статуса беженца, будет представлять собой нарушение Швецией статьи 3 Конвенции[b]. Заявитель представлен адвокатом.

1.2 21 января 2004 года Специальный докладчик по новым сообщениям отклонил просьбу заявителя в отношении применения временных мер.

Факты в изложении заявителя

2.1 Заявитель работал помощником секретаря Национальной партии Бангладеш (именуемой далее НПБ) в районе Сутрапур в Дакке. Он занимался организацией политических митингов, распространением листовок и других пропагандистских материалов в поддержку НПБ. Благодаря своей политической деятельности он стал

хорошо известной фигурой в Бангладеш. Его брат, который также принимал участие в политической деятельности, как сообщается, был убит сторонниками соперничающей политической партии "Народная лига" в январе 1996 года.

2.2 В 1997 году г-н С.А. принимал участие в демонстрации против "Народной лиги". Он был арестован вместе с несколькими другими лицами, и его предположительно пытали в течение двух дней. В сентябре 1999 года во время участия в митинге, организованном НПБ, он был вновь арестован и в течение пяти дней подвергался пыткам. Полицейские угрозами пытались заставить его прекратить политическую деятельность.

2.3 В феврале 2001 года заявитель предположительно был похищен сотрудниками полиции и сторонниками "Народной лиги". Ему завязали глаза, однако он знал, что похитители доставили его в полицейский участок района Сутрапур в Дакке. В течение трех дней содержания под стражей его подвергали пыткам, с тем чтобы заставить его прекратить политическую деятельность и убедить мать отозвать свое заявление по делу об убийстве его брата.

2.4 Заявитель утверждает, что группа сотрудников полиции пыталась застрелить его в марте 2001 года и что 17 октября 2000 года ему были предъявлены ложные обвинения в совершении убийства. Впоследствии он бежал в Швецию, где 11 апреля 2001 года обратился в Миграционный совет с просьбой о предоставлении ему убежища. 11 июня 2001 года его просьба была отклонена на основании отсутствия какого-либо риска преследования или пыток в случае его возвращения в Бангладеш и что предположительно ложные обвинения в убийстве будут в конечном счете сняты в ходе справедливого и объективного разбирательства. Его апелляция в Апелляционный совет по делам иностранцев была отклонена 25 ноября 2002 года.

2.5 В медицинской справке Центра кризисной травматологии (далее именуемом ЦКТ) от 19 февраля 2002 года указывалось, что обнаруженные на теле заявителя шрамы соответствуют описанным им видам пыток и что итоги обследования подтверждают, что заявитель подвергался пыткам. В еще одном документе ЦКТ указывается, что заявитель страдает синдромом посттравматического стресса. 14 марта 2002 года заявитель пытался совершить самоубийство, спрыгнув на рельсы перед поездом в метро. Он был сбит поездом, однако получил лишь легкие повреждения. После этого он был доставлен в больницу, где до мая 2002 года проходил курс психиатрического лечения.

Жалоба

3. По утверждению заявителя, имеются серьезные основания предполагать, что в случае его возвращения в Бангладеш в нарушение статьи 3 Конвенции он подвергнется пыткам. В обоснование своих опасений он ссылается на предыдущие случаи его задержания и применения к нему пыток в связи с его политической деятельностью и

предъявления ему ложных обвинений в убийстве. Он утверждает, что власти Бангладеш постоянно нарушают права человека, особенно права своих политических оппонентов и лиц, содержащихся под стражей.

Вопросы и процедура их рассмотрения в Комитете

4.1 Перед рассмотрением любых утверждений, содержащихся в сообщении, Комитет против пыток должен принять решение о том, является ли данное сообщение приемлемым в соответствии со статьей 22 Конвенции. В этом отношении Комитет удостоверился, как того требует пункт 5 a) статьи 22 Конвенции, что этот же вопрос не рассматривался и не рассматривается по какой-либо другой процедуре международного расследования или урегулирования.

4.2 Комитет отмечает, что основная причина опасений заявителя в отношении применения к нему пыток в случае его возвращения в Бангладеш состоит в том, что ранее он подвергался пыткам в связи с его членством в находящейся в то время в оппозиции партии НБП. Комитет отмечает, что основания, на которых заявитель предположительно был подвергнут пыткам, более не существуют, поскольку в настоящее время НБП находится у власти в Бангладеш. Кроме того, заявитель не представил информации или доводов в подтверждение того, что ему лично будет угрожать применение пыток, если он будет заключен в тюрьму по возвращении в Бангладеш. В свете вышесказанного Комитет считает, что заявление в том виде, в котором оно было сформулировано, не дает каких-либо оснований для подачи заявления в соответствии с положениями Конвенции.

4.3 В этой связи Комитет считает в соответствии со статьей 22 Конвенции и правилом 107 b) его пересмотренных правил процедуры, что данная жалоба является явно необоснованной, поскольку изложенные заявителем факты, если даже они соответствуют истине, не представляют собой случая, prima facie подпадающего под действие Конвенции. Таким образом, Комитет считает жалобу неприемлемой.

5. Поэтому Комитет постановляет:

a) признать данную жалобу неприемлемой; и

b) препроводить настоящее решение автору и, для информации, государству-участнику.

Примечания

[a] Для Бангладеш Конвенция вступила в силу 4 ноября 1998 года, однако это государство-участник еще не ратифицировало статью 22 Конвенции.

[b] Для Швеции Конвенция вступила в силу 26 июня 1987 года, и государство-участник ратифицировало положения, определяющие компетенцию Комитета по статье 22 Конвенции.